

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 4 • 2024

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

издательство «Проспект», Антонян Е. А., Бодров Н. Ф., Зайцев О. А., Редникова Т. В.

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягищев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Сарсенбаев Талгат Есеналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Августин Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Республика Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исмахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалапир Омрали Шакарпалулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

Маркарян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петракин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Росинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Семенов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Сквратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунашевский Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Мыскина Ксения Михайловна

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лefортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_ykk@mail.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2024. — № 4.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2024. — 216 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 15.12.2024. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26,5 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2024-3-232

Журнал «Союз криминалистов и криминологов» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 4 • 2024

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

ООО «Прспект», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Verleger:

Прспект

Der Chefredakteur:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Garban Vladimir Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademienmitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A. I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I. S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischini Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Prikhodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafalovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Forderung der Rechtstechnologie XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Iustinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Shevelva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechts Fakultät der Belorussischen Staats Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Myskina Ksenia Mikhailovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2024. — Nr. 4. Moskau: Gmbh „Verlag Prospekt“, 2024. — 216 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskommadsor)

registriert. Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 15.12.2024, in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26,5. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2024-3-232

Die Zeitschrift „Union der Forensiker und Kriminologen“ ist in die Liste der begutachteten wissenschaftlichen Publikationen aufgenommen, in denen die wichtigsten wissenschaftlichen Ergebnisse der Dissertationen für den Dokortitel, den Dokortitel und den Dokortitel veröffentlicht werden müssen.

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 4 • 2024

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

ООО «Прспект», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Publisher:

Прспект

The Editor-in-Chief:

Zhilkin Maxim Gennadiyevich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Buro member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klimeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Erevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Garban Vladimir Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Leiter des Sektors für Rechtsphilosophie, Geschichte und Theorie von Staat und Recht, Leiter des interdisziplinären Zentrums für philosophisch-rechtliche Studien am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Grishko Aleksandr Yakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunayev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I. S. Turgenev University (Orel, Russia)

Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Prikhodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebia Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Justinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryaev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Myskina Ksenia Mikhailovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2024. — No. 4.

Moscow: LLC «Publisher Prospekt», 2024. — 216 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 15.12.2024. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26,5. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2024-3-232

The journal "Union of Criminologists and Criminologists" is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жилкин Максим Геннадьевич

Терминологические и содержательные аспекты понятий, связанных с описанием использования цифровых технологий в уголовно-правовых отношениях7

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

Данилов Андрей Петрович

О Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 13

Крайнова Надежда Александровна

О криминологии наркорреальности сквозь призму теории противопреступной социализации..... 16

Милюков Сергей Федорович

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: его сторонники, противники, колеблющиеся 22

Тангиев Бахаудин Батырович

Эковиктимология (oikosvictimalogos): составной модуль экокриминологической трансдисциплинарно-мультимодальной концепции (частный экокриминовиктимологический пилотный проект). Часть 1 27

Харламов Валентин Станиславович

К юбилею профессора Д.А. Шестакова. Криминофамилистический взгляд на его просветительскую деятельность..... 34

Шестаков Дмитрий Анатольевич

О постлиберализме и философском методе в преступноведении 42

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Куликова Светлана Геннадьевна

«Апостол анархизма»: о роли бакунизма в идеологическом оформлении славянского национально-освободительного движения 40-х гг. XIX в..... 49

Харабет Константин Васильевич

А.С. Пушкин. Семья. Детство. Поступление в Лицей 58

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Гринченко Анастасия Николаевна

Теневой оборот культурных ценностей: угрозы экономической безопасности и механизмы борьбы 68

Кибальник Алексей Григорьевич

Новая концепция российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений 74

Нудель Станислав Львович, Горенская Елена Владимировна, Семькина Ольга Ивановна

Уголовно-правовая охрана отношений в сфере энергетики 78

Овчинников Сергей Николаевич

Уголовно-правовые средства обеспечения пенитенциарной политики 88

Серова Ольга Александровна, Писарев Георгий Анатольевич

Выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ как объект оценки правоохранительных и контролирующих органов 93

КРИМИНОЛОГИЯ

Данилов Андрей Петрович

Политическая криминология об активной фазе войны глобальной олигархической власти против России (2022 – настоящее время) 99

Мощанский Александр Борисович

Причина убийства членов Дома Романовых в 1918 году: попытка криминологического исследования. Часть 3 108

Троянов Ярослав Олегович, Белов Владислав Иванович

Некоторые показатели криминологической характеристики личности преступника в сфере ограничения конкуренции по ст. 178 УК РФ 117

КРИМИНАЛИСТИКА

Ворожцова Татьяна Петровна, Белов Владислав Иванович

К вопросу использования интеллектуальной модели прогнозирования раскрываемости «Виктория» применительно к наркопреступлениям 122

Бодров Николай Филиппович,

Лебедева Антонина Константиновна
Судебно-экспертное противодействие дипфейк-дезинформации 129

Чернышев Кирилл Александрович

Назначение и оценка судебных экспертиз с использованием нейросетей 143

Чистилина Анастасия Сергеевна

К вопросу о перспективах интеграции систем машинного обучения в судебно-экспертную практику: проблемы и прогнозы 157

КОНФЕРЕНЦИИ

Долгополов Кирилл Андреевич,

Кузьминов Денис Александрович
Обзор круглого стола «Укрепление законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью» 166

Лебедева Екатерина Алексеевна

Обзор заседания круглого стола «Актуальные вопросы предупреждения киберправонарушений» 175

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ

КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Топильская Елена Валентиновна

«Публике спина маньяка интереснее лица оперативника». Послесловие Елены Топильской 181

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 189

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 216

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

<i>Zhilkin M.G.</i> Terminologische und inhaltliche Aspekte von Konzepten zur Beschreibung des Einsatzes digitaler Technologien in strafrechtlichen Beziehungen.....	7
---	---

ST. PETERSBURGER INTERNATIONALER KRIMINOLOGISCHER KLUB

<i>Danilov A.P.</i> Über den Internationalen Kriminologischen Club St. Petersburg.....	13
---	----

<i>Krainova N.A.</i> Zur Kriminologie der Drogenrealität durch das Prisma der Theorie der antikriminellen Sozialisierung.....	16
--	----

<i>Milyukov S.F.</i> St. Petersburger Internationaler kriminologischer Klub: seine Befürworter, Gegner und Zögerer.....	22
--	----

<i>Tangiev B.B.</i> Ökovictimologie (oikosvictimologos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (besonderes ökokriminovictimologisches Pilotprojekt). Teil 1.....	27
---	----

<i>Kharlamov V.S.</i> Zum Jubiläum von Professor D.A. Shestakov. Eine familienkriminologische Betrachtung seiner Bildungsaktivitäten.....	34
--	----

<i>Shestakov D.A.</i> Über den Post-Liberalismus und die philosophische Methode in der Kriminalwissenschaft.....	42
---	----

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

<i>Kulikova S.G.</i> „Der Apostel des Anarchismus“: zur Rolle des Bakunismus bei der ideologischen Ausgestaltung der slawischen nationalen Befreiungsbewegung in den 40er Jahren des 19. Jahrhunderts.....	49
---	----

<i>Kharabet K.V.</i> A.S. Puschkin. Familie. Kindheit. Eintritt ins Lyzeum.....	58
--	----

STRAFRECHT

<i>Grinchenko A.N.</i> Schwarzumsatz von Kulturgut: Bedrohung der wirtschaftlichen Sicherheit und Gegenmaßnahmen.....	68
--	----

<i>Kibalnik A.G.</i> Ein neues Konzept der russischen Strafrechtspolitik im Bereich des Schutzes der sexuellen Beziehungen.....	74
--	----

<i>Nudel S.I., Gorenskaya E.V., Semykina O.I.</i> Strafrechtlicher Schutz der Beziehungen im Energiesektor.....	78
--	----

<i>Ovchinnikov S.N.</i> Strafrechtliche Mittel zur Durchsetzung der Strafvollzugspolitik.....	88
--	----

<i>Serova O.A., Pisarev G.A.</i> Durchführung von Forschungs- und Entwicklungsarbeiten als Gegenstand der Bewertung durch Strafverfolgungs- und Kontrollbehörden.....	93
--	----

KRIMINOLOGIE

<i>Danilov A.P.</i> Politische Kriminologie über die aktive Phase des Krieges der globalen oligarchischen Macht gegen Russland (2022 – heute).....	99
---	----

<i>Moshchansky A.B.</i> Der Grund für die Ermordung von Mitgliedern des Hauses Romanow im Jahr 1918: ein Versuch einer kriminologischen Forschung. Teil 3.....	108
---	-----

<i>Troyanov Ya.O., Belov V.I.</i> Einige Kennzahlen der kriminologischen Beurteilung der Persönlichkeit eines Straftäters im Bereich der Wettbewerbsbeschränkung gemäß Art. 178 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.....	117
---	-----

KRIMINALISTIK

<i>Vorozhtsova T.P., Belov V.I.</i> Die Verwendung des Miningmodells der Aufklärungsprognose „Victoria“ in Bezug auf Drogendelikte.....	122
--	-----

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

<i>Bodrov N.F., Lebedeva A.K.</i> Forensische Bekämpfung der Deepfake-Desinformation.....	129
--	-----

<i>Chernyshev K.A.</i> Anordnung und Bewertung von forensischen Untersuchungen mit Hilfe neuronaler Netze.....	143
---	-----

<i>Chistilina A.S.</i> Zu den Perspektiven der Integration maschineller Lernsysteme in die forensische Praxis: Probleme und Prognosen.....	157
---	-----

KONFERENZEN

<i>Dolgoplov K.A., Kuzminov D.A.</i> Überblick zum Runden Tisch „Stärkung von Recht und Ordnung in der Kriminalitätsbekämpfung“.....	166
---	-----

<i>Lebedeva E.A.</i> Überblick über die Sitzung des Runden Tisches „Aktuelle Probleme bei der Prävention von Cyberkriminalität“.....	175
---	-----

AUTHOR OF CRIMINALISTIC AND CRIMINOLOGICAL LITERATURE

<i>Topilskaya E.V.</i> „Die Öffentlichkeit interessiert sich mehr für den Rücken eines Wahnsinnigen ist interessanter als das Gesicht eines Agenten“. Nachwort von Elena Topilskaya.....	181
---	-----

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN.....	191
-------------------------------------	-----

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....	195
--------------------------------------	-----

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN.....	216
---	-----

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Zhilkin M.G.

The purpose of the article is to analyze and substantiate the need to unify the terminological apparatus in criminal-legal relations related to the use of digital technologies7

ST. PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGICAL CLUB

Danilov A.P.

About the St. Petersburg International Criminological Club.....13

Krainova N.A.

On the criminology of drug reality through the prism of the theory of counter-criminal socialization16

Milyukov S.F.

Petersburg International Criminological Club: its supporters, opponents, hesitators.....22

Tangiev B.B.

Ecovictimology (oikosvictimologos): an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-crimino-victimological pilot project). Part 127

Kharlamov V.S.

For the anniversary of Professor D.A. Shestakov. A. criminophilic view of his educational activities34

Shestakov D.A.

On post-liberalism and the philosophical method in crime studies42

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Kulikova S.G.

"The Apostle of Anarchism": on the role of Bakunism in the ideological design of the Slavic national liberation movement of the 40s of the nineteenth century49

Kharabet K.V.

Pushkin. Family. Childhood. Admission to the Lyceum58

CRIMINAL LAW

Grinchenko A.N.

Shadow circulation of cultural property: threats to economic security and mechanisms of struggle68

Kibalnik A.G.

New concept of Russian criminal law policy in the sphere of protection of sexual relations.....74

Nudel S.I., Gorenskaya E.V., Semykina O.I.

Criminal-legal protection of relations in the energy sector.....78

Ovchinnikov S.N.

Criminal legal means of ensuring criminal policy88

Serova O.A., Pisarev G.A.

Carrying out research and development work as an object of assessment by law enforcement and regulatory authorities.....93

CRIMINOLOGY

Danilov A.P.

Political Criminology on the Active Phase of the War of the Global Oligarchic Power against Russia (2022 – present)99

Moshchansky A.B.

Der Grund für die Ermordung von Mitgliedern des Hauses Romanow im Jahr 1918: ein Versuch einer kriminologischen Forschung. Teil 3 108

Troyanov Ya.O., Belov V.I.

Some indicators of criminological characteristics of the personality of a criminal in the sphere of restriction of competition under Art. 178 of the Criminal Code of the Russian Federation.....117

CRIMINALISTICS

Vorozhtsova T.P., Belov V.I.

Application of the intelligent detection prediction model "Victoria" towards drug offenses 122

JUDICIAL-FORENSIC ACTIVITY

Bodrov N.F., Lebedeva A.K.

Forensic countering of deepfake disinformation 129

Chernyshev K.A.

Appointment and evaluation of forensic examinations using neural networks 143

Chistilina A.S.

On the prospects of integrating machine learning systems into forensic practice: problems and forecasts157

CONFERENCES

Dolgoplov K.A., Kuzminov D.A.

Review of the round table "Strengthening law and order in the field of fighting crime"..... 166

Lebedeva E.A.

Overview of the round-table meeting "Topical issues of preventing cyber violations" 175

AUTOR KRIMINALISTISCHER UND KRIMINOLOGISCHER LITERATUR

Topilskaya E.V.

"The public is more interested in the back of a maniac is more interesting than the face of an operative". Afterword by Elena Topilskaya..... 181

ABOUT THE AUTHORS 193

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 206

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"..... 216

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПИСАНИЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Жилкин Максим Геннадьевич

***Цель:** проанализировать и обосновать необходимость унификации терминологического аппарата в уголовно-правовых отношениях, связанных с использованием цифровых технологий. Исследование направлено на выявление недостатков текущей терминологии в УК РФ и предложение путей ее усовершенствования для более точной квалификации преступлений и эффективной правоприменительной практики.*

***Методология:** включает анализ нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые технологии и их применение в уголовной сфере, сравнительное правоведение, а также системный подход к оценке терминологии. В статье также используется контент-анализ существующих научных публикаций по киберпреступлениям и цифровым общественным отношениям.*

***Выводы.** В статье делается вывод о том, что терминология, применяемая в УК РФ для описания преступлений с использованием цифровых технологий, является разрозненной и требует унификации. Предлагается заменить фрагментарные термины на более всеобъемлющее понятие «преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий», а также включить этот признак в перечень отягчающих наказание обстоятельств. Это улучшит правоприменительную практику и позволит адаптировать законодательство к стремительному развитию цифровых технологий.*

***Научная и практическая значимость.** Научная значимость исследования заключается в разработке системного подхода к терминологии киберпреступлений, что позволит устранить правовые неясности и улучшить теоретические основы квалификации преступлений в цифровой сфере. Практическая значимость заключается в том, что предложенные изменения могут повысить эффективность работы правоохранительных органов и судов при рассмотрении дел, связанных с цифровыми преступлениями, а также обеспечить защиту прав граждан и организаций в условиях цифровизации.*

***Ключевые слова:** киберпреступления, цифровые технологии, уголовно-правовые отношения, терминология, информационные сети, квалификация преступлений, правоприменение, законодательство, унификация терминов, правовая ответственность, цифровизация, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

В этом году состоялось несколько важных научных событий, на которых обсуждались проблемы, связанные с цифровой преступностью. Я имел возможность принять участие в некоторых из них. Одним из таких мероприятий стал Форум права цифровой безопасности, организованный МГИМО в апреле в Москве. Кроме того, в сентябре в Казани прошла третья международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право». Участие в этих научно-представительских

мероприятиях натолкнуло меня на мысль о том, что сегодня мы много говорим о цифровизации, цифровых технологиях и других подобных вещах, но при этом не уделяем должного внимания терминологии, используемой как в нашем научном дискурсе, так и в законодательстве. В результате размышлений над этой проблемой родилась настоящая статья, которую я представляю на ваш суд.

Современные условия глобальной цифровизации приводят к тому, что более половины всех

преступлений совершаются в киберпространстве или с использованием цифровых технологий. Исследователи отмечают наличие «критической угрозы информационной безопасности государства и гражданского общества» [1, с. 39]. Преступления в киберсреде охватывают широкий спектр противоправных действий: от хакерских атак и краж данных до мошенничества и распространения вредоносных программ. В последнее время получили распространение новые формы криминального воздействия на население с использованием так называемых дипфейков. Массовость этих преступлений, их глобальный характер и анонимность представляют значительные вызовы для правовых систем всех стран.

В то время как традиционные преступления ограничены конкретными географическими пределами, киберпреступления часто не знают границ, что усложняет процесс их расследования и преследования виновных. Использование цифровых технологий позволяет злоумышленникам совершать преступления одновременно в разных юрисдикциях, создаются условия для транснациональной преступной деятельности.

Преступления, совершаемые в киберпространстве, способны причинить ущерб большому числу лиц одновременно. Например, утечка данных с одного сервера может затронуть миллионы пользователей по всему миру. В цифровой среде противоправные действия имеют возможность распространяться мгновенно. Хакерская атака способна вывести из строя инфраструктуру компании или целого государства за считанные секунды. В киберпространстве преступники часто действуют анонимно, используя сложные методы маскировки и шифрования, что затрудняет их идентификацию и преследование. Киберпреступления редко ограничиваются одной страной или регионом. Например, преступник может находиться в одной стране, а жертвы — в другой, что создает сложности в координации действий правоохранительных органов разных государств.

Такие факторы, как скорость распространения, анонимность, транснациональный характер, усиливают общественную опасность киберпреступлений, несмотря на их массовость. Даже в случае распространенности и привычности этих преступлений каждое из них потенциально несет в себе серьезную угрозу как для отдельных граждан, так и для общества и государства.

Как отметил министр внутренних дел Владимир Колокольцев на заседании Общественного совета при МВД России 24 сентября 2024 г., киберпреступность стала одной из ключевых проблем

современного общества, что требует адекватных и своевременных мер со стороны законодателя. За последние пять лет количество преступлений в киберпространстве увеличилось более чем вдвое, достигнув 40% всех правонарушений. В сегменте тяжких и особо тяжких преступлений этот показатель уже приближается к 60%. В результате преступных действий в цифровой сфере страдают не только граждане, но и юридические лица, включая государственные структуры, что наносит значительный ущерб экономике и имущественным правам (Петров И. *За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policia-v-seti.html> (дата обращения: 26.09.2024)).*

В ответ на этот вызов законодатель предпринимает шаги по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), используя различные терминологические конструкции для описания преступлений, усиливающих уголовную ответственность за деяния, связанные с цифровыми технологиями. Однако, несмотря на важность таких изменений, стремление успеть за быстрым развитием цифровой среды часто приводит к созданию фрагментарных уголовно-правовых норм, не всегда соответствующих требованиям системности и логической целостности понятийного аппарата.

На сегодняшний день УК РФ использует множество терминов для описания преступлений, связанных с цифровыми технологиями. Однако эти термины не всегда структурированы и введены без единого подхода. Такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации», «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», «преступления, совершенные с использованием электронных средств» часто дублируют друг друга, охватывая пересекающиеся виды преступлений. Исследователи отмечают, что такая ситуация требует более последовательного и унифицированного подхода к терминологии в уголовно-правовой сфере, особенно в условиях стремительного развития цифровых технологий [2, с. 60].

Такое разнообразие терминов создает ситуацию, при которой нет четкой систематизации этих преступлений по типам и методам их совершения. Это затрудняет как теоретическую разработку правовых основ борьбы с киберпреступностью, так и практическую реализацию норм на уровне правоприменения.

Одной из ярких иллюстраций этой разрозненности является использование понятий, исполь-

зуемых для отражения признаков квалифицированных составов преступлений: «совершенное... в информационно-телекоммуникационных сетях» (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ и др.) и «совершенное... с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (ч. 2 ст. 1102, ч. 2 ст. 1281, п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ и др.). Хотя на первый взгляд эти термины могут показаться схожими, их объем и содержание различаются, что приводит к путанице.

Преступление, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях, подразумевает, что преступление совершается непосредственно в этих сетях, например, публичная демонстрация процесса убийства или жестокого обращения с животными. Здесь преступление происходит как в реальной действительности, так и в цифровом пространстве, а сеть является не просто инструментом, а непосредственной средой для его совершения.

Преступление, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, охватывает более широкий спектр действий. Здесь сеть выступает как средство, инструмент, через который осуществляется преступление. Примером может быть незаконная продажа наркотиков через Интернет. В данном случае сеть не является местом совершения преступления, а используется как канал для реализации преступных намерений.

Различия в объеме и содержании понятий создают сложности для правоприменителей. На практике возникает вопрос: как правильно квалифицировать преступление, если сеть использовалась только частично, например, для передачи команд или скрытия следов? Какую именно норму следует применять? Отсутствие четких критериев приводит к тому, что одно и то же деяние может быть интерпретировано по-разному в зависимости от используемого термина.

Например, преступление, при котором Интернет использовался для координации действий участников преступления (но само преступление произошло офлайн), можно рассматривать как преступление с использованием сети, а можно и как деяние в сфере компьютерной информации, что влечёт различные правовые последствия. Судебные инстанции и правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью дополнительных разъяснений, что затягивает процесс правоприменения и приводит к ошибкам в оценке обстоятельств дела. Отсутствие четкой и системной терминологии затрудняет также сбор статистики и анализ преступлений в цифровой среде.

Для решения этих проблем важно пересмотреть и унифицировать терминологию, связанную с преступлениями, совершаемыми с использованием цифровых технологий. Термины должны быть четко определены, чтобы они охватывали весь спектр киберпреступлений и не оставляли места для разночтений. Унификация терминологии позволит не только облегчить процесс квалификации преступлений, но и повысить эффективность борьбы с киберпреступностью в условиях стремительного развития технологий.

Необходимость новой терминологии продиктована еще и тем, что современные преступления в цифровой среде могут быть связаны как с информационными технологиями, так и с телекоммуникационными и другими инновациями (например, Интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн и т.д.). Однако терминология уголовного законодательства Российской Федерации в части киберпреступлений зачастую не отражает всех аспектов этих процессов. Законодательство, описывающее преступления в цифровой среде, на сегодняшний день включает фрагментарные и устаревшие формулировки, которые не соответствуют современным реалиям. Например, формулировки «преступления в сфере компьютерной информации» или «преступления в информационно-телекоммуникационных сетях» не учитывают стремительное развитие новых технологий и не охватывают все возможные способы совершения преступлений с использованием цифровых средств. Так, преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта или других сквозных цифровых технологий, напрямую не подпадают под данные формулировки, что создает правовые пробелы.

Существующие термины слишком узко сфокусированы на отдельных аспектах цифровых технологий, таких как компьютерные сети, информационные ресурсы или телекоммуникационные сети. В реальности, однако, многие преступления затрагивают сразу несколько аспектов цифровых технологий, что делает невозможным их адекватную квалификацию с использованием узких понятий.

Так, например, преступления с использованием технологий блокчейн или смарт-контрактов не охватываются традиционными терминами «компьютерная информация» или «информационные сети», а преступления, совершаемые с применением технологий искусственного интеллекта (например, генерация фейковых изображений, фальшивых новостей), требуют отдельного подхода к их квалификации. Взаимодействие между

Интернетом вещей и киберпреступлениями открывает новые возможности для незаконных действий, которые трудно подвести под существующие законодательные нормы.

В условиях цифровой трансформации правоприменительная практика нуждается в более емких и всеохватывающих терминах. Одним из таких предложений является замена существующих узких терминов на более широкое и актуальное понятие, такое как «совершение преступлений с использованием цифровых технологий» [3, с. 151]. Этим понятием охватываются противоправные деяния, при которых цифровые технологии, информационно-коммуникационные сети, программное обеспечение или устройства используются как средство, инструмент или объект для совершения действий, нарушающих правопорядок и представляющих опасность в сфере общественных отношений.

Это новое понятие охватывает весь спектр технологий, унифицирует правовое регулирование и снимает вопросы о том, как правильно квалифицировать те или иные преступления, если в них используются современные технологии, упрощает правоприменение, устраняя необходимость в дробных и многозначных формулировках и давая судам более четкие и однозначные нормы для работы.

Введение универсальной формулировки «совершение преступлений с использованием цифровых технологий» позволит правоприменительным органам:

а) адекватно охватывать все виды так называемых цифровых преступлений, которые могут использовать различные технологии и каналы, не ограничиваясь компьютерами или телекоммуникациями;

б) учесть специфику новых преступлений, таких как взлом систем искусственного интеллекта, манипуляции с данными в блокчейн-сетях или атаки на Интернет вещей;

в) убрать правовые пробелы и противоречия в законодательстве, которые возникают из-за использования узких и устаревших понятий.

Таким образом, терминология, использующая широкое понятие «преступления с использованием цифровых технологий», позволит более эффективно и последовательно регулировать преступления в условиях цифровизации общества. Это обеспечит охват как текущих, так и будущих угроз, связанных с использованием самых различных технологий, и облегчит процесс правоприменения, избегая ситуаций, когда одно и то же преступление может быть квалифици-

ровано по-разному из-за использования разных терминов в законе.

Вместе с тем на сегодняшний день в УК РФ уже внесены изменения, включая последние поправки от 8 августа 2024 г., которые добавили еще 10 к имеющимся 36 составам преступлений с квалифицирующим признаком, указывающим на совершение преступлений с использованием цифровых технологий, а также установили подобное отягчающее наказание обстоятельство в ст. 63 УК РФ. Эти изменения отразили необходимость адаптации законодательства к современным вызовам цифровой эпохи и признали повышенную общественную опасность киберпреступлений. Однако, несмотря на такие шаги, существующая структура законодательства остается несистемной, поскольку признаки использования цифровых технологий дублируются в отдельных статьях Особенной части УК РФ и описаны с помощью разных по объему и содержанию терминов.

Кроме того, текущее положение, при котором признаки совершения преступлений с использованием цифровых технологий включаются непосредственно в квалифицирующие признаки для отдельных составов преступлений, создает несколько проблем.

В частности, включение квалифицирующих признаков в отдельные составы преступлений делает их применимыми только для этих конкретных преступлений. Это ограничивает возможность учитывать влияние цифровых технологий в других составах преступлений, где эти признаки могут быть также релевантны. А постоянное расширение списка составов преступлений с упоминанием цифровых технологий затрудняет правоприменение. Судьям и следственным органам приходится искать подходящие квалифицирующие признаки в разных статьях, что увеличивает риск ошибок в квалификации.

С учетом вышеперечисленных проблем предлагается изменить подход к описанию в уголовном законе киберпреступлений, исключив отдельные признаки использования цифровых технологий из квалифицированных составов преступлений в Особенной части УК РФ. Вместо этого целесообразно включить совершение преступлений с использованием цифровых технологий в перечень отягчающих обстоятельств, установленных ст. 63 УК РФ. Признание использования цифровых технологий отягчающим наказанием обстоятельством даст возможность судам самостоятельно оценивать его значимость в каждом конкретном случае. Введение единого отягчающего признака для

преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, позволит законодательству быть более гибким и готовым к дальнейшему развитию технологий. Это предотвратит необходимость регулярного пересмотра отдельных составов преступлений в условиях быстрого изменения цифровой среды.

Рассматривая частные вопросы о терминологии уголовного закона в сфере уголовно-правовых правоотношений, нельзя не выйти на более общую проблему терминологического разброда в российских правовых актах. Согласно позиции автора, термины, применяемые в законодательстве, должны быть четко унифицированы и использоваться исключительно в соответствии с определениями, закрепленными в отраслевом законодательстве, регулирующем ту или иную сферу общественных отношений. В случае цифровой сферы это означает, что термины, используемые в уголовном праве, должны соответствовать тем определениям, которые даны в федеральных законах, регулирующих цифровые технологии, информационные сети и иные сопутствующие вопросы.

В настоящее время в различных нормативных актах РФ используются разнообразные термины для описания киберпреступлений, что создает правовую неопределенность и дублирование понятий. Например, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также другие акты используют такие термины, как «информационно-телекоммуникационные сети», «компьютерная информация», «электронные сети». Однако они могут толковаться по-разному в зависимости от контекста применения, что затрудняет правоприменение и приводит к разночтениям.

Следует согласиться с исследователями в области правовой лингвистики, что унификация нормативных правовых терминов является основополагающим условием для создания последовательной и непротиворечивой системы правовой терминологии, что способствует повышению качества нормативных актов и эффективности правового регулирования [4, с. 166].

В связи с этим предлагается принять специальный закон, направленный на устранение правовой неопределенности и обеспечение единообразия в правоприменении, который позволит согласовать и унифицировать использование терминов в различных отраслях законодательства. Принятие такого закона будет особенно важно в контексте регулирования цифровой сферы, где размытость и несогласованность терминов может приводить

к правовым пробелам и затруднениям в правоприменении.

Предлагаемая формулировка закона: «Закон о единообразии терминологии в законодательстве Российской Федерации».

В предлагаемом законе должны быть зафиксированы базовые принципы об обязательности толкования термина и о едином толковании для всех форм термина.

Во-первых, в случае, если в каком-либо законодательном акте содержится толкование определенного термина, такое толкование является обязательным и применяется ко всем нормативно-правовым актам Российской Федерации, затрагивающим соответствующую область общественных отношений.

Во-вторых, аналогичное толкование применяется к любой иной грамматической форме данного термина, если иное не предусмотрено прямо в законодательном акте, содержащем толкование.

В-третьих, если в тексте одного закона содержится ссылка на другой закон, применяется редакция упомянутого закона, действующая на момент необходимости применения соответствующей нормы.

В настоящем законе необходимо дать следующие разъяснения основных понятий, обеспечивающих единообразие:

«Право» — система общеобязательных, формально-определенных правил поведения, установленных и обеспечиваемых государством.

«Закон» — нормативно-правовой акт, принимаемый высшим представительным органом государственной власти и регулирующий общественные отношения.

«Законодательство» — совокупность законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих конкретные общественные отношения.

«Толкование» — процесс уяснения и разъяснения смысла и содержания правовых норм в правоприменительной практике.

Предлагаемый закон должен обеспечить четкость правовых терминов, обязательность их унификации и гибкость законодательства, что позволит устранить правовые неопределенности, повысить согласованность нормативных актов и улучшить правоприменительную практику в условиях стремительного развития технологий.

Следует отметить, что о необходимости законодательного закрепления особых требований к обоснованию законопроектов для повышения качества законотворчества в уголовно-правовой сфере с учетом их соотносимости с социальными реалиями писал в нашем журнале И. В. Савельев

[5, с. 26–30]. Хотя его предложения касались иной сферы законотворчества, общий посыл о необходимости нормативно-правового регулирования процесса разработки и применения законодательства представляется обоснованным и требует поддержки.

В качестве вывода. Цифровая трансформация общества создает новые вызовы для уголовно-правовых отношений, требующие адаптации законодательства к стремительному развитию технологий. Перспективы развития уголовно-правовых норм в сфере киберпреступности зависят от создания целостной и унифицированной системы понятий, которая будет закреплена как на уровне отраслевого законодательства, так и в отдельном законе о толковании терминов. Та-

кой шаг позволит устранить дублирование и правовые пробелы, обеспечит более точное и гибкое правоприменение, а также повысит готовность законодательства к дальнейшему развитию цифровых технологий. Принятие новых норм, связанных с искусственным интеллектом, Интернетом вещей и квантовыми технологиями, позволит эффективнее защищать права граждан и интересы государства в условиях цифровой трансформации. Унификация терминологии будет способствовать созданию более последовательной и эффективной системы противодействия киберпреступности, обеспечивая единообразие в правоприменительной практике и лучшую защиту интересов граждан и организаций в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 39–53.
2. Перина А. С. Цифровые преступления против личности: проблемы юридической техники // Российский юридический журнал. 2023. № 3. С. 60–69.
3. Шишкин Р. В. Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий: проблемы противодействия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 148–153.
4. Фомина Л. Ю. Нормативная правовая терминология: современное состояние и вопросы унификации // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 158–168.
5. Савельев И. В. Особые требования к обоснованию инициатив о криминализации и пенализации: на пути к стабилизации законотворчества в уголовно-правовой сфере // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 26–30.

References

1. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Kiberprestupnost' i tsifrovaya transformatsiya [Cybercrime and Digital Transformation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya [Theoretical and Applied Law]*, 2021, no. 1, pp. 39–53. (In Russian, abstract in English)
2. Perina A. S. Tsifrovye prestupleniya protiv lichnosti: problemy yuridicheskoi tekhniki [Digital crimes against the person: problems of legal technique]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian juridical journal]*, 2023, no. 3, pp. 60–69. (In Russian, abstract in English)
3. Shishkin R. V. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologii: problemy protivodeistviya [Crimes committed with the use of digital technologies: problems of counteraction]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2022, no. 4, pp. 148–153. (In Russian, abstract in English)
4. Fomina L. Yu. Normativnaya pravovaya terminologiya: sovremennoe sostoyanie i voprosy unifikatsii [Normative legal terminology: current state and issues of unification]. *Yurislingvistika [Jurislinguistics]*, 2007, no. 8, pp. 158–168. (In Russian, abstract in English)
5. Savel'ev I. V. Osobyie trebovaniya k obosnovaniyu initsiativ o kriminalizatsii i penalizatsii: na puti k stabilizatsii zakonotvorchestva v ugovovno-pravovoi sfere [Special requirements for the justification of criminalization and penalization initiatives: towards stabilizing lawmaking in the criminal legal sphere]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2024, no. 1, pp. 26–30. (In Russian, abstract in English and German)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

О САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

Данилов Андрей Петрович

***Цель:** представить читателям информацию о возникновении и деятельности Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, его влиянии на развитие отечественной и мировой криминологии.*

***Методология:** анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Санкт-Петербургский международный криминологический клуб является одной из ведущих в России криминологических организаций, проводит значимые для науки и практики исследования и научные мероприятия.*

***Научная и практическая значимость.** В клубе освещаются вопросы общей криминологической теории Х. Д. Аликперовым (Азербайджанская Республика), Г. Н. Горшенковым, Д. А. Шестаковым и др. Уделяется внимание «праву безопасности», его коллизии с уголовным правом (У. Зибер, Н. В. Шедрин и др.). Члены клуба поддерживают развитие новых отраслей криминологии: семейной (В. С. Харламов, Д. А. Шестаков), политической (А. П. Данилов, П. А. Кабанов, Д. А. Шестаков), экологической (Б. Б. Тангиев), криминологии закона (Д. А. Шестаков) и др.*

***Ключевые слова:** криминология, криминологический клуб, отрасли криминологии, Санкт-Петербург, профессор Шестаков.*

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб действует с 1981 г. [1]. Появлению клуба предшествовали криминологические семинары, проводимые на кафедре уголовного права СПбГУ (тогда ЛГУ) М. Д. Шаргородским, Н. С. Лейкиной, затем Д. А. Шестаковым, по инициативе которого учрежден клуб. Одновременно с клубом в СПбГУ была создана криминологическая лаборатория, организационно обеспечивающая его деятельность.

В 2001 г. в связи с уходом Д. А. Шестакова из СПбГУ клуб и криминологическая лаборатория переместились в РГПУ им. А. И. Герцена на юридический факультет, возглавляемый заслуженным деятелем науки РФ В. Ю. Сморуновой.

Клуб — это научное объединение криминологов Санкт-Петербурга, России, других стран СНГ и многих иных государств мира. В клубе проявляют себя криминологи Азии, Америки, Африки, Европы; его почетные профессора — неоднократно выступавшие в клубе Ханс-Йорг Альбрехт (Фрайбург, ФРГ); Яков Ильич Гишинский (Санкт-Петербург, Россия), Эдвард Гондолф (Пенсильвания, США), Геннадий Николаевич Горшенков (Нижегород, Россия), Салман Умарович Дикаев (Санкт-Петербург, Россия), Ульрих Зибер (Фрайбург, ФРГ), Хельмут Кури (Фрайбург, ФРГ), Семен Яковлевич Лебедев (Москва, Россия), Сергей Федорович Милуков (Санкт-Петербург, Россия), Валентин Станиславович Харламов (Санкт-

Петербург, Россия), Дмитрий Анатольевич Шестаков (почетный президент Клуба) (*Почетные профессора Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/obschie-kriminologicheskie-novosti/pochetnye-professora-kluba> (дата обращения: 14.10.2024)*).

Президентом клуба с 2001 по 2009 г. был Д. А. Шестаков. Затем в этом качестве выступал С. У. Дикаев. 2 марта 2012 г. президентом вновь избран Д. А. Шестаков. Клуб, журнал клуба «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и невско-волжская школа преступных подсистем тесно взаимосвязаны, образуя триединство. Клуб и журнал служат дискуссионной площадкой для обсуждения положений, выдвигаемых школой. Оперативное управление клубом осуществляет его совет, в который наряду с президентом клуба входят А. П. Данилов, С. У. Дикаев, Н. А. Крайнова, С. Ф. Милуков, В. С. Харламов. До конца своих дней в совете работал А. В. Комарницкий.

Цели клуба:

- углубление знаний о преступности и противодействии ей;
- выявление преступных опасностей для России, препятствующих восстановлению надлежащего ей места в мире, сбережению ее ресурсов, устройству жизни основной массы ее населения;
- совершенствование и расширение преподавания криминологии;
- распространение криминологических знаний для использования в интересах человека;
- внедрение противопреступных установок в школьное и дошкольное воспитание.

В клубе освещаются вопросы общей криминологической теории Х. Д. Аликперовым (Азербайджанская Республика), Г. Н. Горшенковым, Д. А. Шестаковым и др. Уделяется внимание «праву безопасности», его коллизии с уголовным правом (У. Зибер, Н. В. Щедрин и др.). Члены клуба поддерживают развитие новых отраслей криминологии: семейной (В. С. Харламов, Д. А. Шестаков), политической (А. П. Данилов, П. А. Кабанов, Д. А. Шестаков), экологической (Б. Б. Тангиев), криминологии закона (Д. А. Шестаков) и др. Проблемами экономической криминологии активно занимался почетный профессор клуба В. В. Колесников. С докладом, посвященным криминологии сферы культуры, выступил Л. В. Головкин. Под криминологическим углом зрения освещаются вопросы нравственности (В. Г. Шарыгин) и духовности (Д. А. Шестаков).

Уделяется в клубе внимание и вопросам частной криминологии, в том числе противодействию

наркопреступности (Л. В. Готчина, Г. В. Зазулин), преступлениям несовершеннолетних (А. В. Комарницкий, О. В. Лукичев, Л. М. Прозументов).

Клуб предоставляет возможность повышения криминологической квалификации. Имеется опыт длительных стажировок в клубе докторантов из ФРГ и Великобритании. Библиотека клуба располагает изданиями по всем ключевым вопросам науки о преступности, поступающими из разных стран.

Журнал клуба. 16 марта 2001 г. при поддержке юридического факультета СПбГУ клубом издан первый номер первого в истории России криминологического журнала «Криминология в развитии» (главный редактор — Д. А. Шестаков, ответственный секретарь — В. Н. Бурлаков). В подготовке номера важную роль сыграли В. Н. Никитенко и А. Л. Сморгунова. Младенчество журнала оказалось непростым. Выпуск первого номера совпал по времени с уходом его главного редактора с юридического факультета СПбГУ. Затем журнал был переименован. Теперь он издается под названием «Криминология: вчера, сегодня, завтра». В свое время над ним потрудились в качестве ответственного секретаря В. Н. Бурлаков, А. Л. Сморгунова, С. У. Дикаев, Г. А. Янковская, А. В. Чураков. Ныне должность ответственного секретаря упразднена, а главным редактором журнала является заместитель президента клуба Андрей Петрович Данилов.

Основная направленность журнала — защита независимости, самобытности и самодостаточности России в интересах россиян от криминализированного и некриминализированного зла.

Невско-волжская криминологическая школа преступных подсистем. Одним из результатов многолетней научной деятельности клуба явилось формирование рядом его членов (Г. Н. Горшенковым, С. У. Дикаевым, П. А. Кабановым, Г. Л. Касторским, В. В. Колесниковым, С. Ф. Милуковым, Д. А. Шестаковым и др.) криминологической школы [2], в которой возникли семейная криминология, политическая криминология, экономическая криминология, криминология массовых коммуникаций, отчасти философско-религиозная криминология, а также криминология закона и другие отрасли знания о преступности. Школу отличает наличие собственной доктрины преступных подсистем (Д. А. Шестаков), которая обосновывает потребность в отраслях криминологической науки, исследующих соответственно преступность института семьи, преступность политики, экономики, массовой коммуникации, законодательства и т.д. Невско-волжская школа уделяет внимание развитию криминологической

теории: понятиям преступления, преступности, управлению преступностью, оценке правовых и внеправовых мер противодействия преступности, критериям прогресса в области уголовного права и др.

Эмблема. В истории Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, насчитывающей уже несколько десятилетий, складывались сложные ситуации. Однажды, как сказано выше, под сомнением оказывался сам факт его дальнейшего существования. Клуб пережил

возрождение. Поэтому его эмблемой стала птица Феникс [3].

Стилю клуба присущи свобода и научная глубина мнений. Заседания — в клубе их именуют беседами — отличаются остротой научных споров. Зачастую здесь сталкиваются полярные мнения, отстаиваемые знатоками. Вопросы на обсуждение выносятся насущные. Отношение к выступающим — будь то профессор или студент (на заседаниях всегда много молодежи) — неизменно внимательное и доброжелательное.

Литература

1. Шестаков Д. А. На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. С. 105–107.
2. Невско-волжская школа — маяк преступноведения: сборник материалов, посвященных невшско-волжской криминологической школе и приуроченных к 75-летию юбилею Д. А. Шестакова / под ред. В. С. Харламова. СПб., 2024. 163 с.
3. Данилов А. П., Дикаев С. У., Шестаков Д. А. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2012. 236 с.

References

1. Shestakov D. A. Na kriminologicheskom seminare [At the criminological seminar]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1981, no. 2, pp. 105–107. (In Russian)
2. Nevsko-volzhskaya shkola — mayak prestupnostivedeniya. Sbornik materialov, posvyashchennykh nevsko-volzhskoi kriminologicheskoi shkole i priurochennykh k semidesyatipyatiletnemu yubileyu D. A. Shestakova [Neva-Volga School — a Beacon of Crime Studies. Collection of materials dedicated to the Neva-Volga criminological school and timed to coincide with the seventy-fifth anniversary of D. A. Shestakov]. Ed. V. S. Kharlamov. St. Petersburg, 2024. 163 p. (In Russian)
3. Danilov A. P., Dikaev S. U., Shestakov D. A. Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminologicheskii klub: proshloe i nastoyashchee [St. Petersburg International Criminological Club: past and present]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2012. 236 p. (In Russian)

О КРИМИНОЛОГИИ НАРКОРЕАЛЬНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПРОТИВОПРЕСТУПНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Крайнова Надежда Александровна

Цель: обосновать подход к противодействию наркопреступности (выстраиванию политики в сфере противодействия наркопреступности и ее криминологическому познанию) на основе теории противопреступной социализации (ресоциализации). Проблема воспроизводства наркопреступности является неизменно актуальной. Противодействие преступлениям, совершенным с использованием наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, осуществляется уголовно-правовыми средствами; в отношении преступников-наркоманов применяются меры медицинской реабилитации. Однако правоприменительная практика не демонстрирует существенного снижения наркопреступлений, что является следствием отсутствия надежного фундамента для выстраивания общей системы реагирования на наркопреступность. В рассматриваемой сфере остаются вопросы, требующие изучения и обсуждения.

Методология: диалектический, формально-логический, структурный, статистический методы; анализ, синтез, индукция.

Выводы. Противопреступная ресоциализация лиц с наркотической зависимостью, а также бывших осужденных за наркопреступления должна реализовываться обществом при всесторонней поддержке государства. Только в такой парадигме, как представляется, противодействие наркопреступности может быть эффективным.

Научная и практическая значимость. Проблема воспроизводства наркопреступности является актуальной уже не одно десятилетие и вряд ли потеряет остроту в ближайшее время. Распространение цифровых сервисов и инструментов, цифровизация общественных отношений не только не способствовали минимизации наркопреступности, но и еще более обострили ситуацию в данной сфере. Поиск эффективных подходов к противодействию наркопреступности в современных условиях является первостепенной задачей, решение которой позволит минимизировать как количество наркопреступлений, так и число наркозависимых лиц.

Ключевые слова: наркопреступность, наркомания, наркокриминология, наркопреступник, противодействие преступности, противопреступная социализация, ресоциализация, преступность, преступно-стиведение, наказание.

Распространение наркомании и неизбежно связанный с этим процесс воспроизводства наркопреступности уже достаточно давно является одной из самых актуальных проблем современности. История, пожалуй, не знает ни той эпохи, ни той части земного шара, когда и где бы человечество не испытывало на себе негативного влияния наркоэпидемии, когда молодежь не знала бы, что такое наркотик и не подвергалась искушению оказаться вовлеченной в этот сладкий омут грез, позволяющий отвлечься от реальности бытия.

Представляется, что именно возможность создавать «параллельную реальность» предопределяет неизменную популярность потребления наркотического дурмана.

Нахождение в наркотической иллюзии бытия позволяет заместить собой неудовлетворенность реальной жизнью, которую человек не может обустроить по своему желанию. А иногда не только не может, но и не хочет. Однако желание чувствовать удовлетворенность, физическое наслаждение, ощущение отсутствия проблем — естественный

или даже основной инстинкт человека. И вот это, пожалуй, можно назвать слабым местом человеческой сущности, его уязвимостью, которую используют преступники в своих корыстных целях.

Корысть является одним из ведущих мотивов совершения наркопреступлений. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ приносит доход не только конкретному наркобыватчику, но и целым преступным синдикатам, и даже экономике отдельных стран [1, с. 21]. Как отмечается в Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год, «почти 60 процентов преступных сообществ, действующих на территории Европейского союза, замешаны в коррупционных схемах, а почти 40 процентов занимаются незаконным оборотом наркотиков, производство и оборот которых остаются крупнейшим криминальным бизнесом в Европейском союзе. Ежегодно преступники зарабатывают и отмывают миллиарды евро, причем масштабы и сложность отмывочных схем в Европейском союзе ранее недооценивались» (*Доклад Международного комитета по контролю за наркотиками за 2021 год // [Электронный ресурс]: URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/Thematic_chapters/Russian/AR_2021_R_Chapter_I.pdf. (дата обращения: 25.07.2024)*).

Ученые, исследующие проблему наркобизнеса как угрозу экономике страны, отмечают трудности измерения влияния этой отрасли на мировую экономику. Однако они приводят данные о том, что объем незаконных финансовых потоков, связанных с наркобизнесом, оценивается в настоящее время в диапазоне 1,6–2,2 трлн долларов в год (2–3% мирового ВВП, треть всей мировой теневой экономики). В 2020 г., по данным МВФ, уровень легализованного капитала, накопленного организованной преступностью, оценивался примерно в 150 трлн долларов [7, с. 58]. То есть оборот наркотических средств и психотропных веществ — это довольно-таки прибыльный бизнес.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что проблема наркопреступности и противодействия ей относится к категории вечных, а потому философских проблем. Всегда будут существовать люди, которым свойственна слабость в виде легкого ухода от реальности, и всегда будут существовать корыстные люди, готовые на этой слабости зарабатывать. Казалось бы, подобный вывод должен привести нас к мысли о бесперспективности противодействия наркопреступности, однако именно в представленной парадигме и кроется ключ к решению проблемы ее минимизации. Наркопреступность

социальна, связана с человеком, и именно воздействие на человека в контексте его социализации способно привести к реальным результатам в виде снижения уровня наркопреступности.

Проблемы противодействия наркопреступности в различных ее проявлениях исследуются автором на протяжении нескольких лет: предлагалось как бороться с наркоманией и наркотизмом [3], так и противодействовать наркотизму [4]. Опыт борьбы с наркоманией и наркотизмом показывает, что это борьба с последствиями, а не с причиной негативного явления. В связи с этим усиление борьбы с наркоманией и наркотизмом не способно кардинальным образом изменить ситуацию. Это подтверждается и данными официальной статистики (рисунок) в корреляции с усилением уголовно-правового воздействия на преступность. Как справедливо отмечают специалисты, «если проследить тенденции трансформации законодательства Российской Федерации в сфере незаконного оборота наркотических средств, то становится очевидным, что с момента принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. уголовная ответственность для лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, заметно ужесточается» [11, с. 58]. Однако наблюдаемые в последние десятилетия попытки остановить воспроизводство наркопреступности методами уголовной репрессии сами по себе не способны привести к положительному результату. Очевидно, что необходимо использовать и другие средства, хотя, как представляется, нужен иной подход в целом.

Динамика наркопреступности в РФ за последние 5 лет

Современная наркоситуация в России характеризуется стабильно высокими показателями, о чем свидетельствуют статистические данные о зарегистрированных преступлениях (*Состояние преступности в Российской Федерации за ян-*

варь — декабрь 2023 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 29.07.2024)).

Специалистами отмечается очевидная тенденция латентности данного вида преступности (Готчина Л. В. *О наркокриминологии, состоянии наркопреступности и не только...* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/458-narkorealnost-na-orbite-shkoly-prestupnykh-podsystem> (дата обращения: 25.07.2024)). К этому следует добавить и ухудшение структуры наркопреступности (все чаще употребляются так называемые синтетические наркотики, которые влекут серьезные последствия для здоровья), а также ее омоложение. Так, например, согласно информации пресс-службы МВД в Крыму «фигурантами уголовных дел, возбужденных по фактам сбыта наркотических средств посредством сети Интернет, все чаще становятся молодые люди возрастом от 20 до 25 лет» (*Как наркотики убивают жителей Крыма. Из-за синтетических «солей» наркоманы помолодели и стали быстрее умирать* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sevastopol.su/news/kak-narkotiki-ubivayut-zhiteley-kryma> (дата обращения: 25.07.2024)).

Значительный «вклад» в масштабирование наркопреступности внесли экспоненциальное развитие цифровых технологий, пандемия, геополитическая нестабильность и иные ситуации, перманентно сотрясающие земной шар в последние годы. И без того угрожающее положение дел, связанное с наркотизацией населения ввиду постоянной потребности наркобизнеса в увеличении своих оборотов [5], рискует стать еще более угрожающим.

Отрадно, что правоохранительные органы, осознавая недостаточную результативность уголовно-репрессивных мер, все больше акцентируют внимание на профилактической деятельности. В Краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г. обращается внимание на работу сотрудников полиции по «сохранению здоровья нации и предотвращению негативных последствий наркомании». По данным правоохранителей, в ходе расследования «из незаконного оборота полицейскими изъято 21,7 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ» (*Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г.* // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 29.07.2024)).

Преодоление негативных тенденций в данной сфере мыслится не только и не столько в еще большей криминализации, усилении пенализации, но в обосновании криминологического подхода, позволяющего выработать эффективные методы, предложить инструменты антинаркотической профилактики. Обоснованию криминологических подходов к противодействию наркопреступности была посвящена проведенная 20 октября 2023 г. Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом беседа на тему «Наркореальность на орбите школы преступных подсистем», основным докладчиком в ходе которой выступил кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник ООО «Многопрофильное предприятие «ЭЛСИС» (г. Санкт-Петербург, Россия) Георгий Васильевич Зазулин.

Полностью разделяя позицию глубокоуважаемого докладчика относительно насущной потребности в формировании криминологии, «способной создавать на основе знания наркопреступной личности методики оценки качества деятельности специальных подразделений по борьбе с НОН и эффективности полиции в борьбе с наркопреступностью» (Зазулин Г. В. *От антинаркотической практики к антинаркотической криминологии и криминологии наркореальности* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/458-narkorealnost-na-orbite-shkoly-prestupnykh-podsystem> (дата обращения: 25.07.2024)), позволим себе ее расширить за счет указания на важность вовлеченности всего общества. Безусловно, роль специальных подразделений правоохранительных и иных государственных органов в борьбе с наркопреступностью трудно переоценить и невозможно недооценить. Но представляется весьма эффективным в этой ситуации активное вовлечение в противонаркопреступную работу (а именно, антинаркотическую профилактику) всего общества. Кстати, на это указывает и сам докладчик в своей авторитетной монографии «Антинаркотическая политика в России» [2].

Понятно, что, имея значительный практический опыт борьбы с наркопреступностью в рядах советской, а затем российской милиции, Георгий Васильевич акцентирует внимание на деятельности специального подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в структуре МВД Российской Федерации или ином ведомстве. Но это обязательно должна быть самостоятельная структура, которая в своей работе учитывала бы специфику наркопреступности. Безусловно, это так. Однако история противодействия анализируемому социальному злу знает периоды, когда

такой самостоятельный орган, который был образован даже в виде отдельной службы — Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) — был создан (*Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1099*). В настоящее время в структуре МВД РФ функционирует Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (*Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071*). Однако именно ввиду сложности объекта противодействия справиться с минимизацией воспроизводства наркопреступности силами только специальной государственной институции не удастся, да и вряд ли удастся. По меткому выражению Д. А. Шестакова, «весьма затратная, соответствующая международному праву... система органов справиться с наркобизнесом не в состоянии» [9, с. 31].

Установлено, что наркомания — проблема социальная и медицинская [6, с. 10]. Воспроизводство наркопреступности, наркотизм, наркотизация видятся проблемами криминологическими, противодействовать которым необходимо по большей части именно криминологическими методами. Размышляя о сопротивлении наркопреступности, профессор Д. А. Шестаков обозначает проблему легализации оборота наркотических средств как меры экономического воздействия. Совершенно справедливо такая идея им тут же отвергается, как противоречащая современной государственной антинаркотической политике России (*Шестаков Д. А. Наркореальность на орбите преступных подсистем // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/458-narkorealnost-na-orbiteshkoly-prestupnykh-podsistem> (дата обращения: 25.07.2024)*). Более перспективной мыслится разработка стратегии противодействия наркопреступности в русле идеи противопреступной социализации.

Первое употребление наркотических средств и психотропных веществ человеком не представляется случайным событием. Каждый индивид приходит к этому (или его приводят) в результате определенной цепочки жизненных фактов, огромную роль в выстраивании которой играет его окружение. Поиск «параллельной реальности», желание попробовать что-то новое, испытать острые ощущения, уйти от проблем и т.д. — все это можно было предотвратить, нивелировать, если бы ближайшее окружение было бы более внимательным,

если бы цепочки социальных взаимоотношений были бы выстроены, социальный контроль осуществлялся на всех уровнях взаимоотношений. В этой логике получается очень (даже слишком) много «бы»: история, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но криминологическое познание предполагает целесообразность прогнозирования.

Важную роль в формировании отрицательного отношения к самому факту первого употребления наркотиков играет семейное воспитание, основанное на традиционных культурных ценностях. А вот этот аспект социализации, к сожалению, в течение довольно длительного периода времени не находился в поле зрения государства. Между тем поддержка семьи является одной из важнейших задач государственной политики [10]. Как отмечает В. С. Харламов, «глобализация, информационный прорыв и мобильная коммуникация привнесли в жизнь граждан России не только дополнительные блага, но и угрозы разрушительного характера. В частности, активизацию наркотизма, алкоголизма, проституции. Развитие негативных процессов в переживаемый страной сложный переломный период обостряет дестабилизационные явления, что находит отражение в криминальных проявлениях, совершаемых в семье» [8]. Именно в семье происходит социализация человека, именно от семейных ценностей зависит тот базис, на основе которого человек формирует свою индивидуальность и гражданскую позицию, реализуется профессионально и духовно. Благополучие семьи не в последнюю очередь зависит от социальной политики государства, участия всего гражданского общества. Не случайно в обращении к организаторам, участникам и гостям концерта, посвященного Дню семьи, любви и верности, Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что поддержка семей является общенациональной задачей для граждан Российской Федерации (*Путин назвал поддержку семей общенациональной задачей // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1722227/2024-07-03/putin-nazval-podderzhku-semej-obshchenatsionalnoi-zadachei> (дата обращения: 25.07.2024)*).

В условиях глобальной цифровизации, медиареальности, вовлеченности молодежи в Интернет-пространство противопреступной социализации следует уделять особое внимание. Необходимо контролировать социальные связи, устанавливаемые посредством социальных сетей, мессенджеров, блогосферы с целью избежать порой вполне осознанного влияния на неокрепшие умы злонамеренных собеседников по переписке. Нередки

случаи, когда по незнанию, по недомыслию молодые люди вовлекались в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в роли так называемых «закладчиков».

В рамках антинаркотической профилактики немаловажным представляется вести работу и с теми, кто был вовлечен в употребление наркотических средств и психотропных веществ, но хотел бы сойти с этого пути. Противопреступная ресоциализация лиц с наркотической зависимостью, а также бывших осужденных за наркопреступления должна реализовываться обществом при всесторонней поддержке государства. Только в такой парадигме противодействие наркопреступности может быть эффективным.

Представляется необходимым не только бороться с уже состоявшимися фактами употребления наркотических средств и психотропных веществ, распространением, производством, сбытом, мелким и крупным наркобизнесом и т.д., но и профилировать будущие возможные инциденты такого рода. В этих целях предлагается использовать уже имеющиеся ресурсы государственных органов и общественных институций, а также возродить практику добровольных народных дружин, домовых комитетов (по месту жительства), собраний трудового коллектива (по месту работы, учебы). Такие органы общественного воздействия могли бы

выполнять функции неформального контроля за включенными в сферу их интересов индивидуумами, проводить разъяснительную работу, в случае необходимости сигнализировать в соответствующие инстанции в целях принятия неотложных мер. Кроме того, вовлечение в орбиту постоянного внимания микрогруппы позволило бы человеку реализовать себя (в профессии, занятии по интересам, добровольчестве, наставничестве, общественно полезном труде и т.д.), что способствовало бы успешности социализации. Главное, нельзя позволять человеку оставаться наедине со своими проблемами, замыкаться, что особенно важно для молодежи. Большое значение в целях профилактики наркопреступности имеет идеологическая составляющая: акцент на традиционных нравственно-культурных ценностях, общепринятых понятиях о добре и зле, неприятии корыстолюбия, стяжательства, коррупции, акцент на патриотическом воспитании, понятиях чести, долга, достоинства, важности быть полезным для общества и государства, позитивных жизненных целях и устремлениях.

Безусловно, описываемый криминологический подход — противодействие наркопреступности сквозь призму теории противопреступной социализации — не может быть реализован моментно, понадобятся, вероятно, годы для такой работы. Но начинать необходимо уже сейчас.

Литература

1. Жмаев Д. А. Экономика наркобизнеса — выгоды или проблемы? // ЭКО. 2007. № 5 (395). С. 21–30.
2. Зозулин Г. В. Антинаркотическая политика в России. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2013. 400 с.
3. Крайнова Н. А. Некоторые аспекты борьбы с наркоманией и наркотизмом в Российской Федерации // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка: сборник. Дальневосточный государственный университет, Владивостокский центр по изучению организованной преступности. Владивосток, 2005. С. 249–254.
4. Крайнова Н. А. Некоторые аспекты противодействия наркобизнесу в России (с учетом региональной специфики) // Экономика и экологический менеджмент. 2007. № 1. С. 12–28.
5. Романова Л. И. Наркотики: преступления, ответственность. Владивосток: Дальневосточный университет, 2000. 278 с.
6. Сланова А. Ю. Проблема наркомании в современном обществе // Theories and Problems of Political Studies. 2020. Vol. 9. Issue 6A. С. 10.
7. Смелова С. В., Тотоев Р. Р. Наркобизнес как сектор теневой экономики и угроза экономической безопасности страны // Теневая экономика. 2023. Т. 7. № 1. С. 55–72.
8. Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. СПб., 2019. 718 с.
9. Шестаков Д. А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? Теоретико-криминологический подход // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 30–34.
10. Шестаков Д. А. Семейная криминология: криминофамилистика: монография. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 384 с.

11. Шукин Е. А. История развития уголовного законодательства России об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // *Science Time*. 2021. № 2 (86). С. 24–29.

References

1. Zhmaev D. A. *Ekonomika narkobiznesa-vygody ili problemy?* [The economics of the drug business—benefits or problems?]. *EKO [EKO]*, 2007, no. 5 (395), pp. 21–30. (In Russian)
2. Zozulin G. V. *Antinarkoticheskaya politika v Rossii* [Anti-drug policy in Russia]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2013. 400 p. (In Russian)
3. Krainova N. A. *Nekotorye aspekty bor'by s narkomaniei i narkotizmom v Rossiiskoi Federatsii* [Some aspects of the fight against drug addiction and drug addiction in the Russian Federation]. In *Problemy bor'by s proyavleniyami kriminal'nogo rynka. Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet, Vladivostokskii tsentr po izucheniyu organizovannoi prestupnosti* [Problems of combating the manifestations of the criminal market. Far Eastern State University, Vladivostok Center for the Study of Organized Crime]. Vladivostok, 2005, pp. 249–254. (In Russian)
4. Krainova N. A. *Nekotorye aspekty protivodeistviya narkobiznesu v Rossii (s uchetom regional'noi spetsifiki)* [Some aspects of countering drug trafficking in Russia (taking into account regional specifics)]. *Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Economics and environmental management], 2007, no. 1, pp. 12–28. (In Russian)
5. Romanova L. I. *Narkotiki: prestupleniya, otvetstvennost'* [Drugs: crimes, responsibility]. Vladivostok, Dal'nevostochnyi universitet Publ., 2000. 278 p. (In Russian)
6. Slanova A. Yu. *Problema narkomanii v sovremennom obshchestve* [The problem of drug addiction in modern society]. *Theories and Problems of Political Studies*, 2020, vol. 9, issue 6A, p. 10. (In English)
7. Smelova S. V., Totoev R. R. *Narkobiznes kak sektor tenevoi ekonomiki i ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti strany* [Drug trafficking as a sector of the shadow economy and a threat to the economic security of the country]. *Tenevaya ekonomika* [The shadow economy], 2023, vol. 7, no. 1, pp. 55–72. (In Russian, abstract in English)
8. Kharlamov V. S. *Teoriya i praktika protivodeistviya prestupnomu nasiliyu v sem'e (sistemnoe kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie)* [Theory and practice of countering criminal violence in the family (systemic criminological and criminal law research)]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. St. Petersburg, 2019. 718 p. (In Russian)
9. Shestakov D. A. *Pochemu by ne likvidirovat' narkobiznes? Teoretiko-kriminologicheskii podkhod* [Why not eliminate the drug business? Theoretical and criminological approach]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2010, no. 1, pp. 30–34. (In Russian)
10. Shestakov D. A. *Semeinaya kriminologiya: kriminofamilistika: monografiya* [Family criminology: criminophamilitics: monograph]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 384 p. (In Russian)
11. Shchukin E. A. *Istoriya razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov* [The history of the development of Russian criminal legislation on liability for crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues]. *Science Time*, 2021, no. 2 (86), pp. 24–29. (In Russian, abstract in English)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ: ЕГО СТОРОННИКИ, ПРОТИВНИКИ, КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ

Милюков Сергей Федорович

Цель: освещение деятельности и основных достижений Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Методология: анализ, синтез, абстрагирование, сравнительно-правовой, исторический и некоторые другие методы познания.

Выводы. Активная деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, его своевременная и смелая реакция на злободневные общественно-политические потрясения в стране и за ее пределами позволили приобрести ему весомый авторитет в отечественной и зарубежной криминологической среде, сплотили вокруг него серьезные научные силы. Об этом можно судить по разнообразным материалам, размещенным на сайте клуба, опубликованным в его журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и в других ведущих журналах страны, ближнего и дальнего зарубежья.

Научная и практическая значимость. В данной статье обозначены злободневные проблемы, решение которых стремится найти Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. В частности, автор обосновывает самостоятельный характер новой криминологической отрасли — военно-полевой криминологии, а также подчеркивает необходимость ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: криминология, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, криминология уголовного закона (права), криминопедагогика, военно-полевая криминология, уголовно-правовая политика.

История отечественной криминологии поистине драматична. Вспомним хотя бы судьбу первого русского криминолога А. Н. Радищева, который за свое сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву», напечатанное в мае 1790 г. в собственной типографии, уже 30 июня того же года был арестован и через месяц был приговорен к лишению дворянства и смертной казни. В этом решающую роль сыграла Екатерина Великая, назвавшая автора книги «бунтовщиком хуже Пугачева».

Эта оценка имела под собой весомое философско-идеологическое основание, поскольку названное произведение пронизано «пафосом отрицания существующего миропорядка с рассудочно-моралистических позиций и проникнуто гневом и состраданием» к угнетенным. «Критика Радищева носит тотальный характер: ей подвер-

гнуты не только самодержавие и крепостное право (лейтмотивы в книге), но и сам принцип государства как основанного на насилии и неравенстве, цензура и образовательные учреждения, родительская власть, семья, брак, Церковь и вообще христианство, даже современные литературные нормы и обычаи» [1, с. 155].

В царский период большинство российских криминологов придерживалось лево-либеральных, а то и радикально-революционных взглядов, за что подвергалось гонениям и даже уголовным репрессиям. Мало что изменилось и в советское время — после непродолжительного бурного расцвета в 20-е гг. прошлого века власть воспретила исследовать причины массового совершения преступлений и личность преступных деятелей. Некоторые авторы сами отошли от этих изысканий

и рискованных размышлений на данную тему, другие, наиболее упрямые и менее осторожные были, опять же, репрессированы [2, с. 18–27].

На рубеже 50–60 гг. XX в. криминология, подобно птице Феникс, возродилась из пепла в тогда еще могущественном Советском Союзе. Ее судьба в этот постсоветский период не была сопряжена с политическими репрессиями криминологов, однако ознаменовалась неоднократными попытками задвинуть эту науку на периферию гуманитарного знания и одновременно убрать одноименную учебную дисциплину из основных учебных планов высших учебных заведений, превратив ее в заурядный факультатив [3, с. 167–168].

Яркие страницы в летопись современного преступноведения внес Санкт-Петербургский международный криминологический клуб (далее — Клуб), основателем, идейным вдохновителем и организатором научной деятельности которого является Дмитрий Анатольевич Шестаков. Конечно, на протяжении десятилетий деятельности Клуба и его предшественника — криминологического семинара в ЛГУ им. А. А. Жданова и в его преемнике СПбГУ — вокруг него концентрировалась группа криминологов (включая автора этих строк), которая способствовала расцвету творческих талантов профессора Шестакова.

С юбилеем (в начале 2024 г. Д. А. Шестакову исполнилось 75 лет) я познакомился лично без малого 40 лет назад в тогда еще советской Риге. Произошло это благодаря моему учителю и старшему другу Эдуарду Филипповичу Побегайло [4, с. 580–589]. Дмитрий Анатольевич был тогда еще совсем молодым человеком, но уже доктором юридических наук (защита диссертации такого уровня в его возрасте в те времена была немалой редкостью). Держался он с большим достоинством, но тем не менее был открыт для общения, тактичен, к месту шутил.

Благодаря ему ленинградско-петербургская криминологическая школа (именуемая теперь не-вско-волжской) обогатила отечественное преступноведение рядом новых подотраслей. Коснемся трех из них: криминологии уголовного закона (права), криминопедагогики и военно-полевой криминологии.

Что касается первой из них, то Д. А. Шестаков, первоначально преимущественно занимавшийся семейной криминологией (криминофамистикой), затем активно разрабатывает проблемы криминологической обусловленности и обоснованности уголовно-правовых норм с самого начала формирования данного направления. Отсюда понятно, что он отнюдь не случайно выступил

оппонентом на вышеназванной диссертации, посвятив, как и автор этих строк [5, с. 177–202], немало публикаций на данную тему, имеющих наряду с теоретической огромную прикладную (законотворческую и правоприменительную) составляющую.

К сожалению, законодатель остается глух к подающему числу инициатив, нашедших отражение в беседах Клуба и публикациях сотрудничающих с ним ученых. При этом он лихорадочно [6, с. 102–108] продолжает пополнять Уголовный кодекс все новыми, порой заведомо несовершенными и даже вредными для правопорядка нормативными конструкциями. Одно лишь установление все новых законодательных предпочтений для экономических преступников [7, с. 86–90; 8, с. 156–161] чего стоит! Отсюда закономерной выглядит низкая активность правоохранительных органов в выявлении совершаемых ими преступлений (всего + 1,3% за 8 месяцев 2024 г.).

Приведем свежий пример нерасторопности и недостаточной криминологической компетенции наших законодотворцев. Федеральным законом от 19 декабря 2023 г. № 597-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новой ст. 321¹ («Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость»).

Во-первых, это решение сильно запоздало — подобные предложения сделаны давно в ряде известных нам кандидатских и докторских диссертаций и иных опубликованных научных работах. Во-вторых (и это главное), Государственная Дума и иные законодательные инстанции (как и авторы данной инициативы), как получается, не знают о том, что осужденные и заключенные стремятся заполучить соответствующие аппараты не для того чтобы порадовать своих жен (мужей) и деток теплыми поздравлениями с их именинами, а для того, чтобы активно вмешиваться в ход предварительного расследования и судебного разбирательства и совершать все новые преступления (в том числе «телефонные» мошенничества), не слезая с пресловутых тюремных нар.

Поэтому вполне обосновано было бы дополнение названной статьи УК РФ двумя пока отсутствующим в ней частями, в которых устанавливалось адекватное и дифференцированное наказание за передачу средств коммуникации для совершения новых преступлений небольшой и средней тяжести (ч. 2), а также тяжких и особо

тяжких деяний (ч. 3). Сейчас же это преступление само относится к деяниям сугубо небольшой тяжести.

Причины проведения подобной ущербной уголовно-правовой политики многообразны. Но одна из детерминант очевидна для вузовских преподавателей — это низкий и все более снижающийся уровень теоретической и практической подготовки выпускников юридических вузов всех видов ведомственной принадлежности и общегражданских университетов (академий, институтов) и их филиалов. Учебные заведения давно превратились в места оказания платных услуг, доходы от которых присваиваются вузовской верхушкой и связанными с нею алчными представителями власти. Студенты (их кто-то додумался теперь называть «обучающимися») хорошо это осознают и пренебрежительно относятся к большинству преподавателей, не усваивают и не хотят усваивать транслируемые им знания. Получив диплом, такие юристы приобретают стойкую неприязнь к ученым, их трудам и «поучениям» разного рода. Они стремятся влиться в непомерно разросшиеся ряды управленцев-бюрократов, большинство которых ставит цель всемерного материального обогащения и продвижения по карьерной лестнице, что называется, по головам более совестливых сослуживцев.

Эти злокачественные процессы должны изучаться отраслью, которую нами предложено именовать «криминопедagogика» (на манер «криминопенологии», активно продвигавшейся покойным профессором О. В. Старковым) [9, с. 90–91]. Увы, эта отрасль пока находится в зачаточном состоянии, хотя, скажем, коррупционным процессам в вузах и школах посвящено некоторое количество научных работ.

Активная деятельность Клуба, его своевременная и смелая реакция на злободневные общественно-политические потрясения в стране и за ее пределами позволили приобрести ему весомый авторитет в отечественной и зарубежной криминологической среде, сплотили вокруг него серьезные научные силы. Об этом можно судить по разнообразным материалам, размещенным на сайте Клуба, опубликованным в его журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и других ведущих журналах страны, ближнего и дальнего зарубежья. Как водится, такая активность вызвала раздражение и недовольство в некоторых криминологических и околоскриминологических кругах. Автору данной статьи неоднократно озвучивались негативные оценки научных позиций президента Клуба и его соратников. На эти упреки неизменно

следовало предложение высказать эти претензии в открытой, публичной дискуссии на заседаниях (беседах) Клуба и других научных площадках, а также в печати. Эти предложения, к великому сожалению, не принимались, а использовалась тактика замалчивания политики и конкретных достижений названного криминологического объединения. Пожалуй, единственным исключением из этого является выступление профессора В. Я. Квашиса на беседе в Клубе 14 сентября 2018 г., где ему были детально разъяснены позиции нашего сообщества.

Однако в условиях обострения военно-политической обстановки в мире, начала широкомасштабных военных действий на Украине одного пассивного умалчивания противникам Клуба показалось недостаточно, и они стали предпринимать усилия по воспрепятствованию всякому криминологическому анализу происходящего на театре военных действий. Делается это под предлогом того, что война, ее причины и последствия, мол-де, не входят в предмет криминологии и относятся целиком к концепции профессиональных военных и политиков высокого ранга. На самом деле, военное противостояние прямо или косвенно затрагивает всех граждан России и имеет влияние на все сегменты преступного множества, а не только на собственно воинские преступления.

Эти соображения побудили нас начать разработку указанной проблематики в рамках новой криминологической отрасли — военно-полевой криминологии [10, с. 78–81; 11, с. 119–133].

Данная идея нашла поддержку в Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой и лично у ее президента профессора В. В. Меркурьева, а также среди членов Санкт-Петербургского международного криминологического клуба и его президента профессора Д. А. Шестакова.

За свою почти 1200-летнюю историю Россия (Русь) провела десятки только крупных и крупнейших войн. Победоносные из них (прежде всего Отечественные войны 1812 и 1941–1945 гг.) способствовали колоссальному духовному подъему, росту численности ее населения (несмотря на огромные потери в бою и среди мирных людей), расцвету культуры и производительных сил, неудачные же порой ставили державу на грань полного распада. Это прежде всего катастрофическое поражение в отражении монголо-татарского нашествия в середине XIII в., крупные неудачи в Ливонской войне 1558–1583 гг., потеря Севастополя в ходе провальной Крымской войны 1853–

1856 гг. Губительными для России стали русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война 1917–1918 гг. (т.н. «империалистическая»). Обе из них закончились революциями, из которых самодержавию удалось подавить тотальным террором только первую.

Российская армия вышла из войны с Японией резко ослабленной и деморализованной, в сухопутных частях и на флоте вспыхнули бунты и восстания. В феврале — октябре 1917 г. и вовсе случился крах и распад императорских сухопутных и военно-морских сил. Все это сопровождалось колоссальным ростом бандитизма, прочих общеуголовных и государственных преступлений при активном участии деморализованных солдат, матросов и части офицеров, самоликвидацией сил правопорядка, разгулом самосудов.

Между воюющей армией и флотом и остальным обществом возникла пропасть отчуждения. Военный историк А. А. Керсновский в своей книге «История русской армии» так описывал месяцы, предшествовавшие Февралю 1917 г.: «Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на людей. Глазам солдат открывалась разгульная картинка тыла с его бесконечными соблазнами, бурлившей ночной жизнью, наглой, бьющей в глаза роскошью» (Александрова В. Место в трамвае: почтенные по возрасту пассажиры стоят, а молодые пассажиры «вежливо» сидят»... // [Электронный ресурс]: URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/mesto-v-tramvae-pochtennye-po-vozrastu-passazhiry-stoyat-a-molodye-passazhiry-vezhlivo-sidyat-/> (дата обращения: 10.10.2024)).

Другой историк В. Аксенов отмечает, касаясь последствий Февральской революции: «Возрастала нервозность обывателей, падала культура общения в общественных местах. Люди становились менее терпимыми, а улицы и общественный транспорт превратились в постоянный очаг хамства и агрессии обывателей друг к другу» (Александрова В. Место в трамвае: почтенные по возрасту пассажиры стоят, а молодые пасса-

жеры «вежливо» сидят»... // [Электронный ресурс]: URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/mesto-v-tramvae-pochtennye-po-vozrastu-passazhiry-stoyat-a-molodye-passazhiry-vezhlivo-sidyat-/> (дата обращения: 10.10.2024)).

Разве все это не напоминает нынешние черты общественного бытия? В то время как наши воины ежечасно погибают и калечатся на фронте, нувориши устраивают гламурные («голые») вечеринки, покупают все новые («навороченные») авто, яхты и даже самолеты, возводят настоящие дворцы с многочисленной челядью и боевой охраной, проматывают сотни тысяч и миллионы рублей в ресторанах, ничем при этом не желая помочь фронтовикам и их родным. Среди таких паразитов оказались многие представители генералитета, ныне заключенные под стражу.

Для бойцов приходится покупать на пожертвования патриотов не только транспорт и беспилотники, но даже теплую одежду и обувь, продукты питания... Нередки случаи нападения на бойцов и командиров СВО, оскорбления и угрозы в их отношении, хамский отказ обслуживать в гостиницах и столовых. Множество «релокантов», опасаясь мобилизации, покинули пределы России. Некоторые из них волей-неволей стали сотрудничать с западными спецслужбами, вплоть до ведения террористической и шпионской деятельности по их указке.

Все это не стало, увы, предметом детального научного анализа. За истекшие два с половиной года боевых действий не было проведено ни одного (!) общероссийского юридического форума об этих кричащих проблемах и не планируется сделать это в ближайшей перспективе, о чем свидетельствует анализ запланированных научных мероприятий в ведущих юридических вузах и НИИ страны на период сентября — декабря 2024 г.

На этом унылом фоне еще ярче светит факел Санкт-Петербургского международного клуба, освещающего дорогу для еще не определившихся либо заблуждающихся криминологов и правоведов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Литература

1. Коровин В. Л. Радишев Александр Николаевич // БРЭ. Т. 28. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. 766 с.
2. Милюков С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. СПб., 2000. 422 с.
3. Милюков С. Ф. Солнце криминологии чиновничьей дланью не прикроешь! // Личность преступника и ее криминологическое изучение. М., 2018. С. 167–168.
4. Милюков С. Ф. Побегайло остается с нами // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 580–589.

5. Милуков С. Ф. Криминология уголовного закона // Криминология — XX век. СПб., 2000. С. 177–202.
6. Милуков С. Ф. Законодательная «лихорадка» и ее уголовно-политические последствия // Уголовно-правовая защита конституционных прав человека (к 15-летию Конституции России). СПб., 2009. С. 102–108.
7. Корецкий Д. А., Милуков С. Ф. Экономические преступники — друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 86–90.
8. Милуков С. Ф. Законодательные предпочтения экономическим преступникам и их криминологическая несостоятельность // Право и современная экономика. М., 2018. С. 156–161.
9. Милуков С. Ф. Криминология как новая отрасль отечественной криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1. С. 90–91.
10. Милуков С. Ф. Военно-полевая криминология: концептуальные контуры // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности (Долговские чтения). М., 2022. С. 78–81.
11. Милуков С. Ф. Военно-полевая криминология о модернизации уголовного законодательства и трансформации личности преступника в условиях боевых действий // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения). М., 2023. С. 119–133.

References

1. Korovin V. L. Radishchev Aleksandr Nikolaevich [Radishchev Alexander Nikolaevich]. GRE [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 28. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2015. 766 p. (In Russian)
2. Milyukov S. F. Problemy kriminologicheskoi obosnovannosti rossiiskogo ugovnogo zakonodatel'stva [Problems of criminological validity of Russian criminal legislation]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. St. Petersburg, 2000. 422 p. (In Russian)
3. Milyukov S. F. Solntse kriminologii chinovnich'ei dlan'yu ne pri kroesh'! [The sun of criminology cannot be covered by the bureaucratic hand!]. In *Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izuchenie [The personality of a criminal and its criminological study]*. Moscow, 2018, pp. 167–168. (In Russian)
4. Milyukov S. F. Pobegailo ostaetsya s nami [Pobegaylo stays with us]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 580–589. (In Russian, abstract in English)
5. Milyukov S. F. Kriminologiya ugovnogo zakona [Criminology of criminal law]. In *Kriminologiya — XX vek [Criminology — 20th century]*. St. Petersburg, 2000, pp. 177–202. (In Russian)
6. Milyukov S. F. Zakonodatel'naya «likhoradka» i ee ugovno-politicheskie posledstviya [Legislative “fever” and its criminal-political consequences]. In *Ugovno-pravovaya zashchita konstitutsionnykh prav cheloveka (k 15-letiyu Konstitutsii Rossii) [Criminal-legal protection of constitutional human rights (to the 15th anniversary of the Constitution of Russia)]*. St. Petersburg, 2009, pp. 102–108. (In Russian)
7. Koretskii D. A., Milyukov S. F. Ekonomicheskie prestupniki — druz'ya ili vragi naroda? [Economic criminals — friends or enemies of the people?]. *Ugovnoe parvo [Criminal Law]*, 2013, no. 3, pp. 86–90. (In Russian)
8. Milyukov S. F. Zakonodatel'nye preferentsii ekonomicheskim prestupnikam i ikh kriminologicheskaya nesostoyatel'nost' [Legislative preferences to economic criminals and their criminological failure]. In *Pravo i sovremennaya ekonomika [Law and modern economy]*. Moscow, 2018, pp. 156–161. (In Russian)
9. Milyukov S. F. Kriminopedagogika kak novaya otrasl' otechestvennoi kriminologii [Criminopedagogy as a new branch of domestic criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2012, no. 1, pp. 90–91. (In Russian)
10. Milyukov S. F. Voенно-polevaya kriminologiya: kontseptual'nye kontury [Military-field criminology: conceptual contours]. In *Novye, poyavlyayushchiesya i vidoizmenyayushchiesya formy prestupnosti (Dolgovskie chteniya) [New, emerging and changing forms of crime (Dolgov Readings)]*. Moscow, 2022, pp. 78–81. (In Russian)
11. Milyukov S. F. Voенно-polevaya kriminologiya o modernizatsii ugovnogo zakonodatel'stva i transformatsii lichnosti prestupnika v usloviyakh boevykh deistvii [Military-field criminology on modernization of criminal legislation and transformation of the personality of the criminal in the conditions of combat operations]. In *Lichnost' prestupnika v izmenyayushchemsya mire (Dolgovskie chteniya) [The personality of the criminal in the changing world (Dolgovskie readings)]*. Moscow, 2023, pp. 119–133. (In Russian)

ЭКОВИКТИМОЛОГИЯ (OIKOSVICTIMOLOGOS): СОСТАВНОЙ МОДУЛЬ ЭКОКРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНО-МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ (ЧАСТНЫЙ ЭКОКРИМИНОВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ). ЧАСТЬ 1

Тангиев Бахаудин Батырович

Цель: 1) обосновать концептуальные основы экоцентрической (биогеоцентрической) парадигмы переходного периода, обуславливающие необходимость создания новых научных направлений: эковиктимологии; экокriminalовиктимологии и эковиктималистики; научно-понятийного аппарата и роли в трансдисциплинарно-мультиmodalной экокriminalолого-криминалистической архитектуре системы экобезопасности и значения в едином, многофункциональном государственном экомониторинге для получения верифицируемых, репрезентативных данных (показателей, параметров, индикаторов) экокriminalогенной, экокriminalальной виктимизации социума, эковиктимологических необратимых процессов и факторов, способствующих исключительной эковиктимизации общества в условиях взаимодействия с окружающей средой, избыточной неуправляемым ростом антропогенно-техногенной опасности; 2) раскрыть взаимосвязь и отличия по предмету и объекту рассматриваемых дисциплин в контексте экокriminalовиктимологического системного анализа, выделяя при этом типологию, присущую только эковиктимологии, и отличия экокriminalогенного необратимого влияния эковиктимологических латентных факторов от экокriminalального продуцируемого экопреступностью воздействия на экосистемы (биоту), а также экокriminalологического соотношения в происхождении экожертв и экопотерпевших; 3) вовлечь ученых молодежного отделения Союза криминалистов и криминологов, других объединений в орбиту перспективных по объекту познания уникальных трансдисциплинарно-мультиmodalных исследований в той области, от которой, по сути, и зависит дальнейшее устойчивое существование *homo sapiens* как существа разумного, способного не стать экожертвой и не только реально обеспечить право каждого на благоприятную окружающую среду, но и найти научно-обоснованный (допустимый) баланс между действенностью системы экобезопасности и непомерной потребительской экспансией экосистемы — возрастающей эксплуатацией окружающей природной среды (невозполнимых ресурсов) обществом всеобщего потребления, которое само продуцирует развитие транснациональной экопреступности и детерминирует глобальную экокriminalогенную и экокriminalальную виктимизацию этого все более ускоряющегося эковиктимизационного необратимого процесса.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод и авторский, впервые апробированный в России трансдисциплинарно-мультиmodalный интегрированный метод экокriminalологии.

Выводы. На основе достигнутых ранее исследовательских результатов, полученных автором в период разработки инновационных технологий и систем противодействия транснациональной экопреступности: при создании автоматизированных систем экокriminalологического мониторинга (АСЭКМ), автоматизированных систем эколого-правового мониторинга (АСЭПМ), информационных криминолого-кримина-

листических технологий выявления, управления, оценки и прогнозирования эокриминогенной ситуации и геоинформационных криминологических (эокриминологических) систем и ГИС-технологий (ГИКС; ГИЭКС; ГИЭКТ), — в процессе последовательно проведенных на протяжении четверти века эокриминологических исследований автору удается на основе своих разработок сконструировать искомую мультимодальную эокриминологическую матричную модель интегрированных цифровых технологий и модульных систем (подсистем) в обеспечении действенности системы экобезопасности, включающей эовиктимологический мониторинг с выделением эовиктимологического модуля (эокриминогенной виктимизации социума). В итоге разработана и предложена авторская мультимодальная концепция в формате пилотного проекта (для дальнейшей проработки), обосновывающая создание новых взаимосвязанных, взаимообусловленных модульных дисциплин с последовательным преобразованием в научные направления: эокриминовиктимологию, эовиктимологию, эовиктималистику. Анализируется постановка проблемы соотношений эокриминальной и эокриминогенной составляющих в эовиктимизации социума, затрагивающих все слои населения, социальные институты и экосистемы без исключения. Обосновывается систематизация профильного тезауруса, научно-понятийный аппарат, типологизация и классификация с учетом главных отличий порождения эовиктима от всех известных видов преступлений и виктимологических учений об этих жертвах.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты позволяют: 1) готовить кадры на уровне экспертов, отвечающие современным экорисориентированным запросам правоприменительной практики; 2) проводить трансдисциплинарно-мультимодальные исследования, определяемые степенью неразрешенных системных проблем в данной области научных изысканий; 3) заставить нас (общество) познать с помощью эовиктимологии взаимозависимые закономерности эовиктимологической и эко-социальной философии глубинных процессов причин, условий детерминируемого феномена происхождения экожертв (экопотерпевших) и раскрыть дифференцированную обусловленность эокриминальных и эокриминогенных составляющих, порождаемых эовиктимологическими факторами, устойчивыми процессами всеобщей социальной эовиктимизации и деградации; 4) обеспечить релевантность проведения объективной эовиктимологической аналитики (верификацию), управлять рискориентированными эовиктимологическими процессами и прогнозировать соответствие параметров (синхронизированных модульных индикаторов и других показателей) системы экобезопасности в локализации (минимизации) эовиктимизирующих признаков и разработке приемлемых правореализационных защитных механизмов эовиктимологической превенции и профилактики с использованием информационных криминологическо-криминологических технологий и модулирующих (мультимодальных) систем эокриминологической безопасности, встраиваемой и рассматриваемой в качестве подсистемы в общей мультимодальной интегрированной многопроцессорной системе экобезопасности. Тем самым обуславливается необходимость получения репрезентативных эовиктимологических и эокриминовиктимологических аналитических данных наряду с другими эокриминологическо-криминологическими показателями в структуре единого экомониторинга на всей территории России.

Ключевые слова: эовиктимология, эокриминовиктимология, эовиктималистика, эовиктимологический мониторинг, эокриминальная и эокриминогенная виктимизация социума, эовиктим, экожертва, экопотерпевший, эодевиантология, эокриминология, криминалистика охраны окружающей среды, многофункциональная мультимодальная система в обеспечении экобезопасности.

I. Истинная эовиктимология — etymonoikosvictimalogos — и ее парадигма

О самом сложном, непознанном объекте эовиктимологического феномена следует излагать просто и доходчиво, но при этом зреть в подлинный корень происхождения эовиктима. Автор убежден, что каждый исследователь проходит свой предначертанный путь изысканий, и на этом тернистом научном пути в поиске криминологической истины — **etymoncrimenlogos** (дословно: истинная криминология, или наука об истине в криминологии, от греческого *etymon* — истина)

имеется много «подводных философско-криминогенных и экономических камней преткновения», но порой, приложив усилия и приподняв «эовиктимологические эластичные пласты эокриминологической истины», завесу, мы приоткрываем и очерчиваем эоцентрическую парадигму (приходящую на смену антропоцентризму) как путь к доселе недостаточно изведанному или вовсе непознаваемому объекту обусловленного представителем рода *homo sapiens* феномена происхождения экожертв — всеобъемлющей картины жертвоприношений в виде не поддающихся учету

экопострадавших в силу нескончаемого и только увеличивающегося потока не признаваемых (не опознаваемых) экопотерпевших и самого большого на земле «антропогенно-техногенного жертвенника», как безысходное поклонение «экоцидно-геноцидному монстру» — рукотворному идолу — чудовищу сотворенного человечеством, ошибочно именуемого экопреступником, и пагубных последствий, причисляемых к «безымянной» — латентной экопреступности (гл. 26 и др. составов УК РФ).

Обычный экопреступник никогда не сможет создать такой «экологический жертвенник» в мировом масштабе, ежесекундно поглощающий неисчислимо количество «коллективных и анонимных, безмолвно созерцающих неведомое зло как должное и безысходное поклонение» обреченных экожертв и их преждевременный летальный исход по известным причинам, но скрытым для общества последствиям причинно-следственной связи (в силу отсутствия эковиктима-индикаторов учета и социального контроля). Все известные уголовно-правовой науке жертвы и обстоятельства их происхождения от различных видов преступлений (включая жертв мировых войн) даже в совокупности не идут ни в какое сравнение с последовательно возрастающим эковиктимогенным массивом порождения эковиктима (экожертв) и последствиями необратимых эковиктимных (экожертвенных) мутагенных процессов на уровне всеобъемлющего мутагенезного паттерна. Если человечество не уничтожит «экологический жертвенник со своим экоцидным идолом», то этот «экожертвенник» неминуемо поглотит все живое на Земле, от биологического разнообразия не останется и следа, вопрос лишь времени в достижении расчетной эковиктимологической величины точки отсчета — невозврата, когда охват всеобщего эковиктимизационного процесса достигнет такого уровня, что человечество в силу полной деградации, ускоряемой новыми вспышками неопознанных эпидемий, токсичных отравлений и болезней, вызванных эмиссией загрязняющих веществ и ростом биоаккумуляционных химических **токсикантов и неопознаваемых канцерогенов**, будет не в состоянии противостоять этим угрозам. Вот как-то так в философско-метафорическом восприятии — образно и неожиданно в процессе эокримнологического исследования предстала перед нами эковиктимологическая истина — **etymonoikosvictimalogos** (истинная эковиктимология, или наука (дисциплина) об истине в эковиктимологии).

Всесторонний научно-обоснованный эковиктимологический прогноз был представлен нами в монографиях: 1. Экологическая криминология. Проблемы теории и методологии исследования экологической транснациональной преступности; 2. **Экологическая девиантология** (oikosdeviantology) как инструмент создания и развития гражданского общества, или «Над экологической пропастью во лжи» [1; 2].

При рассмотрении в научном социально-правовом — эковиктимологическом формате становится очевидным, что генезисом и основным источником происхождения экпотерпевших, экопострадавших (далее — экожертв) являются преступления против мира и безопасности человечества (гл. 42 УК РФ). Если действительно мы хотим докопаться до **etymonoikosvictimalogos** и раскрыть ее парадигму, отталкиваясь от представленного нами ранее концепта эокримнологико-криминалистической экосемиотологической модели постановки проблемы [3, с. 27–30], то исходя из объекта и предмета эковиктимологии и эокримновиктимологии пути решения сосредоточены в реанимации и дальнейшем совершенствовании дефиниций специальной ст. 358 «Экоцид» УК РФ, и в данном рассматриваемом аспекте во взаимосвязи и расширительном толковании со ст. 357 «Геноцид» — новых квалифицированных составов экопреступлений: экогеноцид, экобиоцид, экогенобиоцид, экосистемоцид (возможно, и по основным компонентам всей экосистемы: аквацид, атмосфероцид, почвоцид). Казалось бы, даже по существующим кодифицированным составам с точки зрения наук уголовно-правового цикла нет сомнений в том, что законодателем по объективным причинам были введены новые составы преступлений и размещены именно в указанной главе. Мог ли тогда регулятор предполагать, что ст. «Экоцид» (как, впрочем, и многие другие статьи, относящиеся к экопреступлениям, закрепленные в гл. 26 УК РФ) не получит своего должного правоприменительного развития и окажется в положении «мертворожденных законодательных актов», а судебно-следственная практика так и останется в зачаточном состоянии.

В этой связи одна из главных задач эокримнологической модульной системы представляется в разработке профилактического эковиктимологического мониторинга (наряду с другими мультимодальными мониторинговыми системами) и правоприменительного механизма в решении указанных проблем с криминализацией новых работающих составов и реанимацией бездействующих или их декриминализации. Одна из причин существую-

щих проблем кроется в том, что теоретики в данной области, сосредоточившись на экопреступнике и экопреступности, не осуществляли равноценного и одновременного подхода в исследовании феномена всеобщей эковиктимизации происхождения экожертв, взаимосвязанных эковиктимизационных процессов происхождения эковиктима не только в результате прямого экопреступного воздействия, но и в результате необратимых негативных экофакторов, последующего порождения неопределенного числа экожертв. Данная причина также является следствием отсутствия до настоящего периода эковиктимологической мониторинговой системы, позволяющей представить реальную статистическую картину по количественным и качественным составляющим.

Ради объективности следует признать, что эковиктимологическим процессам в ходе начального этапа экокриминалогических исследований мы не уделяли должного внимания. Конечно, рассматривали и анализировали происхождение жертв экопреступлений в лице человека, отдельно взятой страны (мегаполиса) и в масштабах мирового сообщества, экопотерпевших и экопострадавших, но они определялись узкими границами виктимологического аспекта в силу отсутствия специализированного направления, отвечающего заданному эковиктимологическому вектору проводимых изысканий (например, источник [4, с. 148, 269] и другие публикации, указанные в разделе «Литература»), но в разной степени, сосредоточив усилия на экопреступнике (экопреступности), это и понятно, исходя из предмета и объекта науки криминологии (учение о преступности), ведь если бы эта наука изначально называлась «криминовиктимология» (учение о преступности и ее жертвах), соответственно, и отраслевые направления, например, «экокриминовиктимология» (учение об экопреступности и порождаемых ею экожертвах), тогда, возможно, и подход был бы иным, тем не менее не благодаря нам, а, скорее, самой экокриминологии, которая, развиваясь по своей, подчас неведомой, спирали закономерности, вывела нас на этот значимый отраслевой сегмент, от которого в принципе зависят и должны рассматриваться складывающиеся отношения при взаимодействии «природа — человек — биота — социум — последствия» в сфере обеспечения экологической безопасности человечества и окружающей среды и их равноценной эковиктимологической защиты. Все это в совокупности приводит к новой парадигме, связанной с основательным переосмыслением устоявшегося

(стереотипно-догматического) подхода исключительного сосредоточения на преступнике, в нашем случае на экопреступнике, при этом в качестве экожертвы должен рассматриваться в равной степени не только человек, но и любой вид экосистемы, биоценоза. **В этом и кроется квинтэссенция сохранения и защиты всего взаимозависимого биоразнообразия, взаимообусловленного законами природы,** и необдуманное (научно необоснованное) вторжение в одну экосистему влечет к деградации с последующим убыванием других по взаимосвязанной природной (экосистемной) цепочке, когда один вид не в состоянии выжить без другого. Данные экосистемные зависимые процессы, в том числе системный круговорот вещей в природе, и их последствия в достаточной степени изучены ведущими учеными экологами (биологами, зоологами), представителями смежных и естественных наук и освещены в многочисленных тематических изданиях и СМИ, но недостаточно исследуются и учитываются в законотворческой деятельности при формировании соответствующих нормативных правовых актов и выработке единой экокриминалогической и эковиктимологической законодательной и юридической техники. Отсюда мы имеем многочисленные казусы, противоречия и самую высокую декларативность самого законодательства в данной сфере и отсутствие отлаженной правореализационной системы и правоприменительной практики.

II. Взаимообусловленное зарождение экокриминовиктимологии и эковиктимологии в недрах экокриминологии

Экокриминология вывела постулат на основе полученных результатов в процессе проводимых исследований, который изначально привел к созданию экокриминовиктимологии, а в последующем к необходимости выделения эковиктимологии в относительно самостоятельное направление, расширяющее границы познания, с охватом всех объектов исследования, продуцирующих эковиктимизационную закономерность и зависимость социума не только от учитываемых криминализованных составов экопреступлений, но и в большей степени не учитываемых, представляющих повышенную общественную опасность эковиктимизационных процессов, обуславливающих экосистемные последствия необратимой эмиссии загрязняющих веществ в окружающей среде. Тем самым обеспечивается самый массовый (анонимный, неопределяемый, не учитываемый и неуправляемый) виктимизационный феномен происхождения экожертв (эковиктима).

В данном контексте мы не случайно на первом этапе своих исследований стали рассматривать первоначально эокриминовиктимологию, а затем эовиктимологию в рамках экодевиантологии. В авторской концепции эовиктимология зародилась при разработке экодевиантологии в результате эокриминологического исследования, при этом вряд ли кто-то будет оспаривать историко-эволюционный факт того, что человечество в своем развитии гораздо раньше стало обращать внимание на отклоняющееся поведение своего сородича начиная с первобытно-общинного строя, и лишь гораздо позднее стали выделяться виктимологические признаки. Отсюда как рефлексия на эти выходящие за рамки обычаев (образа существования и выживания) девиантные (экодевиантные) отклонения стали возникать табу — прообраз зарождающейся регуляторной функции поведения неандертальцев, крома-ньонцев и других видов первобытных приматов, относящихся к *homo sapiens*. Рано или поздно на различных континентах «страх» перед природными катаклизмами, невозможность понимания и объяснения многих явлений и прочих условий выживания приводили к поклонению одухотворяемым языческим идолам. По всей видимости, кто-то захотел воспользоваться этими «страхами» и первым известил свое племя о необходимости умиловить (задобрить) того или иного духа, с которым ему (предполагаемому типу) якобы удалось войти в контакт, с «духом-покровителем», от которого, как утверждалось, по сути, зависел исход охоты, урожай, результат битвы (войн) и многие другие условия для выживания племени, принеся в дар жертву. При этом более предпочтительным считалась жертва из числа сородичей (что также предоставляло возможность избавиться от неугодных или запугать непокорных), так возникали жертвенники и служители данного культа — жертвоприносители (**victimarius** — заклатель жертвы). В нашем случае в качестве **victimarius** (**victimariusom**) выступает не только экопреступность с ее наиболее тяжкими видами, влекущими необратимые эовиктимологические процессы (**victimarius** — **эожертвы**), но и необдуманная антиэкологичная и иная лоббируемая политика, включающая эокриминогенные законы, порождением которых является всеобъемлющая эовиктимизация социума в угоду интересам крупного капитала, где приоритеты определяются глобальной олигархической властью (ГОВ), достигшей своего апогея влияния в текущем веке и ныне олицетворяющей всеобъемлющее мировое зло (более подробно см. доклад Д. А. Шестакова «К филосо-

фии преступности (о становлении свободного преступноведения)» (*Шестаков Д. А. Философия преступности и противодействия ей // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/468-filosofiya-prestupnosti-i-protivodejstviya-ey> (дата обращения: 27.09.2024)*).

При этом следует заметить, что с возникновением подлинных (признанных) мировых религий с язычеством в целом (за незначительным исключением) и жертвоприношениями (во всяком случае в виде человеческой плоти) было покончено на законодательном уровне, но ни одна религия и гражданское общество во всем мире до настоящего времени не смогли одолеть всеобъемлющее влияние выше указанного идола — «экоцидного монстра», которому продолжают поклоняться и приносить в жертву себя самих и все живое на Земле. Но если раньше люди обожествляли идолов, духов и приносили им в жертву соплеменников, пленников из-за страха, невежества и дикости, то теперь приносят в дар своих сограждан, детей и себя из-за наживы, беспечности в потреблении и по-прежнему остающегося капиталистическим эталоном — постмодернистского агрессивно насаждаемого невежества, обличенного потребительской сущностью прироста материальных благ любой ценой, оказавшегося выше любого страха и самосохранения своего биологического вида. Поэтому не следует удивляться тому, что будут происходить не всегда прогнозируемые явления, необъяснимые наукой (в среднесрочной и долгосрочной перспективе) возрастающие природные катаклизмы, агрессивные войны. Люди, все больше подвергнутые негативным эовиктимизирующим факторам и происходящим в их организме необратимым процессам, влияющим на кору головного мозга (вызывающие различные патологии нервной системы), будут вызывать спонтанные не адекватные реакции агрессии, ненависти, деградации психики, желания уничтожить свое окружение, близких или совершить суицид и т.п. Такие люди, подвержены повышенному токсическому канцерогенезу и низкой устойчивости иммунной системы, связанной со сниженной репарацией ДНК. Одни, попадая во властные структуры, будут нести только смуту, разрушения и агрессивные, ничем не обоснованные экоцидные, экогеноцидные войны, другие, теряя свои волевые качества и здоровый духовно-нравственный смысл своего существования, будут легко управляемы манипуляторами — глобальной олигархической властью (ГОВ), особенно со всей отчетливостью это проявляется в необъявленной войне ГОВ против России (*Данилов А. П. Политическая*

криминология об активной фазе войны глобальной олигархической власти против России (2022 — наст.) // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/465-vojna-globalnoj-oligarkhicheskoy-vlasti-protiv-rossii> (дата обращения: 27.09.2024)), включая создание секретных биолaborаторий вокруг границ России, при этом манипуляторы в своем невежестве и чрезмерном увлечении злом — «жертвоприношении себе подобных» — забывают о законе бумеранга.

Нельзя также забывать, что человек как биологическое существо представляет собой лишь то, что он ест, чем дышит и какую воду употребляет в пищу. Если человек (как, впрочем, и любое живое существо вне зависимости — добровольно или вынужденно) употребляет в пищу трансгенную, генно-модифицированную канцерогенную продукцию, дышит воздухом и пьет воду с содержанием токсичных веществ, превышающих предельно допустимое значение (концентрации) загрязняющих веществ, то в определенный момент он, как резервуар, заполняется токсичными веществами, тяжелыми металлами, часть из которых не вымывается из организма. Такое воздействие влечет мутагенез на клеточном уровне, включая мозг и нервную систему, как сильнодействующий наркотик, лишь разница в том, что в последнем случае с прекращением действия наркотического средства у наркомана происходит «ломка организма» и потребность в новой дозе, а в предшествующем, если последняя стадия процесса канцерогенеза запущена, то ее ничем не остановить (наглядно можно проследить на развитии онкологической болезни по стадиям). Отбросив медицинские показатели и последующие диагнозы, даже в философском понимании представляется, что «грязный человек» (наполненный эмиссией вредных веществ) по мере заполнения будет мыслить и творить только «грязное и злое», можно образно представить, что человек с токсичным функционалом мозга не сможет адекватно принимать решения и никак не сможет стать созидателем, это уже не тот (находящийся в гармонии с при-

родой) человек, который был создан и должен был развиваться в экологически чистой — благоприятной окружающей среде, приходит эра нового человека — «канцерогенного экомутанта», а значит разрушителя всего сущего на Земле. В этом основная проблема XXI в. Текущий век определит, способно ли человечество одуматься и жить в гармонии с природой или наступит последняя фаза — конец эволюционного, «цивилизационно-ноосферного» **процесса**, пребывания такого инородного природе человека на этой планете. Как известно, при критическом нарушении равновесия в природе (допустимого экосистемного баланса) или экосистема отторгнет, исключит из своей системы инородное тело (существо), или это существо окончательно уничтожит природу, а значит и себя.

Таким образом, в ходе последовательно проводимых на протяжении более четверти века междисциплинарных исследований, затем переросших в трансдисциплинарно-мультимодальные изыскания, наряду с другими ранее представленными экокриминалого-криминалистическими модулями [5] формированию экокриминаловиктимологии и эковиктимологии предшествовало создание экодевиантологии как относительно устойчивого социально обусловленного поведения экожертвы с присущими характерными чертами и закономерностями, кардинально отличающимися данный вид от иных жертв преступлений и различных типов девиантных отклонений. Соответственно, по мере выделения предмета, метода и других самостоятельных атрибутов вначале экодевиантология, а затем экокриминаловиктимология, и лишь в последующем эковиктимология, стали преобразовываться в научные направления, истребованные правоприменительной практикой. Но к таким выводам мы пришли не сразу, поскольку первоначально отталкивались от общепринятой виктимологической теории образования виктима, оказалось, что здесь совсем иная картина и для познания истинных причин экокриминального происхождения эковиктима требуется иная теория, которая отсутствует¹.

Литература

1. *Тангиев Б. Б.* Экологическая криминология. Проблемы теории и методологии исследования экологической транснациональной преступности. Palmarium Academic Publishing, 2014. 450 с.
2. *Тангиев Б. Б., Сазеева Н. Н., Атаманова Н. О.* Экологическая девиантология (oikosdeviantology) как инструмент создания и развития гражданского общества, или «Над экологической пропастью во лжи»: монография. 2005. 777 с.

¹ Продолжение исследования будет опубликовано в № 1 2025 г. (прим. ред.)

3. *Тангиев Б. Б.* Концептуальные основы правового обеспечения системы экологической безопасности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2012. № 3 (26). С. 27–30.
4. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения: монография. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. 430 с.
5. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos): трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление и его значение в интеграции и синхронизации модульных дисциплин (систем и интегрированных технологий) // *Союз криминалистов и криминологов.* 2023. № 3. С. 81–91.

References

1. *Tangiev B. B.* *Ekologicheskaya kriminologiya. Problemy teorii i metodologii issledovaniya ekologicheskoi transnatsional'noi prestupnosti* [Problems of theory and methodology of research of ecological transnational crime]. Palmarium Academic Publishing, 2014. 450 p. (In Russian)
2. *Tangiev B. B., Sazeeva N. N., Atamanova N. O.* *Ekologicheskaya deviantologiya (oikosdeviantology) kak instrument sozdaniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva, ili «Nad ekologicheskoi propast'yu vo lzhi».* Monografiya [Ecological deviantology (oikosdeviantology) as a tool for the creation and development of civil society, or «Over the ecological abyss in lies»]. 2005. 777 p. (In Russian)
3. *Tangiev B. B.* Kontseptual'nye osnovy pravovogo obespecheniya sistemy ekologicheskoi bezopasnosti [Conceptual bases of legal provision of the system of ecological security]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2012, no. 3 (26), pp. 27–30. (In Russian)
4. *Tangiev B. B.* *Ekokriminologiya (oikoscrimenlogos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimereniya.* Monografiya [Ecocriminology (oikoscrimenlogos) Paradigm and theory. Methodology and practice of law enforcement]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 430 p. (In Russian)
5. *Tangiev B. B.* *Ekokriminologiya (oikoscrimenlogos): transdistsiplinarno-mul'timodal'noe nauchnoe napravlenie i ego znachenie v integratsii i sinkhronizatsii modul'nykh distsiplin (sistem i integrirovannykh tekhnologii)* [Ecocriminology (oikoscrimenlogos): transdisciplinary-multimodal scientific direction and its importance in the integration and synchronization of modular disciplines (systems and integrated technologies)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of criminalists and criminologists], 2023, no. 3, pp. 81–91. (In Russian, abstract in English and German)

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Д.А. ШЕСТАКОВА. КРИМИНОФАМИЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Харламов Валентин Станиславович

Цель: раскрыть значение различных граней просветительской деятельности Д.А. Шестакова в развитии криминологии и образования; отразить его роль как родоначальника семейной криминологии; рассмотреть состояние современной криминофамилистики.

Методология: исторический метод, системно-структурный анализ, метод обобщения, синтез, метод сравнения.

Выводы. В педагогической и научной деятельности Д.А. Шестакова проявился его талант феноменального организатора, одаренного педагога и талантливого ученого. Современная отечественная семейная криминология активно развивается на научном фундаменте, заложенном ее основателем — почетным президентом Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Шестаковым.

Научная и практическая значимость. Представлены доктринальные инновации Д.А. Шестакова, ставшие фундаментом развития новейших криминологических отраслей, таких как семейная криминология, политическая криминология, богословская криминология, криминология массовых коммуникаций, криминология закона. Отражена специфика невско-волжской криминологической школы. Рассмотрены особенности российских диссертационных исследований по проблематике конфликтных отношений в семейно-брачной сфере.

Ключевые слова: семейная криминология, преступное поведение, превенция, виктимологическая ситуация, конфликтные отношения, внутрисемейное насилие.

Судьба случайно преподнесла мне неожиданный подарок. Четверть века назад посчастливилось познакомиться с Дмитрием Анатольевичем Шестаковым. В 1999 г. он был назначен моим научным руководителем кандидатской диссертации по криминофамилистической тематике и позже стал научным консультантом по докторской диссертации с аналогичной тематикой в сфере семейной криминологии. В процессе подготовки мною научных работ обращало на себя внимание его заботливое, чуткое и уважительное отношение к моей персоне и создаваемому творению. Дмитрий Анатольевич прочитывал каждый лист диссертационного исследования, многое подвергалось корректировке. При изучении ра-

боты поражали не только интеллект, энергетика, но и интуиция Д.А. Шестакова. Его научные прогнозы, сделанные во второй половине прошлого века, сбывались в веке нынешнем. Перед защитой и в ходе защиты диссертации постоянно чувствовалась его поддержка. Доброе и теплое отношение со стороны Дмитрия Анатольевича Шестакова сопровождает меня и по сей день. Он живо интересуется проводимыми научными исследованиями, подсказывает наиболее эффективные пути решения возникающих проблем.

Тесное общение с Дмитрием Анатольевичем открыло для меня в нем парадоксального ученого, широко эрудированного человека, увлекающегося и музыкой, и театром, и живописью, и литерату-

рой. Он обладает уникальным даром — редчайшими человеческими качествами, которые следует выделить особо. Один вид этого человека с мягкой улыбкой, пушисто-серебристой шевелюрой, тихим спокойным голосом, легким юмором поднимает настроение, привносит радость, отводит недуги. Сердца окружающих он покоряет оригинальностью, мудростью, прозорливостью. Его цельная натура поражает высоким интеллектом, интересом к окружающему миру, глубиной восприятия, гуманизмом, литературным даром. Изпод пера Д. А. Шестакова-прозаика вышли в свет повести, рассказы, романы. Свойственные ему искренность, юмор и скромность притягивают самых различных людей. Всепоглощающее обаяние формирует вокруг него магнитное поле. Так, незабываем остался сюжет на международной конференции в Баку, когда в моем присутствии ученые из Турции в количестве пяти молодых человек не давали проходу и не отходили от Дмитрия Анатольевича, пытаясь разгадать формулу любви, им выведенную. Веселье и добродушие сопровождало беседу с ними. Любопытна еще одна деталь. Непосредственно перед своим выступлением на этой международной конференции в Баку Д. А. Шестаков стал искать, но так и не нашел свои листы выступления с заранее подготовленным текстом. Поскольку я сидел вместе с ним, меня удивило его хладнокровие и виртуозность при изложении материала доклада без шпаргалки. Публика затаив дыхание слушала выступление Д. А. Шестакова. Следует отметить, что в ходе частных бесед со мной Дмитрий Анатольевич неоднократно наизусть декламировал стихи М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, А. А. Блока и других поэтов.

Для свободного выражения научных взглядов, обмена мнениями, обеспечения дискуссий ученых профессор Д. А. Шестаков вышел с инициативой создания в 2000 г. Санкт-Петербургского криминологического клуба. Дмитрий Анатольевич отечески сопровождал меня в этот храм преступноведения. В этом клубе я познакомился с корифеями науки о преступности. Среди них Давид Вениаминович Ривман, Эдуард Филиппович Побегайло, Геннадий Николаевич Горшенков, Яков Ильич Гишинский, Салман Умарович Дикаев, Сергей Федорович Милюков, Павел Александрович Кабанов. Активно функционирующий по настоящее время клуб получил международную известность и объединил криминологов из многих стран. На проводимых криминологическим клубом конференциях, семинарах, круглых столах выступали как молодые соискатели, так и маститые ученые. Среди зарубежных светил пре-

ступноведения выделим К.-Л. Кунца (Швейцария), Х.-Й. Альбрехта (Германия), Э. У. Гондолфа (США), Х. Кури (ФРГ), Х. Д. Аликперова (Азербайджан).

Профессор Д. А. Шестаков является основателем научного журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра». Этот первый в истории России криминологический журнал выходит с марта 2001 г. В журнале представлены результаты исследований о развитии новых отраслей науки о преступности и общей криминологической теории, нашли отражение частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Дмитрий Анатольевич внимательно следит за событиями в мире. Со страниц печати и в публичной дискуссии Д. А. Шестаков поднимал свой голос против агрессивной политики США и НАТО в защиту арабских государств, стран Европы и Азии. Его доклады и выступления всегда актуальны и злободневны. Безусловно, он является генератором идей, двигателем научной мысли.

Заслуженный деятель отечественной науки Д. А. Шестаков является автором свыше трехсот научных трудов по криминологии и уголовному праву. Великолепный ученый, вдумчивый педагог, незаурядный литератор — лишь маленькая толика достоинств его разносторонней натуры. Для ученых и практиков Дмитрий Анатольевич Шестаков — ярчайшая звезда на небосклоне не только отечественной, но и мировой криминологии. Известность ему принесли оригинальные разработки семантической концепции преступности и теории преступных подсистем. Указанные доктринальные инновации Д. А. Шестакова стали фундаментом развития новейших криминологических отраслей, таких как: семейная криминология, политическая криминология, богословская криминология, криминология массовых коммуникаций, криминология закона. Последние образовали в комплексе невско-волжскую криминологическую школу. Д. А. Шестаков одним из первых оценил проблемы преступности законодательной сферы и политической криминологии. Он обоснованно является родоначальником семейной криминологии как отрасли криминологии. Дмитрий Анатольевич Шестаков в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор». В 1986 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Криминологические проблемы семейных отношений». В числе его известных публикаций такие монографии, как «Введение в криминологию семейных отношений» (1980), «Убийства на почве семейных

конфликтов» (1981), «Супружеское убийство как общественная проблема» (1992), «Семейная криминология: семья — конфликт — преступление» (1996), «Семейная криминология: кримиофамилистика» (2003).

Первая отечественная научная статья по семейной криминологии опубликована в 1976 г. [1, с. 116–121]. С нее в стране и мире начинается криминологическое осмысление института семейных отношений. До упомянутой публикации внутрисемейные преступные проявления не выделялись из более широкого круга криминальных посягательств в сфере быта. Весомого прогресса в серьезных зарубежных научных исследованиях о домашнем насилии пока не наблюдается. Указанные работы ограничены преимущественно сферами медицины, психологии и социологии. Выделим в качестве типичных публикации доктора Дж. Арчера (Великобритания), исследователей Р. Блэнда и Х. Орна (Канада), социологов М. А. Штрауса и Р. Дж. Геллеса (США) [2, с. 651–680; 3, с. 129–137; 4, с. 151–166]. Исследований по семейной криминологии (или кримиофамилистике) опубликовано за рубежом крайне незначительное количество.

В современной России кримиофамилистика как отрасль науки продолжает активно разрабатываться. Защищено свыше полусотни диссертаций по рассматриваемой тематике. В их числе: Ф. Н. Аббасов «Семья и корыстная преступность» (1996), Е. А. Костыря «Внутрисемейное преступное поведение женщин в контексте проблем семейной криминологии» (1999), Д. Р. Усманова «Криминологические проблемы внутрисемейного преступного насилия» (2000), А. Н. Ильяшенко «Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (2003), В. И. Шахов «Насилие в семье (уголовно-правовое и криминологическое значение)» (2003), М. В. Молчанова «Внутрисемейное преступное насилие в отношении несовершеннолетних: причины, тенденции, противодействие» (2004), Л. А. Авдеева «Уголовно-правовая охрана семейных отношений» (2008), А. А. Ахматов «Внутрисемейное преступное поведение и противодействие ему в Республике Мордовия» (2008), Ф. А. Меликов «Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье» (2017).

Библиометрический анализ российских диссертационных исследований о конфликтных отношениях в семейно-брачной сфере, представленных на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, защищенных в России и ут-

вержденных ВАК (1999–2019 гг.), показал, что отраслевая структура российских диссертационных исследований по рассматриваемой проблематике включает в себя 7 отраслей науки [5, с. 181–188]. Лидируют по числу защит юридические (36,62%) и социологические (29,58%) науки. За ними в порядке ранжира следуют науки медицинские (14,08%), психологические (9,86%), педагогические (7,04%), исторические (1,41%) и философские (1,41%).

Труды профессора Д. А. Шестакова послужили первоосновой для дальнейшего развития кримиофамилистики. В частности, проблемы супружеского криминального насилия нашли отражение в исследованиях В. А. Шакиной, А. В. Лысовой, В. П. Очерedyкo, С. П. Лапина [7, с. 129–145; 8, с. 666–676]. Отдельным аспектам внутрисемейного криминального насилия посвящены диссертации Н. А. Гришко, К. Д. Зарубиной, А. Э. Побегайло, В. П. Ревина [9; 10; 11; 12]. Учеными более детально исследованы различные особенности семейных конфликтов, а также характер преступных посягательств, которые совершаются виновным в отношении членов своей семьи, своих родных и близких. Уголовно-правовые и криминологические оценки виктимологических ситуаций в сфере семейных отношений отражены в работах Н. Ю. Волосовой, Д. М. Галушко, Я. И. Гилинского, И. С. Ильина, О. С. Колмаковой, О. В. Лихачевой, И. А. Морчева, Д. В. Попова [13, с. 310–319; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Вопросы безопасности личности и иные меры антикриминальной превенции в семье представлены в публикациях А. А. Гаджиевой, В. И. Задорожного, Н. В. Исаева, Ю. А. Мельникова, А. Л. Ситковского, И. Р. Шикеры, О. В. Харченко [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Специфика виктимологической профилактики преступлений в отношении лиц определенных категорий: женщин, детей, пожилых граждан — рассмотрена в исследованиях И. С. Алихаджиевой, О. В. Барсуковой, Л. Бойченко, Н. П. Мелешко, Ю. Е. Пудовочкина, П. В. Шмарион [30; 31, с. 59–62; 32; 33; 34].

Такое внимание именно к указанным преступлениям обусловлено актуальностью исследований в связи с неснижающейся внутрисемейной агрессией. Девиациям в сфере семейных отношений способствуют такие достижения современной медицины, как трансплантация, пластические операции, изменяющие пол и внешний облик, искусственное оплодотворение, выращивание плода *in vitro* (в пробирке), а также усыновление детей от суррогатных матерей маргиналами, при-

дание легитимности сомнительному родительству гомосексуальных союзов. В семейной сфере происходят деструктивные социальные процессы. Среди них дезорганизация систем родства, рост межпоколенных конфликтов, ослабление отцовства и материнства, утрата сплоченности родителей и детей. Судебная практика свидетельствует о распространении фиктивных семейно-правовых состояний, основанных на корыстных мотивах, таких как инсценированные браки и разводы, фиктивные усыновления (удочерения) и приемное родительство [35, с. 157; 36, с. 7]. Возрастает угроза целостности и устойчивости семьи — фундаментальной клеточки человеческого общества, объединяющей в себе на протяжении тысячелетий ключевые начала существования любого государства. Криминализация семьи генерирует рост преступности в целом, деформируя процесс социализации, укрепления и развития позитивных общественных связей. Феномен преступного насилия заключается в том, что внутрисемейное насилие в отношении детей трансформируется в насилие среди несовершеннолетних и молодежи. Подрастающее поколение передает эту эстафету потомкам.

Интенсивные исследования преступности института семейных отношений способствовали тому, что семейная криминология заняла достойное место в научной школе преступных подсистем, или невско-волжской школе. На базе результатов трудов профессора Д. А. Шестакова в сфере криминофамилистики разработаны основы общей теории криминологической безопасности семьи и представлены интегрированные стратегии декриминализации семьи [37, с. 254–264]. Понятийный аппарат дополнен новыми категориями, такими как «правовое состояние семьи», «внутрисемейное психополе», «криминологическая безопасность семьи», «криминодеформация», «криминогенность деформации семейных отношений», «криминальные внутрисемейные риски». Последователи родоначальника криминофамилистики пытаются гармонизировать семейные отношения посредством совершенствования дей-

ствующего законодательства. Среди множества законодательных новаций отметим некоторые из них. В частности, предложено ввести в уголовное законодательство новые статьи: ст. 991 УК РФ «Принудительные меры коммуникативной превенции», ст. 1273 УК РФ «Незаконное коммерческое суррогатное материнство», ст. 1501 УК РФ «Вовлечение престарелого лица в совершение преступления» — и дополнить нормы уголовно-исполнительного законодательства ч. 15 ст. 16 УИК РФ «Учреждения и органы, исполняющие наказания» в следующей редакции: «Уголовно-исполнительные инспекции осуществляют контроль за применением принудительных мер коммуникативной превенции»; ч. 4 ст. 110 УИК РФ «Основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы» формулировкой: «Члены семьи осужденного вправе принимать участие в согласованных мероприятиях пенитенциарной превенции по исправлению виновного» [37, с. 350–351].

Таким образом, российская криминофамилистика активно развивается на научном фундаменте, заложенном ее основателем, и ориентирована на повсеместную гармонизацию семейных отношений в рамках взаимодействия с другими научными школами, образовательными учреждениями и отдельными учеными.

Знаменательно, что юбилейный для основателя криминофамилистики 2024 г. совпал с объявленным Указом Президента России от 22 ноября 2023 г. № 875 Годом семьи.

Свой юбилей празднует глубоко преданный делу криминологического образования известный педагог, ученый наивысшего уровня, взрастивший созвездие криминологов, талантливый организатор — почетный президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, мой научный наставник Дмитрий Анатольевич Шестаков. Наш юбиляр внес значительный вклад в развитие преступноведения, снискал безупречный авторитет и почтение в кругу единомышленников.

Литература

1. Шестаков Д. А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ. 1976. № 11. С. 116–121.
2. Арчер Дж. Половые различия в агрессии между гетеросексуальными партнерами: аналитический обзор // Психологический журнал. 2000. № 126. С. 651–680.
3. Блэнд Р., Орн Х. Насилие в семье и психические расстройства // Канадский журнал психиатрии. 1986. № 31. С. 129–137.

4. *Штраус М. А., Геллес Р. Дж.* Физическое насилие в американских семьях: факторы риска и адаптация к насилию в 8145 семьях // Transaction Books. Нью-Джерси: Нью-Брансуик. 1990. С. 151–166.
5. *Ковтун Г. С., Ефимова В. Л.* Российские диссертационные исследования насилия в семейно-брачной сфере (1999–2019): библиометрический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8 (98). Ч. 2. С. 181–188.
6. *Шакина В. А.* Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Иркутск, 2002. 204 с.
7. *Лысова А. В.* Насилие в добрачных и супружеских отношениях россиян // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 129–145.
8. *Лапин С. П., Очередыко В. П., Харламов В. С.* География криминального супружеского насилия в семье // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 666–676.
9. *Гришко Н. А.* Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Грозный, 2019. 28 с.
10. *Зарубина К. Д.* Социальное неблагополучие и насилие в семье (криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2013. 210 с.
11. *Побегайло А. Э.* Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2007. 30 с.
12. *Ревин В. П.* Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1994. 51 с.
13. *Волосова Н. Ю.* Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Matters of Russian and International Law. 2017. Т. 7. Вып. 3А. С. 310–319.
14. *Галушко Д. М.* Ювенальная виктимология (криминологические и социально-психологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2003. 149 с.
15. *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. 525 с.
16. *Ильин И. С.* Виктимологические аспекты убийств по найму: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2008. 195 с.
17. *Колмакова О. С.* Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2015. 198 с.
18. *Лихачева О. В.* Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тюмень, 2006. 205 с.
19. *Морчев И. А.* Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Краснодар, 2009. 25 с.
20. *Попов Д. В.* Насилие в составах преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2018. 168 с.
21. *Горшенков Г. Г.* Антикриминальная безопасность личности: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Ставрополь, 2009. 441 с.
22. *Задорожный В. И.* Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики. Тамбов: Першина, 2005. 161 с.
23. *Плешаков В. А.* Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1998. 323 с.
24. *Рахманова Е. Н.* Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. СПб., 2010. 379 с.
25. *Ситковский А. Л., Шикла И. Р.* Концептуальные основы виктимологической защиты жертв насильственной преступности: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2012. 120 с.
26. *Харченко О. В.* Виктимологические проблемы предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних (по материалам Санкт-Петербурга): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. СПб., 1999. 298 с.
27. *Гаджиева А. А.* Виктимология и ее роль в профилактике преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Махачкала, 2000. 206 с.

28. *Исаев Н. В.* Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Н. Новгород, 2003. 246 с.
29. *Мельников Ю. А.* Криминологическая безопасность несовершеннолетних, находящихся в ситуации социально опасного положения: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2007. 184 с.
30. *Алихаджиева И. С.* Женщина как жертва убийства. Криминологическая характеристика и социально-правовые меры предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 1999. 240 с.
31. *Бойченко Л.* Женская преступность, вопросы преодоления домашнего насилия, преступления против женщин в Республике Карелия // *Права женщин в России*. 1999. № 4–5. С. 59–62.
32. *Барсукова О. В.* Старческая преступность и преступления пожилого возраста: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Владивосток, 2003. 203 с.
33. *Пудовочкин Ю. Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2005. 364 с.
34. *Шмарион П. В.* Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в семье в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тамбов, 2010. 285 с.
35. *Алиева А. И., Аюбова Ш. И., Каримулаева Э. М.* Фиктивность брака осужденных лиц // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 4 (95). С. 157–158.
36. *Блинков О. Е., Толченкина М. Э.* О фиктивности брака с участием лиц, осужденных к лишению свободы // *Семейное и жилищное право*. 2014. № 6. С. 7–11.
37. *Кочин А. А., Харламов В. С.* Противодействие криминальному насилию в семье: проблемы интерпретации и правоприменения. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. 408 с.

References

1. *Shestakov D. A.* Ob odnom iz aspektov kriminogennoi situatsii [On one of the aspects of the criminogenic situation]. *Vestnik LGU [Bulletin of LSU]*, 1976, no. 11, pp. 116–121. (In Russian)
2. *Archer J.* Polovye razlichiya v agressii mezhdru geteroseksual'nymi partnerami: analiticheskii obzor [Sexual differences in aggression between heterosexual partners: an analytical review]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2000, no. 126, pp. 651–680. (In Russian)
3. *Bland R., Orn H.* Nasilie v sem'e i psikhicheskie rasstroistva [Domestic violence and mental disorders]. *Kanadskii zhurnal psikiatrii [Canadian Journal of Psychiatry]*, 1986, no. 31, pp. 129–137. (In English)
4. *Strauss M. A., Gelles R. J.* Fizicheskoe nasilie v amerikanskikh sem'yakh: faktory riska i adaptatsiya k nasiliyu v 8145 sem'yakh [Physical violence in American families: risk factors and adaptation to violence in 8145 families]. *Transaction Books*. New Jersey, New Brunswick, 1990, pp. 151–166. (In English)
5. *Kovtun G. S., Efimova V. L.* Rossiiskie dissertatsionnye issledovaniya nasiliya v semeino-brachnoi sfere (1999–2019 gg.): bibliometricheskii analiz [Russian dissertation research on violence in the family and marital sphere (1999–2019): bibliometric analysis]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Scientific Research Journal]*, 2020, no. 8 (98), part 2, pp. 181–188. (In Russian)
6. *Shakina V. A.* Zhenshchina kak zhertva semeinogo nasiliya v supruzheskikh otnosheniyakh: problemy, prichiny, preduprezhdenie [A woman as a victim of family violence in marital relations: problems, causes, prevention]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Irkutsk, 2002. 204 p. (In Russian)
7. *Lysova A. V.* Nasilie v dobrachnykh i supruzheskikh otnosheniyakh rossiyan [Violence in premarital and marital relations of Russians]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2008, vol. XI, no. 3, pp. 129–145. (In Russian)
8. *Lapin S. P., Ochered'ko V. P., Kharlamov V. S.* Geografiya kriminal'nogo supruzheskogo nasiliya v sem'e [Geography of criminal marital violence in the family]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 666–676. (In Russian)
9. *Grishko N. A.* Prestupnoe nasilie, sovershaemoe zhenshchinami v semeino-bytovoi sfere [Criminal violence committed by women in the family and household sphere]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Grozny, 2019. 28 p. (In Russian)
10. *Zarubina K. D.* Sotsial'noe neblagopoluchie i nasilie v sem'e (kriminologicheskoe issledovanie) [Social disadvantage and domestic violence (criminological research)]. Diss. kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2013. 210 p. (In Russian)

11. *Pobegailo A. E.* Semeinoe neblagopoluchie v sisteme determinatsii prestupnogo povedeniya nesovershennoletnikh [Family problems in the system of determining the criminal behavior of minors]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2007. 30 p. (In Russian)
12. *Revin V. P.* Sovremennye problemy izucheniya i organizatsii bor'by s prestupleniyami v sferakh semeino-bytovykh i molodezhno-dosugovykh otnoshenii [Modern problems of studying and organizing the fight against crimes in the spheres of family, household and youth leisure relations]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1994. 51 p. (In Russian)
13. *Volosova N. Yu.* Semeinoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdistsiplinarnogo kharaktera [Family (domestic) violence as an interdisciplinary problem]. *Matters of Russian and International Law [Matters of Russian and International Law]*, 2017, vol. 7, issue 3A, pp. 310–319. (In Russian)
14. *Galushko D. M.* Yuvenal'naya viktimologiya (Kriminologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy) [Juvenile victimology (Criminological and socio-psychological problems)]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2003. 149 p. (In Russian)
15. *Gilinskii Ya. I.* Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh «otklonenii» [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other «deviations»]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2007. 525 p. (In Russian)
16. *Il'in I. S.* Viktimologicheskie aspekty ubiistv po naimu [Victimological aspects of murders for hire]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2008. 195 p. (In Russian)
17. *Kolmakova O. S.* Prestupleniya, posyagayushchie na prava rebenka v sfere semeinykh otnoshenii [Crimes encroaching on the rights of the drchild in the field of family relations]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2015. 198 p. (In Russian)
18. *Likhacheva O. V.* Latentnaya zhertva nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh v sfere semeinykh otnoshenii [Latent victim of violent crimes committed in the sphere of family relations]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tyumen', 2006. 205 p. (In Russian)
19. *Morchev I. A.* Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh v sem'e [Victimological aspects of the prevention of violent crimes committed in the family]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Krasnodar, 2009. 25 p. (In Russian)
20. *Popov D. V.* Nasilie v sostavakh prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh [Violence in crimes against the family and minors]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2018. 168 p. (In Russian)
21. *Gorshenkov G. G.* Antikriminal'naya bezopasnost' lichnosti [Anti-criminal personal security]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Stavropol', 2009. 441 p. (In Russian)
22. *Zadorozhnyi V. I.* Viktimologicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie merami viktimologicheskoi profilaktiki [Victimological safety and its provision by measures of victimological prevention]. Tambov: Pershina Publ., 2005. 161 p. (In Russian)
23. *Pleshakov V. A.* Kriminologicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie v sfere vzaimovliyaniya organizovannoi prestupnosti i prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological security and its provision in the sphere of mutual influence of organized crime and juvenile delinquency]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1998. 323 p. (In Russian)
24. *Rakhmanova E. N.* Zashchita prav cheloveka ot prestupnosti v usloviyakh globalizatsii [Protection of human rights from crime in the context of globalization]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. St. Petersburg, 2010. 379 p. (In Russian)
25. *Sitkovskii A. L., Shikula I. R.* Kontseptual'nye osnovy viktimologicheskoi zashchity zhertv nasil'stvennoi prestupnosti. Uchebnoe posobie [Conceptual foundations of victimological protection of victims of violent crime. Textbook]. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2012. 120 p. (In Russian)
26. *Kharchenko O. V.* Viktimologicheskie problemy preduprezhdeniya prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh. Po materialam Sankt-Peterburga [Victimological problems of preventing crimes against the family and minors. Based on the materials of St. Petersburg]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. St. Petersburg, 1999. 298 p. (In Russian)
27. *Gadzhieva A. A.* Viktimologiya i ee rol' v profilaktike prestuplenii [Victimology and its role in crime prevention]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Makhachkala, 2000. 206 p. (In Russian)
28. *Isaev N. V.* Viktimologicheskoe napravlenie predupreditel'nogo vozdeistviya na prestupnost' [Victimological direction of preventive impact on crime]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. N. Novgorod, 2003. 246 p. (In Russian)

29. *Mel'nikov Yu.A.* Kriminologicheskaya bezopasnost' nesovershennoletnikh, nakhodyashchikhsya v situatsii sotsial'no-opasnogo polozheniya [Criminological safety of minors in a situation of socially dangerous situation]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2007. 184 p. (In Russian)

30. *Alikhadzhieva I.S.* Zhenshchina kak zhertva ubiistva. Kriminologicheskaya kharakteristika i sotsial'no-pravovye mery preduprezhdeniya [A woman as a murder victim. Criminological characteristics and socio-legal measures of prevention]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 1999. 240 p. (In Russian)

31. *Boichenko L.* Zhenskaya prestupnost', voprosy preodoleniya domashnego nasiliya, prestupleniya protiv zhenshchin v Respublike Kareliya [Women's crime, issues of overcoming domestic violence, crimes against women in the Republic of Karelia]. *Prava zhenshchin v Rossii [Women's rights in Russia]*, 1999, no. 4–5, pp. 59–62. (In Russian)

32. *Barsukova O.V.* Starcheskaya prestupnost' i prestupleniya pozhilogo vozrasta [Senile crime and crimes of the elderly]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Vladivostok, 2003. 203 p. (In Russian)

33. *Pudovochkin Yu.E.* Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy preduprezhdeniya prestuplenii protiv nesovershennoletnikh [Criminal law and criminological problems of preventing crimes against minors]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2005. 364 p. (In Russian)

34. *Shmarion P.V.* Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh v sem'e v otnoshenii nesovershennoletnikh [Criminological characteristics and prevention of violent crimes committed in the family against minors]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tambov, 2010. 285 p. (In Russian)

35. *Alieva A.I., Ayubova Sh.I., Karimulaeva E.M.* Fiktivnost' braka osuzhdennykh lits [Fictitious marriage of convicted persons]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian Legal Journal]*, 2016, no. 4 (95), pp. 157–158. (In Russian)

36. *Blinkov O.E., Tolchenkina M.E.* O fiktivnosti braka s uchastiem lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody [On the fictitiousness of marriage involving persons sentenced to imprisonment]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*, 2014, no. 6, pp. 7–11. (In Russian)

37. *Kochin A.A., Kharlamov V.S.* Protivodeistvie kriminal'nomu nasiliyu v sem'e: problemy interpretatsii i pravoprimereniya [Countering criminal violence in the family: problems of interpretation and law enforcement]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., 2019. 408 p. (In Russian)

О ПОСТЛИБЕРАЛИЗМЕ И ФИЛОСОФСКОМ МЕТОДЕ В ПРЕСТУПНОСТИВЕДЕНИИ

Шестаков Дмитрий Анатольевич

Цель: изложить авторское видение о философском методе в преступноведении в условиях постлиберализма, то есть усиления внимания к олигархической (внутригосударственной и глобальной) преступности.

Методология: диалектический, формально-логический, структурный, статистический методы, анализ, синтез, индукция.

Выводы: Философия преступности как грядущий раздел преступноведения вытекает из обобщения наиболее значимых понятий и положений, выработанных этой наукой за несколько последних десятилетий. Преступноведение — наука о зле в крайних его проявлениях. Зло есть непреходящая составляющая воспроизводимого миропорядка. Ко злу относятся не только преступления, но и жестокие крайности противодействия ему. Пора переходить от плоскостного к пространственно-временному видению преступности. В условиях направляемой глобальной олигархической властью преступной враждебности против России возрастает криминологическое значение деятельной русской духовности.

Научная и практическая значимость. Потребность в переходе преступноведения на постлиберальный этап возникла в связи с тем, что хорошее слово «либерализм» (от лат. *liberalis* — свободный) оказалось скомпрометировано. В своей преступноведческой деятельности автор этой статьи всегда был за свободу научного творчества и за человеколюбивую реакцию государства на преступность. Автором не раз отмечалась криминологически значимая роль обогатившейся — предположительно преступным путем — внутренней олигархии.

Ключевые слова: зло, духовность, миропорядок, постлиберализм, русскость.

Она не погибнет — знайте!

Она не погибнет, Россия.

Зинаида Гиппиус

Философия преступности в конечном счете сводится к двум вопросам: о происхождении зла и пределах наказания за него.

Преступноведческое учение на пути к постлиберализму

Если некто, заглянувший в эту статью, преступность представляет себе как совершающееся в обществе множество преступлений, то ему надо отложить статью в сторону и прежде, чем браться за нее вновь, прочитать в моем учебнике по криминологии (преступноведению) (слова «преступноведение» и «криминология» равнозначны) параграф «Понятие преступности», ознакомиться

с семантическим подходом. С помощью того же учебника желательно разобраться, что значит «преступление в криминологическом смысле (*per se*)». Еще одно предварительное действие — осмысление модели «кратер (воронка) преступности», о которой можно узнать у меня в «Преступности политики».

Применительно к развитию возродившейся в нашей стране в 60-е гг. минувшего столетия науки о преступности ранее мной было обозначено четыре этапа: *детерминистический* — формирование диалектической школы; *плюралистический* — появление несопадающих подходов к определению и объяснению преступности, формирование новых научных отраслей и школ (психологическая школа, школа преступных подсистем, девиантологическое направление); *либеральный* — критика института уголовного наказания, постановка вопроса о преступности государственной власти (школа преступ-

ных подсистем, девиантологическое направление); *постлиберальный* — усиление внимания к олигархической (внутригосударственной и глобальной) преступности (школа преступных подсистем).

Потребность в переходе преступноведения на постлиберальный этап возникла в связи с тем, что хорошее слово «либерализм» (от лат. *liberalis* — свободный) оказалось скомпрометировано. В своей преступноведческой деятельности автор этой статьи всегда был за свободу научного творчества и за человеколюбивую реакцию государства на преступность. Я безоговорочно против смертной казни и сверхдлительных сроков лишения свободы. В тех случаях, когда не согласен с государственной властью, открыто об этом заявляю. Мною не раз отмечалась криминологически значимая роль обогатившейся — предположительно преступным путем — внутренней олигархии.

Наше свободомыслие состоит в стремлении к свободе от мировой и внутренней олигархии. Автор статьи — за свободу, за человеколюбивый патриотизм (лучше сказать, человеческое родолюбие) (термин «родолюбие» введен А. П. Даниловым [1, с. 280]). Назначение нашей державы мне видится, помимо прочего, в том, чтобы ограничить глобальную олигархическую власть, противодействуя ее преступной деятельности.

Вселенский разум как идематерия

Говоря о философии преступности, мы следуем гегелевской традиции, ибо Георг Вильгельм Фридрих Гегель разработал в качестве составного звена философии некую науку о праве. По его мнению, в философском познании права главным является *необходимость понятий, их развития* [2, с. 14–15]. Науку о преступности следует приблизить — и это понемногу уже делается — к миропониманию в целом. Видение преступности должно быть увязано с общими закономерностями бытия. Надо попытаться узреть преступность и ответы общества на нее сквозь лупу философских понятий и приемов. Философия преступности в качестве грядущего раздела преступноведения представляет некое мировоззренческое знание, вытекающее из обобщения наиболее значимых понятий и положений прочих отраслей этой науки. Данный раздел появляется не изначально, но как определенный итог развития мысли.

Прежде всего — основополагающий вопрос, вопрос о Боге. Почему я не верю в естественное мироразвитие? Хотя бы потому, что, поражаясь устройству мозга, в особенности сверхсовершенного мозга человеческого, заключаю без каких-либо сомнений: оно не могло возникнуть в итоге саморазвития («эволюции»). Нужен был толчок извне, свыше.

Вообразить себе Создателя во всем Его величии — задача для смертного, разумеется, непосильная. На человеческом же уровне, если стремиться к абсолютному обобщению, Он предстает мне безвременным знаком бесконечности. (Без серединного пересечения?) Пространственно видится вселенский разум как *идематерия*, а именно как единство всего сущего. К подобному пониманию в свое время пришел и Д. С. Мережковский: «И Ты открылся мне: Ты — мир. Ты — все».

Сущее сотворено и направляется волей Всевышнего. В Библии сказано: «И увидел Бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). Для преступноведа, однако, важно осознать, что в само мироустройство заложены зло и страдания в виде борьбы за существование. Ф. М. Достоевский устами князя Мышкина приходит к заключению: «Страдание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Выходит, зло, и в частности крайние («преступные») его проявления, есть непременная (необходимая?) составляющая воспроизводящегося миропорядка.

От осознания зла к смягчению ответственности

Преступноведению, то есть науке о зле в крайних его проявлениях, надо бы приблизиться к определению зла как такого. Задача непростая. Но без этого ключевого понятия получается, что она есть наука о том, сама не знает, о чем.

Владимир Сергеевич Соловьев усматривал во зле общее свойство всей природы, связывая его с напряженным самоутверждением и отрицанием всего другого [3, с. 131–132]. Он писал: «Первоначальное происхождение зла может иметь место лишь в области вечного доприродного мира» [3, с. 135]. Николай Александрович Бердяев, со своей стороны, считал зло абсолютно иррациональным, безосновным и потому вообще рационально не постижимым, необъяснимым [4, с. 166]. В его понимании Бог, единственный источник бытия, однако, не может быть источником зла. По Бердяеву, основа зла — в безосновной бездне, которая есть небытие, ничто, но вместе с тем потенциально содержит все возможности бытия. Небытие же «есть предел скуки, пустоты, бессилия» [4, с. 184]. Такое видение представляется противоречивым. Ведь раз зло в бытии, единственным источником которого является Бог, присутствует, то, стало быть, и оно, зло, потребовавшееся вселенной (возможно, на ограниченное время?), создано тоже Всевышним.

Притяжение, как и отталкивание (возникающее при взрыве либо при вращении), наверное, имеют определенное предназначение. Эти свойства сущего заложены в природу, во-первых,

для распределения космических тел в возможно большем пространстве, для освоения его, во-вторых, для их удержания в рамках определенных космических систем. Благодаря им в космосе возникает природное равновесие, которое обеспечивается «неведомо откуда взявшимися» законами притяжения и центробежной силы. Гибель и преобразование прекрасных тел неживой природы, в том числе планет и неохватно громадных звезд, служит для ее, природы, развития и совершенствования; подготавливает возникновение мира живого.

При разрушительно-созидательных столкновениях, ведущих к сокрушению прежнего и возникновению нового, а также при внутренних взрывах звезд повреждаются или безвозвратно гибнут замечательные природные тела. Такие события, происходившее в космосе задолго до появления живых существ, в качестве зла едва ли могут расцениваться. Объективное зло появляется вместе с возникновением жизни. Впрочем, рассуждая идеалистически, можно солидарно процитированным выше философам предположить существование (задолго до появления жизни) идеи и замыслов разрушительных событий.

Растительно-животный мир основан на борьбе за существование, в нем происходит смертоносное вытеснение и, у животных, пожирание одних особей другими. Зверями, а возможно, и растениями агрессивность вооружившейся против них части окружающего мира воспринимается как нечто нежелательное, опасное. Им не дано обобщенно осуждать эти угрозы и нападения со стороны себе подобных. Враждебность окружающего мира ощущается ими как данность. Но объективно смертельная борьба за выживание — это уже зло, потому что приносит во вселенную страдание.

Человек в своем развитии начинает с того, что уже имелось у зверей, но со временем начинает расценивать недобрые проявления по отношению к нему и его общественному слою как нечто единое, деятельно враждебное, вредоносное, то есть как зло. Так, собственно, представление о зле приходит и становится одной из значимых составляющих человеческого сознания. По всей видимости, представление у людей о зле возникло прежде представления о добре, которое стало отслеживаться в качестве противоположности злу. Д.Л. Андреев замечал, что формами и масштабами зло разнообразно почти до бесконечности, но основа всегда одна и та же: стремление к утверждению себя за счет остальных и всего остального [5, с. 19]. Соотношение зла и уравнивающего его добра подобно соотношению сил отталкивания и притяжения.

Преступноведение работает с людскими поступками. В его рамках под злом мы понимаем деятельность людей, которая причиняет вред природе, выделившемуся из нее человеку, народу, человечеству. Особо подчеркну, вред человеку, человеку как таковому (*per se*), не всегда и не во всем хорошему, даже преступнику. Вот оно, в отличие от бытового разговора, преступноведческое философствование.

Первоначально зло расценивалось людьми эгоцентрично и группоцентрично: вред лично мне и вред связанным со мной людям. Назовем такое восприятие диким. Оно существует да, пожалуй, и преобладает даже в современном мире. Его используют узкие объединения влиятельных людей — тех, кто в своих интересах затевает войны. Ныне в планетарном измерении таким объединением выступает ГОВ (глобальная олигархическая власть).

Да будет мне позволено высказать нижеследующее предположение. Всевышний по мере развития вселенной счел, что мироустройство, основанное на смертельной войне между живущими, следует применительно к человечеству смягчить. В Новом Завете сказано: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанн 3:16). Божественно освященная нравственность призвана влиять, разумеется, не только на человека, удерживая его от греха («не убей, не укради...»), но и на уголовное право («не убей», смягчи гнев свой).

Совершенство сотворенный им мир, Спаситель привнес на Землю новое стремление, стремление не к группоцентричному, но к абсолютному добру. С тех пор в человечестве наряду с темным тяготением наличествует тяготение просветленное. В качестве зла, которое необходимо шаг за шагом ограничивать, трактуется автором настоящих строк не только преступление (2006), но и жестокие крайности противодействия ему. Как сказал Ф. Ницше, «кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем» [6, с. 301].

Философско-преступноведческая триада

В последние четыре с лишним десятилетия в науке о преступности происходило углубление некоторых из основополагающих категорий. Их осмысление в связи с феноменом зла в широком временном и пространственном его понимании, на мой взгляд, придает им философское звучание. Конечно, прав Ильгам Мамедгасанович Рагимов, полагающий, что понятия «преступление» и «наказание» следует отнести к категориям

философским, «поскольку право, правовые науки, в частности уголовное право и криминология, не в состоянии ответить на интересующие нас вопросы» [7, с. 8]. К таковым относятся предложенные мной семантическое понятие преступности (1981), понятия многослойной воронки (кратера) преступности (2006) и преступной глобальной олигархической власти (2013).

Семантическая концепция оказала влияние на развитие общей преступноведческой теории в России. У нас в стране постепенно происходит отход от простейшего сведения преступности к сумме преступлений в сторону усмотрения в ней процесса их воспроизводства. О семантическом подходе можно говорить и как о языкознательном методе в преступноведении.

Эта философско-преступноведческая триада известна добросовестно работающим преступнововедам. Поэтому нет нужды ее здесь вновь подробно разбирать. Возражений по поводу семантического определения преступности и в целом против ее вертикального строения мне пока неизвестно. Некоторые сомнения по поводу глубинного уровня воронки (глобальная олигархическая преступность) были приведены мне в переписке коллегой из дальнего зарубежья.

Признавая агрессивность западной политики, он высказал тем не менее сомнение в том, что такая политика направляется узким кругом влиятельных людей. По его мнению, эта внешнеполитическая агрессивность исходит, скорее, от военно-промышленного комплекса и тех западных политиков, которые стремятся сдерживать мировое влияние России и Китая в качестве великих держав. «На переднем плане, — пишет он, — я вижу военные и политические интересы, а не отдельных участников этих интересов».

В общем, меня можно было бы обвинить в бездоказательности существования ГОВ и, соответственно, глобальной олигархической преступности. Предположение, а затем убежденность у меня возникли из понимания, что сверхбогатые люди — а их не так уж много — обсуждают между собой, как сберечь и приумножить свои деньги. Я про это писал в моей книге «Преступность политики» (2013). Доверительные разговоры столь деловых людей, полагаю, не умоглядны, но порождают достаточно сплоченную деятельность, задачи и механизмы которой держатся в тайне. Поэтому, по всей видимости, все же существующие, а не воображаемые сообщества богатейших из олигархов (по оценкам специалистов, их число не превышает трех сотен) скрыты, и неизвестно, учреждено ли так называемое мировое правительство. Но в поле зрения на-

ходятся Большая восьмерка (G 8), Бильдербергская группа, Всемирный экономический форум (ВЭФ) в швейцарском Давосе, Совет по международным отношениям США и т.д. Названные сборища служат согласованию интересов сверхбогатеев, выработке ими преступных планов наступательного управления планетой, направленных помимо прочего на разжигание войн.

Повторю сказанное мною раньше. Глобальная олигархическая власть — это не парламенты и даже не «военно-промышленный комплекс», но самая сущность (*quinta essentia*) корыстного мирового зла. Выпирающая за пределы одного лишь преступноведения проблема ГОВ должна стать предметом философского осмысления нарастающей мировой драмы в интересах всего человечества.

Бездуховность в причинном сплаве преступноведения

Противодействие преступности следует по пятам ее воспроизводства. А ядро учения о воспроизводстве преступности образует представление об общественных противоречиях как о причинах, вызывающих совершение преступлений. В свое время (2012) мною были названы три основные относящиеся к областям сознания и бытия противоречия, порождающие преступления. Вадим Вячеславович Колесников дополнил учение о воспроизводстве преступности, указав на криминально-генные противоречия сферы экономики [8, с. 25]. Здесь уместно отметить извечность основных из воспроизводящих преступность причинных противоречий, их вплетенность в само существо мироустройства, в его сердцевину.

И вместе с тем преступность далеко не полностью осмысляется рационально. Любопытны слова Геннадия Николаевича Горшенкова о постижении начал преступного зла в связи с метафизическим, антидиалектическим воздействием Луны, происходящим в отрыве от физики реального мира [9, с. 144]. И. М. Рагимов замечает: «В преступном деянии всегда остается нечто загадочное и таинственное, пребывающее на глубинных уровнях, непроницаемых для криминологического анализа» [7, с. 19]. Ханлар Джафарович Аликперов усматривает во многих видах индивидуального преступного поведения исторически обусловленную объективную закономерность, утвердившуюся на *Земле* задолго до возникновения государства и права (Аликперов Х. Д. *Проблемы причинности в криминологии* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/438-problemy-prichinnosti-v-kriminologii> (дата обращения: 09.05.2022)).

Поскольку здесь мы приблизили науку о преступности ни много ни мало к мироустройству, к сердцевине мироздания, постольку из трех основополагающих причин преступности выделю ту, которая связана с противостоянием духовности. Ведь духовность не от мира сего, она возвышается над земным миром. Противоречие между потребительством и духовностью проявляется и в ослаблении национальной идеи. Обращу внимание на нынешнее торгашеское состояние общества, состояние, в которое по примеру капиталистических стран впала тоже капитализировавшаяся Россия. Отмечу также нарастание коррупции, обусловленное возросшей покупаемостью власти. Выскажусь крамольно: власть общества, построенного на одном лишь стремлении чего-нибудь побольше продать безотносительно к качеству товара, не может не быть поражена продажностью. Самопродажа проституток и чиновников всех уровней на гнилой почве бездуховности пышно расцветает. В таких условиях полномочия властные, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные легко становятся товаром.

Вопрос о противостоянии духовности и бездуховности чрезвычайно важен. Ощущая это, к данному вопросу многократно я прикасался. Поверхностно в свое время притронулся и к проблеме духовности уже в связи с преступной корыстью, в частности, по поводу «торговли людьми». Тогда обозначилась задача преодоления идеологии золотого тельца, да и вообще в любом виде преобладания меркантильного над идеальным.

Постепенно все отчетливее ощущалась потребность в преступноведчески значимом определении духовности, и вот как я ее некогда обозначил. Духовность человека — это умение отрешиться от вещного и получать полноту мироощущения посредством интеллектуальной, эстетической, эмоциональной деятельности, которая в значительной мере абстрагируется от своей материальной основы. Важная составляющая часть духовности — связь с Родиной. Духовность не появляется на ровном месте, ее развитие требует определенного объема жизни нескольких поколений.

Дальнейшее вглядывание в глубь преступности, на дно ее кратера (занятие жутковатое, ведь недаром замечено мыслителем, «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» [6, с. 301]), позволяет осмыслить сначала наукой, а потом и обществом корень преступного зла в целом. В качестве такового нам предстало паразитирующее вороватейство (всемирного масштаба «олигархия»), которое олицетворяет *гибельную бездуховность саморазрушающегося человечества*. При постановке вопроса

о постмодернистском (постлиберализм не путайте с постмодерном, уважаемый читатель!) преступноведческом учении суть вреда политики, направляемой по планете воровачами, раскрылась в том, что эта их политика мешает человеку преобразовывать мир, быть в нем активным, совместно с другими изменять окружающую среду и самих себя.

Еще раз подчеркну, что без учета предопределяющих преступность причинных противоречий разговор о противодействии ей выходит ни шатким ни валким, поверхностным, недостаточно обобщенным, что можно видеть во многих преступноведческих статьях и книгах.

К противопреступному антикратеру

Строя приведенное здесь определение духовности, ощущал я донесшуюся через искусство мощную подпитку неких, можно сказать, сверхъестественных сил. Таким образом, например, в «Полете валькирий» у Рихарда Вагнера мною услышано ошеломляющее музыкальное олицетворение противоречия между духовностью и корыстно-властным злом и призыв подняться вагнеровской мощью на защиту высших, духовных ценностей. Так я писал в 1983 г.

Однако более ранние по времени творческие искания Даниила Леонидовича Андреева расширяют видение духовности до бесконечности в безмерном пространстве, он усматривает ее проявления не только в человеческом, но также в животном, растительном и неживом мире. О людях, подобных Даниилу Леонидовичу и его жене художнице Алле Александровне, в советское время говорили: «Эти из бывших». Пройдя через ужасы сталинского ГУЛАГа, супруги Андреевы сумели сохранить в себе чрезвычайно светлое восприятие мира. Широта его мысли поистине космическая. Применительно же к России он полагал нужным воспитание в нашей нации чуткого отношения к другим культурам, другим психологиям, укладам, мировоззрениям, к которым следует проявлять понимание, интерес, терпимость и любовь. Сутью такого отношения «является устремление духовно обогащаться самому, духовно обогащая всех» [5, с. 162–163].

Противодействие преступности в мировом (земном) пространстве нуждается в одухотворении. А его философское осмысление должно увязать противодействие с видением грядущего одухотворенного мироустройства. Повевшая в философии свободного преступноведения духовность проявила тяготение к феномену *русскости*. Федором Михайловичем Достоевским — а без него немислима развивающаяся общая преступноведческая теория — раскрыта та черта русской души, которая

делает в условиях безумно-корыстного мира народ непобедимым. Это *иное, русское, отношение к деньгам, материальному* — у Родиона Раскольникова, князя Мышкина, Настасьи Филипповны...

Раскольников, хотя и совершает убийство двух пожилых женщин, изымая у них незначительные ценности, но делает это совершенно бескорыстно, преследуя иную цель, хотя и преступную, но не имеющую никакого отношения к материальной выгоде. Настасья Филипповна бросает в огонь камина преподнесенную ей будущим ее убийцей Парфеном Рогожиным весьма крупную сумму. Страсти ее души чрезвычайно далеки от соображений обогащения.

Русскость в жизненной реальности проявляется порой в небрежном отношении к собственному благоустройству, за небрежностью стоит готовность в минуту роковой для отечества опасности оставить без сожаления все нажитое и бескорыстно отдать себя защите России. За внешней беспечностью скрыта мощная готовность противостоять великому преступному злу. Восстановление связи с национальными корнями, преодоление русоненавистничества отношу я к противодействию внутреннему государственному, внутреннему олигархическому, внешнему государственному и планетарному олигархическому уровням преступности.

Упомянутый Д. Л. Андреев провидчески сожалел о том, что наша страна в ее историческом развитии не обратила духовного взора на Восток вплоть до Индийского океана. Он писал: «Двести лет продолжалось у нас культурное паломничество на Запад. Оно было необходимо, неизбежно, глубоко осмысленно и оправдано. Но исключительность этой обращенности русского взора на Западную Европу лишила русских возможности сопоставлять облики и ценности различных равновеликих культур». По его мнению, соприкосновение с тысячелетними очагами восточной духовности ослабило бы воздействие западного утилитарного духа, устремленного главным образом к материальным благам [5, с. 162–163].

Далее Андреев предстает последователем русской философии Серебряного века в духе идеи В. С. Соловьева о том, что все существующее в мировой душе (Софии) должно соединиться с Божеством. И в этом цель всего бытия [3, с. 189]. Даниилом Леонидовичем развивается стратегия воссоединения религий посредством преодоления между ними разногласий. Он подробно объясняет, каким образом этого можно и нужно достигнуть. В итоге видится ему «мировая религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков, целокупный и единый духовный цветок — Роза Мира», которая означает качественно отличное от всего,

до сих пор бывшего. Суть Розы — труд во имя одухотворения человека, одухотворения человечества, одухотворения природы; в воссоединении христианских конфессий и в дальнейшей унии всех религий света ради общего сосредоточения сил на совершенствовании человечества и на одухотворении природы [5, с. 12, 16, 29]. Воспринимаемая ныне (но что будет завтра?) далеко оторванной от сегодняшней действительности андреевская мысль представляется тем не менее для философии преступности весьма важной.

Еще до появления нашей концептуальной модели «кратер преступности» — задолго до этого — было именно Андреевым теоретически возведено противоположно грядущему «кратеру» устремленное ввысь некое теоретическое построение. Идиллически он надеялся на добровольное объединение стран во Всемирную федерацию. Затем, согласно замыслу Андреева, должна быть создана Лига преобразования сущности государства. Лига станет руководить устранением угроз великих войн, ослаблением насилия и возрастанием духа братства [5, с. 10–11]. Иными словами, философ возлагает на замышленную им структуру, которая охватывала бы государственный и надгосударственные уровни, решение задач, явно имеющих преступноведческое значение. В предложенном им многоуровневом строении можно видеть, хоть и сделанный вне реальности, шаг к движению противопреступного антикратера.

Перед преступноведением возникает цель продолжить, опираясь на философское, экономическое, политологическое и другие знания, разработку не утопичной модели освобождения общества от олигархического (воробогатого) господства.

Взгляд в будущее

Духовный взор России, обращенный последние 300 лет главным образом на Запад, надо расширить, охватив с российским размахом и Восток, в том числе индийскую мудрость. И нашу науку о преступности тоже надо продвигать к объемному, многослойному видению сложного вплетения преступного зла во всемирное общество.

Мои рассуждения о криминологическом использовании философского метода были обсуждены в криминологическом клубе. Разговор получился не только глубоким, но и широким. Многоголосый, многозвучный перезвон. Ни одно из выдвинутых мною шести положений не осталось без внимания. С большей или меньшей обстоятельностью рассуждали о зле Й. Арнольд (ФРГ), Г. Н. Горшенков, Г. В. Зазулин, Н. А. Крайнова, Н. И. Кузнецова, Х. Кури (ФРГ); о духовности — Г. Н. Горшенков, Л. В. Сердюк; о русскости — Л. В. Готчина, М. П. Клейменов,

Л.А. Климова, В.С. Харламов; о семантической концепции — Д.М. Гаджиев; о кратере преступности — Д.М. Гаджиев; о глобальной олигархической власти — Л.В. Готчина, В.А. Номоконов. Некоторые высказались устно, иные — прислали отклики письменно (*Философия преступности и противодействия ей. Беседа в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/473-filosofiya-prestupnosti-i-protivodejstviya-ey> (дата обращения: 23.06.2024)*).

Философия (противодействия) преступности видится мне как грядущий виток мысли, к которому мы совместно постепенно только еще приближаемся (для краткости я опускаю слово «противодействия», как это сделано и в названии нашей науки в целом: криминология (преступноведение). Größe heißt: Richtung-geben [10]. Направление (Richtung) задано. Это — формирование единой евразийско-латиноамериканской духовности, противостоящей преступной глобальной олигархической власти.

Литература

1. Данилов А. П. Криминология: Россия и мир. СПб.: Полиграфическое предприятие № 3, 2018. 328 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: АСТ, 2023. 544 с.
3. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве / Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912. 182 с.
4. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 622 с.
5. Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Т-во Клышников-Комаров и Ко, 1992. 282 с.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
7. Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. СПб.: Юридический центр, 2013. 288 с.
8. Колесников В. В. Криминальная экономика как объект криминологического исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 16–35.
9. Горшенков Г. Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2015. 171 с.
10. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister, 2. erweiterte Auflage. Leipzig: C. G. Naumann, 1886.

References

1. Danilov A. P. Kriminologiya: Rossiya i mir [Criminology: Russia and the World]. St. Peterburg, Poligraficheskoe predpriyatye no. 3 Publ., 2018. 328 p. (In Russian)
2. Gegel G. W. F. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow, AST Publ., 2023. 544 p. (In Russian)
3. Solov'ev V. S. Chteniya o bogochelovechestve / Sobr. Soch [Readings on God-Mankind / Collected Works]. 2d iss. Vol. 3. St. Peterburg, Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie" Publ., 1912. 182 p. (In Russian)
4. Berdyaev N. A. Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow, AST Publ.; Khar'kov, Folio Publ., 2005. 622 p. (In Russian)
5. Andreev D. L. Roza Mira [Rose of the World]. M.: T-vo Klyshnikov-Komarov i Ko Publ., 1992. 282 p. (In Russian)
6. Nietzsche F. Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego / Sochineniya v 2 t. [Prelude to the Philosophy of the Future / Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 829 p. (In Russian)
7. Ragimov I. M. Filosofiya prestupleniya i nakazaniya [Philosophy of Crime and Punishment]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
8. Kolesnikov V. V. Kriminal'naya ekonomika kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya [Criminal Economy as an Object of Criminological Research]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra* [Criminology Yesterday, Today, Tomorrow], 2015, no. 2 (37), pp. 16–35. (In Russian, abstract in English)
9. Gorshenkov G. N. Kriminologiya kak «rasshirennaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya [Criminology as an "Expanded Science" of Crime: Time of Formation and Development]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya Publ., 2015. 171 p. (In Russian)
10. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister, 2. erweiterte Auflage. Leipzig: C. G. Naumann, 1886. (In German)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

«АПОСТОЛ АНАРХИЗМА»: О РОЛИ БАКУНИЗМА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ СЛАВЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 40-Х ГГ. XIX В.

Куликова Светлана Геннадьевна

Цель: провести историко-правовой анализ воззрений М. А. Бакунина на идеологическое оформление славянского национально-освободительного движения 40-х гг. XIX в.

Методология: базируется на сравнительно-историческом методе научного познания.

Выводы. Одним из парадоксов истории является то, что на протяжении веков централизм и государственность сочетались с анархизмом. В системе самодержавной России в условиях нарастания политической и социально-экономической нестабильности неизбежно просматривался рост интереса к анархии. Одним из «апостолов» анархизма был Мишель Бакунин. Формирование мировоззрения Бакунина проходило под влиянием немецкой классической философии. Между тем в его воззрениях мы видим абсолютную веру в народный инстинкт. Неверие в силу конституции, законов и прочих правовых институтов государства подтолкнуло Бакунина к идее федерализма в сочетании с верой в интернациональную революцию. Бакунин, как и большинство революционных деятелей своего времени, считал славянские страны наиболее перспективными по своему революционному потенциалу.

Научная и практическая значимость. Научная значимость материала состоит в том, что автор развенчивает миф о панславизме взглядов Бакунина. Бакунин верил в особую историческую миссию славянства — это непреложный факт, но никогда не отрывал движение славян от революционного. Фактически славянское движение против самодержавия и Австрийской империи было для него первым шагом на пути создания «свободного» мира. Практическая значимость объясняется необходимостью сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: М. А. Бакунин, 40-е гг. XIX в., общественно-политическое движение, анархизм, бакунизм.

Введение. Интерес к отдельной личности и ее роли в историческом процессе легко объясним естественным человеческим любопытством. Особенно, почти магически, наше внимание притягивают броские имена людей с мировой известностью. Одним из таких является Михаил Александрович Бакунин (1814–1876 гг.). Имя его в свое время гремело по всей Европе. Коссидьер, лидер французской революции 1848 г., говорил о Бакунине: «Какой человек! В первый день революции — это просто клад, а на другой день его

надобно расстрелять!» [17, с. 178]. Саксонское и австрийское правительства приговорили его к смертной казни, полицейские агенты шпионили за ним по всем странам. Один из них писал в сентябре 1848 г.: «В ближайшие дни здесь (в Бреславе) должен появиться в высшей степени опасный русский по фамилии Бакунин, его профессия — убийство и избиение людей; согласно показаниям свидетелей он разъезжает с двумя красивыми, хорошо одетыми дамами. У него длинная борода, которую, однако, он, возможно,

сбрил» [16, с. 31]. В российском революционном движении имя Бакунина составило целую эпоху. Долгое время бакунизм был его знаменем, став своеобразным ферментом, ускорившим процесс революционаризации молодежи в 70-е гг. позапрошлого века [9, с. 98].

Противоречивость фигуры Бакунина породила неоднозначное отношение к нему. Как писал Л. Дейч, один из участников международного социалистического движения, «смерть его не произвела никакого особенного впечатления несмотря на то, что проповедуемые им анархистские взгляды приобретали среди революционной молодежи все больший контингент сторонников, именно после его кончины совсем вытеснив «лавризм» [11, с. 209].

И впоследствии, вплоть до наших дней, имя Бакунина неоднократно всплывало в ходе различных политических передряг, чтобы встать во главе очередного движения, целью которого является ниспровержение существующего строя. Бакунин по праву считается одним из главных основателей анархистской концепции, входя в четверку «апостолов» анархизма (М. Штирнер, Ж. Прудон, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин) [18, с. 3]. Именно этому факту Бакунин обязан всеобщим признанием.

Как ни прискорбно, литературное наследие Бакунина до сих пор не приведено в окончательный порядок, многие из документов не опубликованы не смотря на то, что первые попытки издания собрания сочинений Бакунина на русском языке были предприняты еще до революции [4, 5, 6]. Однако все они остались незавершенными и, по свидетельству специалистов, содержат много ошибок, связанных с неточным переводом [12, с. 22]. Часть материалов, крайне важных для понимания мотивов деятельности Бакунина, находится в зарубежных архивах.

Теоретический базис исследования бакунизма

Несмотря на то, что зарубежные специалисты достаточно активно исследуют бакунизм, их работы недоступны нашим соотечественникам по причине крайне редкого опубликования трудов на русском языке. Исключение составляет работа Ж. Дюкло, одного из лидеров коммунистической партии Франции, предпринявшего попытку сравнить личностные и деловые качества двух лидеров революционного движения второй половины XIX в.: Маркса и Бакунина [14]. К сожалению, принцип партийности привел к односторонней трактовке ряда событий и мотивов видных исторических деятелей своего времени.

Что касается отечественной бакунистики, то первые работы, посвященные Бакунину, по-

явились в нашей стране еще до революции 1917 г. Эти труды написаны в популярно-биографической форме [1, 2, 13].

В советской отечественной бакунистике первых постреволюционных лет отношение к личности Бакунина было неоднозначным. С одной стороны, в эти годы анархистская доктрина Бакунина подвергалась критике, с другой — интерес к этой фигуре был чрезвычайно высок. Именно в это время на арену отечественной историко-правовой науки вышли два известных исследователя, полемика которых во многом задавала тон советской бакунистике: Ю. Стеклов, В. Полонский [17, 20]. В этих трудах впервые была предпринята попытка не только описать жизненный путь, но и исследовать направление бакунинской мысли. Следует отметить, что эти труды не потеряли своей значимости по сей день.

Интерес представляет также исследование А. А. Корнилова, которое выгодно отличает изучение духовной атмосферы в имении Прямухино, поспособствовавшей становлению общественно-политической жизни [15].

Особняком стоит работа Пирумовой Н. М. «Бакунин», опубликованная в 1970 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Долгое время эта книга была наиболее доступным источником информации о Бакунине для широкого круга читателей. Лишь с середины 80-х гг. XX в. начинают переиздаваться основные труды М. А. Бакунина [3, 8]. Как бы то ни было, анализ историко-правовых исследований показывает, что Бакунин вошел в историю как «апостол анархизма», человек, создавший доктрину, отрицающую всякую власть.

Начало формирования идеологической концепции М. А. Бакунина

Формирование идейно-политических взглядов М. А. Бакунина началось в период идейных исканий, последовавших за восстанием декабристов. Первой «школой политического образования» стал для Бакунина кружок Станкевича-Белинского. Впрочем, сильное влияние на мировоззрение будущего анархиста оказала «Феноменология духа» Гегеля, которую Бакунин конспектировал шесть (!) раз [19, с. 13]. В 1840 г. Бакунин уезжает за границу. Конечным пунктом своей поездки он выбрал Германию. Обстановка в Европе накалялась, близился революционный кризис. Обучение в Берлинском университете не прошло бесследно, в письме 1841 г. (октябрь) Мишель Бакунин пишет о том, что в голову ему пришло «много хороших мыслей о том, как должно заниматься историей и политикою» [7, с. 63]. Лучшей иллюстрацией

мировоззрения Бакунина 40-х гг. XIX в. служит его статья «Реакция в Германии» (1842 г.). Это была первая политическая статья Бакунина, в которой ярко переплелись демократические идеи и философский взгляд на жизнь [7, с. 63]. В этой работе Бакунин высказал положения политической теории, впоследствии получившей название «анархизм». Безошибочный инстинкт, «открывающий истину с быстротой молнии» и главный носитель его — народ — вот основные положения учения [7, с. 335].

В 1848 г. в своем письме Георгу Гервегу Бакунин писал: «Я не верю в конституции и в законы; самая лучшая конституция меня не в состоянии была бы удовлетворить. Нам нужно нечто иное: прорыв и жизнь, и новый, незаконный, и потому свободный мир» [7, с. 321]. Что касается основы нового мира, то ее Бакунин видел в крестьянской общине как ячейке нового общества. «Свою непоколебимую веру в демократическое будущее славянской расы» Бакунин связывал с институтами самоуправления.

«Анархии я не боюсь, — писал Бакунин Георгу Гервегу 8 декабря 1848 г., — а желаю ее от всей души» [7, с. 368].

М. А. Бакунин и славянское национально-освободительное движение 40-х гг. XIX в.

Воззрения М. А. Бакунина по отношению к проблеме славянского национально-освободительного движения 40-х гг. XIX в. ряд исследователей рассматривают как отражение идей панславизма. Здесь бакунизм приобретает совершенно иной ракурс. Видный идеолог панславизма Н. Я. Данилевский в свое время писал о потенциальных возможностях славянского культурно-исторического типа: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [10, с. 91]. Мало того, своей полноты славянская цивилизация сможет достигнуть лишь после поглощения под свое политическое начало различных этнографических элементов [10, с. 91–92]. На первый взгляд, воззрения Бакунина данного периода близки к философии панславизма, однако так ли это было на самом деле, можно установить лишь после детального анализа его идей, что и будет предпринято автором данной статьи.

Большое влияние на формирование социально-политических взглядов Бакунина оказала его поездка в Брюссель в 1844 г. Она послужила начальным импульсом, который развернул впо-

следствии перед Бакуниным всю палитру славянских проблем. В Брюсселе Бакунин неоднократно встречался с Иоахимом Лелевелем, игравшим видную роль в польской революции 1831 г. Скорее всего, именно ему Бакунин был обязан непосредственным соприкосновением с конкретной политической проблемой: польским вопросом. До этого его работы носили значительный налет отвлеченных философских выкладок, теперь же перед ним открылся горизонт практической политики, Бакунин познакомился с людьми, которые вели действительную борьбу с российским деспотизмом. В «Исповеди» Бакунин писал: «Тут в первый раз мысль моя обратилась к России и Польше; бывши тогда уже совершенным демократом, я стал смотреть на них демократическим глазом, хотя еще не ясно и очень неопределенно: национальное чувство, пробудившееся во мне от долгого сна, вследствие трения с польской национальностью, пришло в борьбу с демократическими понятиями и выводами» [20, с. 181].

Частые встречи Бакунина с Лелевелем вводили его в курс последних событий, разворачивавшихся вокруг польского вопроса, наводили на размышления о возможностях революции в России, о развитии славянского движения. Тогда же русское правительство было обеспокоено слухами о каких-то отношениях Бакунина с поляками.

Решительный шаг в сближении Бакунина с польской эмиграцией был сделан в 1845 г., когда он опубликовал в газете «La Reforme» статью, откровенно разоблачавшую политику самодержавной России. Честность, резкость, сила этого выступления привлекли внимание всей европейской демократии. Герцен писал в своем дневнике 2 марта 1845 г.: «Статья Бакунина в “La Reforme” — вот язык свободного человека, он дик нам, мы не привыкли к нему. Мы привыкли к аллегориям, к смелому слову в четырех стенах, и нас удивляет свет сидевшего в темной конуре!» [10, с. 190]. В самом начале статьи Бакунин писал, что одной из причин, вызвавших гнев российского правительства, был донос на него «как на приверженца польской нации». Подобные слова, конечно, не могли остаться безответными, поляки поместили перевод статьи Бакунина в польском журнале «Белый орел», а польский эмигрант Карл Штольцман прислал Бакунину письмо, в котором приглашал его принять участие в манифестации, посвященной памяти декабристов, которую польская эмиграция собиралась организовать в Лондоне [15, с. 304]. Правда, на эту встречу Бакунин не поехал (Корнилов считает, что причиной этому послужила нехватка средств), но подобная реакция польской

эмиграции легла в основу завязывания прочных связей Бакунина с поляками. Ждуший конкретного дела, Бакунин стремился возглавить политическую деятельность польской эмиграции. Борьба за новый мир получает конкретную почву — Польшу, страну, лишенную независимости, разорванную на несколько кусков, страну, где переплелись проблемы социального и национального угнетения.

Предреволюционная обстановка в Западной Европе второй половины 40-х гг. XIX в. буквально толкала к активным действиям, реальность социального взрыва витала в воздухе. В такой атмосфере любое, даже незначительное, демократическое действие носило оттенок ультрареволюционности. Не следует забывать и о том, что Польша являлась несомненным лидером в национально-освободительном движении славянских народов: слова «поляк» и «революционер» превратились для европейцев в синонимы. Восстание 1846 г. в Кракове всколыхнуло всю Европу. Бакунин решает влиться в революционные процессы, для чего пишет статью, опять в форме письма в редакцию, которая была опубликована 19 марта 1846 г. в газете «Le Constitutionnel». Статья эта была посвящена вопросу о жестоких преследованиях католиков в Литве и Белоруссии, проводившихся с благословения Николая I под флагом воссоединения униатов с православной церковью. Статью Бакунин начал словами: «Я — русский и люблю мою страну, вот почему я, подобно очень многим другим русским, горячо желаю торжества польскому восстанию. Угнетение Польши — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения» [20, с. 218]. Бакунин рассматривал победу революции в Польше не как самоцель, но как начало последовательного распространения революции по Европе, следующим этапом которой после Польши должна стать Россия. Более революционная в данный момент, имеющая крепкие революционные традиции, Польша должна была стать, по мысли Бакунина, тем толчком, который разбудит Россию от многовекового сна. И хотя Бакунин пишет в «Исповеди», что и эта его попытка наладить взаимоотношения с польскими революционерами не принесла желаемого успеха, замечателен тот факт, что именно к нему обратились поляки с предложением произнести речь на торжественном собрании, посвященном памяти революции 1831 г. Бакунин с радостью ухватился за эту возможность и с успехом выступил перед польскими эмигрантами 29 ноября 1847 г. Если статьи в газетах «La Reforme» и «Le Constitutionnel» были той основой, на которой происходило сближение Бакунина с польскими

революционерами, то эта речь стала прочным звеном, соединившим Бакунина с деятельностью польской эмиграции. За это выступление Бакунин был выслан из Парижа, где проходило собрание, и был вынужден уехать в Брюссель, где его тепло встретили поляки. По поводу этой встречи Бакунин писал Анненкову 28 декабря 1847 г.: «Примем, сделанный мне поляками, наложил на меня огромную обязанность, но вместе показал и дал мне возможность действовать» [20, с. 230]. Отметим, что ни одно из публичных выступлений Бакунина этого периода не подтверждает увлечение Бакунина панславизмом. Потом уже Бакунин, как умелый оратор, не мог упустить, занимаясь пропагандой слияния революционных сил России и Польши, того факта, что русские и поляки едины в национальном плане. В то же время Бакунин нисколько не скрывал своих намерений относительно социальной революции. Просто он не выдвигал эти идеи на первый план, подобно лозунгам национального единства. Возможно, это и сыграло роль в том, что Бакунин стал восприниматься в первую очередь как панславист.

Революции 1848 г. подтвердили, что Бакунин прежде всего там, где идет борьба. Бакунин ездил по всей Европе, везде, где только может, принимает участие, агитирует, руководит. Революция, начавшаяся в Париже, подтвердила его мысль о близости всеобщей революции, и внимание Бакунина тут же обратилось к ситуации в славянских странах. В то время как Западная Европа покрывалась очагами революционной борьбы, в Центральной Европе подобных ярких вспышек не наблюдалось (за исключением польского восстания 1846 г. в Кракове). Вполне естественно, что русский революционер в условиях общеевропейского революционного подъема решает отправиться на русскую границу, чтобы по возможности способствовать развитию революционных процессов в России, если таковые начнутся. Но Бакунин не обладал ни нужными средствами, ни знакомствами, чтобы быть в состоянии разжечь революцию. Мечтам Бакунина не удалось сбыться, он переоценил возможности данной ситуации. Славянское революционное движение в это период было еще не способно к каким-либо решительным действиям, это лишний раз подтвердил Славянский конгресс, состоявшийся в Праге 1 июня 1848 г.

Бакунин не играл особенной роли на этом съезде, да и не мог ее играть. За ним не было никакой реальной силы, он был один; говорить о его праве представительства России также не приходилось, да Бакунин на него и не претендовал. Воззрения Бакунина резко контрастировали с настроениями

большинства участников съезда. Бакунина внимательно выслушивали, но этим все и ограничилось [20, с. 279].

Более конкретно и последовательно свои взгляды Бакунин изложил в «Основах новой славянской политики», текст которых он предоставил на рассмотрение комитету съезда. Главная идея этого проекта заключалась в образовании вольной славянской федерации, построенной на принципах общего равенства и свободы. Предполагалось уничтожение крепостной зависимости и сословий и право каждого славянина на земельный участок в пределах общей славянской территории. Как позднее писал Бакунин в своей «Исповеди», реализацией этого проекта он пытался достичь двух основных результатов: разрушения Австрийской империи (вне зависимости от того, согласится ли она на славянское объединение или нет) и создания базы для внесения революции в русские пределы. Однако данные предложения не были приняты комитетом. Съезд подтвердил общую революционную направленность славянского движения и готовность его бороться под лозунгами французской революции: «Свобода, Равенство, Братство». Но он также ясно показал, что так называемого славянского единства пока не существует [17, с. 45].

Одним из наиболее ярких выступлений Бакунина в этот период времени является его «Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге». «Воззвание» это вызвало широкий спектр откликов, начиная с сентиментально-восторженных и заканчивая разгромной статьей Ф. Энгельса «Демократический панславизм», напечатанной в «Новой Рейнской газете» в середине февраля 1849 г.

Так, в одном из писем, которое было отобрано у Бакунина при его аресте в мае 1849 г., некий Ю. Андржейкович (переводивший брошюру Бакунина на польский язык) писал о «Воззвании»: «Вчера вечером получил твой манифест — теперь я его прочел. Превосходно! Превосходно! Мне слезы выпали, читая, что ты про твой народ пишешь. На нас влияние он сделает ужасное. Перевести его надо, и как можно скорей. Я готов это сделать и начну сегодня» [7, с. 533]. Брошюра носила явно абстрактный и идеалистический характер. Это было действительно воззвание, полное лозунгов. Лавирование, стремление не задеть ни одну из сторон привело к тому, что Бакунину пришлось отказаться от освещения некоторых вопросов в «Воззвании». Так, например, в конечный вариант манифеста не вошел отрывок, посвященный социальному вопросу, который присутствует в проекте «Воззвания», датированном концом октября — нача-

лом ноября 1948 г. Правда, социальный вопрос был разработан у Бакунина довольно-таки слабо, и трудно сказать, было ли это следствием слабого знания Бакуниным вопросов строения общества, или же это была неудачная попытка изложить такую сложную проблему, как социальный вопрос, в несколько упрощенном виде [7, с. 338–339]. Проблема социального угнетения у Бакунина сливалась с проблемой угнетения национального в единый сплав. «До тех пор, пока в Европе останется хотя бы одна преследуемая нация, решительное и полное торжество демократии не будет возможно нигде. Угнетение одного народа или даже отдельной личности является угнетением всех, и нельзя нарушить свободу одного, не нарушая свободу каждого», — продолжал Бакунин [7, с. 338–339].

По тем или другим причинам конечный вариант «Воззвания» был еще более аморфен, что выражало желание обойти все острые углы возникших противоречий. Но общая мысль «Воззвания» была ясна: Бакунин пытался убедить славян объединиться с немецкими и венгерскими революционерами, «отважно и радостно схватить протянутые руки демократов всех стран и в тесном союзе с ними сражаться за их и наше общее спасение, за их и нашу будущность» [7, с. 201].

Одним из наиболее известных и наиболее жарких откликов на «Воззвание» стала статья Ф. Энгельса «Демократический панславизм». Именно эта статья претендовала на анализ бакунинского мировоззрения в это время и послужила основой для последующих обвинений Бакунина в панславизме. С первых же строк Энгельс яростно обрушился на Бакунина, обвиняя его в абстрактно-сентиментальной постановке вопроса, в возрождении «мечтательного воодушевления первых месяцев революции» [22, с. 294]. Энгельс же в этой статье выступал скорее с позиций немецкого националиста, чем с позиций последовательно интернациональных. Создается впечатление, что Энгельсу противна сама мысль объединения революционных усилий со славянами, но, не находя обоснований этой антипатии, Энгельс заикливается на одном: славяне нежизнеспособны и не имеют будущности по той простой причине, что всем этим славянским народам не достает основных исторических, политических и экономических условий для самостоятельного существования. Но и это не предел. Энгельс пытается доказать, что подчинение, даже насильственное, этих отсталых народов более развитым немцам совершается в интересах цивилизации. Пангерманизм чистой воды, подкрепленный аргументацией, которая широко использовалась в этот период правительствами всех стран для

оправдания своей колониальной политики, — вот что такое статья Энгельса «Демократический панславизм». На вопрос «могли ли вообще появиться национальные государства у славян?» Энгельс отвечает категорично «нет!» — и ошибается. История вполне доказала жизнеспособность славянских народов, сумевших в начале XX в. создать собственные независимые государства. Вопрос в другом: могли ли эти государственные образования появиться в середине XIX в.? Скорее всего, не могли, но именно в этот период происходит процесс пробуждения национального самосознания, именно этот этап позволил сделать последующие шаги к национальному возрождению.

Гордость Энгельса за немцев, когда-то завоевавших славян, также несостоятельна, как и попытки оправдать это завоевание. Панславизм «Воззвания» Энгельс видит в призыве Бакунина к свержению национального гнета в славянских странах и создании независимой государственности этими народами, которые по Энгельсу обречены на вымирание.

Увлекаемый враждебным отношением к славянскому движению, которое так ловко было использовано в Австрии реакцией, Энгельс часто не замечает неубедительности своих сопоставлений и доказательств. Так, пытаясь в очередной раз показать неполноценность славян, Энгельс иронизирует над разгоном славянского съезда в Праге. Он пишет: «Как раз в это самое время в Праге собрался еще один славянский конгресс в виде галицийских улан, кроатских и словацких гренадер и богемских канониров и кирасир, и этот реальный вооруженный конгресс под командою Виндишгреца менее чем в 24 часа выгнал из города

основателей воображаемой славянской супрематии и рассеял их во все стороны» [22]. Упрек настолько неубедительный, что даже удивительно, что Энгельс, отличавшийся аналитическим складом ума, мог допустить такой промах. Ведь подобную же иронию можно применить и к немецким солдатам, подавившим революцию в Германии, и к французским, да и вообще к любой неудавшейся революции.

Неубедительность, тенденциозный подбор аргументов, откровенный пангерманизм — вот что противопоставил Энгельс бакунинскому призыву к объединению революционных сил. Но самый главный итог этой статьи — это то, что панславизм «Воззвания» не был доказан.

Если исходить из того, что участие Бакунина в национально-освободительном движении славян не дает нам оснований для обвинения его в панславизме, то, базируясь на анализе вышеуказанных работ, мы вынуждены утвердиться в мысли, что обвинения Бакунина в панславизме надуманы и беспочвенны. Причем необходимо добавить, что Бакунин в этот период стоял на последовательно интернационалистских позициях. Но, не отделяя национально-освободительное движение славян от революционных процессов в Европе, будучи русским и желая революции в России, Бакунин, естественно, делал акцент на революционном движении в славянских странах. В последующие годы революционная деятельность Бакунина непременно будет связана с идеей славянского объединения на основе политического равноправия. Спустя несколько лет идея союза Польши и России перерастет в концепцию славянской федерации со столицей в Константинополе [21, с. 31–39].

Литература

1. *Амфитеатров А. В.* Святые отцы революции. СПб.: Типография т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906. 34 с.
2. *Андерсон В. М.* М. А. Бакунин. СПб.: Книгопечатня «Труд и польза», 1906. 72 с.
3. *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 573 с.
4. *Бакунин М. А.* Полное собрание сочинений / под ред. М. А. Бакунина. Т. I–II. СПб.: Балашов, 1907. 235 с.
5. *Бакунин М. А.* Речи и воззвания. СПб.: И. Г. Балашов, 1906. 15 с.
6. *Бакунин М. А.* Сборник статей. Женева: Группа «Хлеб и воля», 1905. 32 с.
7. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. 572 с.
8. *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. 621 с.
9. *Блюм Р. И.* Взгляды М. А. Бакунина на революцию // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 225. Труды по философии. 1969. № 13. С. 91–119.
10. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
11. *Дейч Л.* За полвека. Т. 2. Берлин: Грани, 1923. 313 с.
12. *Джангирян В. Г.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М.: Мысль, 1978. 186 с.

13. *Драгомонов М. П.* Михаил Александрович Бакунин. Казань: Типография Д. Н. Гран, 1905. 68 с.
14. *Дюкло Ж.* Бакунин и Маркс. Тень и свет. М.: Прогресс, 1975. 462 с.
15. *Корнилов А. А.* Годы странствий Бакунина. М.: Госиздат, 1925. 590 с.
16. *Михайлов М. И.* Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука, 1976. 351 с.
17. *Полонский В.* Михаил Александрович Бакунин. Жизнь. Деятельность. Мышление. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1925. 472 с.
18. *Пономарев Н. В.* Критика Анархистской концепции власти и современность. Казань: Изд-во Казанского университета, 1978. 139 с.
19. *Пустарнаков В. Ф.* Бакунин как философ // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 3–52.
20. *Стеклов Ю. М.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность: в 4 т. Т. 1. М.: Коммунистическая академия, 1926. 564 с.
21. *Тайгильдин А. В.* Славянский вопрос в «Исповеди» русского анархиста М. Бакунина // Вестник Марийского государственного университета. Исторические науки. Юридические науки. 2017. № 1 (9). Т. 3. С. 31–39.
22. *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М.: Госиздат политической литературы, 1957. С. 289–298.

References

1. *Amfiteatrov A. V.* Svyatye ottsy revolyutsii [Holy Fathers of the Revolution]. St. Petersburg, I. N. Kushnerev i Ko Publ., 1906. 34 p. (In Russian)
2. *Anderson V. M.* M. A. Bakunin. St. Petersburg, Knigopечатnya «Trud i pol'za» Publ., 1906. 72 p. (In Russian)
3. *Bakunin M. A.* Izbrannye filosofskie sochineniya i pis'ma [Selected Philosophical Works and Letters]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 573 p. (In Russian)
4. *Bakunin M. A.* Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Ed. M. A. Bakunin. Vol. I–II. St. Petersburg, Balashov Publ., 1907. 235 p. (In Russian)
5. *Bakunin M. A.* Rechi i vozzvaniya [Speeches and Appeals]. St. Petersburg, I. G. Balashov Publ., 1906. 15 p. (In Russian)
6. *Bakunin M. A.* Sbornik statei [Collection of articles]. Zheneva: Gruppya «Khleb i volya» Publ., 1905. 32 p. (In Russian)
7. *Bakunin M. A.* Sobranie sochinenii i pisem [Collected works and letters]. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1935. 572 p. (In Russian)
8. *Bakunin M. A.* Filosofiya. Sotsiologiya. Politika [Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 621 p. (In Russian)
9. *Blyum R. I.* Vzgl'yady M. A. Bakunina na revolyutsiyu [Views of M. A. Bakunin on the revolution]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Vyp. 225. Trudy po filosofii [Scientific notes of Tartu University. Issue. 225. Works on philosophy]*, 1969, no. 13, pp. 91–119. (In Russian)
10. *Danilevskii N. Ya.* Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 573 p. (In Russian)
11. *Deich L.* Za polveka [For Half a Century]. Vol. 2. Berlin, Grani Publ., 1923. 313 p. (In Russian)
12. *Dzhangiryayn V. G.* Kritika anglo-amerikanskoi burzhuaznoi istoriografii M. A. Bakunina i bakunizma [Critique of the Anglo-American Bourgeois Historiography of M. A. Bakunin and Bakuninism]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 186 p. (In Russian)
13. *Dragomonov M. P.* Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Kazan': D. N. Gran Publ., 1905. 68 p. (In Russian)
14. *Dyuklo Zh.* Bakunin i Marks. Ten' i svet [Bakunin and Marx. Shadow and Light]. Moscow, Progress Publ., 1975. 462 p. (In Russian)
15. *Kornilov A. A.* Gody stranstvii Bakunina [Bakunin's Years of Wanderings]. Moscow, Gosizdat Publ., 1925. 590 p. (In Russian)
16. *Mikhailov M. I.* Bor'ba protiv bakunizma v I Internatsionale [The Struggle Against Bakuninism in the First International]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 351 p. (In Russian)
17. *Polonskii V.* Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Zhizn'. Deyatel'nost'. Myshlenie [Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Life. Activity. Thinking]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 472 p. (In Russian)

18. *Ponomarev N. V.* Kritika Anarkhistkoi kontseptsii vlasti i sovremennost' [Critique of the Anarchist Concept of Power and Modernity]. Kazan', Kazanskogo universiteta Publ., 1978. 139 p. (In Russian)
19. *Pustarnakov V. F.* Bakunin kak filosof [Bakunin as a Philosopher]. In *Bakunin M. A. Izbrannye filosofskie sochineniya i pis'ma* [Bakunin M. A. Selected Philosophical Works and Letters]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, pp. 3–52. (In Russian)
20. *Steklov Yu. M.* Mikhail Aleksandrovich Bakunin, ego zhizn' i deyatel'nost' [Mikhail Aleksandrovich Bakunin, His Life and Activity]. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1926. 564 p. (In Russian)
21. *Taigil'din A. V.* Slavyanskii vopros v «Ispovedi» russkogo anarkhista M. Bakunina [The Slavic Question in the «Confession» of the Russian Anarchist M. Bakunin]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Mari State University. Historical Sciences. Legal Sciences], 2017, no. 1 (9), vol. 3, pp. 31–39. (In Russian, abstract in English)
22. *Engels F.* Demokraticeskii panslavizm [Democratic Pan-Slavism]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Vol. 6. Moscow, Gosizdat politicheskoi literatury Publ., 1957, pp. 289–298. (In Russian)

Уважаемый читатель!

Представляемая на ваш суд статья относится к исследованиям в области междисциплинарного научного направления, получившего в последние годы название «**юридическое литературоведение**». У его истоков стоял выдающийся судебный деятель России Анатолий Федорович Кони (1844–1927), чьи очерки жизни и творчества крупнейших отечественных литераторов позапрошлого века (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского и других), подготовленные на стыке права и литературоведения, получили широкие читательские отклики и вошли в сокровищницу российской культуры. В дальнейшем, на протяжении многих десятилетий, вышло немало интересных работ, посвященных межотраслевому изучению проблем уголовного права, криминологии и девиантологии, дисциплин криминалистического цикла в целом, на базе русской классической литературы, а среди их авторов оказались многие известные ученые-правоведы страны; среди них профессора А. И. Алексеев, О. Н. Библик, Г. А. Есаков, Л. Р. Клебанов, Б. А. Куркин, А. С. Кобликов, М. М. Рассолов, Е. А. Скрипилев, Ю. И. Стецовский, А. А. Толкаченко, А. И. Чучаев, а также доцент Л. Н. Клоченко и другие; на монографическом уровне первым обобщил юридический аспект применительно к выдающимся произведениям отечественной культуры экс-председатель Верховного Суда СССР профессор И. Т. Голяков («Суд и законность в художественной литературе», 1959).

Отдельно необходимо отметить вклад в юридическое литературоведение здравствующего мэтра отечественной юриспруденции доктора юридических наук, профессора, заслуженного деяте-

ля науки, лауреата Золотой медали РАН имени В. Н. Кудрявцева, лауреата Национальной премии по литературе в области права Анатолия Валентиновича Наумова, чьи известные широкому кругу читателей — многократно переиздававшийся (первое издание 1992 г.) бестселлер «Посмертно подсудимый» (исследование посвящено перипетиям последней дуэли А. С. Пушкина) и военно-судному делу о его гибели), монография «Преступный сюжет в русской литературе» (2021) и другие — работы давно стали классикой жанра.

Автор представляемой статьи — Харабет Константин Васильевич — в прошлом военный юрист, полковник юстиции запаса, кандидат юридических наук, доцент, работает в данном междисциплинарном направлении более 20 лет. В 2008–2020 гг. им на страницах журнала «Российская юстиция» опубликовано несколько десятков очерков, посвященных видным деятелям русской культуры ее Золотого и Серебряного периодов, на их основе издано пять монографий (ИГ «РИПОЛ классик»).

Как представляется, предлагаемая на доброжелательный суд читателей журнала статья станет первой из авторского цикла под условным названием «А. С. Пушкин: юридические страницы жизни и творчества. Год за годом». Его общий замысел — *попытка* рассмотреть биографию и творчество А. С. Пушкина сквозь призму основных юридических событий жизни поэта, общественно-правового фона России первой трети девятнадцатого века, круга знакомых, имевших отношение к правовой материи, юридической проблематики его известных произведений.

От редакции

А.С. ПУШКИН. СЕМЬЯ. ДЕТСТВО. ПОСТУПЛЕНИЕ В ЛИЦЕЙ

Харабет Константин Васильевич

Цель: актуализировать научные познания в междисциплинарной области — на стыке юриспруденции и литературоведения — в части углубления (уточнения) знаний о событиях правового характера в биографии А. С. Пушкина (детские годы) и его семьи вплоть до поступления в Царскосельский лицей.

Методология. Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимают историко-правовой, описательный, биографический, культурно-исторический. В статье также использованы общенаучные и частнонаучные методы.

Выводы. Детские годы А. С. Пушкина и его ближайшее окружение явились благодатной почвой для формирования у юного поэта интереса к познаниям из области права. Миссия Царскосельского лицея и его учебная программа были направлены на получение разностороннего и при этом эклектического образования по юридическим дисциплинам.

Научная и практическая значимость. Выступая за дальнейшее развитие межотраслевого направления — юридического литературоведения, автор полагает, что новое обращение (с позиции биографического исследования начиная с детских лет) и правовые события в жизни и творчестве Поэта, помимо соприкосновения с великой русской культурой, позволят расширить знания в области истории отечественной криминологии и девиантологии, русского права в целом, а также истории русской литературы.

Ключевые слова: юридическое литературоведение, А. С. Пушкин, Лицей, юридический мир, закон и право.

Вместо введения. Откликаясь на любезное предложение и поддержку со стороны редакции журнала, автор предлагает цикл научно-популярных статей (очерков) под общим названием «А.С. Пушкин: юридические страницы жизни и творчества. Год за годом», начиная с детских лет и заканчивая трагическими событиями 1837 г. Автор (юрист по образованию, девиантолог и криминолог по репертуару научных исследований) предпринял попытку рассмотреть становление и эволюцию правовых воззрений Поэта, его участие в политико-правовых событиях современной России, юридическое окружение, сюжеты правового и девиантологического характера его основных произведений и т.д. В этой связи настоящие статьи (очерки) никоим образом не претендуют на полноценные научно-биографические материалы жизни и творчества А. С. Пушкина. Понимая сложность стоящей перед ним задачи, автор надеется на благосклонность читателей.

Несколько слов о юридическом литературоведении. Классическая литература, по образному выражению Максима Горького, — лучшее из всего того, что создал русский народ. Общепризнанно, что русская литература Золотого века (XIX в.) относится к вершинам культуры европейской и мировой цивилизации. Созданные нашими великими соотечественниками художественные образы во всем мире выступают объектами глубокого философского, социологического, правового, исторического и культурного анализа. Изучение художественной литературы как социального явления с применением правовой методологии продиктовано необходимостью развития литературы и юриспруденции, ибо оно восполняет недостаточность научного описания важнейших социально-правовых феноменов девиантологического ряда — преступности, наркотизма, пьянства, а также иных негативных социальных явлений и институтов. Взаимосвязь литературы с иными

элементами духовной жизни общества, прежде всего моралью и правом, дает возможность выявить и понять закономерности и особенности его развития, определить место и роль литературы, морали и права в данном процессе, а также включить исследование художественной литературы в единый процесс современного формирования гуманитарной парадигмы.

Связь отечественной классической художественной литературы с уголовным правом и криминологией — основными дисциплинами криминалистического цикла — не случайна. Закон и правосудие, основные категории уголовного права и криминологии — преступность и ее детерминанты, личность преступника, наказание, предупреждение преступности и перевоспитание оступившихся, равно как механизм совершения преступления и его психологический аспект, всегда были предметом пристального внимания русской литературы.

В своем содержании художественная литература отражает основные стадии развития духовной и социально-экономической жизни общества. В том числе она отражает и специфические особенности общественных отношений и общественного уклада, что позволяет рассматривать литературу как своего рода социальный идентификатор. Следует присоединиться к авторитетному замечанию профессора А. В. Наумова о том, что «классическая литература является подлинно социологической, а значит, может помочь в получении фактических данных как об отдельных преступлениях, так и о преступности в целом» [1, с. 4]. Представляется, что сказанное можно в полной мере распространить и на фоновые явления преступности: пьянство и алкоголизм, суициды, проституцию и пр.

Практический вклад выдающихся деятелей русской культуры в научное исследование важнейших уголовно-правовых и криминологических проблем (личности преступника, механизма преступления, эффективности уголовного наказания и др.) общепризнан во всем мире, достаточно в этой связи указать на Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Как показывает изучение биографий многих писателей и поэтов, включая А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, они обладали весьма обширными познаниями в юриспруденции, живо интересовались негативными социально-правовыми явлениями современной им эпохи.

Обращение к литературно-криминологической проблематике в ее историческом аспекте необходимо рассматривать не просто как интеллектуаль-

ную рефлексию на события дней минувших, а как попытку через уяснение социально-философских и политико-правовых воззрений выдающихся представителей русской культуры подойти к пониманию причин современного неблагополучия дел в отечественной правовой системе. Кроме того, художественная литература в полной мере может рассматриваться как своеобразный дополнительный (в трактовке Н. Бора) — к традиционным правовым методам исследования — язык, способ (метод) описания (изучения) и источник знаний о количественных и качественных характеристиках, например, преступности и связанных с ней явлений.

Так, автору представляется не лишней научной полезности разработка межотраслевой области гуманитарных исследований, определяемой нами как *юридическое литературоведение* — раздел правоведения и литературоведения, изучающий негативные социально-правовые феномены (преступность, наркотизм, пьянство и алкоголизм и др.) через обращение к литературным текстам, истории их создания, биографиям авторов литературных источников и др. Представляется, что, например, ученые-криминалисты таким образом могут получить новую (дополнительную) информацию о «преступлении и наказании, законности, суде и правосудии» исторического прошлого, нашедших в той или иной степени отражение в художественной и публицистической литературе.

* * *

Краткое состояние «юридической» пушкинистики. Автор, не считая себя профессиональным литературоведом, в своих построениях опирался на обширнейшем корпусе научной и научно-популярной, а также мемуарной литературы многих видных представителей русской культуры, известных отечественных ученых дореволюционного, советского и современного периодов, в немалой части — сотрудников Пушкинского Дома и Института мировой литературы РАН. Среди крупнейших пушкинистов прошлого следует назвать П. В. Аненкова, С. Л. Абрамович, Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Вересаева, А. М. Гордина, Н. В. Измайлова, Ю. М. Лотмана, Г. П. Макогоненко, Б. Л. Модзалевского, В. В. Набокова, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Л. А. Черейского, Г. И. Чулкова, П. Е. Щеголева, Н. Я. Эйдельмана и некоторых других ученых. Среди известных исследователей, обогативших научную пушкинистику в последние десятилетия, — М. Н. Виролайнен, В. С. Непомнящий, Н. Н. Скатов, В. П. Старк, С. А. Фомичев, а также

Л. М. Аринштейн, М. Я. Басина, Р. Ю. Данилевский, В. А. Кошелев, В. Ф. Кушниренко, В. С. Листов, Е. А. Маймин, Н. В. Маркелов, А. С. Немзер, Б. А. Трубецкой, Г. М. Фридлиндер и др.

Отдельные юридические аспекты биографии и творчества А. С. Пушкина, как представляется, на стыке права и истории литературы (литературоведения) в дореволюционной пушкинистике, пожалуй, впервые нашли свое отражение в многочисленных работах П. В. Аненкова (1813–1887), в том числе очерке «Общественные идеалы А. С. Пушкина» (1880), и очерке А. Ф. Кони «Нравственный облик А. С. Пушкина» (1899). В советский период данной тематике посвятили свои исследования профессора А. И. Алексеев, Ю. И. Стецовский, А. С. Кобликов и Е. А. Скрипилев (авторами преимущественно рассматривались обстоятельства последней дуэли Поэта). В фундаментальном исследовании «Посмертно подсудимый» (1992, и др.), неоднократно переработанном и дополненном автором, профессор А. В. Наумов рассмотрел широкий спектр вопросов, относящихся к истории взаимоотношений Пушкина и властей, III Отделения в частности, юридическому окружению, обстоятельствам гибели Поэта, расследованию дуэли и суда над Дантесом, а также эволюции политических и правовых воззрений Поэта. Зарубежное пушкиноведение отметилось содержательными исследованиями, прежде всего, известного дореволюционного философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950) «Пушкин как политический деятель», пушкинским циклом юриста Владимира Евграфовича Вальденберга (1871–1940) «Ода Вольность Пушкина. Опыт комментария», «Природа и Закон в политических воззрениях Пушкина», «Пушкин и Куницын», «Мысли Пушкина» (в соавторстве) и др. Все названные публикации российскому читателю стали известны только в последние годы.

За минувшие четверть века в России и за ее пределами вышел ряд интересных публикаций, затрагивающих заявленную проблематику, в том числе с иных позиций, ранее не популярных в советской пушкинистике. К ним следует отнести монографию итальянского исследователя Серены Витале «Тайна Дантеса. Пуговица Пушкина» (1999, 2022), посвященную находкам в архиве баронов Геккеренов, проливающим свет на новые обстоятельства, предшествующие последней дуэли Поэта; также представляет интерес совместный труд С. Витале и видного пушкиниста профессора В. П. Старка «Черная речка. До и после» (2001). Разбору истории пушкинских дуэлей посвящено исследование кандидата юридических

наук В. Ф. Миронова «Все дуэли Пушкина» (1999). Историко-правовым аспектам позиции Пушкина, выраженной в его текстах, посвящена монография В. Д. Сквозникова «Пушкин. Историческая мысль Поэта» (1999); к ней примыкают монографические исследования известных пушкинистов В. А. Кошелева «Пушкин: история и предание» (2000) и С. В. Березкиной «Так некогда поэт... Проблемы научной биографии Пушкина» (2010). «Мотив и цель», обстоятельства последней дуэли Поэта провокационно раскрыты в книгах академика-экономиста Н. Я. Петракова «Последняя игра Александра Пушкина» (2003) и «Александр Пушкин: загадка ухода» (2005). В 2009 г. вышла в свет научно-популярная книга профессора и адвоката Ю. И. Стецовского «Пушкин глазами адвоката. Вчера. Сегодня. Завтра». Обширный пласт вопросов, относящихся в том числе к политико-правовым воззрениям Поэта, затронут в остро полемическом исследовании Н. Л. Гуданца «Певец свободы, или Гипноз репутации. Очерки политической биографии Пушкина (1820–1823)» (2021). События роковой дуэли в контексте последних исследований отечественной и зарубежной пушкинистики рассмотрены в монографии профессора Р. Г. Скрынникова «Дуэль Пушкина» (1999). В контексте рассматриваемой тематике интересно исследование Седовой Г. М. [18]. Названными публикациями проблематика «Пушкин и юриспруденция» далеко не исчерпывается.

I. По старому стилю 26 мая (6 июня по новому стилю), четверг, 1799 г. на церковный праздник Вознесения в Москве родился Александр Пушкин в семье отставного майора Сергея Львовича Пушкина (р. 23 мая 1767) и жены его Надежды Осиповны, урожденной Ганнибал (р. 21 июня 1775). Они проживали в доме И. В. Скворцова, расположенном на принадлежащем ему обширном дворе (угол современных Малой Почтовой ул. (д. 4) и Госпитального пер. (д. 1–3).

В мае, 27, была сделана следующая запись в метрической книге церкви Богоявления в Елохове: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жилья его мезора Сергия Львовича Пушкина родился сын *Александр*; крещен июня 8 дня; восприемник — граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергия Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина» (запись под 27 мая сделана, очевидно, после 8 июня). Июня, 8, того же года, состоялось крещение Пушкина в церкви Богоявления в Елохове. Июнь, 8... Июль. Племянник бабушки Пушкина (по матери) Марии Алексеевны Ганнибал (р. 20 янв. 1745) Александр Юрьевич Пушкин, находясь

в походе в полку, получил от сестры письмо с сообщением о рождении у С.Л. и Н.О. Пушкиных сына, названного «на память его» Александром.

Кроме Александра, в семье были старшая сестра Ольга (1797) и три младших брата, из которых до взрослого возраста дожил только Лев (1805). Пушкины были родовиты, но небогаты. В «Автобиографических заметках» Пушкин писал: «Мы ведем род свой от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, как говорит летописец, то есть знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Музины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шеремединовы и Товарковы». «Родословная матери моей еще любопытнее, — продолжал Пушкин. — Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он (заложником), и отослал его Петру Первому...» [2, с. 311–312]. К концу XVIII в. Ганнибалы уже тесно переплелись кровными связями с русскими дворянскими родами — породнились с Ржевскими, Бутурлиными, Черкасскими, Пушкиными. Отец и мать поэта состояли между собой в родстве (троюродные брат и сестра). Характеризуя своих прадедов-дедов Ганнибалов и Пушкиных, Поэт в Автобиографии (а позднее и биографы Поэта) подметили такие семейные черты характера, как верность службе и долгу, любовь к новым знаниям и книгам, смелость и твердость, при этом присутствовали непредсказуемость в поступках и безумная ревность; Пушкины-Ганнибалы не блистали семейными добродетелями [3, с. 42].

1799–1811 — годы московского детства Саши Пушкина, от рождения и до отъезда в Петербург для определения в Лицей семья сменила одиннадцать адресов: семейство Пушкиных по преимуществу живет в городе, часто меняя съемные квартиры, а начиная с 1807 г. с мая по сентябрь проводит в купленном ими подмосковном сельце Захарове. Семья Пушкиных принадлежала к самой образованной части московского общества. У четы Пушкиных — Сергея Львовича и Надежды Осиповны — часто бывают ближайшие родственники Василий Львович и Алексей Михайлович Пушкины, а также блистательные современники И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Ксавье де Местр, пианистка Першерон де Муши и другие. Пушкинисты, как правило, единодушно отмечают рассеянный образ жизни родителей Пушкина, впрочем, обычный для жизни московского дворянства средней руки.

Тем не менее именно у отца и особенно дяди, Василия Львовича, образованных людей своего времени, были богатые библиотеки, Александр сызмальства оказался окружен хорошими книгами, преимущественно на французском языке, он являлся невольным очевидцем бурных литературных обсуждений, проходивших в ближнем кругу его семьи. Лишь немного повзрослев, где-то в возрасте 9–11 лет Пушкин с жадностью читает в библиотеке отца произведения французской литературы XVII–XVIII вв. и во французском переводе Плутарховы биографии, Илиаду и Одиссею. Именно в семье Александру были привиты такие черты, как гордость своим древним происхождением, чувство собственного достоинства, обостренное понимание дворянской чести.

У Ю. М. Лотмана можно встретить такую обобщающую и нелестную характеристику родителей Поэта: «Пушкины были весьма небогаты. Бесхозяйственные и недомовитые, они всю жизнь находились на грани разорения, в дальнейшем неизменно урезали материальную помощь сыну, а в последние годы его жизни и обременяли поэта своими долгами» [4, с. 43–27]. По мнению маститого литературоведа, Пушкин был лишен детства, никогда в зрелом возрасте не вспоминал о родителях в своей поэзии. С ним аргументированно не соглашается многолетний директор Пушкинского Дома Н. Н. Скотов, отмечая плодотворное влияние детской поры на становление Пушкина-художника [5, с. 23–37].

Бабка М. А. Ганнибал, переехавшая к Пушкиным, учила Александра читать и писать по-русски (1804–1805), рассказывала сказки и истории из семейной хроники Пушкиных, Ржевских и Ганнибалов. Предположительно, на 1802–1808 гг. приходится осознанные детские воспоминания Александра: он часто гуляет с няней в московском Юсуповом саду (ныне двор д. 22 по Большому Харитоньевскому пер.). «Первые впечатления. Юсупов сад <...> Няня» («Программа автобиографии») [2, с. 319]. Начиная с 1805 г. в жизни маленького Александра появляется няня Арина Родионовна (р. 1758), воспитывавшая его сестру Ольгу, а затем и брата Льва. Няня рассказывает Пушкину народные сказки. 1806–1811 гг. — также время домашней учебы Александра: учитель русского языка Шиллер, гувернеры и учителя французского языка — гр. Монфор, Русло, Шедель; учитель Закона Божия — священник Алексей Иванович Богданов; учительница немецкого языка — Лорж, английского — гувернантка сестры Пушкина Белли.

В 1802 г. Сергей Львович вновь поступил на государственную службу, и это обстоятельство привязало

семью к Москве вплоть до начала 1812 г. За это время лишь однажды родители совершили путешествие в Петербург, посетив по пути имение Михайловское, где жил в то время Осип Абрамович Ганнибал, дед Поэта. О начальном периоде жизни Поэта за последние десятилетия обнаружено почти полсотни новых документов, вовлеченных в широкий научный оборот лишь в 2007 г., среди них: запись о рождении и крещении Пушкина и дело о дворянстве Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме; контракты об снятии семейством Пушкина квартир в Москве; купчие, в том числе подмосковного Захарова, метрические записи о рождении и смерти членов семьи. Среди выявленных исторических документов — также записи в метрических книгах петербургских храмов, касающихся представителей рода Ганнибал. Из справки московского Архива Коллегии иностранных дел о поколенной росписи рода Пушкиных можно подчеркнуть следующую любопытную информацию о родословной Поэта: по делам польским по выпискам из разрядов о старинных дворянских службах и по Боярским накладным по местным книгам по фамилии Пушкиных упоминаются нижеследующие: Тихомир Юрьев сын Пушкин в 1552 г. убит при взятии Казани. Ивану Михайловичу Пушкину в 1574 г. пожалован был государем Иваном Васильевичем Грозным чин Ловчева, а в 1582 г. был направлен в Польшу послом для принятия там присяги от короля Польского по грамоте, заключенной послами в Москве. Он же в 1608 г. при бракосочетании царя Ивана Васильевича Шуйского был дружкой. Иван Михайлов сын Пушкин в 1618 г. за астраханскую службу получил жалования прежнему окладу 40 рублей. Матвей Степанович Пушкин 1681 г. собственноручно подписался под соборным деянием об уничтожении местничества в 1682 г. Подлинность записи в справке была удостоверена статским советником графом Бутурлиным, а также статским советником Мартыном Соколовским.

Можно высказать предположение, что присутствие на протяжении всей жизни и творчества Поэта *обилия* историй, сюжетов, проблем, вопросов имущественно-правового характера (взаимоотношения с кредиторами, оплата долгов, книгоиздателями, коллегами по цеху и т.д. и т.п.) в некотором роде предопределено семейными историями. Так, в архивах имеется немало документов (заемные письма и др.), связанных с долговыми обязательствами как непосредственно Сергея Львовича, так и унаследованными его супругой, Надеждой Осиповной, от своего отца Осипа Абрамовича Ганнибала, по которым пришлось отвечать ро-

дителям Поэта. С.Л. Пушкин, небогатый помещик, энергично прибегает ко всем доступным ему способам защиты имущественных интересов семьи. В июле 1802 г. Сергей Львович обращается к генерал-прокурору А.А. Беклешову (1743–1808) с ходатайством о пересмотре дела относительно владений родственника жены — двоюродного брата Александра Николаевича Ржевского, майора, умершего в 1785 г. бездетным и от которого остались дом в Москве и земля в Орловской губернии. Имущество Ржевского по причине несправедливого судебного решения отошло к Степану Андреевичу Колычеву, двоюродному брату, вице-канцлеру, российскому послу в Вене и Париже, троюродному брату жены Сергея Львовича. Семья Пушкиных, таким образом, на многие годы оказалась втянутой во внутрисемейные имущественные дразги [6, с. 96–156].

1811–1812 гг. ознаменовались обострением тяжбы вокруг имения, принадлежащего матери Поэта по заемной расписке, выданной ее отцом в пользу своего родного брата, Петра Абрамовича Ганнибала. Ранее, в 1799 г., Псковской палатой гражданского суда было наложено второе по счету (а в 1802 г. — третье, 1804 г. — четвертое, 1808 г. — пятое и шестое, 1810 г. — седьмое) запрещение на продажу имения в Опочецком уезде, принадлежащего Н.О. Пушкиной и ее матери М.А. Ганнибал (первое запрещение последовало 2 января 1792 г.). Скуповатый П.А. Ганнибал, по-видимому, хотел получить удовлетворение не деньгами, а имуществом (имением Михайловское с господским домом и более чем 50 душами крепостных). С.Л. Пушкин был вынужден инициировать обращение к давнему приятелю министру юстиции И.И. Дмитриеву с просьбой вмешаться в деятельность Опочецкого уездного суда на стороне Пушкиных, слегка приукрасив ситуацию. Дмитриев направил ордер Псковскому губернскому прокурору с требованием разобраться в ситуации, о чем сохранилась весьма показательная переписка. Из нее становится известно, что Дмитриев также выдал отношение псковскому губернатору князю Шаховскому с просьбой защиты интересов Н.О. Пушкиной. Но разобравшись с фактической стороной скандального дела, всесильный чиновник не нашел законных правовых оснований для вмешательства в процедуру исполнительного производства, о чем без обиняков сообщил Сергею Львовичу, при этом попеняв ему на сообщение недостоверных сведений (тем не менее дело в целом закончилось для Пушкиных благополучно: долг своего отца перед дядей Надежда Осиповна оплатила и име-

ние удалось сохранить за семьей) [2, с. 158, 159, 166–167]. В 1802 г. Сергей Львович вместе с братом Василием и сестрами успешно утвердил в Московской гражданской палате полюбовный раздел имущества, доставшегося им после смерти матери. В 1809(?)–1810(?) гг., остро нуждаясь в деньгах, М. А. Ганнибал закладывает любимое Захарово в Московском опекуном совете за 4200 руб. В январе 1811 г. была подписана запродажная на Захарово, заключенная М. А. Ганнибал с родственницей, полковницей Х. И. Козловой, согласно которой Захарово с 57 душами мужского пола продано за 45 тыс. руб. ассигнациями.

По-видимому, Сергей Львович весьма неплохо ориентировался в правовых вопросах, а также судебных и околосоудебных процедурах, что немудрено в силу его служебных обязанностей. В январе 1802 г. Указом нового императора Александра I дворянин и отставной гвардейский офицер С. Л. Пушкин был определен на службу в комиссию Московского комиссариатского депо «для разных поручений» с присвоением чина комиссионера 8-го класса. Через два года «по засвидетельствованию начальства и рачительном исполнении должности» Пушкин получает чин комиссионера 7-го класса. В метрической книге церкви Николая Чудотворца за 1810 г. С. Л. Пушкин уже именуется подполковником; в том же году он получает право ношения «мундира с нашивками, установленного для чиновников Военной коллегии» (такого права чиновники были лишены в 1807 г. Александром I из-за того, что комиссариатское ведомство не выполнило «обязанности своей в снабжении <...> армии»). В июне 1811 г. на заседании комиссии Московского комиссариатского депо оглашается Высочайший указ о производстве С. Л. Пушкина в чин военного советника. В июне 1811 г. С. Л. Пушкин награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Забегая вперед, отметим, что в Отечественную войну 1812 г. С. Л. Пушкин занимался вопросами организации поставок довольствия в действующую армию [7, с. 35].

II. Лицей. Идея Лицея возникла еще в 1808 г., в «дней александровых прекрасные начала». Это было учебное заведение, в котором, по замыслу царя, должны были воспитываться его младшие братья — великие князья Николай (род. в 1796 г.) и Михаил (род. в 1798 г.) Романовы. Возрастом великих князей определялся и подбор учащихся. Идея совместного обучения великих князей с принятыми воспитанниками первого набора Лицея отпала в конце 1811 г. Причинами этого были, возможно, напряженная международная обстановка, предполагавшая неизбежность большой войны с Наполеоном и негативное отношение

к затее сына со стороны императрицы-матери. Мог на окончательное царское решение повлиять и определившийся состав молодых воспитанников Лицея, успешно сдавших экзамены, — по факту среди них оказалось на удивление очень мало представителей высшей знати империи, в большинстве своем юными лицеистами стали представители служилого дворянства, пусть и родового, такие, как Александр Пушкин.

В мае — июне 1810 г. реформатор и ближайший помощник императора М. М. Сперанский (1772–1839) составляет проект организации Лицея, а уже 12 августа выходит высочайшее «Постановление о Лицее». 11 января следующего года вышел Указ Сената, при котором были опубликованы устав и штат Лицея. В «Постановлении о Лицее» содержалось следующее: «п. 1. Учреждение Лицея имеет целию образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной; <...> п. 14. Лицей в правах и преимуществах своих совершенно равняется с российскими университетами; <...> п. 22. Предметы учения в Лицее разделяются на два курса, из коих первый называется начальным, второй окончательным. Каждый совершается в три года». Предметы старшего курса уставом точно не были предусмотрены, и давался лишь перечень основных разделов: науки **нравственные**, физические, математические, исторические, словесность, языки, изящные искусства и гимнастические упражнения. К этому устав добавлял: «В течение сего (то есть старшего) курса, если время позволит, дается воспитанникам понятие также о гражданской архитектуре и перспективе, как об искусствах, в общежитии необходимых» [8, с. 22–23].

В лицейской программе обращает на себя внимание ее эклектический энциклопедизм и притом преобладание гуманитарных дисциплин, составляющих основу того, что признавалось «необходимым в общежитии». Лицей был призван продолжать в обучении и воспитании традицию закрытых учебных заведений, как, например, Сухопутного шляхетского корпуса, где воспитанники изучали мораль и юс-натуре (*jus naturae*, то есть естественное право), гражданское и уголовное право («юриспруденция сивильная и криминальная»). Еще большее сходство программа Лицея имела с Московским университетским благородным пансионом, в котором, в частности, преподавались право естественное, право римское, государственное хозяйство (то есть политическая экономия), основы права частного, гражданского и уголовных законов, практическое российское законоведение и пр. Дворянские закрытые учебные заведения

отличались и другими особенностями. Так, например, вовсе не считалось необходимым, чтобы учащийся овладел всеми преподаваемыми предметами. Достаточно, если он чему-нибудь научился. Еще одна особенность обучения — всяческое потакание литературному творчеству. Впрочем, желчный сокурник Пушкина барон М. Корф позднее написал: «Лицей был в то время не университетом, не гимназиею, не начальным училищем, а какою-то безобразною смесью *всего этого вместе* и, вопреки мнению Сперанского, смею думать, что он был заведением, не соответствовавшим ни своей *особенной*, ни вообще *какой-нибудь цели*» [9, с. 211–212].

Указом императора Александра I Сенату в июне 1811 г. директором Лицея был назначен Василий Федорович Малиновский (1765–1814). В следующие месяцы (июнь — август) были сформированы штат служащих по учебной и административно-хозяйственной частям Лицея. Законоучителем назначен священник придворной церкви Н. В. Музовский, профессором российской и латинской словесности — Н. Ф. Кошанский, профессором французской словесности — Д. И. де Будри, профессором немецкой словесности — Ф. М. Гауеншильд, адъюнкт-профессором нравственных наук — А. П. Куницын, адъюнкт-профессором физико-математических наук — Я. И. Карцев, адъюнкт-профессором исторических наук — И. К. Кайданов и др. В июле 1811 г. в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 55) опубликовано объявление о том, что «в непродолжительном времени имеет быть прием воспитанников в императорский Царско-Сельский лицей». Министр народного просвещения (в 1810–1816 гг.) граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) распорядился представить ему 1 августа абитуриентов-детей и документы об их возрасте, дворянском происхождении и «удостоверения об отличной их нравственности» [8, с. 22].

Сообщалось о предстоящем медицинском освидетельствовании детей и об испытаниях, которые будут проведены в доме министра в присутствии его и директора Лицея. «Вступающие в лицей должны иметь: а) некоторое грамматическое познание русского и французского либо немецкого языка, б) знание арифметики, по крайней мере до тройного правила, в) понятие об общих свойствах тел, г) иметь сведения в начальных основаниях географии и д) знать разделить древнюю историю по главным эпохам и периодам и иметь некоторые сведения о знатнейших в древности народах. Почему и испытание сделано будет представленным из сих предметов».

Весной 1811 г. С. Л. Пушкин начал хлопоты, связанные с определением старшего сына на учебу. С этой целью ранней весной состоялась поездка Н. О. и С. Л. Пушкиных в Петербург для определения сына в учебное заведение. Первоначально рассматривался вариант определения Александра в пансион иезуитов. По рекомендации видного чиновника, директора департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и близкого к семье человека Александра Ивановича Тургенева (1784–1845), выпускника Геттингенского университета, взявшего на себя хлопоты об обустройстве Александра в Лицей, выбор был сделан в пользу последнего.

Поступление Александра в Царскосельский лицей потребовало от его семьи сбора (подготовки) целого ряда важных документов, ныне обнаруженных в российских архивах: свидетельства, выданного министром юстиции И. И. Дмитриевым, о законном рождении сына служащего в Комиссариатском штате 7-го класса С. Л. Пушкина Александра, датированного мартом 1811 г.; прошение Сергея Львовича в Герольдию о выдаче сыну Александру свидетельства о дворянстве от 23 марта 1811 г., на основе чего было получено свидетельство из Герольдии Правительствующего Сената о том, что Александр Пушкин происходит из древнего дворянского рода. С. Л. Пушкин 1 марта подал прошение на имя министра народного просвещения графа А. К. Разумовского о приеме сына Александра в Царскосельский лицей, в котором особо отмечены первоначальные познания маленького Саши в грамматических особенностях русского языка и французского, арифметики, географии, истории и рисовании [8, с. 24–25].

Летом 1811 г. маленького Александра привез в Петербург его любимый дядя Василий Львович, а не родители, поскольку Пушкины в это время ожидали прибавление в семье, оставаясь в Москве. Поездка в Петербург для поступления в открывшееся учебное заведение была сопряжена для Пушкина с литературными впечатлениями, оставившими свой след на ближайшие годы. 1811 г. был ознаменован перепалкой между двумя непримиримыми литературными лагерями — «шишковистами» и «карамзинистами». Еще в апреле В. Л. Пушкин написал поэму «Опасный сосед». Даже для искушенного современного читателя она звучит весьма фривольно; в ней описываютсяхождения в публичном доме в центре Москвы двух жуиров-соседей, приехавших для встречи с юной кокеткой Варюшкой [10, с. 156–160]. Подтекст пьесы каким-то образом задевал соперников-ли-

тераторов. В их стане разгорелась острая полемика. В прессе появилось письмо Пушкина-дяди к Жуковскому, в котором он напал на Шишкова. Ответ последнего не заставил себя ждать: в издании Российской Академии, вышедшем в том же году, Шишков написал: «Сии судьбы и стихотворцы... в посланиях своих взывают к Вергилиям, Гомерам, Софоклам, Еврипидам, Горациям, Ювеналам, Саллустиям, Фукидидам, затвердя одни только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в Кандиде и благонравию и знаниям в парижских переулках, с поврежденным сердцем и помраченным умом вопиют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении!» [11, с. 41]. Таким образом, Василий Львович вместе с племянником приехал в Петербург еще и с целью напечатать «свой ответ» Шишкову. Очевидно, что Александр был в курсе интересов (и хулиганских строчек) своего дядюшки-поэта и, конечно, всецело сочувствовал тому лагерю, знамя которого гордо нес Василий Пушкин. Любопытно отметить, что годом ранее в Петербурге Пушкин-дядя вступил в масонскую ложу «Соединенных друзей», был посвящен в градус «избранных» (7-й градус) и даже сочинил масонский гимн.

4 августа 1811 г. в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 62) было опубликовано объявление о том, что экзамены кандидатам в Царскосельский лицей, подвергнутым медицинскому осмотру, назначаются на 9 августа в доме министра просвещения. Фактически экзамены для первой группы абитуриентов состоялись 8 августа, его успешно прошли Броглио, кн. Горчаков, Данзас, Кюхельбекер, Малиновский и некоторые другие; для второй группы (куда входил и Пушкин) экзамены прошли 12 августа. Оценки Александра Пушкина таковы: «В грамматическом познании языков: российского — очень хорошо, французского — хорошо, немецкого — не учился, в арифметике — знает до тройного правила, в познании общих свойств тел — хорошо, в начальных основаниях географии — имеет сведения, в начальных основаниях истории — имеет сведения». Кроме Пушкина, успешно сдали экзамены и были приняты следующие абитуриенты: Семен Есаков, бар. Модест Корф, бар. Антон Дельвиг, Иван Пушкин, Николай Корсаков, Константин Костенский, Сергей Ломоносов, Николай Ржевский, Федор Матюшкин и др. Экзамены принимала комиссия в составе: министра А. К. Разумовского, директора департамента министерства народного просвещения И. И. Мартынова и директора Лицея В. Ф. Малиновского. Пушкин, «живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный»,

близко сошелся с И. И. Пушиным, внуком известного адмирала, а также Гурьевым и Ломоносовым. В сентябре приемные экзамены в Лицей также успешно сдали Дмитрий Маслов, Михаил Яковлев, Аркадий Мартынов, Алексей Илличевский. 22 сентября 1811 г. император Александр I утвердил список воспитанников Лицея, всего на первый курс поступили 30 мальчиков-дворян в возрасте 10–14 лет [8, с. 25–27].

Учебный год в Лицее начинался в октябре. В оставшееся до начала учебы время Александр Пушкин провел в столице, в обществе дяди и его гражданской супруги А. Н. Ворожейкиной. Василий Львович с Сашей навещали И. И. Дмитриева, у которого в гостях встречали Д. Н. Блудова. Сохранились сведения, что, собираясь читать свои стихи (вроде «Опасного соседа»), Василий Львович приказывал Пушкину выйти из комнаты. Последний возражал: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал». (В «Программе автобиографии» Пушкин впоследствии напишет: «Дядя В<асилий> Л<ьвович>. — Дм<итриев>. Дашк<ов> <?>. Блуд<ов>» («Программа автобиографии») [2, с. 308]. Имена Дмитриева, Дашкова, Блудова связываются с полемикой В. Л. Пушкина против Шишкова. По-видимому, союзники обсуждали ближайшие свои выступления. Для нас эти пушкинские строки знаменательны тем, как удивительным образом встретились и соединились в жизни Александра Сергеевича три самых известных в свое время литератора и поэта, которые при этом в разные годы находились во главе министерств: министрами юстиции и генерал-прокурорами служили Иван Иванович Дмитриев (1810–1814) и Дмитрий Васильевич Дашков (1832–1839), а Дмитрий Николаевич Блудов в 30-е гг. служил министром внутренних дел, в последующем — председателем департамента законов Госсвета, председателем Комитета министров и Государственного Совета. Также в этой связи можно упомянуть «дуайена» среди русских поэтов — Гавриила Романовича Державина, широко известного своими заслугами на юридическом поприще со времен Екатерины Великой, венцом которого стала государственная служба на должности министра юстиции и генерал-прокурора в 1802–1803 гг. в составе первой плеяды министров-руководителей вновь образованных министерств [12, с. 7–48, 95–126, 197–226, 227–260]. Очевидно, что судьба Пушкина как творческой личности, близкой к юстиции и правовой материи, была предопределена Судьбой...

Можно присоединиться к авторитетному мнению Н. Н. Скатова о том, что «вряд ли молодой

Пушкин усвоил все тонкости взаимоотношений шишковистов и карамзинистов, но ему было понятно, что судьба русской поэзии связана с расколом на две партии. Шишковисты рисовались мракобесами, противниками просвещения. В понятие «просвещение» вкладывалось все связанное с передовой культурой, с новыми идеями, защитниками которых являлись Карамзин и его соратники. Впоследствии значение слова «просвещение» наполнилось для Пушкина новым содержанием. Шишковисты — это было сборище «безграмотных славян», сторонников застоя, собрание бездарностей, свирепо преследующих все молодое и талантливое. С такими представлениями Пушкин вступил в стены Царскосельского лицея» [13, с. 78–93].

В четверг, 19 октября, состоялось торжественное открытие Лицея в царскосельском Екатерининском дворце. На нем присутствовали император Александр I со своей семьей, Сперанский и Аракчеев и двор — члены Государственного совета, министры, придворные и «прочие первенствующие чины». Торжественный акт начался чтением высочайшей грамоты Лицею, затем выступили директор Лицея В. Ф. Малиновский и секретарь конференции Лицея профессор Н. Ф. Кошанский, зачитавший списки служащих и воспитанников Лицея, также произнес яркую речь профессор А. П. Куницын, сразу же ставшую знаменитой и отмеченную государем-императором орденом св. Владимира. 23 октября начались учебные заня-

тия. Лицеист барон М. Корф, оставивший нелицеприятные воспоминания о Лицее, скорее всего, вряд ли был далек от истины в такой общей оценке преподавания в этом учебном заведении: «Лицей был устроен на ногу высшего, окончательного училища, а принимали туда по уставу мальчиков от 10 до 14 лет с самыми ничтожными предварительными сведениями. Нам нужны были сперва начальные учителя, а дали тотчас профессоров, которые притом сами никогда нигде еще не преподавали. Нас надобно было разделить по летам и по знаниям на классы, а посадили всех вместе и читали, например, немецкую литературу тому, кто едва знал немецкую азбуку. Нас — по крайней мере в последние три года — надлежало специально готовить к будущему нашему назначению, а вместо того до самого конца для всех продолжался какой-то общий курс, полугимназический и полууниверситетский, обо всем на свете: математика с дифференциалами и интегралами, астрономия в широком размере, церковная история, даже высшее богословие — все это занимало у нас столько же, иногда и более времени, нежели правоведение и другие науки политические» [9, с. 203–248]. Читателя также можно адресовать к обширнейшей литературе, посвященной изучению долицейского периода жизни Поэта [14–17].

Главная уникальность Царскосельского лицея заключалась в том, что он создал для его воспитанников и А. Пушкина в их числе особую среду...

Литература

1. Клебанов Л. Р. Преступник и преступление на страницах художественной литературы. М., 2006. 131 с.
2. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Т. 12. М.; Л., 1949. 576 с.
3. Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина: в 2 т. Т. 1: 1799–1824. ЖЗЛ. М., 2010. 471 с.
4. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. Л., 1981. 255 с.
5. Скатов Н. Н. Пушкин. Русский гений. Научно-художественная биография А. С. Пушкина. М., 1999. 592 с.
6. Пушкин А. С. Документы к биографии (1799–1829) / под ред. В. П. Старка. СПб., 2007. 943 с.
7. Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. М., 1993. 176 с.
8. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. Т. 1: 1799–1824 гг. / сост. М. А. Цявловский. М., 1999. 592 с.
9. Императорский лицей в памяти его питомцев: Царскосельский лицей (1811–1843) / сост. Л. Б. Михайлова. СПб., 2011. 503 с.
10. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / сост. Н. И. Михайлова. М., 1989. 368 с.
11. Тормозова Л. И. Василий Львович Пушкин в Москве. М., 2014. 112 с.
12. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX в. М., 1995. 382 с.
13. Скатов Н. Н. Пушкин. Русский гений. Научно-художественная биография А. С. Пушкина. М., 1999. 592 с.
14. Семейные предания Пушкиных. СПб., 2014. 432 с.
15. Томашевский Б. В. Пушкин. Т. 1: Лицей. СПб.; М., 1990. 367 с.

16. *Черский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. 519 с.
17. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. 680 с.
18. *Седова Г. М.* Биография и творчество А. С. Пушкина: последний год: дис. ... д-ра фил. наук. 10.01.01. СПб., 2010. 547 с.

References

1. *Klebanov L. R.* Prestupnik i prestuplenie na stranitsakh khudozhestvennoi literatury [The Criminal and the Crime in the Pages of Fiction]. Moscow, 2006. 131 p. (In Russian)
2. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Pushkina* [The Complete Works of A. S. Pushkin]. Vol. 12. Moscow, Leningrad, 1949. 576 p. (In Russian)
3. *Tyrkova-Vil'yams A. V.* Zhizn' Pushkina: v dvukh tomakh. Tom pervyi 1799–1824 gg. ZhZL [The Life of Pushkin: in Two Volumes. Volume One 1799–1824. ZhZL]. Moscow, 2010. 471 p. (In Russian)
4. *Lotman Yu. M.* Aleksandr Sergeevich Pushkin: biografiya pisatelya [Alexander Sergeevich Pushkin: Biography of the Writer]. Leningrad, 1981. 255 p. (In Russian)
5. *Skatov N. N.* Pushkin. Russkii genii. Nauchno-khudozhestvennaya biografiya A. S. Pushkina [Pushkin. Russian Genius. Scientific and Artistic Biography of A. S. Pushkin]. Moscow, 1999. 592 p. (In Russian)
6. *Pushkin A. S.* Dokumenty k biografii 1799–1829 gg. [Documents for a Biography 1799–1829]. Ed. V. P. Stark. St. Petersburg, 2007. 943 p. (In Russian)
7. *Avenarius V. P.* Otrocheskie gody Pushkina [Pushkin's Adolescence]. Moscow, 1993. 176 p. (In Russian)
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom 1: 1799–1824 gg.* [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume 1: 1799–1824]. Compiled by M. A. Tsyavlovskii. Moscow, 1999. 592 p. (In Russian)
9. *Imperatorskii Litsei v pamyati ego pitomtsev: Tsarskosel'skii litsei (1811–1843)* [The Imperial Lyceum in the Memory of Its Alumni: Tsarskoye Selo Lyceum (1811–1843)]. Compiled by L. B. Mikhailova. St. Petersburg, 2011. 503 p. (In Russian)
10. *Pushkin V. L.* Stikhi. Proza. Pis'ma [Poems. Prose. Letters]. Compiled by N. I. Mikhailova. Moscow, 1989. 368 p. (In Russian)
11. *Tormozova L. I.* Vasilii L'vovich Pushkin v Moskve [Vasily Lvovich Pushkin in Moscow]. Moscow, 2014 g. 112 p. (In Russian)
12. *Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G.* Tainye sovetniki imperii. Rossiiskie prokurory. XIX vek [Privy Councilors of the Empire. Russian prosecutors. XIX century]. Moscow, 1995. 382 p. (In Russian)
13. *Skatov N. N.* Pushkin. Russkii genii. Nauchno-khudozhestvennaya biografiya A. S. Pushkina [Pushkin. Russian genius. Scientific and artistic biography of A. S. Pushkin]. Moscow, 1999. 592 p. (In Russian)
14. *Semeinye predaniya Pushkinykh* [Family legends of the Pushkins]. St. Petersburg, 2014. 432 p. (In Russian)
15. *Tomashevskii B. V.* Pushkin. Tom 1. Litsei [Pushkin. Volume 1. Lyceum]. St. Petersburg, Moscow, 1990. 367 p. (In Russian)
16. *Cherskii L. A.* Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and his entourage]. Leningrad, 1975. 519 p. (In Russian)
17. *Speranskii M. M.* Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [Guide to understanding the laws]. St. Petersburg, 2002. 680 p. (In Russian)
18. *Sedova G. M.* Biografiya i tvorchestvo A. S. Pushkina: poslednii god [Biography and works of A. S. Pushkin: last year]. Dis. ... d-ra fil. nauk. 10.01.01. St. Petersburg, 2010. 547 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ТЕНЕВОЙ ОБОРОТ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ

Гринченко Анастасия Николаевна

Цель: исследовать современные тенденции противодействия теневому обороту культурных ценностей в контексте динамично развивающегося права. Сегодня теневой оборот не только угрожает сохранению национального культурного достояния, но и может оказать существенное воздействие на экономику страны, поэтому невозможно переоценить значение механизмов борьбы с такими явлениями. Рассмотренные ранее в научной среде подходы достаточно многогранны, однако перманентное изменение нормативно-правовых актов оставляет ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения и обсуждения.

Методология: формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, диалектический метод, анализ, синтез, дедуция, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Культурные ценности — это особая категория предметов (и товаров), обладающих соответствующим юридическим статусом, в силу чего они не только используются в рамках правового поля, но и могут составлять часть теневого оборота, что, бесспорно, оказывает влияние на экономику страны. Кроме того, теневой оборот культурных ценностей в большей мере взаимосвязан с криминогенными явлениями (кражи, незаконное перемещение (контрабанда), несанкционированные раскопки, мошенничество и др.). В целях противодействия этим явлениям как на внутригосударственном, так и на международном уровне установлены соответствующие механизмы борьбы.

Научная и практическая значимость. Оборот культурных ценностей в силу особого юридического статуса подразделяется на правовой (законный) и теневой (незаконный), причем каждый из них имеет ряд особенностей. Автором проведен анализ статистических данных из открытых источников, а также рассмотрены некоторые вопросы современного правового регулирования перемещения культурных ценностей в условиях интеграции государств. Исследование данных процессов в контексте перманентных правовых преобразований непосредственно влияет на эффективность борьбы с теневым оборотом культурных ценностей и защиту культурного наследия.

Ключевые слова: культурные ценности, культурное наследие, незаконное перемещение, теневой оборот, экономическая безопасность, механизмы борьбы, порядок перемещения, криминогенные явления, ЕАЭС, ответственность, международное право.

Проблемы, поднимаемые в настоящей статье, исследуются автором на протяжении последних нескольких лет. Фрагментарно затронутые ниже вопросы в том или ином виде были предметом дискуссии в ряде других изданий, среди которых следует назвать такие журналы, как «Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение», «Таможенное регулирование. Таможенный контроль», «Экономика. Право. Инновации», а также другие.

В отечественной доктрине представлены различные дефиниции понятия «экономическая безопасность», для целей настоящего исследования этот вопрос является также весьма важным ввиду того, что дальнейшее исследование будет на нем основываться и им дополняться. Среди исследователей в этой области можно выделить работы Л. В. Пушкаревой [1], И. И. Сафиной, Э. Ф. Мухамадиевой [2] и другие. Так, Л. В. Пушкарева определяет экономическую безопасность как состояние эконо-

мики, при котором обеспечивается ее устойчивый рост, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, высокое качество управления, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях [1, с. 9]. Стоит отметить, что рассмотрение исследуемого вопроса также требует раскрытия дефиниции «угрозы экономической безопасности», определяющиеся как явления и процессы, которые отрицательно влияют на экономическое состояние страны, ограничивают экономические интересы личности, общества, государства, создают опасность для национальных интересов и образа жизни [1, с. 9]. Такие угрозы подразделяются на внешние и внутренние.

Понятия «теневой оборот» и «теневая экономика» в отечественной доктрине рассматриваются в качестве синонимичных и определяются как хозяйственная деятельность юридических и физических лиц, которая развивается вне государственного учета и контроля, а потому не отражается в официальной статистике [3, с. 14]. Теневой оборот культурных ценностей как явление соотносится в большей мере с внешними угрозами ввиду следующих рисков: 1) «бегство капитала» за рубеж; 2) «отмывание» и (или) накопление доходов, полученных преступным путем; 3) финансирование запрещенных и ограниченных к обороту товаров; 4) коррупционные риски.

Данное явление обусловлено особенностью самих культурных ценностей, прежде всего, их стоимость имеет прямую зависимость от редкости и уникальности, что по определению является критерием их самих.

Хотя точные данные отсутствуют, считается, что незаконная торговля культурными ценностями занимает третье место среди преступных видов деятельности международного характера, уступая лишь торговле наркотиками и оружием. Подобного мнения придерживаются А. И. Потапов и Г. С. Морокина [4].

Аналитический центр Global Financial Integrity оценил нелегальную международную торговлю в топ-10 секторах в 2018 г. следующим образом: подделка денег — \$1,13 трлн незаконный оборот наркотиков — \$652 млрд незаконная вырубка леса — \$157 млрд незаконная добыча минерального сырья — \$48 млрд нелегальная рыбалка — \$36,4 млрд незаконная торговля дикой природой — \$23 млрд кража сырой нефти — \$11,9 млрд незаконный оборот оружия — \$3,5 млрд незаконный оборот органов — \$1,7 млрд незаконный оборот культурных ценностей — \$1,6 млрд. Если добавить доходы от торговли людьми, общая сумма составит \$2,2 трлн [5, с. 181–197].

Новостное обозрение ООН, ЮНЕСКО от 21 декабря 2020 г. утверждает, что сейчас незаконный оборот культурных ценностей стал прибыльным преступным бизнесом — его объем во всем мире составляет примерно 10 млрд долларов в год. (*Новости от 21 октября 2020 года, культура и образование // [Электронный ресурс]: URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1388742> (дата обращения: 20.06.2024)*).

Можно заметить, что в этих отчетах разнятся числовые значения, однако само их наличие на протяжении продолжительного времени и немалое количество составляющих организаций свидетельствуют об актуальности данной проблематики на мировом уровне.

Стоит обратить внимание, что отдельные непосредственно связанные с рассматриваемой темой вопросы фрагментарно были отражены в работах ученых-правоведов М. М. Богуславского [7, 8], И. В. Холикова [9], О. В. Дамаскина [10], О. Л. Фирсовой, Л. В. Шестопаловой [11], И. Э. Мартыненко [12].

Автор разделяет мнение Аньес Бардон о том, что оценка масштабов незаконного рынка (культурных ценностей) в значительной степени затруднена неполнотой и без того немногочисленных статистических данных. Закономерно, что о масштабах данного явления можно судить лишь фрагментарно и исключительно по данным о выявлении правонарушений и (или) преступлений (*Ежеквартальный журнал «Курьер ЮНЕСКО» № 3, 2020 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374570_rus (дата обращения: 20.06.2024)*). Однако в данной связи невозможно не выделить следующую особенность, присущую борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей — первичное нормативно-правовое регулирование и его главенствующая роль отведена национальному законодательству, международное же право является дополнительным, но немаловажным инструментом. Подобное явление подтверждается толкованием текстов международных конвенций, регламентирующих защиту культурных ценностей. Так, например, в ст. 3 и 4 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. установлено, что каждое государство, присоединившееся к Конвенции, самостоятельно определяет ценности и обязуется наилучшим образом их сохранить, как используя собственные средства, так и посредством международной помощи и сотрудничества.

Оборот культурных ценностей включает две составляющие: 1) действия, связанные с приобре-

тением; 2) действия, связанные с перемещением. Стоит оговориться, что возможно как обособленное рассмотрение этих действий, так и совместное в зависимости от ситуации.

О многогранной системе правового регулирования автором был написан ряд статей, однако для целостности изложения обратим внимание, что на современном этапе порядок перемещения культурных ценностей в контексте функционирования ЕАЭС осложнен его интеграционными особенностями, однако нарушение такого порядка отнесено к юрисдикции государств-членов.

Теневой же оборот обязательно будет усложнен рядом криминогенных факторов, среди которых представляется возможным выделить: 1) кражи, 2) мошенничество, 3) несанкционированные раскопки, 4) подделку документов, 5) нарушение установленного порядка перемещения товаров (культурных ценностей). При этом законодательством Российской Федерации предусмотрена разная ответственность в зависимости от степени общественной опасности: административная при правонарушениях (*Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1*) и уголовная в случае, если речь идет о преступлениях (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*).

Примечательно, что законодатель в большей мере выделяет угрозу утраты культурного наследия для страны, доказательством чего служат диспозиции статей Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 226¹ — Контрабанда; ст. 190 — Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей; ст. 243 — Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей; ст. 243³ — Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнару-

женных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере.

Противоположного мнения придерживаются разные международные организации. Так, Управлением ООН по наркотикам и преступности для содействия распространению информации, касающейся осуществления Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и трех Протоколов к ней, был разработан информационно-справочный портал «Распространение электронных ресурсов и законов о борьбе с преступностью» (ШЕРЛОК) (*Портал ШЕРЛОК // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.unodc.org/cld/about-us/index.html> (дата обращения 24.03.2024)*). Портал представляет собой две базы данных, позволяющие собирать сведения о национальном законодательстве стран-участниц и основанные на прецедентном праве судебные решения, в том числе и о затрагивающих культурные ценности преступлениях. Портал ШЕРЛОК содействует обмену информацией между государственными правоохранительными органами и профильными неправительственными организациями.

В контексте данной темы непозволительно не упомянуть о группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая является независимой межправительственной организацией, разрабатывающей и распространяющей документы, регламентирующие защиту мировой финансовой системы от отмывания денег, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения. В февральском отчете за 2023 г. ФАТФ рассмотрены уязвимости и угрозы, связанные с оборотом культурных ценностей, в том числе теневым (*Использование предметов искусства и культурных ценностей как инструмента отмывания денег и финансирования терроризма // [Электронный ресурс]: URL: <https://tuncfm.ru/d/y06MsLCczA7zfO79QPopYsZL1ajQ6HWGBykFyTFz> (дата обращения 24.03.2024)*). Культурные ценности, являясь уникальными, могут использоваться для передачи и (или) сокрытия незаконных доходов, так как цены на них устанавливаются произвольно и могут меняться. Анализ соответствующих ситуаций иллюстрирует, что приобретение дорогостоящих культурных ценностей на незаконные доходы может осуществляться без использования таких инструментов финансового рынка, как банковские переводы, или привлечения представителей установленных нефинансовых предприятий и профессий, на которых распространяются тре-

бования в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Не редки случаи, когда злоумышленники приобретали культурные ценности на незаконно полученные доходы или получали их в качестве взятки или «отката», а затем использовали их как средство хранения незаконных доходов. Некоторые злоумышленники могут хранить такие произведения искусства в хранилищах, а некоторые могут просто использовать их для украшения своих домов. Отметим, что встречаются случаи, когда при обыске домов подозреваемых в коррупционных преступлениях обнаруживались дорогостоящие культурные ценности.

Имеет особое значение, что данный риск в силу действующего законодательства не может быть учтен и минимизирован. Например, как в методических рекомендациях, так и в самом программном средстве «Специальное программное обеспечение «Справки БК» и в информационных материалах по заполнению справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, ныне действующих в рамках Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», не предусмотрена возможность указания наличия или отсутствия информации об имеющихся культурных ценностях, равно как и информации об их происхождении.

Таким образом, в отличие от других государств и международных организаций в отечественном праве рассмотренные ранее угрозы и риски экономической безопасности при возможном теневом обороте культурных ценностей не выделены в пенитенциарном законодательстве и не в полной мере урегулированы, например, в антикоррупционном законодательстве.

Проведение незаконных раскопок, кражи и контрабанда культурных ценностей террористическими организациями на контролируемых территориях, особенно в зоне вооруженных конфликтов, содействуют получению доходов от незаконной торговли культурными ценностями. Таким образом, приобретение культурных ценностей без надлежащей проверки провенанса может вести к неумышленному финансированию терроризма. Ввиду чего коллекционерам и участникам оборота культурных ценностей рекомендовано приобретать только те вещи, история происхождения которых не связана с сомнительными организациями. Стоит отметить, что в качестве диспозиции ст. 2051 «Содействие террористической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации представлено финансирование тер-

роризма, однако особенностью данного состава является обязательность осознания субъектом того, что предоставление или сбор средств либо же оказание финансовых услуг предназначены для именно для финансирования террористической деятельности.

Рассматривая угрозы и нормативно-правовое регулирование теневого оборота культурных ценностей, можно заметить, что достаточно часто встречаются случаи выявления нарушений установленного порядка перемещений товаров, или контрабанда. Вместе с тем данное преступление осложнено некоторыми особенностями, рассмотрение которых позволит раскрыть некоторые механизмы борьбы с теневым оборотом и соответствующими ему негативными факторами.

Прежде всего, необходимым, по мнению автора, является определение дефиниции «контрабанда». Анализ положений Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод, что контрабанда понимается как незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Евразийского экономического союза определенных товаров. Этот вывод позволяет определить главенствующую для таможенного права категорию — товар, который, в свою очередь, понимается как любое движимое имущество (*ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // [Электронный ресурс]: URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения 22.03.2024)*). Таким образом, при перемещении культурных ценностей они определяются прежде всего как товар, а ввиду присущих им особенностей их можно определить как особую категорию товаров. Не противореча международным нормам права, рассмотренным ранее, стоит сказать, что, несмотря на международный характер правового регулирования перемещения товаров (речь об ЕАЭС), критерии отнесения предмета к категории «культурные ценности» установлены правовыми нормами России (*см. постановление Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям,*

имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» // *Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009170008> (дата обращения: 18.12.2023)*). После проведения экспертизы Министерство культуры РФ выдает разрешительный документ, в соответствии с которым осуществляется перемещение культурных цен-

ностей. В случае, если перемещение культурных ценностей осуществляется без разрешительных документов, подобное нарушение будет служить основанием для определения санкций в отношении перемещающего лица. Таким образом, таможенные правила объединяют внутригосударственные и международные механизмы борьбы с незаконным перемещением культурных ценностей в контексте теневого оборота.

Литература

1. *Пушкарева Л. В.* Экономическая безопасность: учебное пособие для высшей школы. СПб., 2018. 101 с.
2. *Сафина И. И., Мухамадиева Э. Ф.* Об угрозах экономической безопасности России во внешнем аспекте // *Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий.* Уфа, 2018. С. 146–149.
3. *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика: учебное пособие для вузов. М.: Норма, 2006. 336 с.
4. *Потапов А. И., Морокина Г. С.* Таможенный контроль произведений искусства и культа: учебное пособие. СПб.: СЗТУ, 2006. 333 с.
5. *Тетерятников К. С., Камолов С. Г., Идрисов Ш. Ш.* Теневая цифровая экономика // *Менеджмент и бизнес-администрирование.* 2019. № 4. С. 181–197.
6. *Богуславский М. М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 427 с.
7. *Богуславский М. М.* Международная охрана культурных ценностей. М.: Международные отношения, 1979. 192 с.
8. *Холиков И. В.* Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // *Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара.* Оренбург, 2014. С. 294–307.
9. *Дамаскин О. В., Холиков И. В.* Современные проблемы международного гуманитарного права // *Современное право.* 2017. № 5. С. 104–111.
10. *Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В.* О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2022. 92 с.
11. *Мартынченко И. Э.* Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества. М.: РИОР, Инфра-М, 2017. 287 с.

References

1. *Pushkareva L. V.* *Ekonomicheskaya bezopasnost'. Uchebnoe posobie dlya vysshei shkoly* [Economic security. Textbook for higher school]. St. Petersburg, 2018. 101 p. (In Russian)
2. *Safina I. I., Mukhamadieva E. F.* *Ob ugrozakh ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii vo vneshnem aspekte* [On threats to the economic security of Russia in the external aspect]. *Aktual'nye problemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva, regionov, predpriyatiy* [Current problems of ensuring the economic security of the state, regions, and enterprises]. Ufa, 2018, pp. 146–149. (In Russian)
3. *Latov Yu. V., Kovalev S. N.* *Tenevaya ekonomika. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Shadow economy. Textbook for universities]. Moscow, Norma Publ., 2006. 336 p. (In Russian)
4. *Potapov A. I., Morokina G. S.* *Tamozhennyi kontrol' proizvedenii iskusstva i kul'ta. Uchebnoe posobie* [Customs control of works of art and religion. Tutorial]. St. Petersburg, SZTU Publ., 2006. 333 p. (In Russian)
5. *Teteryatnikov K. S., Kamolov S. G., Idrisov Sh. Sh.* *Tenevaya tsifrovaya ekonomika* [Shadow digital economy]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* [Management and business administration], 2019, no. 4, pp. 181–197. (In Russian, abstract in English)

6. *Boguslavskii M. M.* Kul'turnye tsennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty [Cultural values in international circulation: legal aspects]. Moscow, Yurist" Publ., 2005. 427 p. (In Russian)
7. *Boguslavskii M. M.* Mezhdunarodnaya okhrana kul'turnykh tsennosti [International protection of cultural property]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1979. 192 p. (In Russian)
8. *Kholikov I. V.* Normy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i praktika ikh realizatsii v sovremennykh usloviyakh [Norms of international humanitarian law and the practice of their implementation in modern conditions]. *Gosudarstvennaya politika reformirovaniya sotsial'nogo i gumanitarnogo obrazovaniya: sravnenie opyta postsotsialisticheskikh gosudarstv. Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara [State policy of reforming social and humanitarian education: comparison of the experience of post-socialist states. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Seminar]*. Orenburg, 2014, pp. 294–307. (In Russian)
9. *Damaskin O. V., Kholikov I. V.* Sovremennye problemy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [Modern problems of international humanitarian law]. *Sovremennoe parvo [Modern law]*, 2017, no. 5, pp. 104–111. (In Russian, abstract in English)
10. *Firsova O. L., Shestopalova L. V.* O termine «kul'turnye tsennosti» v sfere sokhraneniya kul'turnogo naslediya [About the term “cultural values” in the field of cultural heritage preservation]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2022. 92 p. (In Russian)
11. *Martynenko I. E.* Pravovaya okhrana istoriko-kul'turnogo naslediya v gosudarstvakh Tamozhennogo soyuza v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva [Legal protection of historical and cultural heritage in the states of the Customs Union within the framework of the Eurasian Economic Community]. Moscow, RIOR Publ., Infra-M Publ., 2017. 287 p. (In Russian)

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кибальник Алексей Григорьевич

***Цель:** произвести анализ новой концепции уголовной политики в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям сексуального характера.*

***Методология:** анализ научной деятельности, выявление значимого вклада в развитие отечественной юридической науки.*

***Выводы.** Докторская диссертация Н. В. Тыдыковой содержит концепцию криминализации деяний, посягающих на половые отношения, и дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления. Представляют научный интерес предложения по унификации законодательной терминологии, используемой для описания различных действий сексуального характера; вывод о необходимости закрепления в тексте закона предложенных определений понятий, имеющих инструментальное значение для квалификации половых преступлений; сформулированные предложения по толкованию признаков сексуальных преступлений и применению правил квалификации этих деяний; авторский подход к их пенализации.*

***Научная и практическая значимость.** Заключается в том, что представленные достижения Н. В. Тыдыковой имеют серьезное теоретическое и правоприменительное значение.*

***Ключевые слова:** сексуальные преступления, доктрина уголовного права, уголовная политика, перспективы развития уголовного права.*

Осенью текущего года к защите представлена докторская диссертация Надежды Владимировны Тыдыковой на тему «Концепция российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений» [4]. Надо сразу сказать, что труды автора хорошо известны юридической «уголовно-правовой» общественности. В сферу ее научных интересов входят проблемы, имеющие фундаментальное значение для уголовно-правового и криминологического понимания системы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности (далее я буду в качестве синонимов употреблять термины «преступления сексуального характера» и/или «сексуальные преступления»).

Не секрет, что исследования преступлений против личности (в самой разной их плоскости) были, есть и останутся в числе самых востребованных направлений в науке уголовного права и криминологии. В общем, это совершенно не удивительно, так как именно эти преступления,

в частности акты сексуального насилия, признавались и признаются одними из наиболее опасных (в западной терминологии — «ядровых») преступных деяний во все времена и при всех государственных режимах.

Н. В. Тыдыкова совершенно права в суждении о том, что «биологическая обусловленность и негласность сферы половых отношений предопределяют консерватизм ее принципов». С другой стороны, «динамика социальных, политических и даже экономических отношений может влечь» (я бы сказал — влечет с неизбежностью) определенные изменения представлений о сексуальной сфере у всего общества и его отдельных групп. Эти изменения касаются в том числе определения границ дозволенного и запретного в самой сексуальной активности людей.

Таким образом, актуальность и значимость исследования Н. В. Тыдыковой не вызывает сомнений. Автор обоснованно отмечает, что «появление новых способов совершения» сексуальных

преступлений «требуется их анализа, оценки общественной опасности и решения вопроса о необходимости изменения закона в части закрепления их признаков и установления адекватной меры ответственности за такие действия».

Поэтому исследования уголовно-правового значения системы сексуальных преступлений приобретают принципиальное значение, особенно в силу правовой неопределенности значительного количества признаков их составов в соответствующих нормах УК РФ. И это верно, учитывая различающиеся подходы судебной практики при установлении аналогичных признаков в разных составах преступлений против личности (например, признака использования беспомощного состояния жертвы).

Научная новизна исследования Н. В. Тыдыковой определяется, прежде всего, тем, что в работе сформулирована авторская теоретическая концепция, развивающая и расширяющая научные представления об уголовно-правовой охране личности от преступлений сексуального характера. В этой связи уместно напомнить, что последняя докторская диссертация, посвященная уголовно-правовой борьбе с такими преступлениями, была защищена почти тридцать лет назад в период действия УК РСФСР 1960 г. [1]. А с тех пор увидели свет работы, посвященные уголовно-правовому и/или криминологическому анализу отдельных сексуальных преступлений.

Новыми в научном отношении являются предложенные автором концепции криминализации деяний, посягающих на половые отношения, дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления. Представляют научный интерес предложения по унификации законодательной терминологии, используемой для описания различных действий сексуального характера; вывод о необходимости закрепления в тексте закона предложенных определений понятий, имеющих инструментальное значение для квалификации половых преступлений; сформулированные предложения по толкованию признаков сексуальных преступлений и применению правил квалификации этих деяний; авторский подход к их пенализации.

Одним из достоинств исследования является его структурное построение, обеспечивающее логическую последовательность изложения материала.

В **первой главе** Н. В. Тыдыкова сформулировала теоретико-инструментальные основы установления уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний в сфере половых отношений.

Здесь определены теоретические основы криминализации деяний, совершаемых в сфере половых отношений; теоретические основы обеспечения формальной определенности составов половых преступлений. Далее автор рассмотрела теоретические основы конструирования уголовно-правовых санкций и проблемы их реализации в нормах главы 18 УК РФ.

Во **второй главе** раскрыты объект половых преступлений и его уголовно-политическое значение. Автор сформулировала свое понимание половых отношений как объекта уголовно-правовой охраны и детализировала понятия «половая свобода» и «половая неприкосновенность» личности и их значение для криминализации, дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступлений.

В **третьей главе** рассмотрены признаки объективной стороны сексуальных половых преступлений. В ней автор предложила единое понятие «действия сексуального характера» и раскрыла их значение для дифференциации уголовной ответственности; определила правила установления физического насилия при совершении сексуальных преступлений и применения угроз. Здесь же изучена квалификация полового преступления, совершенного с использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Четвертая глава посвящена субъективным признакам составов сексуальных преступлений. Автор последовательно рассмотрела признаки субъекта половых преступлений и их значение для квалификации, проблемы уголовно-правовой оценки субъективной стороны этих преступлений. Далее описаны особенности установления психического отношения виновного к возрасту потерпевшего при квалификации половых преступлений против несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Завершает главу рассмотрение проблемы понимания единого умысла как признака единого продолжаемого полового преступления.

Пятая глава посвящена дифференциации уголовной ответственности за половые преступления. В ней изложены теоретические основы дифференциации уголовной ответственности за данные преступления посредством закрепления квалифицирующих признаков. Далее предложено решение проблем понимания ряда их квалифицирующих признаков по действующему уголовному законодательству.

В частности, особое внимание уделено таким признакам, как: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа;

угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; особая жестокость; заражение венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией; иные тяжкие последствия; совершение преступления в отношении двух или более несовершеннолетних; сопряженность с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления за исключением убийства. Завершает главу предложенная автором модель дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления.

В качестве **бесспорного «позитива»** исследования Н. В. Тыдыковой следует отметить следующие положения и выводы:

1. Определение видового объекта рассматриваемой группы преступлений как отношений по поводу обеспечения наиболее важных принципов половых отношений, включающих «гарантированность половой свободы, обеспечение половой неприкосновенности человека, нравственного и полового развития несовершеннолетних».

2. Разрешение коллизии между семейным и уголовным законодательством, сформулированное в предложении считать обладающими половой неприкосновенностью по признаку возраста лиц, не достигших четырнадцати лет. И вытекающие из этого вывода предложения по изменению некоторых норм о сексуальных преступлениях (в частности, нормы о развратных действиях).

3. Определение содержательных границ понятия «действия сексуального характера» посредством описания объективных и субъективных признаков, а также предложенный вариант (пусть и небезупречный) его законодательного закрепления.

4. Предложение о расширении сферы применения нормы о «беспредельной» необходимой обороне на все случаи совершения насильственных сексуальных преступлений.

5. Предложения по изменению практики установления признака беспомощного состояния жертвы. Более того, в целях единообразного понимания и применения УК РФ я бы распространил это предложение на практику применения иных норм о преступлениях против личности. В частности, на статьи об убийстве и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью — в отношении состояний сна, сильного физиологического опьянения, использования психоактивных средств и т.п. 6.

6. Квалификационные правила юридической оценки насильственных сексуальных преступлений, сопряженных с иными преступлениями (например, с похищением человека).

7. Большинство предложений по совершенствованию конструкций составов сексуальных

преступлений (за исключением предлагаемых преюдиционных норм).

И это далеко не полный перечень достоинств работы. В общем и целом, положительно оценивая представленное Н. В. Тыдыковой исследование, считаю необходимым обратить внимание на следующие **спорные моменты и недочеты**.

1. В защищаемом положении 1.2 автор дает определение половой свободы как «способности лица на юридически значимое волеизъявление относительно действий сексуального характера» и определяет объективные и субъективные критерии такого волеизъявления.

По существу, это положение не вызывает нареканий, но вряд ли оно ново в научном отношении. С незначительной терминологической разницей именно так половая свобода определяется практически в любом учебнике по Особенной части уголовного права [2; 3].

2. Автор определяет объективный критерий волеизъявления как «формальное выражение волеизъявления (устно, письменно или конклюдентными действиями), позволяющее достоверно определить позицию согласия или несогласия лица относительно совершения тех или иных действий в конкретный момент времени с определенным лицом».

Вот и возникает вопрос: как быть в ситуации, когда лицо, достигшее «возраста согласия», ничего не говорит, не пишет, не жестикулирует, а просто молчит? Можно ли такое молчание расценить как «знак согласия» на совершение сексуального действия?

3. Лично я разделяю точку зрения Н. В. Тыдыковой о том, что развратные действия, совершаемые взрослыми в отношении лиц в возрасте от 14 до 16 лет без понуждения, применения насилия, угрозы его применения, использования их беспомощного состояния, «не обладают общественной опасностью, необходимой для криминализации».

Если действия не обладают «достаточной» степенью общественной опасности, зачем их рекриминализовать, как предлагает автор, посредством введения административной преюдиции либо по признаку наличия судимости? Такое же предложение сделано в отношении действующей реакции ст. 133 УК РФ. По существу, в этих ситуациях речь идет об «опасном состоянии личности», а не об общественной опасности поведенческого акта — главного признака преступления, как это признано подавляющим большинством авторов. Я знаю аргументы сторонников административной преюдиции, но до сих пор никто внятно не объяснил: каким «волшебным» образом появ-

ляется качество общественной опасности у повторно совершенного административного деликта, пусть даже он совершен лицом, находящимся в состоянии «административной наказанности»?

4. Не могу полностью согласиться с предложением введения в составы насильственных сексуальных преступлений квалифицирующего признака их совершения «в условиях военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или боевых действий».

Дело в том, что если эти деяния совершены в контексте их прямой связи с вооруженным конфликтом (неважно, международным или внутренним), то, в силу международного уголовного права, они расцениваются как военное преступление. В нашем случае такие деяния подпадают (должны подпадать) под действие ст. 356 УК РФ по признаку жестокого обращения с военнопленными либо гражданскими лицами. Именно так акты сексуального насилия квалифицированы в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии (*Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998. § 185–186; 595–597; Prosecutor v. Z. Aleksovsky. Case № IT-95-14/1-T. 25 June 1999. § 158*), чья юрисдикция признается Российской Федерацией и чьи решения имеют для нас юридическую силу.

5. Автор под насилием в составах насильственных сексуальных преступлений предлагает понимать «ограничение свободы, побои, совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли». В то же время «причинение вреда (по всей видимости, любого. — А.К.) здоровью потерпевшему лицу, когда такое последствие прямо не указано в норме, требует самостоятельной квалификации».

Если речь идет о тяжком вреде здоровью — согласен. Можно спорить о сопряженном причинении вреда здоровью средней тяжести. Но имеет ли смысл дополнительная квалификация умышленного причинения, например, легкого вреда здоровью? Думаю, что, очевидно, нет.

Тем не менее следует заметить, что приведенные критические замечания не снижают общей высокой оценки рецензируемой работы. Полагаю, что исследование Н. В. Тыдыковой отражает результаты системного анализа теоретических и прикладных аспектов уголовно-правовой охраны личности от преступлений сексуального характера. Указанными обстоятельствами обеспечено решение научной проблемы, имеющей важное политическое и социально-экономическое значение для российского общества.

Литература

1. Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1993. 343 с.
2. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. 928 с.
3. Российское уголовное право. Общая и Особенная части. Т. 2. Особенная часть / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. 576 с.
4. Тыдыкова Н. В. Концепция российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. 5.1.4. Барнаул, 2024. 563 с.

References

1. D'yachenko A. P. Ugolovno-pravovaya okhrana grazhdan ot prestuplenii v sfere seksual'nykh otnoshenii [Criminal-legal protection of citizens from crimes in the sphere of sexual relations]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1993. 343 p. (In Russian)
2. Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Osobennaya chast' [Russian criminal law. Special part]. Eds. V. P. Konyakhin, M. L. Prokhorova. Moscow, Kontrakt Publ., 2015. 928 p. (In Russian)
3. Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti. T. 2. Osobennaya chast' [Russian criminal law. General and Special Parts. Vol. 2. Special part]. Ed. N. A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 576 p. (In Russian)
4. Tydykova N. V. Kontseptsiya rossiiskoi ugovolno-pravovoi politiki v sfere okhrany polovyykh otnoshenii [Concept of Russian criminal-legal policy in the sphere of protection of sexual relations]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 5.1.4. Barnaul, 2024. 563 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Нудель Станислав Львович,
Горенская Елена Владимировна,
Семькина Ольга Ивановна

Цель: исследование современного состояния и эффективности уголовно-правовой охраны сферы энергетики (далее — УПОСЭ) с учетом того, что энергетика представляет собой одну из бюджетообразующих отраслей национальной экономики, а энергетическая безопасность является неотъемлемым элементом важнейших стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Методология: диалектический метод познания; общенаучные методы — абстрагирование, анализ и синтез, дедуция, конкретизация и др.

Выводы. В статье определены основные положения уголовно-правовой охраны отношений в сфере энергетики (дано понятие УПОСЭ, определены ее направления и др.), охарактеризована последовательная криминализация общественно опасных деяний, совершаемых в сфере энергетики, включая институциональные и ситуационные инструменты воздействия, выявлены тенденции развития УПОСЭ, а также изучен опыт стран — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Предложены отдельные меры по совершенствованию УПОСЭ.

Научная и практическая значимость. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в дальнейшей научной дискуссии, связанной с совершенствованием УПОСЭ, и в процессе разработки аналитических и методических документов для мониторинга эффективности УПОСЭ.

Ключевые слова: энергетика, топливно-энергетический комплекс, уголовно-правовая охрана, преступление, уголовная ответственность, Содружество Независимых Государств.

Энергетика — одна из важнейших бюджетообразующих отраслей национальной экономики. Даже в самые сложные периоды именно энергетика позволяла России удерживать экономику в рамках допустимо убыточной рентабельности. И тогда, и сейчас базовой инфраструктурой энергетики является топливно-энергетический комплекс (далее — ТЭК), который включает в себя структурно нефтяную, газовую, угольную и торфяную отрасли, электроэнергетику и теплоснабжение и выступает крупнейшим заказчиком/поставщиком для других отраслей.

Сегодня, когда на Россию оказывается агрессивное внешнее давление, когда против нее направлен экономический, военный, политический, информационный арсенал недружественных стран и развернута мощнейшая антироссийская

пропаганда, целью которой выступает очернение российской истории, культуры, духовных ценностей, подрыв ее экономических и финансовых основ, первоочередное значение приобретает последовательное и неуклонное достижение целей Стратегии национальной безопасности путем реализации стратегических национальных приоритетов (далее — СНП).

Одним из СНП выступает «Экономическая безопасность». Ее частью является энергетическая безопасность, под которой в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (дата обращения 07.11.2025) по-

нимается состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации. Помимо этого, энергетическая безопасность является элементом СНП «Экологическая безопасность и рациональное природопользование» в части законного и грамотного использования природных энергетических ресурсов.

В данном случае особую значимость приобретает направление деятельности органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества по своевременному и оперативному реагированию на уже существующие и новые вызовы и угрозы энергетической безопасности, включая разработку эффективных механизмов воздействия на инициаторов таких вызовов и угроз.

Рассматриваемое реагирование, помимо правового регулирования общественных отношений в энергетике, оборота топливно-энергетических ресурсов, учета и соотношения интересов участников топливно-энергетических отношений, несомненно, должно предусматривать охрану энергетики и конкретно ТЭК от преступных посягательств, в том числе экономической и коррупционной направленности, налоговых и др.

Последнее направление вышеназванного реагирования можно обозначить как уголовно-правовая охрана отношений в сфере энергетики (далее также — УПО, УПОСЭ). На наш взгляд, УПОСЭ в широком смысле представляет собой государственное установление границ поведения субъектов общественных отношений в энергетике с целью удержания их от совершения общественно опасных посягательств путем закрепления в уголовном законе норм об ответственности за преступные деяния.

УПОСЭ в уголовном праве присущ институциональный характер (подобная охрана энергетики осуществлялась в СССР, РСФСР и осуществляется сейчас в Российской Федерации). В любом из периодов существования нашего государства имела место **последовательная криминализация общественно-опасных деяний в сфере энергетики**.

На наш взгляд, современное состояние и эффективность УПОСЭ с учетом таких ее направлений, как собственно уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, и так или иначе взаимосвязанных с ними административно-право-

вого и оперативно-разыскного, во многом зависят от уголовной политики, которая с учетом прогнозирования реальных и возможных рисков и угроз национальной безопасности, включая изменения состояния, структуры и динамики преступности, должна качественно реагировать на происходящие изменения, в том числе посредством совершенствования уголовно-правовых норм [1, с. 20; 2].

С этой целью УПОСЭ формируется из разработанных законодателем эффективных правовых механизмов, обеспечивающих неотвратимость справедливого наказания привлеченных к ответственности лиц (групп), совершающих преступления в сфере энергетики [3; 4]. Например, в УК РФ имеются специальные статьи (части статей), по которым квалифицируются преступления, связанные с ТЭК (табл. 1).

В целом состояние УПОСЭ можно оценить как удовлетворительное. Однако здесь наблюдаются тенденции, влияние и характер которых можно будет оценить только тогда, когда пройдет какое-то время, а именно произойдет: расширение сфер уголовно-правового регулирования; увеличение количества специальных норм при наличии общей нормы; полная или частичная декриминализация деяний; увеличение пороговых значений сумм крупного и особо крупного размеров ущерба для целей квалификации преступлений в сфере экономической деятельности; установление приоритета гуманных мер пресечения при расследовании преступлений в сфере предпринимательства; возвращение административной преюдиции; криминализация деяний путем внесения изменений в нормативные правовые акты смежных отраслей законодательства — при наличии бланкетных норм в УК РФ; и др.

На наш взгляд, не следует расширять количество составов в уголовном законе в зависимости от сферы (отрасли) совершения преступления, так как кража, мошенничество или иное преступление остаются таковыми при совершении в любой сфере (отрасли) [10; 11, с. 40]. Относительно криминализации деяний в сфере энергетики (как и любых других) необходимо учитывать, что уголовное законодательство является исключительным средством охраны общественных отношений и применяться должно только тогда, когда невозможно иным способом реализовать охранительную функцию государства (*постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П*).

Так, тенденция увеличения в уголовном законе норм с административной преюдицией (далее — АП) сопряжена с рядом проблем. Например, невозможно привлечь по ст. 215³ УК РФ лицо,

Таблица

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере ТЭК

Статья УК РФ	Введена/изменена (год)	Цель введения/изменения
Ст. 215 ² «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»	2001	Охрана объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения от разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние
Ч. 3 ст. 158 «Кража»	2006	Нейтрализация проблемы противодействия криминальным «врезкам»: внесен пункт «б» (Кража, совершенная... <i>из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода</i> [5]), а в абз. 2 п. «б» примечаний к хранилищам материальных ценностей отнесены <i>трубопроводы</i>
Ст. 215 ³ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность» [6; 7, с. 54]	2006	Нейтрализация проблемы противодействия криминальным «врезкам» в охраняемые объекты энергетики (нефтепроводы, нефтепродуктопроводы и газопроводы)
Ст. 217 ¹ «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса» [8]	2011	Противодействие террористической деятельности на объектах ТЭК
Ст. 226 ¹ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов» [9]	2011	Противодействие контрабанде нефти, газа, угля как стратегических важных ресурсов (<i>постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923</i>)
Ст. 217 ³ «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий)»	2023	Противодействие террористической деятельности на объектах ТЭК

имеющее неснятую и непогашенную судимость за аналогичное преступление, в случае если срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, истек. Положения уголовного закона о повторности, неоднократности, рецидиве преступлений и даже аналогии закона в таком случае неприменимы. Ситуация, когда лицо может избежать уголовной ответственности за содеянное, препятствует выполнению задач УК РФ, нарушает принципы справедливости и равенства граждан перед законом, не позволяет достичь целей уголовного на-

казания. Таким образом, статьи с закрепленной АП «могут поставить лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию» (*постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П*).

Специалисты отмечают наличие в УПОСЭ тенденции казуального регулирования (далее — КР) [12], которая проявляется как в выделении специальных составов преступлений в результате конкретизации УК РФ (ст. 215³, 217¹ УК РФ), так и в детализации его иных положений в Общей

и Особенной частях (п. «б» ч. 3 ст. 158, ст. 226¹ путем включения нефти, газа и угля в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ). Так, в новой самостоятельной ст. 217³ УК РФ установлена ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов и территорий, которая уже вступает в коллизию со ст. 217¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за подобное деяние в отношении объектов ТЭК. Таким образом, злоупотребление КР, направленное, скорее, на ситуационное предупреждение преступлений, может негативно отразиться на качестве и предназначении уголовного закона, при конструировании норм которого должно преимущественно сохраняться традиционное абстрактное регулирование, характеризующееся высоким уровнем обобщения путем уменьшения круга признаков устанавливаемого в норме правила поведения и применения оценочных понятий [1].

Для достижения цели нашего исследования представляется перспективным изучение опыта государств — участников Содружества Независимых Государств в области защиты энергетической безопасности и формирования национальных систем УПОСЭ. Данное направление исследования особо актуально, так как взаимодействие в рамках СНГ является, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина (*Путин назвал взаимодействие в СНГ одним из главных приоритетов России* // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1771313/2024-10-08/putin-nazval-vzaimodeistvie-v-sng-odnim-iz-glavnykh-prioritetov-rossii> (дата обращения: 07.11.2024)), «одним из главных приоритетов внешней политики России, включая развитие партнерства в сферах безопасности, культуры и гуманитарной области, совместную борьбу с терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, оргпреступностью, коррупцией и т.д.».

Совершенствованию и гармонизации законодательства государств — участников СНГ в области защиты энергетической безопасности способствуют положения ст. 2, ч. 3 ст. 6 Модельного закона о национальной безопасности 2022 г., в котором энергетика признается объектом критически важной инфраструктуры, ее разрушение или выведение из строя может привести к нарушению или прекращению функционирования органов государственной власти, государственных органов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества. Таким образом, подчеркивается важность сферы энергетики и первостепенная значимость обеспечения энергетической безопасности.

В национальном законодательстве государств — участников СНГ энергетическая безопасность понимается как такое состояние защищенности топливно-энергетического, нефтегазового и атомно-энергетического комплексов экономики от угроз, при котором государство способно обеспечить их энергетическую независимость и устойчивое развитие для удовлетворения потребностей общества и государства в энергоресурсах (*например: Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 14 февраля 2005 г. № 635 «Об утверждении Государственной программы по развитию топливно-энергетического комплекса Азербайджанской Республики (2005–2015 г.)»; Закон Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» (ст. 17.5); Стратегия национальной безопасности Республики Армения 2020 г. (п. 7.24, 7.25); Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г. (п. 10, 27, 30); Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (ст. 5, 22); Закон Туркменистана от 4 мая 2013 г. № 388-IV «О национальной безопасности Туркменистана» // [Электронный ресурс]: URL: <https://base.spinform.ru/> (дата обращения: 02.07.2024)). Рассматриваемая категория включается в интегративное понятие национальной безопасности в экономической сфере, а разработка и принятие комплексных мер по гарантированной деятельности энергетических систем рассматриваются как стратегические приоритеты обеспечения экономической безопасности и охраны экономического суверенитета страны [13, с. 303–304, 319, 332, 340–343].*

В некоторых странах в целях повышения уровня доступности энергетических ресурсов запущены централизованные информационные системы (*например, в Республике Молдова функционирует информационная система «Энергетическая уязвимость» (ИСЭУ) // Закон Республики Молдова от 28 июля 2022 г. № 241 «О фонде снижения энергетической уязвимости»; постановление Правительства Республики Молдова от 30 ноября 2022 г. № 822 «Об утверждении Положения о порядке организации и функционирования Информационной системы «Энергетическая уязвимость»»).*

Специфика норм уголовных законов государств — участников СНГ об ответственности за нарушения в сфере энергетики состоит в их бланкетном характере. Такие деяния нарушают не только уголовно-правовой запрет, но и положения «неуголовного законодательства» — различных нормативных правовых актов, регулирующих энергетическую сферу национальной

безопасности [14, с. 94]. Так, в отдельных внутрисоюзных документах закрепляются виды энергетических ресурсов и энергетических систем (*Закон Азербайджанской Республики от 24 ноября 1998 г. № 541-ІQ «Об энергетике»; Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 588-ІІ «Об электроэнергетике»; Закон Кыргызской Республики от 30 октября 1996 г. № 56 «Об энергетике»; Закон Туркменистана от 16 августа 2014 г. № 104-V «Об электроэнергетике»*), требования к их рациональному использованию (*Закон Азербайджанской Республики от 30 мая 1996 г. № 94-ІГ «Об использовании энергетических ресурсов»; Закон Азербайджанской Республики от 9 июля 2021 г. № 359-VIQD «О рациональном использовании энергоресурсов и энергетической эффективности»; Закон Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 239-З «Об энергосбережении»; Закон Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 412-І «О рациональном использовании энергии»; Правила пользования природным газом и Правила пользования электрической энергией: утв. постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 12 января 2018 г. № 22 и порядок выявления технологических нарушений в области энергетики (приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 3 февраля 2015 г. № 59 «Об утверждении Правил проведения энергетической экспертизы»*).

С учетом этого обстоятельства можно обозначить *несколько подходов* к криминализации деяний в сфере энергетической безопасности.

1. Включение таких посягательств в систему преступлений против собственности и (или) основ экономической деятельности. Например, УК Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (далее — УК КР) устанавливает ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества (при отсутствии признаков хищения) путем самовольного использования газа, электрической либо тепловой энергии без приборов учета, в результате умышленного повреждения приборов учета либо путем иного обмана или злоупотребления доверием (ст. 215 гл. 28).

Напротив, УК Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (далее — УК РК) признает особо отягчающим признаком кражи (гл. 6) ее совершение из нефтегазопровода (п. 2 ч. 4 ст. 188 УК РК). Кроме того, как посягательства на собственность квалифицируются заранее не обещанные приобретение или сбыт нефти и нефтепродуктов, заведомо добытых преступным путем (п. 1 ч. 3 ст. 196 УК РК), и оборот (транспортировка, приобретение,

реализация, хранение, переработка) нефти и нефтепродуктов без документов, подтверждающих законность их происхождения (ст. 197 УК РК).

УК Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (далее — УК РУ) как преступление против собственности (гл. X) тоже рассматривает кражу, предметом которой являются энергетические ресурсы. Однако отличительной особенностью криминализации стало выделение в ст. 169 УК РУ нескольких отягчающих обстоятельств тайного хищения, включая его совершение: 1) в коммерческих целях путем самовольного подключения к электрическим, тепловым, газовым или водопроводным сетям общего пользования либо умышленной порчи приборов учета электрической энергии, природного газа, холодной или горячей воды, в том числе их пломб, либо вмешательства в приборы учета извне с целью изменения их показателей (п. «д» ч. 2); 2) в тех же целях по предварительному сговору должностных лиц или работников электро-, газо- или водоснабжающих организаций путем самовольного подключения к обозначенным выше энергетическим ресурсам, умышленных повреждения приборов учета либо изменения их показателей (п. «е» ч. 2); 3) из нефтепроводов, газопроводов, нефте- и газопроводопроводов, (п. «г» ч. 3). Кроме того, в числе посягательств против основ экономики (гл. XII) УК РУ выделяет совершенные с элементом административной преюдиции нарушения правил пользования электрической, тепловой энергией, газом, водопроводом (ст. 185.2 УК РУ).

УК Азербайджанской Республики (далее — УК АР) также к преступлениям против собственности (гл. 23) относит квалифицированный состав кражи — тайное хищение чужого имущества в отношении нефтепроводов, линий природного газа, связи, электрической, тепловой энергии, воды, канализации, железнодорожных линий государственного или общественного значения (ст. 177.2.3–2 УК АР). Интерес вызывают особенности криминализации в ст. 189.1 этой же главы УК АР хищения энергетических ресурсов путем подключения к сетям природного газа, воды, электрической и тепловой энергии [15, с. 155]. В рамках системного подхода к противодействию нарушениям в сфере энергетики УК АР в названную статью включил составы с различными объективными и субъективными признаками хищения. Во-первых, общественно опасными признаны хищения природного газа, воды, электрической и тепловой энергии, совершенные общим субъектом (физическим

лицом, достигшим 16 лет) путем активных действий и причинившие ущерб в значительном (ст. 189–1.1 УК АР), крупном (ст. 189–1.2 УК АР) и особо крупном (ст. 189–1.2–1 УК АР) размерах (согласно примеч. 2 к ст. 177 «Кража» УК Азербайджанской Республики под «значительным» подразумевается сумма свыше пяти тысяч манатов, но не более пятидесяти тысяч манатов, под «крупным» — сумма свыше пятидесяти тысяч манатов, но не более пятисот тысяч манатов, под «особо крупным» — сумма свыше пятисот тысяч манатов; 1 манат = 53–55 руб. на август 2024 г.). Во-вторых, в ст. 189.1 УК АР криминализованы хищения, совершаемые специальным субъектом (лицом, ответственным за надлежащее функционирование или сохранение энергетического ресурса), как правило, путем бездействия. Таковым является непредотвращение перечисленных выше деяний по причине неисполнения либо ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к работе (ст. 189–1.3 УК АР). Уголовно-наказуемым признано также непредотвращение хищения природного газа, воды, электрической или тепловой энергии, совершенное представителем предприятия по обеспечению соответствующим энергетическим ресурсом путем злоупотребления своим служебным положением из корыстных или иных личных интересов.

С приведенным выше опытом гармонизирует ст. 194 УК Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (далее — УК РМ), предусматривающая ответственность за хищение в крупном размере (в ч. 1 ст. 126 УК РМ «крупный размер, ущерб» определяется как стоимость похищенных, добытых, полученных, изготовленных, уничтоженных, использованных, перевезенных, находящихся на хранении, реализованных, перемещенных через таможенную границу ценностей, либо размер ущерба, причиненного лицом или группой лиц, свыше 20 прогнозируемых среднемесячных заработных плат (далее — СЗП) по экономике, установленных постановлением Правительства, действовавшим на момент совершения деяния. Так, постановлением Правительства Республики Молдова от 28 декабря 2022 г. № 936 «Об утверждении размера среднемесячной заработной платы по экономике, прогнозируемой на 2023 год» этот показатель был утвержден в размере 11 700 леев. Таким образом, крупный размер ущерба, причиненного хищением энергетических ресурсов, составлял сумму свыше 234 000 леев (около 1,1 млн руб.). В 2024 г. показатель СЗП составил

13 700 леев) (согласно постановлению Правительства Республики Молдова от 21 декабря 2023 г. № 1033 «Об утверждении размера среднемесячной заработной платы по экономике, прогнозируемой на 2024 год» // [Электронный ресурс]: URL: <https://base.spinform.ru/> (дата обращения: 30.08.2024)) газа, электро- и теплоэнергии, в том числе их незаконное использование с нарушением или повреждением действующих в установленном порядке систем учета (п. «d» ч. 2 ст. 98, ст. 106). Кроме того, УК РМ объектом некоторых преступлений в сфере энергетики признает основы экономической деятельности. В частности, в его гл. X криминализовано три группы соответствующих деяний:

1) повлекших особо крупный ущерб (согласно ч. 1.1 ст. 126 УК РМ «особо крупный размер, ущерб» составляет стоимость ценностей, либо размер ущерба, причиненного лицом или группой лиц, превышающая 40 прогнозируемых СЗП по экономике, размер которых установлен постановлением Правительства, действующим на момент совершения деяния) действий по манипулированию на рынке природного газа путем заключения сделок с энергетическими продуктами оптового рынка или представления торгового поручения по ним, включая дачу ложных указаний о предложении, спросе или цене на энергетические продукты, искусственное установление цены на них, использование при совершении сделок фиктивных инструментов, обмана или злоупотребления доверием; распространения посредством сети Интернет, ложной информации о рыночных регуляторах энергетических продуктов (ст. 244.2 УК РМ);

2) причинившего особо крупный ущерб неправомерного использования инсайдерской информации на оптовом рынке энергетических продуктов в целях их продажи либо отчуждения (ст. 244.3 УК РМ);

3) недоброкачественное строительство энергетических сооружений руководителями строительных организаций, производителями работ и контролирующими должностными лицами (ст. 257 УК РМ). При этом ответственность за указанные экономические деяния несут как физические лица (субъекты рынка природного газа), так и юридические лица [16, с. 86–103; 17].

2. Признание видовым объектом преступлений в сфере энергетической безопасности состояния защищенности общественных отношений в сфере обеспечения общественной безопасности. Например, в ст. 222.2 гл. 25 УК АР установлена ответственность за ведение без получения разрешения в по-

рядке, установленном законодательством, строительных и монтажных работ в охраняемых зонах (магистральных трубопроводов, электросетей напряжением более 1000 вольт, нефтяных скважин и др.). УК Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее — УК РБ) совершение деяния на объектах использования атомной энергии закрепляет в качестве криминообразующего признака нарушения правил производственно-технической дисциплины и правил безопасности (ст. 301 гл. 27 УК РБ) и особо квалифицированного состава акта терроризма (ч. 3 ст. 289 гл. 27 УК РБ). В УК РУ (гл. XVII) криминализовано приведение в негодность нефтепроводов, газопроводов, нефте- и газопродуктопроводов (ст. 255.2 УК РУ), включая магистральные трубопроводы (п. «в» ч. 2). УК РМ (гл. XIII) установил ответственность за нарушение требований к эксплуатации объектов энергетики повлекшее тяжкие последствия (ст. 298 УК РМ).

3. Включение нарушений требований в сфере обеспечения безопасности и рационального использования энергетических ресурсов в число экологических преступлений (уголовных правонарушений). Например, УК РК такими деяниями признал нарушения экологических требований при проектировании, размещении, строительстве или реконструкции, вводе в эксплуатацию или эксплуатации объектов энергетики, которые причинили ущерб (крупный, особо крупный), повлекли вред здоровью человека, его смерть или массовое заболевание людей либо создали угрозу наступления указанных последствий (ст. 324 гл. 13 УК РК). УК РУ (гл. XIV), предусматривая в целом аналогичный состав нарушения правил экологической безопасности на энергетических объектах (ст. 193 УК РУ), включил в него указание на специальный субъект (совершение деяния должностным лицом или членом государственной комиссии по приему в эксплуатацию).

4. Выделение уголовно-правовых запретов за приведение в негодность (блокировку) энергетических систем в системе против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Так, в УК РБ транспортными преступлениями (гл. 28) являются умышленное приведение в непригодное для эксплуатации состояние средств магистрального трубопроводного транспорта и связи, если такие деяния могли повлечь смерть человека, крушение, аварию и иные тяжкие последствия (ст. 309 УК РБ), а также нарушение правил безопасности на магистральных трубопроводах (ст. 320 УК РБ). УК РК нарушения правил безопасности при строительстве, эксплуата-

ции или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 354 УК РК), умышленное (ст. 355 УК РК) и неосторожное (ст. 356 УК РК) повреждение или разрушение трубопроводов, включая нефтегазопроводы, также признал транспортными уголовными правонарушениями (гл. 14). Обязательный признак объективной стороны указанных деяний состоит в общественно опасных последствиях для человека и окружающей среды. Например, в виде причиненных по неосторожности средней тяжести, тяжкого вреда здоровью человека или его смерти (ч. 1–3 ст. 354 УК РК), загрязнения окружающей среды либо причинения крупного ущерба (ч. 3 ст. 355 УК РК), реальной угрозы наступления вреда здоровью людей или окружающей среде (ч. 1 ст. 356 УК РК). УК КР также установил ответственность за нарушение правил безопасности на магистральных трубопроводах, повлекшее по неосторожности значительный или тяжкий вред (ст. 317 УК РК), но при этом в гл. 39 обеспечение безопасности магистральных трубопроводов конкретизировано им в качестве видового объекта анализируемых посягательств.

5. Уголовно-правовая охрана энергетического ресурса от посягательств коррупционных и иных преступлений против интересов государственной службы. Например, в ст. 314–2.2 гл. 33 УК АР в числе защитных объектов, к которым применяется уведомительный порядок разрешения на производство строительных и монтажных работ, названы магистральные трубопроводы, электрические сети с напряжением свыше 1000 вольт, нефтяные скважины.

Таким образом, можно констатировать недостаточное единообразие правового поля стран СНГ относительно УПОСЭ. В частности, это выражается в отнесении рассматриваемых преступлений к экологическим, экономическим, транспортным, а также к совершенным в сфере общественной безопасности, то есть объектам преступных посягательств, если рассматривать их как общественные отношения в конкретной сфере, сильно отличаются. С учетом возможного совершения преступлений на территории двух и более государств может возникнуть коллизия норм. При этом имеющиеся механизмы УПОСЭ являются практически применимыми, однако нуждаются в некоторой гармонизации.

В то же время УК большинства стран — участников СНГ предусматривают ответственность за хищения в сфере энергетики, за самовольное подключение к энергетическим объектам, повреждение или разрушение указанных объектов и т.д. На наш взгляд, отдельные примеры кри-

минализации деяний могут служить основой для совершенствования уголовно-правовых механизмов, закрепленных в УК РФ.

С учетом вышеизложенного, считаем необходимым рассмотреть целесообразность установления в рамках ст. 217¹ УК РФ групповой ответственности за совершение нарушения требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности энергетических

объектов группой по предварительному сговору либо организованной группой. Помимо этого, опираясь на опыт Республики Азербайджан, предлагаем оценить положительные и отрицательные последствия возможной криминализации хищений, совершаемых путем бездействия лицом, ответственным за надлежащее функционирование или сохранение энергетического ресурса (то есть специальным субъектом).

Литература

1. *Нудель С. Л.* Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5–22.
2. *Авдеева Е. В., Александров С. А., Басангов Д. А.* и др. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности. М.: Юриспруденция, 2022. 304 с.
3. *Нудель С. Л., Горенская Е. В.* Уголовная политика в области обеспечения энергетической безопасности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 101–114.
4. *Горенская Е. В.* Характеристика участников организованных групп, совершающих экономические преступления в топливно-энергетическом комплексе // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы: сборник материалов Международного круглого стола (Москва, 30 ноября 2021 г.). М., 2021. С. 74–82.
5. *Нудель С. Л., Маликов С. В., Горенская Е. В., Исрафилов И. М.* Преступность в сфере оборота нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2012. 60 с.
6. *Нудель С. Л.* Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 93–97.
7. *Горенская Е. В.* Актуальные вопросы противодействия незаконному подключению к магистральным трубопроводам // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы: сборник материалов международной НПК (Новосибирск, 26 мая 2022 г.). Новосибирск — Новокузнецк, 2022. С. 50–54.
8. *Зайцев О. А.* Законодательное регулирование уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности // Вестник. Государство и право. 2024. № 1 (40). С. 5–70.
9. *Нудель С. Л., Горенская Е. В.* Правовые основы обеспечения экономической безопасности топливно-энергетического комплекса // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 31–38.
10. *Зайцев О. А.* Новые уголовно-процессуальные механизмы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 33–38.
11. *Горенская Е. В.* Наличие разрешений как условие законности деятельности субъектов топливно-энергетического комплекса // Научный портал МВД России. 2022. № 3 (59). С. 33–40.
12. *Кленова Т. В., Климанова О. В.* Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 4. С. 126–143.
13. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, С. Л. Нудель, О. И. Семькина. М.: Проспект, 2023. 352 с.
14. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. 320 с.
15. Энциклопедия уголовного права. Т. 33: Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. СПб.: Издание профессора Малинина, 2021. 751 с.
16. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 245 с.
17. *Семькина О. И.* Ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции: уголовное преследование и альтернативные способы урегулирования конфликтов (сравнительный аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 8–12.

References

1. Nudel' S. L. Modernizatsiya ugovolnoi politiki: problemy pravovogo regulirovaniya [Modernization of criminal policy: problems of legal regulation]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 5–22. (In Russian, abstract in English)
2. Avdeeva E. V., Aleksandrov S. A., Basangov D. A. et al. Ugolovno-pravovye i ugolovno-protsessual'nye sredstva obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti [Criminal-legal and criminal-procedural means of ensuring economic security]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2022. 304 p. (In Russian)
3. Nudel' S. L., Gorenskaya E. V. Ugolovnaya politika v oblasti obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [Criminal policy in the field of ensuring energy security]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2022, vol. 26, no. 9, pp. 101–114. (In Russian, abstract in English)
4. Gorenskaya E. V. Kharakteristika uchastnikov organizovannykh grupp, sovershayushchikh ekonomicheskie prestupleniya v toplivno-energeticheskom komplekse [Characteristics of participants in organized groups committing economic crimes in the fuel and energy complex]. In *Ugolovnaya politika v oblasti obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti: vyzovy i ugrozy. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kruglogo stola, Moskva, 30 noyabrya 2021 g. [Criminal policy in the field of ensuring economic security: challenges and threats. Collection of materials of the International round table, Moscow, November 30, 2021]*. Moscow, 2021, pp. 74–82. (In Russian)
5. Nudel' S. L., Malikov S. V., Gorenskaya E. V., Israfilov I. M. Prestupnost' v sfere oborota nefi i nefteproduktov v Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie [Crime in the sphere of oil and oil products turnover in the Russian Federation: a scientific and practical manual]. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2012. 60 p. (In Russian)
6. Nudel' S. L. Samovol'noe podklyuchenie k nefteprovodam, nefteproduktoprovodam i gazoprovodam: problemy kvalifikatsii [Unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines: problems of qualification]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik [Altai Legal Bulletin]*, 2019, no. 3 (27), pp. 93–97. (In Russian, abstract in English)
7. Gorenskaya E. V. Aktual'nye voprosy protivodeistviya nezakonnomu podklyucheniyu k magistral'nym truboprovodam [Actual issues of counteracting illegal connection to main pipelines]. *Bor'ba s pravonarusheniyami v sfere ekonomiki: pravovye, protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy. Sbornik materialov mezhdunarodnoi NPK, Novosibirsk, 26 maya 2022 g. [Combating offenses in the sphere of economy: legal, procedural and forensic problems. Collection of materials of the international NPC, Novosibirsk, May 26, 2022]*. Novosibirsk-Novokuznetsk, 2022, pp. 50–54. (In Russian)
8. Zaitsev O. A. Zakonodatel'noe regulirovanie ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoi i ekstremistskoi napravlenosti [Legislative regulation of criminal liability for terrorist and extremist crimes]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo [Bulletin. State and Law]*, 2024, no. 1 (40), pp. 5–70. (In Russian, abstract in English)
9. Nudel' S. L., Gorenskaya E. V. Pravovye osnovy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti toplivno-energeticheskogo kompleksa [Legal basis for ensuring the economic security of the fuel and energy complex]. *Rossiiskaya yustitsiya [Russian Justice]*, 2023, no. 9, pp. 31–38. (In Russian, abstract in English)
10. Zaitsev O. A. Novye ugolovno-protsessual'nye mekhanizmy v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti [New criminal procedural mechanisms in the sphere of entrepreneurial and other economic activities]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2021, no. 2, pp. 33–38. (In Russian, abstract in English and German)
11. Gorenskaya E. V. Nalichie razreshenii kak uslovie zakonnosti deyatel'nosti sub"ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa [Availability of permits as a condition for the legality of the activities of entities in the fuel and energy complex]. *Nauchnyi portal MVD Rossii [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2022, no. 3 (59), pp. 33–40. (In Russian, abstract in English)
12. Klenova T. V., Klimanova O. V. Kazual'noe regulirovanie i konkretizatsiya ugovolnogo zakonodatel'stva: o predpochteniyakh v zakonodatel'nom protsesse i ugovolnoi politike [Casual regulation and specification of criminal legislation: on preferences in the legislative process and criminal policy]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 126–143. (In Russian)
13. Ugolovno-pravovye garantii suvereniteta gosudarstva (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): nauchno-prakticheskoe posobie [Criminal-legal guarantees of state sovereignty (comparative legal study): scientific and practical manual]. Eds. I. I. Kucherov, S. L. Nudel', O. I. Semykina. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 352 p. (In Russian)

14. *Ekonomicheskaya bezopasnost' (ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya): monografiya* [Economic Security (Criminal-Law Mechanisms for Ensuring It): Monograph]. Eds. I. I. Kucherov, O. A. Zaitsev, S. L. Nudel'. Moscow, Yuridicheskaya firma «Kontrakt» Publ., 2021. 320 p. (In Russian)

15. *Entsiklopediya ugolovnogo prava, vol. 33. Kratkaya kharakteristika ugolovnogo prava zarubezhnykh stran* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 33. Brief Characteristics of Criminal Law of Foreign Countries]. St. Petersburg, Izdanie professora Malinina Publ., 2021. 751 p. (In Russian)

16. *Fedorov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v postsovetskikh gosudarstvakh: monografiya* [Criminal Liability of Legal Entities in Post-Soviet States: Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 245 p. (In Russian)

17. *Semykina O. I. Otvetstvennost' yuridicheskikh lits za narushenie pravil konkurentsii: ugolovnoe presledovanie i al'ternativnye sposoby uregulirovaniya konfliktov (sravnitel'nyi aspekt)* [Liability of Legal Entities for Violation of Competition Rules: Criminal Prosecution and Alternative Methods of Conflict Resolution (Comparative Aspect)]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2017, no. 5, pp. 8–12. (In Russian, abstract in English)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Овчинников Сергей Николаевич

Цель: состоит в познании системы средств уголовно-правового воздействия и их влияния на пенитенциарную политику. В связи с этим представляется необходимым показать развитие уголовно-правовых средств от монистического подхода, свойственного для классической школы уголовного права, к плюралистическому, пронизывающему современные уголовно-правовые учения о наказании и отражающему тенденции в модернизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Методология: анализ, синтез, абстрагирование, сравнительно-правовой, исторический и некоторые другие методы познания.

Выводы. Концепция пенитенциарной политики в отечественной юридической науке за последнее столетие прошла путь от узкой категории — тюремной политики, ограничивающейся мерами, связанными с изоляцией осужденных от общества, — до более широкой пенитенциарной политики, охватывающей широкий спектр мер уголовно-правового воздействия. Этот процесс отразился и на системе уголовно-правовых средств, которые, преодолев монистические рамки, сформировали плюралистическую модель.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в развитии уголовно-правовой доктрины, обращенной к познанию сущности таких значимых для юридической науки категорий, как уголовно-правовые средства и пенитенциарная политика. Наряду с этим в практической плоскости теоретические знания о содержании пенитенциарной политики актуальны при выработке концептуальных положений, определяющих приоритеты модернизации системы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, уголовно-правовые средства, наказание, меры уголовно-правового характера, институт probation.

Исследование уголовно-правовых средств и их влияние на развитие пенитенциарной политики имеет актуальное значение и требует не только межотраслевого, но и междисциплинарного подхода. Понимание сущности мер уголовно-правового воздействия и их направленности открывает возможность познания отличительных особенностей пенитенциарной политики, определения ее принадлежности к той или иной модели.

К уголовно-правовым средствам, которые определяют их применение и исполнение, относятся наказания и меры уголовно-правового характера, средства исправления осужденных, а также меры постпенитенциарного сопровождения и надзора. В связи с этим полагаем гносеологически обоснованным проследить ретроспективу

эволюции уголовно-правовых средств во взаимосвязи с особенностями пенитенциарной политики.

В различные периоды истории развития уголовно-правовой науки ученые для объяснения процессов и закономерностей в сфере применения мер уголовно-правового реагирования пользовались разными категориями. Так, в первые десятилетия прошлого века М. Н. Гернет при исследовании проблем, связанных с исполнением наказания в виде лишения свободы, оперировал термином тюремная политика. Он указывал, что она «очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства <...> политическое и экономическое состояние страны <...> ярко отражаются на организации всей карательной системы

и в особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных» [1, с. 34].

Примечательно, что именно в этот период законодательное закрепление получили правовые новеллы, ставящие под сомнение монистический подход к пониманию средств уголовно-правового воздействия. В уголовном законодательстве появляются наряду с наказаниями меры социальной защиты. Тем самым в законодательстве нашли отражение достаточно прогрессивные для того времени идеи о социальной ориентированности уголовно-правовых санкций. Разработчики Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. указывали, что требование экономии репрессии должно «считаться в настоящее время аксиомой уголовной и пенитенциарной политики» [5, с. 8]. Так, Е. Г. Ширвиндт выводил из принципа экономии в карательной политике два требования судебно-исполнительной политики:

«1) лишение свободы должно применяться только в том случае, когда оно является единственно целесообразной мерой социальной защиты, которая никакой другой мерой в данном случае не может быть заменена;

2) лишение свободы не должно применяться на больший срок, чем это является строго необходимым» [5, с. 8].

В дальнейшем в связи с меняющимся политическим вектором все более заметным становится формирование новых контуров социалистической законности и, как следствие, системы уголовных наказаний, включая ее правовое и организационное оформление. Тюремная политика становится термином-антагонистом по отношению к формирующейся исправительно-трудовой политике. Б. С. Утевский в своем учебнике «Советская исправительно-трудовая политика» противопоставляет ее советской системе исправления осужденных. Противопоставляются эти две политико-правовые категории не только по идеологическому наполнению, но и по средствам и целям уголовно-правового воздействия, которые они применяют. Б. С. Утевский ставит акцент на колониальном характере тюремной политики зарубежных стран: «Буржуазия в своей тюремной политике дает ежедневно образчики самой беспощадной, жестокой, кровавой расправы с заключенными туземцами. В своих колониях империалистические страны, отбрасывая в сторону все лжедемократические лозунги, <...> превращают колониальные тюрьмы в учреждения для более или менее быстрого физического уничтожения туземцев-пролетариев» [2, с. 16]. Здесь же он проводит параллель с тюремной политикой царского

периода: «Таковую же цинично беспощадную колониальную политику проводил царизм в своих тюрьмах, расположенных на окраинах» [2, с. 17].

Исправительно-трудовая политика получила легальное закрепление в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г., в котором были сформулированы ее цели. К ним относилось предупреждение совершения преступлений посредством приобщения к труду. Признание труда приоритетным средством исправления оставалось на протяжении всего советского периода непоколебимым постулатом. Исправительно-трудовой характер воздействия на осужденных пронизывал всю систему исполнения уголовных наказаний того времени. Устойчивость подобного подхода к исполнению уголовных наказаний определялась тем, что он наиболее полно отражал идеологические установки на формирование личности советского человека и также учитывал прикладную составляющую, а именно хозяйственные потребности государства.

Отличительным признаком исправительно-трудовой политики, как известно, является применение уголовно-правовых средств с повышенной степенью уголовной репрессии. Приоритет защиты публичных интересов состоял в применении мер, обеспечивающих продолжительное время изоляции и постпенитенциарное ограничение прав, например, связанное с установлением запрета на свободу выбора места жительства после освобождения из места лишения свободы и т. д. Так, согласно ст. 26 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. высылка могла быть назначена как в качестве основного, так и дополнительного наказания на срок от двух до пяти лет и заключалась в запрете проживания в определенных местностях. В случае назначения высылки в качестве дополнительного наказания она исполнялась после отбытия основного наказания.

Анализ советского уголовного законодательства свидетельствует о формировании дуалистической системы уголовно-правовых средств обеспечения пенитенциарной политики, состоящей из наказаний и мер уголовно-правового характера. Дифференциация их на две самостоятельные группы основывается на направленности правовых последствий. Применение наказаний направлено прежде всего на санкционирование преступного поведения, выражающееся в определении степени ограничения прав и свобод осужденного. Предметом мер уголовно-правового характера является дифференциация степени уголовной репрессии как на стадии назначения наказания, так и на стадии его исполнения.

Переход от исправительно-трудовой политики к уголовно-исполнительной, или пенитенциарной, стал результатом масштабных изменений в политическом устройстве российского государства конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого столетия. Этот процесс сопровождался ревизией методологических, идеологических, правовых, организационных основ системы исполнения наказаний. Глубокое переосмысление претерпели и средства уголовно-правового воздействия.

Рассматривая уголовно-правовые средства через призму обеспечения ими пенитенциарной политики, следует выделить некоторые устойчивые тенденции, которые мы можем наблюдать. Основная траектория развития законодательства и практики его применения отражает либерализацию уголовной юстиции. Она сформировалась на волне демократических преобразований и под влиянием международных стандартов обращения с лицами, находящимися в местах принудительного содержания. Также значительную роль сыграла прецедентная практика Европейского суда по правам человека. Несмотря на спорность некоторых подходов к толкованию правовых положений пенитенциарных правил международными надзорными инстанциями и принимаемых решений международными судебными инстанциями, нельзя игнорировать основные показатели пенитенциарной политики. В частности, к таким параметрам относится количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения

свободы. Его приоритетность исходит из провозглашаемого принципа *ultima ratio*, согласно которому лишение свободы признается крайней мерой уголовно-правового реагирования. Данный принцип нашел свое место в российской правовой системе. Конституционный Суд Российской Федерации нередко при рассмотрении вопросов о пределах вмешательства законодателя или правоприменителя в права человека указывает на принцип необходимости и достаточности. Например, в своем определении от 28 февраля 2023 г. № 463-О Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу гражданина о неконституционности положения ч. 2 ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ), указал на то, что уголовно-правовые нормы служат вытекающему из конституционных начал гуманизма и справедливости принципу экономии уголовной репрессии, предполагающему применение лишь необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования (*определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2023 г. № 463-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стерлигова Ильи Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/406548515/> (дата обращения 10.10.2024).*

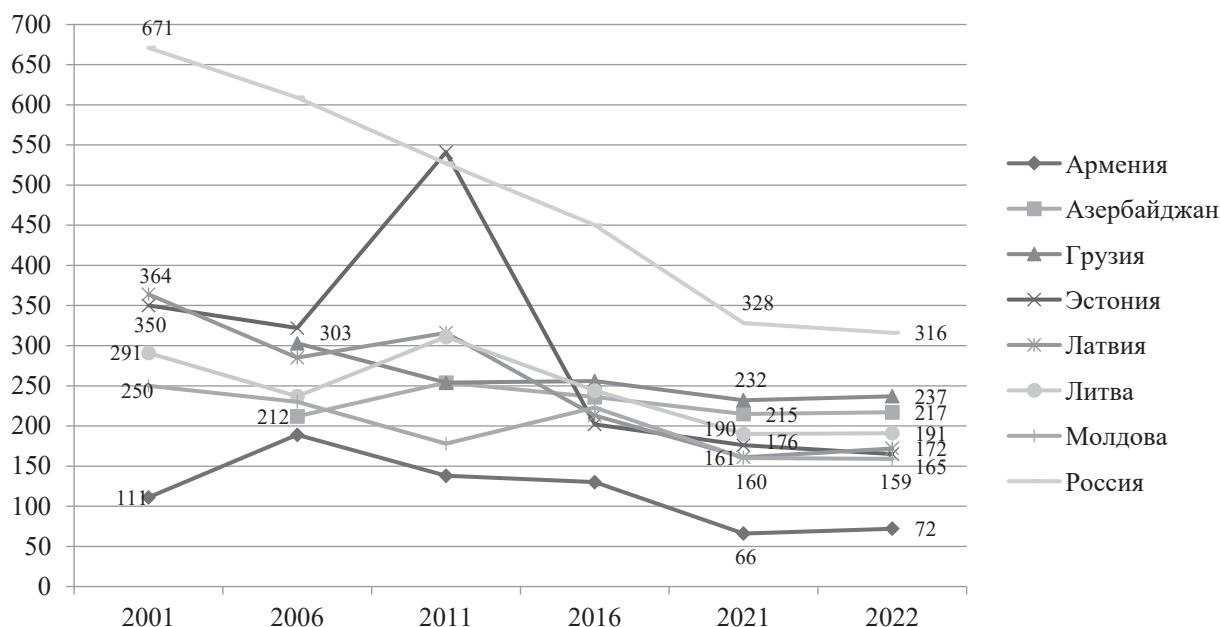

Рисунок. Динамика численности осужденных, отбывающих лишение свободы (на 100 тыс. населения)

На графике (рисунок) видна динамика за период с 2001 по 2022 г. в изменении доли осужденных к лишению свободы в расчете на 100 тысяч человек населения, проживающего в стране. В статистическом отчете отсутствуют необходимые данные за 2001 г. по Грузии и Армении, а также за 2016 г. по России. Соответственно, для выявления непрерывной тенденции изменения анализируемого показателя в отношении Грузии и Армении взамен отсутствующих данных за 2001 г. использованы сведения за 2002 г.; по России вместо отсутствующих сведений за 2016 г. использованы данные за 2015 г. ([Электронный ресурс]: URL: https://wp.unil.ch/space/files/2022/06/SPACEII_2021_Final_report_220614.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2018/03/SPACE_II_report_2016_Final_100320.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2011/02/Council-of-Europe_SPA_CE-II-2011-E.pdf; https://wp.unil.ch/space/files/2011/02/SPACEI_2009_English2.pdf).

По данному показателю Россия стала лидером из всех европейских стран по сокращению численности осужденных, которое было достигнуто посредством проведения правовых и организационных преобразований в уголовно-исполнительной системе. При этом численность осужденных в различных категориях снижалась неравномерно. Наибольшая корректировка произошла среди осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. С 2000 г. численность данной категории снизилась почти в 20 раз. Несомненно, что это результат гуманизации правовой системы. При этом такая динамика стала вполне прогнозируемым результатом социально-демографических процессов, связанных с резким снижением рождаемости в стране в 90-е гг. прошлого века [3, с. 81].

В России процесс сокращения численности лиц, содержащихся в местах лишения стал результатом не только улучшения социально-демографической ситуации, но и целенаправленной работы по либерализации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Так, был расширен перечень наказаний, альтернативных лишению свободы. Примером тому может быть Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), которым в УК РФ был закреплен новый вид наказания — принудительные работы. Исходя из формулировки ч. 1 ст. 53¹ «Принудительные работы» УК РФ данный вид наказания представляет собой альтернативу лишению свободы в случаях, установленных законом.

Также изменения коснулись мер уголовно-правового характера. Были введены новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 76¹ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» и ст. 82¹ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» УК РФ, предусматривающие правила освобождения от уголовной ответственности и от наказания соответственно.

Несмотря на изменение внешнеполитического курса, связанного с осложнением геополитической обстановки, в отечественной пенитенциарной политике наблюдается дальнейшее поступательное развитие, основанное на гуманистических началах. Свидетельством этого является введение института пробации, вокруг которого шли длительные дискуссии в научном сообществе. Значительный вклад в научное осмысление этого института внесла Н. Б. Хуторская, которая еще в 1992 г. защитила кандидатскую диссертацию по революционной на тот момент теме «Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты» [4, с. 9–10].

В связи с принятием этой новеллы возникает вопрос о том, какое место занимает пробация в сложившейся дуалистической системе мер уголовно-правового воздействия. Не вдаваясь в детальный анализ научных взглядов на категоризацию данного института, можно отметить, что он относится к мерам постпенитенциарного воздействия, которые не являются мерами уголовно-правового характера ни по существу, ни по формальным признакам. К подобного рода мерам, которые порождают правоотношения на постпенитенциарной стадии, можно отнести и административный надзор, введенный Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Без сомнения нормативное закрепление мер, порождающих правоотношения на постпенитенциарной стадии, требует своего научного осмысления, поскольку их наличие позволяет говорить о формировании плюралистической системы средств уголовно-правового воздействия, не только направленных на обеспечение деятельности уполномоченных органов юстиции, но и тесно связанных с развитием пенитенциарной политики.

Таким образом, пенитенциарная политика заключается в применении уголовно-правовых средств, направленных на санкционирование

преступного поведения, исполнение избранных мер государственного принуждения, а также применение установленных законом средств воспитательного сопровождения или надзора. Из представленной формулировки пенитенциарной политики видно, что она опирается на плюралистическую систему уголовно-правовых средств, целью которых является обеспечение правопорядка, основанного на достижении баланса пу-

бличных и частных интересов. Многоуровневая система мер уголовно-правового воздействия сформировалась в процессе эволюции уголовно-правовой доктрины, развивавшейся в направлении поиска научно обоснованных решений, соответствующих не только формально-юридическим принципам законности и неотвратимости наказания, но и принципам гуманизма и экономии уголовной репрессии.

Литература

1. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Госюриздат, 1960. 384 с.
2. *Утевский Б. С.* Советская исправительно-трудовая политика: учебник для правовых вузов и юридических курсов / под ред. Б. С. Ошеровича. М.: Советское законодательство, 1934. 256 с.
3. *Овчинников С. Н.* Национальные приоритеты и международные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 76–84.
4. *Голик Н. М., Грушин Ф. В., Зубкова В. И. и др.* Памяти Натальи Борисовны Хуторской // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1 (52). С. 9–10.
5. *Ширвиндт Е. Г.* Перспективы уголовной политики и лишение свободы // Проблемы преступности: сборник. Вып. 3. М., 1928. С. 3–16.

References

1. *Gernet M. N.* Istoriya tsarskoi tyur'my [History of the Tsarist Prison]. Vol. 1. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 384 p. (In Russian)
2. *Utevskii B. S.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika. Uchebnik dlya pravovykh vuzov i yuridicheskikh kursov [Soviet Correctional Labor Policy. Textbook for Law Schools and Law Courses]. Ed. B. S. Osherovich. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1934. 256 p. (In Russian)
3. *Ovchinnikov S. N.* Natsional'nye priority i mezhdunarodnye standarty v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazanii [National Priorities and International Standards in the Sphere of Execution of Criminal Punishments]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2023, vol. 19, no. 4, pp. 76–84. (In Russian, abstract in English)
4. *Golik N. M., Grushin F. V., Zubkova V. I. etc.* Pamyati Natal'i Borisovny Khutorskoi [In Memory of Natalia Borisovna Khutorskaia]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2023, no. 1 (52), pp. 9–10. (In Russian, abstract in English)
5. *Shirvindt E. G.* Perspektivy ugolovnoi politiki i lishenie svobody [Prospects of criminal policy and deprivation of liberty]. In *Problemy prestupnosti: sbornik* [Problems of crime: collection]. Issue 3. Moscow, 1928, pp. 3–16. (In Russian)

ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ

Серова Ольга Александровна,
Писарев Георгий Анатольевич

Цель: определить основные факторы организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, способствующих совершению правонарушений в научных и образовательных организациях.

Методология: анализ, аналогия, индукция, синтез, описание, сравнение.

Выводы. Выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ требует повышенного внимания ко всем этапам организации. Необходимо усиливать работу научных и образовательных организаций по подготовке технического задания к договорам, создавать внутренний аудит в организации по оценке эффективности использования бюджетных средств и целевому расходованию, формировать системную работу по приемке результатов выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Научная и практическая значимость. Увеличение объема государственных заказов и финансирования на научные исследования и опытно-конструкторские разработки требует повышенного внимания со стороны правоохранительных органов к деятельности получателей бюджетных средств. Проведен анализ судебных решений, связанных с расследованием преступлений и нарушением порядка исполнения обязательств по выполнению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Определены основные нарушения установленных требований и организационные элементы в работе университетов и научных организаций, подлежащих оценке.

Ключевые слова: научные исследования, опытно-конструкторские работы, техническое задание, эффективность использования бюджетных средств.

Современный период развития высшего образования и науки характеризуется постоянным повышением внимания со стороны государства к развитию научных исследований. Предлагается даже вернуться к советскому опыту и для достижения технологического суверенитета России создать надведомственный орган управления наукой, увеличить финансирование исследований и разработок до 3% ВВП, а также решить проблему «утечки мозгов». Такой орган будет осуществлять координацию и межведомственное взаимодействие на крупных межотраслевых научно-технологических проектах, обеспечивать трансфер технологий между гражданским и оборонным секторами эко-

номики (Эксперты предложили создать в России орган управления наукой, как в СССР. Какие еще выдвигаются идеи для достижения технологического суверенитета // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/04/2024/662622be9a79471728714a8e> (дата обращения: 26.06.2024)). Данный вопрос требует скорейшего разрешения ввиду активного участия научных и образовательных организаций в решении задач импортозамещения высокотехнологичной продукции [3, с. 43]. Не менее значимыми являются и вопросы современной организации научно-исследовательской работы в научных организациях и университетах, так как попытки приравнивания этой

сферы к R&D (research and development), успешно реализуемому коммерческими компаниями, не имеют положительного эффекта. R&D (research and development) и НИОКР не являются тождественными понятиями [5, с. 110]. Кроме того, внедрение новых технологий вызывает серьезные дискуссии относительно этических вопросов и возможности потенциальных злоупотреблений со стороны исследователей [2, с. 150]. Однако, несмотря на всю сложность обозначенных проблем, сохраняется высокий уровень криминогенности в реализации традиционных подходов к организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР). С учетом постоянного увеличения объема финансирования, в том числе из средств федерального бюджета, повышенное внимание правоохранительных и контролирующих органов к этой сфере вполне объяснимо. Получение федерального бюджетного финансирования на выполнение НИОКР предопределяет получение Российской Федерацией прав на результаты интеллектуальной деятельности (*Решение Суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2023 г. по делу № СИП-1050/2022*). Часть нарушений установленного законом порядка деятельности в сфере НИОКР объясняется прямым умыслом (преступный сговор), например, путем обоснования и включения в госзаказ ненужных НИОКР, выполнения различных видов работ и услуг, поставки товаров, в которых нет необходимости [4].

Получатели бюджетных средств на проведение НИОКР могут выполнять данные обязательства своими силами, а могут привлекать для этого сторонние организации. В соответствии со ст. 769 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) по договору на выполнение научно-исследовательских работ исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования. По договору на выполнение опытно-конструкторских работ и технологических работ обязанностью исполнителя является разработка образца нового изделия, конструкторской документации на него или новой технологии. И в том, и в другом случае требуется получение нового продукта. Условия договоров на выполнение НИОКР должны соответствовать требованиям законодательства об исключительных правах (интеллектуальной собственности). На заказчика выполнения НИОКР возложена обязанность по принятию работ и их оплате. Приемка должна оценивать и необходимую научную новизну выполненной работы, соответствие технических характеристик представленной технологии или

образца изделия требованиям технического задания. Элемент новизны является отличительным признаком научных исследований и разработок (*определение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2022 г. № 305-ЭС22-4580 по делу № А40-158523/2020*), что требует подтверждения, в том числе и для обоснования позиции организаций в отношении споров с налоговым органом. В связи с этим необходимо еще раз акцентировать внимание на необходимость указывать в техническом задании к договору на выполнение НИОКР технико-экономические требования к продукции, определяющие ее потребительские свойства и эффективность применения, перечень документов, требующих совместного рассмотрения, порядок сдачи и приема результатов разработки [1].

Как уже было отмечено, соглашения, связанные с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, нередко становятся объектом расследования со стороны правоохранительных органов. Причины связаны с высокой стоимостью работ и отсутствием должного ценового обоснования, противоречивыми формулировками договоров, отсутствием необходимого контроля за исполнением условий договоров (контрактов). Стоит также отметить, что многие договоры на выполнение НИОКР связаны с использованием бюджетных средств, целевой характер использования которых является предметом повышенного внимания со стороны контролирующих органов. Так, например, Юдин И. Г. признан виновным в покушении на мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере. Юдин И. Г., как генеральный директор коммерческой организации (далее — Общество), заключил с Федеральным государственным бюджетным учреждением «Фонд содействия инновациям» (далее — Фонд) договор по выполнению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) (*Апелляционное определение по делу № 10-0029_2017*). Следует особо выделить те действия, которые были совершены Юдиным И. Г. с целью исполнения соглашения. При этом следственные органы считают, что все данные действия выполнялись лишь для видимости выполнения обязательств. В Обществе, генеральным директором которого был Юдин И. Г., издается приказ, в соответствии с которым в состав группы исполнителей работ по контракту вошли сотрудники Общества. Кроме того, заключается договор с индивидуальным предпринимателем В. Предприниматель принимает на себя обязательство выполнить работы

по поиску решений в области алгоритмов изменения физических величин, что было необходимо для выполнения основного договора Общества. Также с другими контрагентами были заключены договоры на выполнение работ по поиску решений в области создания защищенных блоков управления и подготовке структурно-логической схемы преобразователя частоты.

Само по себе привлечение соисполнителей на выполнение НИОКР не является нарушением действующего законодательства. Статья 770 ГК РФ устанавливает, что научно-исследовательские работы исполнитель обязан провести лично, но он может привлечь к исполнению договора на НИР и третьих лиц, если на это есть согласие заказчика. При выполнении опытно-конструкторских и технологических работ исполнитель вправе привлекать третьих лиц, если иное не предусмотрено договором. Соответственно, при подготовке технического задания ответственные сотрудники научной или образовательной организации должны в полной мере оценить собственные силы и имеющуюся материально-техническую базу для самостоятельного выполнения принимаемых на себя обязательств.

При этом одной из ключевых особенностей договора на выполнение НИОКР является признание на уровне закона факта, что выполнение работ по таким договорам не всегда приводит к положительному результату и риск случайной невозможности исполнения договоров на выполнение НИОКР несет заказчик, если иное не предусмотрено законом или договором. В случаях предъявления контролирующими и правоохранительными органами соответствующих претензий (обвинений) заказчику, данное обстоятельство подлежит доказыванию. Невозможность получения положительного результата, как правило, связана с необходимым уровнем научной новизны и отсутствием изначально обоснованных данных о промышленной применимости той или иной технической разработки. Подобные ситуации исключают доказанные в ходе следственных мероприятий факты того, что изъятое у исполнителя НИОКР оборудование, разработанное по договору (соглашению) о предоставлении гранта на проведение научно-испытательных и опытно-конструкторских работ, не имеет каких-либо признаков использования по функциональному назначению; фактические характеристики исследуемого оборудования не соответствуют характеристикам, указанным в техническом задании к договору (соглашению) о предоставлении гранта на проведение НИОКР и отчетам о выполнении НИОКР, а исследуемая

установка не может выполнять функции, указанные в техническом задании к договору (*определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2024 г. № 77-1225/2024*). Подобный вывод следствие делает на основе заключения эксперта.

В случае с Юдиным И. Г. следствие доказало фиктивность договора с индивидуальным предпринимателем и компанией, которые заведомо знали, что выполнять условия договоров не нужно, а финансовые средства фактически являются платой Общества за разработку технического задания и Интернет-сайта компании. При этом Юдин И. Г. предоставлял Фонду финансовые отчеты по заключенным контрактам.

Важно обратить внимание на выводы следствия о том, что испытательный образец частотного преобразователя с защищенным блоком управления, применяемого для управления асинхронным электродвигателем с целью достижения максимального ресурсо- и энергосбережения, так и не был создан. Собранный в самом Обществе его работниками из имеющихся комплектующих частотный преобразователь заведомо не соответствовал необходимым техническим характеристикам. Юдин И. Г. намеревался в случае изобличения его преступных намерений сотрудниками правоохранительных органов предъявить данный частотный преобразователь в качестве опытного образца, изготовленного Обществом.

Защитник указывал, что судом не установлен и не доказан предварительный умысел Юдина И. Г. на хищение денежных средств у Фонда содействия инновациям, в том числе с учетом наличия у Общества реальной возможности исполнять контракт, а также реальных действий, направленных на его исполнение со стороны Общества. Однако все судебные инстанции посчитали, что вывод суда о виновности Юдина И. Г. в совершении преступления подтверждается совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств. Такими доказательствами стали не только документы, но и показания свидетелей. В том числе показания свидетелей, согласно которым представленный на фотографиях частотный преобразователь не имеет инновационных решений, при этом более половины комплектующих, указанных в техническом задании, отсутствует в товарных накладных Общества. Судебными инстанциями была отмечена и роль Фонда, принявшего и утвердившего отчеты Общества по первому и второму этапам НИОКР. По их оформлению Фонд претензий не имел, но и в сущность выполненных работ не вникал ввиду отсутствия прямой выгоды от за-

ключения контракта, поскольку никаких денег от проекта к Фонду не поступает, деньги получает государство в последующем от продажи созданного продукта (*апелляционное определение по делу № 10-0029-2017*). Доказательством фиктивности выполненных работ может выступать и судебная бухгалтерская экспертиза (*определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 января 2024 г. № 77-10/2024*), и заключение экспертов о наличии существенных недостатков образца, его неготовности к запуску в серийное производство (*кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 сентября 2023 г. № 77-3346/2023*).

Во время судебных разбирательств, связанных с выполнением НИОКР за счет средств, выделенных из бюджета, обвиняемые обосновывают свою позицию принятием отчета о результатах выполненных работ или отдельных этапов уполномоченными органами. Следует учитывать выработанную позицию судебных органов, что предоставление отчетной документации, содержащей заведомо недостоверные сведения, с целью обмана уполномоченных по приемке выполненных НИОКР должностных лиц является способом совершения преступления, в связи с чем даже получение патента на изобретение при выполнении договоров не свидетельствует об отсутствии умысла на совершение мошенничества. Основным доказательством в этом случае является обоснованность факта того, что полученный результат НИОКР фактически не был получен, инновационная продукция не произведена и пр. При этом представленные доказательства, что работники получали заработную плату, проводились отчисления в налоговый орган, пенсионный фонд, не свидетельствуют, что сотрудники фактически осуществляли деятельность по изготовлению той или иной продукции, связанной с договором о НИОКР (*определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2024 г. № 77-1225/2024*).

Приведенные примеры уголовного преследования по итогам заключенного договора на выполнение НИОКР не являются единичными. В зависимости от правового статуса представителя заказчика и поставщика (исполнителя, подрядчика) указанные действия могут быть квалифицированы как получение и дача взятки, подкуп работника контрактной службы, злоупотребление полномочиями, должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [4]. Важно отметить,

что уголовное наказание может последовать и при отсутствии у обвиняемого изначального умысла на хищение денежных средств из бюджета. Суды руководствуются доказанностью факта умышленного характера действий осужденного по завладению бюджетными средствами в процессе исполнения контракта, в том числе связанных с осведомленностью о несоответствии представленного образца требованиям технического задания, наличия недостатков и неисправностей на стадии приемочных испытаний, которые не позволяют использовать изделие по назначению (подписание акта приемки при заведомо имеющейся информации о несоответствии требованиям) (*кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 сентября 2023 г. № 77-3346/2023*).

Вопросы правомерности совершаемых действий в рамках заключаемого договора на выполнение НИОКР могут возникнуть и на стадии проведения закупочных процедур, в том числе в части приобретения оборудования или расходных материалов, связанных с исполнением обязательств. Требуется ужесточение контроля со стороны ответственных должностных лиц и подразделений организаций как за закупочными процедурами, так и за общими правилами расходования средств грантов на НИОКР. В частности, в одном из дел были выявлены непрозрачные закупочные процедуры общества, указывающие на проведение закупок в интересах руководителя общества, риски неконтролируемого и необоснованного расходования средств гранта на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в соответствии с проектом общества «Дистанционный мониторинг отдельных ХНИЗ» в целях реализации плана мероприятий «Хелснет», одобренным Межведомственной рабочей группой по разработке и реализации Национальной технологической инициативы при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России (*определение Верховного Суда РФ от 24 января 2022 г. № 305-ЭС21-26806 по делу № А40-50182/2020*). Необоснованное расходование выделенных бюджетных средств, которое может выражаться в некорректном отражении реальных фактических затрат в рамках реализации соглашения о гранте, следует отличать от признаков нецелевого расходования (*определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2021 г. № 305-ЭС21020289 по делу № А40-306803/2019*) и неэффективного расходования бюджетных средств.

Организациям следует руководствоваться установленными требованиями к оценке действий субъекта по использованию бюджетных средств. Министерство финансов России (*Об утверждении методических рекомендаций по оценке действий объекта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля в целях подтверждения признаков неправомерного, неэффективного использования бюджетных средств и определения их последствий: приказ Минфина России от 30 ноября 2023 г. № 532*) к случаям, квалифицируемым как неэффективное использование бюджетных средств относит в том числе:

– определение и обоснование начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной суммы цен единиц товара, работы, услуги, максимального значения цены контракта, повлекшие использование бюджетных средств в завышенном объеме;

– использование объектом контроля бюджетных средств на устранение недостатков, возникших в связи с отсутствием контроля за выполнением поставщиком (исполнителем, подрядчиком) обязательств по контракту (договору);

– оплата фактически поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг, результаты которых не подлежат практическому применению либо не используются с даты приобретения и на дату проведения проверки (ревизии) в соответствии с целями предоставления бюджетных средств (соответствующий срок и факт наличия нарушения определяется в каждом конкретном случае исходя из анализа ситуации в целях подтверждения отсутствия (наличия) возможности использования указанных товаров, работ, результатов оказанных услуг в соответствии с целями предоставления бюджетных средств после проведения контрольного мероприятия);

– неиспользование объектом контроля результатов выполненных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;

– перечисление бюджетных средств на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и проектно-изыскательские работы при наличии уже существующих разработок подобного типа (плагиат);

– перечисление бюджетных средств на цели, на которые ранее были использованы бюджетные средства (повторные расходы при условии, что такие расходы соответствуют бюджетным данным, доведенным до объекта контроля);

– использование бюджетных средств на содержание неиспользуемого имущества;

– демонтаж (ликвидация) оборудования, объектов, информационных систем, приобретенных за счет бюджетных средств, имеющих полезный потенциал в отсутствие истечения сроков их использования.

Факт наличия нарушения определяется в каждом конкретном случае исходя из анализа ситуации.

В связи с установленными требованиями к эффективности использования бюджетных средств при заключении договоров на выполнение НИОКР требуется дополнительная проверка соответствия цены договора условиям технического задания. Во-первых, судебные органы при оценке добросовестности действий по определению цены в договоре на опытно-конструкторские работы отмечают важность наличия утвержденной конструкторской документации (*кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 сентября 2023 г. № 77-3346/2023*). Во-вторых, существуют достаточно четкие требования относительно определения себестоимости научно-технической продукции как стоимостной оценки используемых в процессе ее производства природных ресурсов, сырья, материалов, топлива, энергии, основных средств, трудовых ресурсов, а также других затрат (*Типовые методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости научно-технической продукции, утв. Миннауки РФ 15 июня 1994 г. № ОП-22-2-46 // [Электронный ресурс]: URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5650>. (дата обращения: 20.06.2024)*). В себестоимость научно-технической продукции включаются затраты, необходимые для производства продукции и выполнения работ, предусмотренных техническим заданием (программой, методикой, иным аналогичным документом) и договором (заказом) на создание (передачу) научно-технической продукции (п. 5 Типовых рекомендаций). Соответственно, в организации должен быть установлен порядок оформления заказов, калькулирования и учета затрат на изготовление оборудования для выполнения научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ, что позволит обеспечить достоверное определение затрат на изготовление каждой единицы научно-технической продукции и оборудования.

Таким образом, выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ требует повышенного внимания должностных лиц и ответственных подразделений организации на всех этапах реализации соглашений, связанных с НИОКР. Получение бюджетных средств

или выполнение НИОКР за счет внебюджетных источников является одним из наиболее значимых источников развития и научных, и образовательных организаций. Во избежание уголовного преследования и негативных последствий контрольных мероприятий необходимо усиливать работу научных и образовательных организаций

по подготовке технического задания к договорам, создавать службы внутреннего аудита по оценке эффективности использования бюджетных средств и целевому расходованию, формировать системную работу по приемке результатов выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Литература

1. Авдеев В. НИОКР: создание объектов // Аудит и налогообложение. 2011. № 3. С. 9–15.
2. Беликова К. М. Правовая ответственность ученого за реализацию результатов его научной деятельности в сфере репродуктивного клонирования человека в странах БРИКС // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 142–151.
3. Еремин А. В. Проблемные вопросы практического применения порядка взимания лицензионных платежей за предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации // Формирование экосистемы интеллектуальной собственности. XXV Международная конференция Роспатента (29–30 сентября 2021 г.). М., 2021. С. 42–53.
4. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2019. № 1. С. 15–26.
5. Муравьева К. Ю. Парадигма развития НИОКР в области современных гуманитарных наук // Инновационная парадигма развития современной науки, технологий, образования. Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 108–114.

References

1. Avdeev V. NIOKR: sozдание ob»ektov [R&D: creation of objects]. *Audit i nalogooblozhenie [Audit and taxation]*, 2011, no. 3, pp. 9–15. (In Russian)
2. Belikova K. M. Pravovaya otvetstvennost' uchenogo za realizatsiyu rezul'tatov ego nauchnoi deyatel'nosti v sfere reproduktivnogo klonirovaniya cheloveka v stranakh BRIKS [Legal liability of a scientist for the implementation of the results of his scientific activity in the field of human reproductive cloning in the BRICS countries]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki Problems of Economics and Legal Practice [Problems of Economics and Legal Practice]*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 142–151. (In Russian, abstract in English)
3. Eremin A. V. Problemnye voprosy prakticheskogo primeneniya poryadka vzimaniya litsenzionnykh platezhei za predostavlenie prava ispol'zovaniya rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti voennogo, spetsial'nogo i dvojnogo naznacheniya, prava na kotorye prinadlezhat Rossiiskoi Federatsii [Problematic issues of the practical application of the procedure for collecting license fees for the granting of the right to use the results of intellectual activity of military, special and dual purpose, the rights to which belong to the Russian Federation]. In *Formirovanie ekosistemy intellektual'noi sobstvennosti. XXV Mezhdunarodnaya konferentsiya Rospatenta. 29–30.09.2021 [Formation of an intellectual property ecosystem. XXV International Conference of Rospatent. September 29–30, 2021]*. Moscow, 2021, pp. 42–53. (In Russian)
4. Ermolovich Ya.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za nenadlezhashchee ispolnenie gosudarstvennogo oboronno go zakaza i narushenie poryadka osushchestvleniya gosudarstvennykh zakupok [Criminal liability for improper execution of state defense orders and violation of the procedure for implementing public procurement]. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: voprosy prava [Defense-industrial complex: legal issues]*, 2019, no. 1, pp. 15–26. (In Russian, abstract in English)
5. Murav'eva K. Yu. Paradigma razvitiya NIOKR v oblasti sovremennykh gumanitarnykh nauk [Paradigm of R&D development in the field of modern humanities]. In *Innovatsionnaya paradigma razvitiya sovremennoi nauki, tekhnologii, obrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Innovative paradigm of development of modern science, technology, education. Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Moscow, 2024, pp. 108–114. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ ОБ АКТИВНОЙ ФАЗЕ ВОЙНЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ПРОТИВ РОССИИ (2022 – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Данилов Андрей Петрович

Цель: обосновать связь между фактически развязанной против России войной и преступной деятельностью глобальной олигархической власти; обозначить меры, обеспечивающие эффективное информационно-идеологическое противодействие атакам на государство.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Россия в очередной раз в своей истории находится в тяжелейших условиях, против нее фактически ведется война. Для понимания того, как нам выстоять, победить превосходящего по численности и силе врага, необходимо определить организаторов этой агрессии и организовать эффективное информационно-идеологическое противодействие им.

Научная и практическая значимость. Изложены предложения, направленные на совершенствование международного уголовного права, криминализацию деяний, угрожающих суверенитету и безопасности России, а также теоретические положения о формировании нового международного судостроительства, обоснование российского права самообороны в целях предотвращения угрозы надвигающегося нападения, меры по девиктимизации населения РФ в условиях искажения исторического прошлого.

Ключевые слова: политическая криминология, война, идеология, информационное противодействие, олигархическая власть.

Важный научный разговор. В декабре 2023 г. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб провел очень важную беседу «Война на глобальной олигархической власти против России». Как мы пришли к необходимости проведения этого преступноведческого мероприятия? Потерпев неудачу во вмешательствах в выборы Президента РФ (2012 г., 2018 г.) (*Шестаков Д. А. Выступление протеста в Москве по случаю вхождения Путина в должность президента России // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/obschie-kriminologicheskie-novosti/osoboznachimye-prestupleniya/97-2012-05-08-06-43-43> (дата обращения: 14.10.2024)*) и Государственную Думу РФ (2021 г.), не сумев раскатать ситуацию в России до масштабных массовых протестов через проект «Навальный» (2021 г.) (*Данилов А. П. Очередное преступление глобальной олигархической*

власти против России // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/obschie-kriminologicheskie-novosti/osoboznachimye-prestupleniya/414-2021-01-24-08-43-32> (дата обращения: 14.10.2024)), США, как они это часто делают, от «мягкой силы» и иных политических акций перешли к военному насилию. Начиная с 2022 г. мы видим многочисленные факты прямого и опосредованного участия Штатов в военном конфликте на территории Украины. Эти проблемы должны быть предметом изучения, в том числе политической криминологии. Ее инструментарий поможет осветить некоторые важные моменты активной фазы войны глобальной олигархической власти (далее также — ГОВ) [4] против России (2022 — настоящее время).

Кризис экономической модели ГОВ как одна из важных причин военных конфликтов на плане-

те. Глобальная олигархическая власть без своего финансового инструмента — ФРС США — очень быстро осталась бы нагой. Федрезерв США — специально созданное 23 декабря 1913 г. независимое федеральное агентство для выполнения функций центрального банка и осуществления централизованного контроля над коммерческой банковской системой Америки. Форма этого агентства частная. ФРС обеспечивает экономическое могущество Штатов, не подкрепленное активами, но держащееся на мощи Вооруженных Сил США. Все это знают, но изменить несправедливое положение дел не могут.

Госдолг США приближается к 34 трлн долларов. Америка — крупнейший мировой должник. Закрывать его возможно только через прощение долга кредиторами или в результате войны: уничтожить значительное число активов по всему миру, восстановлением которых займутся Штаты. По результатам хозяйственной деятельности, полагаю, будет подписан акт взаимозачета: сумма американского долга многократно перекроется выполненными работами, оказанными услугами, поставленными товарами. Таким образом, бывшие кредиторы США станут их должниками. Этот принцип войны Америка использует на все 100.

Критичность ситуации в американской экономике видна и по горячности американских политиков. Они готовы развязать войну сразу на нескольких фронтах, в том числе, казалось бы, несовместимых — российском и китайском (речь идет об американской провокации китайцев на войну со Штатами из-за территории Тайваня).

ГОВ любит решать свои экономические проблемы в пекле войны на чужих территориях. Их недееспособный глашатай Д. Байден в своей недавней речи об этом немного проговорился: «Думаю, у нас есть реальная возможность, если мы будем достаточно дерзки и уверены в себе, объединить мир так, как этого никогда не было раньше. Мы провели 50 лет в послевоенном периоде, где это работало довольно хорошо. Это работало чертовски хорошо, но теперь все изменилось, вроде как пар вышел. Поэтому нужен другой, новый мировой порядок» (Кислов А. Байден считает, что США могут создать новый миропорядок // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6295592> (дата обращения: 14.10.2024)). При этом, в чем именно будет заключаться «новый мировой порядок», он, конечно же, не сказал. Но американские шаги на этом кровавом пути уже видны.

С февраля 2022 г., как отмечает президент Хорватии З. Миланович, Вашингтон и НАТО с помощью Украины ведут прокси-войну с Россией

(Predsjednik ljut na premijera // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.istra24.hr/politika-i-drustvo/dno-dna-za-dublje-treba-posebna-oprema-zorantmilanovic-prozvao-plenkovica-za-olajavanje-hrvatskih-politicara-u-stranom-mediju> (дата обращения: 14.10.2024)). Американский сенатор Л. Грэм, говоря об оказании Вашингтоном военной помощи Киеву, цинично констатировал: «Русские умирают», США «еще никогда не тратили деньги так удачно» (28 мая 2023 г.) (Совина М. Американский сенатор назвал смерть россиян «самой удачной тратой денег» США // [Электронный ресурс]: URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/28/graham/> (дата обращения: 14.10.2024)). По признанию экс-канцлера ФРГ Г. Шредера, Вашингтон не позволил Киеву продолжать переговоры с Москвой о мире в марте 2022 г. (Kurianowicz T., Eichhorn M. Gerhard Schröder im Interview: So scheiterten die Friedensverhandlungen zwischen Ukraine und Russland // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/gerhard-schroeder-im-exklusiv-interview-was-merkel-2015-gemacht-hat-war-politisch-falsch-li.2151196> (дата обращения: 14.10.2024)).

Во время своего выступления на Парламентской ассамблее Совета Европы глава немецкого МИД А. Бербок прямо заявила: «Германия и другие страны ЕС ведут войну против России» (24 января 2023 г.) (Глава МИД ФРГ Бербок признала, что страны Европы ведут войну против России // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2023/01/24/glava-mid-frg-berbok-priznala-chto-strany-evropy-vedut-voynu-protiv-rossii.html?ysclid=ldjw88yanyu647764508> (дата обращения: 14.10.2024)). Западные политики не призывают к миру, не ищут дипломатических путей разрешения спорных вопросов, а способствуют конфликту. Например, Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил: «Эта война должна быть выиграна на поле боя» (Боррель пожелал разрешения конфликта на Украине «на поле боя» // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/04/2022/62519cba9a794720a89746e4> (дата обращения: 14.10.2024)). А экс-советник Егора Гайдара, шведский дипломат, специалист по экономике России и Украины А. Ослунд указал на то, что НАТО должно «превентивно бомбить российские города, чтобы убедиться, что Путин не применит химическое или ядерное оружие» (Экс-советник Гайдара посоветовал НАТО бомбить российские города // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/04/21/17610386.shtml> (дата обращения: 14.10.2024)).

Экс-президент США Д. Трамп «в шутку» предложил бомбить Россию с американских истребителей F-22 под флагами Китая, чтобы Вашингтон смог обвинить во всем Пекин (*Трамп предложил бомбить Россию истребителями под флагами Китая* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/03/07/17390869.shtml> (дата обращения: 14.10.2024)). При этом президент США Д. Байден цинично заявил, что ситуация на Украине превратится в «игру на выживание» между Россией и ЕС. По его словам, этот конфликт будет состязанием на выносливость, когда обе стороны будут проверять, «что могут вынести россияне и что будет готова вынести Европа» (*Байден: конфликт на Украине станет состязанием на выносливость России и ЕС* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5423347> (дата обращения: 14.10.2024)). США же, стоя в сторонке, зарабатывают на гибели своих конкурентов.

После окончания Второй мировой войны начался этап активного формирования международного уголовного права. Однако сегодня международное право, в том числе уголовное, превратилось в ничто, выражаясь спортивным языком, отправлено в нокаут. Стало очевидным, что оно до настоящего времени было лишь инструментом Штатов, с помощью которого они сдерживали и наказывали других, сами же не стремились его соблюдать, зная, что не понесут ответственности.

По мнению обозревателя издания Nation Р. Гордон, США считают себя исключительным государством, которому позволено безнаказанно совершать военные преступления. Позиция безнаказанности Штатов началась с отказа подписать договор Международного уголовного суда — Римский статут. Америку и ее граждан по этой причине нельзя судить по законам международного уголовного права. Безнаказанность США подтверждается и астрономическими тратами на оборонный комплекс страны. У США 750 признанных военных баз в 80 странах мира (*Gordon R. The United States Thinks It's the Exception to the Rules of War* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.thenation.com/article/world/united-states-war-crimes-icc/> (дата обращения: 14.10.2024)).

Подготовка государственных переворотов на территории новых субъектов России. После вхождения в 2022 г. в состав России новых субъектов американское правительство разрешило своим неправительственным организациям осуществлять действия по поддержке гуманитарных проектов, а также развитию демократии в ДНР и ЛНР (*Косачев заявил о подготовке США к госпере-*

вороту в ЛНР и ДНР // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20220312/gosperevorot-1777787949.html?in=t> (дата обращения: 14.10.2024)). Эти стандартные для США «гуманитарные» программы, как показывает история, направлены на подрыв основ конституционного строя, осуществление госпереворотов в странах, чьи интересы идут вразрез с политикой Штатов.

Криминализация в международном уголовном праве публичных призывов к убийству государственного или общественного деятеля. Мир настолько сошел с ума, что американские государственные деятели беззастенчиво призывают к убийству российского президента. В марте 2022 г. американский сенатор Л. Грэм, выступая на телеканале Fox News, призывал к убийству В. Путина (*Посол потребовал разъяснить призыв сенатора США к убийству президента России*. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/04/poyasn/> (дата обращения: 14.10.2024)). Необходимо внимательно посмотреть на проблематику привлечения к уголовной ответственности за публичные призывы к убийству государственного или общественного деятеля. Данный состав крайне необходим в международном уголовном праве, иначе, сталкивая лидеров ядерных держав, мы рискуем стать жертвами уже ядерного противостояния, не имеющего победителей.

Для частичной криминализации описываемого деяния п. «а» ч. 1 ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (*Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (заключена в г. Нью-Йорке 14.12.1973)* // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94*) следует изложить в следующей редакции: «а) убийства, публичного призыва к убийству, похищения или другого нападения против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой».

Иностранная поддержка псевдогосударственных органов. По сведениям одной из крупнейших польских ежедневных газет «Речь Посполита» («Rzeczpospolita»), 20–23 февраля 2023 г. в одном из конференц-залов в центре Варшавы должен был пройти второй Съезд народных депутатов России (СНДР). Предыдущий состоялся в начале ноября 2022 г. в Яблонне, собрав несколько десятков бывших российских депутатов и народных избранников местного уровня. В Польше представители оппозиции планировали представить проекты новой

Конституции РФ, закона о люстрации и так называемого «сценария переходного периода». Собравшиеся сделали заявление, что будут создавать независимый парламент России, который должен прийти к власти на переходный период. СНДР начал борьбу за поддержку и признание в мире (Блюдников М. *Rzeczpospolita: в Польше планируется провести Второй съезд российской оппозиции*. URL: <https://fbm.ru/novosti/politics/rzeczpospolita-v-polshe-planiruetsja-provesti-vtoroj-sezd-rossijskoj-oppozicii.html> (дата обращения: 14.10.2024)).

Поддержка псевдогосударственных органов, подобных СНДР, направлена на подрыв основ конституционного (государственного) строя, в частности, России. Необходимо направить наши усилия на закрепление в международном уголовном праве нового состава преступления «иностранная поддержка псевдогосударственных органов».

Анализ санкционных пакетов в части просчета нанесенных убытков с последующей подготовкой требований о возмещении убытков. Незаконность вводимых против РФ санкций очевидна. Наша страна несет значительные убытки от таковых. В России уже начала складываться новая отрасль права — санкционное право. Учитывая, что «нормы» этого «права» в своей значительной части криминогенные и преступные [2, с. 45–48] в криминологическом смысле, я бы назвал его не «санкционным правом», а режимным уложением или ГОВенным сводом.

Фактически западные страны препятствуют нам вести законную предпринимательскую деятельность. В России установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ). В международном уголовном праве подобной нормы нет, но, учитывая масштабы незаконного применения в мире санкций, она крайне нужна. В текущей геополитической ситуации остается констатировать практически глобальное воспрепятствование России, ее юридическим и физическим лицам заниматься законной предпринимательской деятельностью за пределами страны.

Для криминологии (иных наук и жизни в целом) неопределимо важно предложение Д. А. Шестакова о признании *преступлением в криминологическом смысле* виновного деяния, представляющего для общества значительную опасность, безотнositельно к признанию его в качестве такового законом. Это признание является сигналом законодателю, помощью ему для нормотворческой деятельности в части установления уголовной

ответственности. Необходимо детально проанализировать противозаконные, преступные в криминологическом смысле [3], меры каждого пакета антироссийских санкций, просчитывая нанесенные ими убытки.

Скорее всего, на уровне Минфина РФ следует создать специальный департамент, который самостоятельно (на основе мер, предусмотренных санкционным пакетом), а также по заявлениям пострадавших лиц должен вести учет всех убытков, благо современные компьютерные программы ведение этого учета и производство расчетов очень облегчают. Порой требуется лишь заменить отдельные цифры в соответствующей графе. В последующем полученные данные необходимо положить в основу требований Российского государства, его компаний и частных лиц о возмещении убытков иностранными правительствами и юридическими лицами.

Важен вопрос и компенсации морального вреда гражданам России. Например, тем, кто пострадал от заявлений, сделанных в феврале 2022 г. председателем комитета Палаты общин по иностранным делам британской Палаты общин Т. Тугендхатом, предложившим выслать из Великобритании всех российских граждан (*Кандидат в премьеры Британии объяснился за призывы выслать всех россиян // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20220710/britaniya-1801550410.html>* (дата обращения: 14.10.2024)).

Изъятие российских активов. Отмывание преступных доходов. В международном уголовном праве необходимо установить ответственность за такое деяние (фактически преступление против собственности), как незаконное изъятие имущества государства, его юридических и физических лиц. Соответственно, и УК РФ следует дополнить ст. 160¹ «Незаконное изъятие имущества государства, его юридических и физических лиц». Субъектом данного преступления будут являться должностные лица государств, международных и иных организаций, принимающие решения о незаконном изъятии имущества.

Это подтверждают в том числе события, связанные с «заморозкой», по факту — изъятием, российских активов в Западной Европе и США. Так, по заявлению главы Минфина А. Силуанова, сделанному в марте 2022 г., около 300 млрд долларов резервов России находится в состоянии, в котором мы не можем их использовать из-за санкций США, Европы и их союзников (*Силуанов сообщил, что РФ из-за санкций лишилась доступа к \$300 млрд своих резервов // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interfax.ru/business/827895>* (дата

обращения: 14.10.2024)). По информации Минфина США, в сентябре 2023 г. общая стоимость замороженных российских активов за рубежом оценивалась примерно в 280 млрд долларов, большая часть из них находилась в Евросоюзе (*Readout: Russian Elites, Proxies, and Oligarchs (REPO) Deputies Meeting* // [Электронный ресурс]: URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1716> (дата обращения: 14.10.2024)). Западные страны заблокировали активы как госструктур, так и частных лиц, оказавшихся под санкциями.

Учитывая беспрецедентные глобальные масштабы преступной «заморозки» российских активов, а также активов иных стран, оказавшихся на дороге ГОВ (Венесуэла, Иран и др.), необходима Конвенция ООН «О возврате имущества государств и их граждан, а также доходов, полученных от его использования». Да, возникает очень много вопросов о возможности принятия такого документа, но как минимум проект этой конвенции подготовить нужно.

Как отмечают А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В. Волосюк [1, с. 314], международные усилия по предотвращению отмывания денег включают в себя: Конвенцию ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1998 г. (*Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ»* (заключена в г. Вене 20.12.1988) // *Международное публичное право. Т. 2. С. 71–82*), Рекомендации группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности совещания министров «восьмерки» (*Рекомендации группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности совещания министров «восьмерки»* (Париж, 12 апреля 1996 г.) // *Сборник правовых актов 1998 г., выпуск 10, с. 116*), Конвенцию Совета Европы «Об „отмывании“, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 г. (*Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N141* (Страсбург, 8 ноября 1990 г.). *Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ с оговорками и заявлением. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 01.12.2001 // СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 203*), Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (*Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882*).

В октябре 2023 г. бельгийский премьер-министр Александр де Кроо заявил, что Бельгия передаст Украине налоги, полученные с доходов от реинвестиции замороженных средств России (речь идет о 1,7 млрд евро) (*Бельгия передаст Украине 1,7 млрд евро с доходов от замороженных активов РФ* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dp.ru/a/2023/10/11/belgija-peredast-ukraine-1> (дата обращения: 14.10.2024)). Представляется, что данные средства (налоги с доходов и сами доходы) являются доходами от преступной деятельности (незаконного изъятия имущества Российского государства). Противодействовать этой легализации необходимо через все ту же Конвенцию ООН «О возврате имущества государств и их граждан, а также доходов, полученных от его использования». До ее принятия можно опереться на положения Конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 г., а также Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. (*Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (CETS N198)* (Варшава, 16 мая 2005 г.). *Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 26.07.2017 № 183-ФЗ с заявлениями. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 01.01.2018 // СЗ РФ. 2018. № 8. Ст. 1091*).

Необходимо вести реестр замороженных активов (независимо от формы их собственности), учитывать преступные доходы, получаемые лицами, удерживающими это имущество, и в будущем в судах взыскать все эти средства.

Стирание исторической памяти о трагических событиях — отказ от профилактики новых глобальных человеческих трагедий. Военным конфликтам способствует целенаправленная политика Запада по стиранию исторической памяти народов о трагических годах, событиях Второй мировой войны. Эта деятельность криминогенна: теряя понимание того, что стало причиной многомиллионных человеческих жертв, мы очень быстро приближаемся к повторению подобного.

Так, в июне этого года Правительство Молдавии одобрило законопроект депутатов правящей Партии действия и солидарности об отмене празднования 9 мая Дня Победы и учреждении 8 мая Дня памяти и примирения в честь павших во время Второй мировой войны (*Правительство Молдавии одобрило решение об отмене празднования 9 мая*

Дня Победы // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18076039> (дата обращения: 14.10.2024)). «Сдвигаая» памятные даты, правительства западных стран смещают акцент с победы СССР над фашизмом на терпимое отношение к коричневой чуме. На Западе молодежь уже не знает о великой роли нашего народа в деле Победы. Тем самым «забывчивые» страны способствуют виктимности собственных народов — они снова станут жертвой тех идеологий, но только в еще большем масштабе.

В России в 2023 г. предпринимались попытки ввести уголовную ответственность за отрицание Холокоста (СПЧ предлагает ввести в УК ответственность за отрицание Холокоста // [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2023/03/04/spch-predlagaet-vvesti-v-uk-otvetstvennost-za-otricanie-holokosta.html> (дата обращения: 14.10.2024)). Не решая в настоящий момент этого вопроса, хотел бы обозначить важность закрепления на международном уровне (решением ГА ООН) Международного дня памяти жертв Великой Отечественной войны. Это необходимо для подчеркивания роли СССР в деле победы над фашистской Германией, тех колоссальных человеческих потерь, которые потребовалось понести нашей стране (более 27 млн человек) для достижения Победы. России необходимо выступить в ООН с данной инициативой. Да, сейчас она точно не пройдет, но не беда — повторим в лучшие времена. Установление новой международной даты — важная мера по профилактике военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества.

Привлечение к ответственности за подстрекательство к совершению геноцида. Согласно п. «а», «с» ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 14.10.2024)), под геноцидом понимаются в том числе следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: убийство членов такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее. В соответствии с п. «с» ст. 3 указанной конвенции, наказуемы прямое и публичное подстре-

кательство к совершению геноцида. В ст. 357 УК РФ также криминализованы данные деяния.

Именно публичным подстрекательством к геноциду населения России (национальной группы, народа) являются заявления бывшего президента Польши, лауреата Нобелевской премии мира Л. Валенса, сделанные в ходе интервью для французской газеты Le Figaro: «Необходимо либо изменить политическую систему России, либо вернуть ее к населению менее 50 миллионов человек» (*Guerre en Ukraine: Lech Walesa suggère de «ramener» la Russie à «moins de 50 millions d’habitants»* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-lech-walesa-suggere-de-ramener-la-russie-a-moins-de-50-millions-d-habitants-20220710> (дата обращения: 14.10.2024)). Очевидно, что сократить население нашей страны почти в три раза возможно лишь преступными методами, в частности за счет массовых убийств, создания невыносимых жизненных условий. Политику такого ранга, как Л. Валенса, это очевидно.

Ответственность за наемничество. По поступающим в Службу внешней разведки РФ сведениям, США активно привлекают для участия в боевых действиях на Украине в качестве наемников членов международных террористических организаций, в том числе запрещенной в РФ группировки «Исламское государство» (ИГИЛ). Не далее как в апреле этого года при участии американских спецслужб из подконтрольных сирийским курдам тюрем было освобождено около 60 боевиков ИГИЛ в возрасте от 20 до 25 лет. Затем их переправили в район американской военной базы «Эт-Танф», расположенной в Сирии у границы с Иорданией и Ираком, для прохождения боевого обучения в целях последующей переброски на украинскую территорию.

По информации СВР, указанная военная база и ее окрестности давно превратились в террористический «хаб», где одновременно проводится переподготовка до 500 лояльных Вашингтону игольцев и других джихадистов. Приоритет отдается выходцам из государств Закавказья и Центральной Азии. Формируемые из них специальные отряды нацеливают на осуществление диверсионно-террористических акций против подразделений ВС РФ в Сирии и на Украине (*О взаимодействии США с террористическими группировками* // [Электронный ресурс]: URL: <http://svr.gov.ru/smi/2022/05/ovzaimodeystvii-ssha-s-terroristicheskimi-gruppirovkami.htm> (дата обращения: 14.10.2024)).

В международном уголовном праве вопросы привлечения к ответственности за наемничество закреплены в Международной конвенции о борь-

бе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (*Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.) // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997*). Российская Федерация в данной конвенции не участвует. Привлечение виновных к ответственности за наемничество, которое против нашей страны используется очень широко, возможно по ст. 359 УК РФ.

Международная регламентация признания государства страной-террористом. Сегодня необходима международная норма о порядке признания государства страной-террористом. Следует установить, что только СБ ООН вправе принимать решение о признании государства таковым «лицом». Как, например, только СБ ООН принимает решение о том, совершен ли акт агрессии (ст. 39 Устава ООН). При этом суверенные страны на уровне своих законодательных и/или исполнительных органов будут не вправе навешивать преступные ярлыки. За соответствующее нарушение желательно предусмотреть оборотный штраф (от ВВП страны-нарушителя). Не должно быть подобных фактов, когда в мае 2022 г. сейм Литвы признал Россию государством, «поддерживающим и осуществляющим терроризм» (*Сейм Литвы признал Россию террористическим государством // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/05/2022/627a2d5e9a79472dae1a074c> (дата обращения: 14.10.2024)*). Ранее аналогичную резолюцию приняли в Канаде.

Расширение понятия агрессии в связи с оцифровкой жизненного пространства. Наносимые по цифровой инфраструктуре России удары настолько сильны, что в случае их неотражения соответствующими организациями последствия для страны будут гораздо сильнее, нежели взорвавшиеся на территории Кремля 3 мая этого года беспилотники. В частности, одна из наиболее мощных кибератак на Сбербанк была зафиксирована 6 мая 2023 г. Ее мощность достигала более 400 Gbps, вредоносный трафик был сгенерирован botnet-ом, состоящим из более чем 27 тысяч устройств (*России объявили кибервойну, заявил зампред правления Сбербанка // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20220512/kibervoyuna-1788219202.html> (дата обращения: 30.10.2023)*).

В статье 8-bis Римского статута дан исчерпывающий перечень актов агрессии (*Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // [Электронный ресурс]: URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 14.10.2024)*). В то же

время в резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии» (*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии» // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997*) закреплён открытый перечень этих актов. С учетом текущей глобальной трансформации общества в цифровое, перевод всех управленческих и инфраструктурных процессов в электронное пространство кибератаку следует отнести к актам агрессии. Соответственно, ст. 3 указанной резолюции надлежит дополнить пунктом «h» следующего содержания:

«h) кибератака государством или от имени государства, выполняемая хакерскими группами, против другого государства, носящая столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам.»

Оказание юридической и финансовой помощи лицам, заявившим о поддержке России, вследствие этого пострадавшим в своих странах от действий властей. В европейских государствах значительно число лиц, поддерживающих Россию в связи с проведением нашей страной СВО. В то же время за эту поддержку, выраженную не в условиях «кухонной демократии», а публично, они испытывают на себе тяжесть уголовного преследования. Так, в мае 2022 г. полиция Словакии задержала бывшего председателя Верховного суда и бывшего министра юстиции Словакии Ш. Гарабина, который высказывался в поддержку российской военной операции на Украине. Гарабина обвинили в поддержке экстремизма (*Экс-главу Минюста Словакии задержали за поддержку спецоперации на Украине // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfre/news/628312639a794749c3de7b10> (дата обращения: 14.10.2024)*). В Германии жительница города Сарбрюккена К. Шумахер, 64-летняя пенсионерка, ожидает суда за акцию поддержки спецоперации на Украине (расклеила на окнах своего дома плакаты с российским лидером и словами поддержки спецоперации на Украине). Ей грозит три года тюрьмы (*Жительница Германии предстанет перед судом за плакат в поддержку Путина. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/18/germany/> (дата обращения: 14.10.2024)*).

Этим и многим другим людям, оказавшимся в схожей ситуации, нужно оказывать помощь. На настоящий момент она затруднительна, так как приведет к еще большим гонениям на них. Однако пройдет время, история начнет все расставлять на свои места, тогда и нужно будет отдать должное поддерживавшим нас, оказав помощь юридического и финансового плана для восстановления их на-

рушенных прав. Минюсту следует вести не только реестр иноагентов, но и реестр лиц, пострадавших от действий госорганов своих стран за поддержку России.

Политический шантаж. В международном уголовном праве требуется поставить вопрос о криминализации политического шантажа. Таковой крайне часто применяется США для достижения своих геополитических целей в ущерб интересам других стран. В качестве примера политического шантажа хотелось бы привести случай с главой МВД Сербии А. Вулиным. Он известен своими патриотическими взглядами, поддержкой сотрудничества с Россией, критикой резолюции Европарламента, требующей от Сербии ввести санкции против нашей страны. По словам министра, от него требовали отказаться от своих политических взглядов, в противном случае против него обещали начать международную кампанию с целью недопущения его вхождения в новый кабинет министров Сербии (*Глава МВД Сербии сообщил об угрозах иностранной спецслужбы в свой адрес* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15296191> (дата обращения: 14.10.2024)).

Недобросовестное ведение переговоров. Как показывает практика, добросовестности в политике маловато, в том числе при ведении переговоров. *Недобросовестным ведением переговоров* следует признать такое ведение переговоров, когда одна из договаривающихся сторон предоставляет другой стороне недостоверную информацию, в том числе умалчивает об обстоятельствах, которые в силу характера заключаемого договора/соглашения должны быть доведены до сведения другой стороны. Подобное ведение переговоров мы наблюдали со стороны западных политиков при заключении минских соглашений (2014–2015 гг.). По словам экс-канцлера ФРГ А. Меркель, они заключались западными странами (Франция, ФРГ), чтобы «дать Украине время» (*Меркель заявила, что минские соглашения были попыткой «дать Украине время»* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16526199> (дата обращения: 14.10.2024)).

За заведомо недобросовестное ведение переговоров переговорщики и лица, дающие им руководящие указания, должны нести политическую ответственность (минимум — отставка), а государство, направившее таких переговорщиков, необходимо лишать права голоса в международных организациях на определенный срок, а также обязывать выплачивать штраф добросовестной стороне переговоров (его размер — отдельная тема.)

Вопросы штрафа и лишения голоса также приобретают актуальность, когда бывший переговорщик уже не занимает государственную должность (как в случае с экс-канцлером ФРГ А. Меркель).

Что теперь? Пока мы наблюдаем на глобальном антироссийском фронте условную передышку: ГОВ сконцентрировалась на секторе Газа, так как обыватели Запада сильно устали от темы Украины, чуть присмотрелись к военному конфликту и не так однозначно обвиняют в нем Россию, не желают и далее жертвовать собственным комфортом, отчисляя свои средства на войну против России (транши на военную помощь и др.). ГОВ, понимая это и уже достигнув важных результатов в деле ослабления своих противников, тайно, но активно готовится «ко второму сезону» войны с нашей страной.

Что имеем? В России, например, подорвано воспроизводство здорового населения; государство лишилось многомиллиардного стратегического проекта — газопровода «Северный поток» (в мирное время ГОВ не решила бы его взрывать); установлен «потолок цен на нефть». Все это баснословно увеличило доходы мировых скоробогачей. В Западной Европе замедлилось экономическое развитие; производственные компании (конкуренты ГОВ) лишились возможности вести бизнес на равных с американскими ТНК, зарабатывать так, как это было ранее, недосчитались многих стратегических рынков.

Выявив многочисленные слабые стороны нашей страны, воробогачи направляют огромные ресурсы на производство в странах Запада боеприпасов, развитие ВПК в целом, тем самым одновременно вылезая из официальной долговой ямы. Когда же мир устанет от очередного конфликта — на Ближнем Востоке — ГОВ, скорее всего, с той же силой ударит по России, но уже в новые (слабые) места. Таковые неустанно ищут американские мозговые центры, в частности экспертный центр RAND Corporation. Еще в конце прошлого года его сотрудники подготовили четыре сценария ограниченного нападения России на НАТО и ответные меры альянса на них (*Frederick B., Charap S., Mueller K. Responding to a Limited Russian Attack on NATO During the Ukraine War* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2081-1.html> (дата обращения: 14.10.2024)). Понятно, что в реальности возможно только противоположное.

За время короткой текущей передышки нам необходимо задействовать имеющиеся в стране прогосударственные мыслительные центры (*Ан-*

друщенко Е. П. Убийство Дарьи Дугиной — атака на мыслительные центры России // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/462-politicheskaya-kriminologiya-2> (дата обращения: 14.10.2024)) для анализа прошедшего,

текущего, постановки тактических и стратегических задач, решение которых позволит России сохранить себя, выстоять с минимально возможными потерями в борьбе с главным врагом человечества — ГОВ.

Литература

1. Наумов А. В., Кибальник А. Г., Орлов В. Н., Волосюк П. В. Международное уголовное право: учебник для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М., Юрайт, 2023. 510 с.
2. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2011. 73 с.
3. Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. 259 с.
4. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

References

1. Naumov A. V., Kibal'nik A. G., Orlov V. N., Volosyuk P. V. Mezhdunarodnoe ugovornoe pravo: uchebnik dlya vuzov [International Criminal Law: a textbook for universities]. Eds. A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. Moscow, Yurait Publ., 2023. 510 p. (In Russian)
2. Shestakov D. A. Vvedenie v kriminologiyu zakona [Introduction to the Criminology of Law]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2011. 73 p. (In Russian)
3. Shestakov D. A. Kriminologiya: prestupnost' kak svoistvo obshchestva. Kratkii kurs [Criminology: Crime as a Property of Society. A Brief Course]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2001. 259 p. (In Russian)
4. Shestakov D. A. Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost' [Planetary Oligarchic Criminal Activity]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2012, no. 2 (25), pp. 12–22. (In Russian)

ПРИЧИНА УБИЙСТВА ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ В 1918 ГОДУ: ПОПЫТКА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ 3¹

Мощанский Александр Борисович

Цель: криминологическое исследование причин убийства членов Дома Романовых на Урале в 1918 г., так как имеется много дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего изучения и обсуждения.

Методология: общенаучные методы, правовой и формально-юридический метод, системный метод, метод междотраслевых исследований.

Выводы. Основной объективной причиной убийства членов Дома Романовых является политический мотив — устранение легитимных претендентов на государственную власть в Российском государстве того периода. При этом основной умысел замаскирован вторичными мотивами, основанными на мотивах политических, идеологических, социальной ненависти и вражды к бывшему правящему классу, сформировавшихся в российском обществе в ходе Февральской революции 1917-го и последующих событий.

Научная и практическая значимость. Выявление истинных мотивов и умысла раскрывает причину этого резонансного и запутанного преступления. С практической точки зрения версия может быть исследована в рамках действующего предварительного следствия по убийству членов Дома Романовых в 1918 году на Урале и в Петрограде.

Ключевые слова: российский император, Пермь, Алапаевск, Екатеринбург, убийство, мотив, умысел, замысел, легитимность, основные государственные законы, Февральская революция, Учредительное собрание, Советы, Чрезвычайная комиссия.

Мясников «развязал этот психологический узелок»

В результате «похищения» Михаила Александровича Романова в июне 1918-го в Перми произошло изменение психологического отношения власти и общества к ценности жизни не только членов Дома Романовых, но и любого российского гражданина. Если ко второй половине мая 1918-го Всероссийской чрезвычайной комиссии официально было расстреляно всего 27 человек, в основном уголовных преступников: убийц и грабителей, чему соответствовало репрессивная практика и в Пермской губернии, то, начиная со второй половины июня, расстрелы становятся систематическими.

Это «изменение» характеризуется двумя основными моментами: для руководства было «убрано психологическое препятствие» (о чем, как о своей основной заслуге, позднее Мясников гордо написал: «*Да потому что я развязал этот психологический узелок. Говорил же я тебе. Я убрал психологическое препятствие*» [1, с. 119]); для рядовых — возник значимый пример для подражания.

А так как в Перми задачи по укреплению «тыла республики» были успешно выполнены, то центр решил перенести наработанный опыт на весь Урал: в Екатеринбург для создания Уральской областной чрезвычайной комиссии (УралЧК) был направлен председатель ПОЧК Ф. Н. Лукоянов, с которым 16 июня 1918-го из Перми выехали

¹ Часть 1 опубликована в № 2, 2024 г., часть 2 опубликована в № 3, 2024 г.,

60 надежных мотовилихинских большевиков, для значительной части из которых харизматичная фигура Г. И. Мясникова являлась мерилем большевистской жизни и безусловным примером для подражания. В их числе были «одноклассники» Лукоянова по Пермскому университету И. И. Родзинский и В. М. Горин, ставшие членами Коллегии УралЧК; В. А. Сахаров, назначенный Комендантом УралЧК; И. Я. Кайгородов и др.

Между тем с ликвидацией Михаила II на государственном уровне угроза Советской республике от «легитимного руководителя Российской Империи» вовсе не исчезла. В соответствии со ст. 53 главы 4 «О вступлении на Престол и о присяге подданства» Основных Государственных Законов Российской Империи [2, с. 4] «наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присваивающего Ему сие право». И такой «наследник» был — им оставался Цесаревич Алексей Николаевич Романов. И тому, кто знал о действительной гибели Михаила II было совершенно ясно, что **с 13 июня 1918 года Алексей Николаевич Романов «автоматически» стал Императором Алексеем II** (выд. — А. М.).

Это обстоятельство и определило мотив и умысел на необходимость убийства **всей семьи** бывшего императора Николая II.

Об этом стало известно **Товарищу прокурора Екатеринбургского суда М. В. Томашевскому еще в июне** (выд. — А. М.), со слов шурина члена Уральского областного и Екатеринбургского городского Советов, председателя комитета профсоюза фабрики Злоказова, члена военной секции городского комитета РСДРП(б) и одновременно начальника охраны Дома особого назначения с 30 апреля по 4 июля 1918 г. А. Д. Авдеева. О чем записано в соответствующем протоколе допроса 5 декабря 1918 года, когда Член Екатеринбургского Окружного суда И. А. Сергеев допросил в качестве свидетеля Коллежского ассессора М. В. Томашевского, сообщившего (ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 2. Д. 3. Л. 215–216): «С 22 мая с.г., находясь в городе Екатеринбурге и интересуясь судьбой Царственной Семьи, заключенной в доме Ипатьева, я получал сведения об образе ее жизни и тех условиях существования, в которых она находилась. В начале июня с.г. — после событий в Челябинске — я получил сведение, что большевиками решено, в случае необходимости эвакуации Екатеринбурга, убить или всех, заключенных в доме Ипатьева, или лишь троих из них, а именно Отрекшегося Императора, Супругу его и Сына. Это сведение впервые сообщил мне Член Исполнительного Комитета Уездного Совдепа, Уездный Комиссар Финансов Николай Кузьмин Чуфаров, выжившийся,

дословно, так: “Если чехословаки идут освобождать Николая, то они ошибутся в расчетах: нами решено расстрелять Николая, но в руки контрреволюционеров не отдавать”. Следует заметить, что Чуфаров, как представитель партии, нес дежурства при окарауливании заключенных в Ипатьевском доме, кроме того играл видную роль в большевистских кругах и компетентность его в намерениях большевиков была для меня очевидна. Поспешив тем не менее проверить слова Чуфарова, я получил подтверждение таких намерений большевиков от некоего Григория Тихонова Агафонова, служившего секретарем в Уездном Комиссариате Юстиции ...»

Примечательно и то, что после получения информации из Перми о «бегстве Михаила Романова» в Екатеринбурге режим содержания почему-то не усилили, а, наоборот — ослабили (?!). Так, 17 июня арестованным было сообщено, что монахиням Ново-Тихвинского монастыря разрешено доставлять к их столу яйца, молоко и сливки. Это привело к тому, что в продуктовых посылках членами Царской семьи были обнаружены несколько писем. В них было написано (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 24) (пер. с фр.): «*Не беспокойтесь о 50 человек, которые находятся в маленьком доме напротив ваших окон — они не будут опасны когда нужно будет действовать. Скажите что-нибудь определенное (более верное, точное) относительно вашего командира чтобы нам облегчить начало... Надеемся гораздо раньше воскресенья Вам указать детальный план операции. До сих пор он установлен таким образом:*

Сигнал услышанный, вы закрываете и баррикадируете мебелью дверь, которая вас отделяет от отряда, которые будут блокированы и терроризированы ** *** внутри дома. С (помощью веревки) веревкой специально сделанной для этого вы спускаетесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное не трудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо как никогда. Важность вопроса это спустить маленького, возможно ли отвечайте обдумывая (обдумавши) хорошо. Во всяком случае это отец, мать и сын кот. первые спускаются, дочери потом, доктор им следует (за ними следует). Отвечайте, если это возможно, по вашему мнению и если вы можете сделать веревку употребляя уже данную, чем вам препроводить веревку очень трудно в данный момент».*

На что был подготовлен ответ (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 23): «*Мы не хотим и не можем бежать. Мы можем только быть похищенными (изъятыми) силой, т.к. сила нас привела в Тобольск. Так не рассчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны»,* который, вероятно, и спас Августейшую

Семью от убийства по подготовленной провокации. Между тем, как уже было отмечено выше, в ночь с 26 на 27 июня Царская семья так и не легла спать, «бодрились одетые» в ожидании обещанного «побега». Однако что-то пошло не так. Вероятно, «похитители» не смогли решить вопрос с нейтрализацией охраны под командованием А. Д. Авдеева, в связи с чем и произвели ее замену 4 июля.

Позднее стало известно, что автором «писем Русского офицера» являлся Комиссар снабжения Уральского совета П. Л. Войков, бывший участник боевой дружины РСДРП(б), организатор подготовки покушения в феврале 1907 г. на Ялтинского градоначальника генерала свиты И. А. Думбадзе, учившийся в Парижском университете и некоторое время проживавший в Женеве (Швейцария). Перед отправкой письма переписывал начисто сотрудник УралЧК, бывший председатель Мотовилихинского Народного Суда И. И. Родзинский, так как у него был лучше почерк (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 1–48).

Таким образом уже в это время у представителей Уральской власти имелся «технический» замысел, в котором просматривается использование «пермского опыта», но реализовать его не смогли. Требовалось какое-то другое решение.

Достоверно известно, что Ф. И. Голощекин 4–10 июля находился в Москве, где проходил V Всероссийский Съезд Советов. На этом съезде предполагалось провести вопрос о принятии постановления о назначении суда над Николаем Романовым. Но положение на Уральском фронте не было прочным, можно было ожидать падения Екатеринбурга. И «вопрос о суде» решен был ВЦИКом (т.е. Я. М. Свердловым) без съезда. Официально Уральскому Совету предложено было готовить к концу июля особую сессию суда над Романовыми, что **было вряд ли осуществимо в существующих условиях совместного наступления Сибирских и чехословацких войск** (выд. — А. М.).

В выверенной Истпартом книге П. М. Быкова написано [3, 114]: «По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок, а задержка с судом над Романовыми могла вызвать осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого видно было, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обош-

ли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной армии недостаточны, и падение города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендантуре охраны с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов. На предварительном совещании в Областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов».

Между тем уже 13 июля 1918 г. Совнарком выпускает декрет «О национализации имущества низложенного Российского Императора и членов бывшего Императорского Дома» [4, с. 45–46]. То есть тема Романовых в этот день так или иначе обсуждалась на высшем уровне. Известно также, что «на 11 часов 30 минут петроградского времени» 13 июля был организован «прямой провод для правительственных экстренных переговоров председателя Всероссийского ЦИК т. Свердлова с т. Белобородовым» (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 787. Л. 13).

Таким образом между центром и Екатеринбургом шли постоянные консультации и обе стороны прекрасно владели ситуацией, однако центр «вел игру», в которой «официальное» решение о расстреле должен был взять на себя Уралсовет.

1 февраля 1934 г. на совещании старых большевиков Я. М. Юровский вспоминал (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 150. Л. 2–3, 10–10 об.): «**Политическая необходимость уничтожения всей семьи. (а не «зверская кровожадность», как это рисуют враги), была не всем понятна и не всеми понятна еще и теперь** (выд. — А. М.). Не только за границей, но и у нас. “Для чего дескать убивать семью, разве они виноваты, разве они опасны”. Обыватель и обывательски настроенные люди именно так склонны рассуждать. Вот почему я считаю совершенно необходимым предупредить всех участников данного нарочито узко созванного собрания запомнить, что все это только для истории. И без ведома ЦК этот материал использован быть не может. И никому не по секрету, ни архисекрету, не рассказывать, а выйдя отсюда сейчас же забыть о нем. ... (...)

Так как этот акт был актом сугубой политической важности, то все дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину, на которого была возложена ответственность за согласованное решение этого вопроса (выд. — А. М.). ... (...) Ведь не случайно же с ликвидацией семьи когда, где и как она ликвидирована нами нигде не сказано. Не говорим мы об этом еще и теперь... (...)

Постольку, поскольку это являлось тогда вопросом большой политической важности и без разреше-

ния центра не мог быть разрешен ... (...) Связь и разговоры по этому вопросу с центром не прекращались (выд. — А. М.). Примерно, числа 10-го июля уже было решение на тот случай, что если б оставление Екатеринбурга стало неизбежным. Ведь только этим и можно объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16-го июля, а Екатеринбург был окончательно оставлен 25–26 июля ...

Примерно того же 10-го, 11-го июля мне Филипп сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться. ... (...) Он мне сказал, — отдельные товарищи думают, чтоб провести это более надежно и бесшумно, надо проделать это ночью, прямо в постелях, когда они спят. Мне показалось это неудобным, и сказал, что мы подумаем как это сделать и приготовимся.

15-го июля утром приехал Филипп, и сказал, что завтра надо дело ликвидировать. Поваренка Седнева (мальчик лет 13-ти) убрать и отправить его на бывшую родину или вообще в центр РСФСР. Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут может быть будет объявлено, но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает. Значит все требовало сугубой осторожности, возможно меньше людей, при чем абсолютно надежных. 15-го же я приступил к подготовке, т.к. надо было это сделать быстро».

В известной «Записке Юровского», о подлинности которой подробно написано автором совместно с д.и.н. Л. А. Лыковой в статье «К полемике по «Записке Юровского» [5], комендант Дома особого назначения пишет: «16/VII была получена телефонограмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых...» (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 9. Л. 1).

Можно утверждать, что эта телефонограмма была связана с военным прогнозом срока сдачи Екатеринбурга, ведь именно в Перми в это время находился командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом. В конце июня 1918 г. отряды и полки Северо-Урало-Сибирского фронта, действовавшие в Зауралье и на Среднем Урале, были сведены в три дивизии: Восточную, Среднюю и Западную. Войска, ранее действовавшие на Шадринском и Камышловском направлениях, а затем ведшие бои под Ирбитом, на Егоршинском и Алапаевском направлениях образовали Восточную дивизию под командованием Г. И. Овчинникова. Части, прикрывавшие Екатеринбург с востока, и подразделения Тагильского направления вошли в состав Средней дивизии, которой командовал Р. П. Эйдеман. Западная дивизия, под командованием Н. А. Филимонова, затем

Л. Я. Угрюмова, прикрывала Екатеринбургское направление с юго-запада и запада.

14 июля чехо-словаки под командованием полковника С. Н. Войцеховского перешли в наступление и нанесли поражение частям Западно-Уральского направления в районе Нязепетровского завода. На заседании Уральского областного Совета и руководства фронтом вечером **15 июля принят ряд решений по эвакуации Екатеринбурга и выдвижении на фронт резервов** (выд. — А. М.). Чтобы ускорить поступление подкреплений, было решено послать в Петроград и Москву главкома Р. И. Берзина. 16 июля наркомвоен Л. Д. Троцкий сместил Р. И. Берзина с поста главкома за то, что тот без его разрешения покинул фронт в критический момент. Главнокомандующим Северо-Урало-Сибирским фронтом был назначен Д. Н. Надежный. Но штаб фронта оказался разделен: Д. Н. Надежный находился в Перми. Там же находились и представители центра, прибывшие с V-го Всероссийского Съезда Советов...

Ф. И. Голощекин отдает приказ Юровскому готовиться, а сам, «страхуюсь», в 14–10 (петроградского времени) отправляет телеграмму в Москву через Петроград (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 89), которую в тот же день в 17–50 Г. П. Зиновьев переправляет в Москву (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 653. Л. 12): «Из Петрограда. Смольного. В Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же, вне всякой очереди сообщить. Голощекин, Сафаров.

Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев».

Однако почему-то Московский телеграф в документе приема ставит время «21–22». Ответ на нее неизвестен...

Зато «Биохроника В. И. Ленина» фиксирует прием В. И. Лениным в 12 часов следующего дня («Июль, 17. ... (...) Ленин получает (в 12 час.) письмо из Екатеринбурга и пишет на конверте (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6623. Л. 1): «Получил. Ленин» [6] другой телеграммы (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 8–9, 10–13): «Председателю Совнаркома тов. Ленину, Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия Чрезвычайной Комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи. Документы в наших руках.

По постановлению Президиума Областного Совета в ночь на шестнадцатое июля расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение. Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы будут опубликованы) Президиум Областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях русского народа. В ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен в исполнение. Семья Романовых, содержится вместе с ним под стражей в интересах охраны общественной безопасности эвакуированы из города Екатеринбург. Президиум областного Совета.

Просим ваших санкций редакции данного. Документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦК. Извещения ожидаем у аппарата. Просим дать ответ экстренно. Ждем у аппарата.

Между тем в тот же вечер 17 февраля 1918 г. в 21–00 А. Г. Белобородов докладывает секретарю СНК Н. П. Горбунову шифротелеграммой (ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 51. Л. 1), обнаруженной в ходе колчаковского следствия, о ликвидации всей семьи: «*Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу, официально семья погибнет при эвакуации*» [7, с. 310].

А центральная власть «делает вид», что ничего не знает. И только 18 июля публично рассматривает вопрос о расстреле лишь одного бывшего императора Николая II.

Таким образом имеет место «двойная телеграфная бухгалтерия», из чего можно сделать вывод о наличии заинтересованности главы государства (Я. М. Свердлова) и главы правительства (В. И. Ленина) в результате вынужденных целенаправленных действий Уралсовета по ликвидации всей «Царской семьи». А именно:

— бывшего императора Николая II и его жены Александры Федоровны, как «символов контрреволюции»;

— Цесаревича Алексея, как легитимного Императора Алексея II (о чем было известно лишь малому кругу лиц, достоверно знавших о гибели Михаила II);

— его сестер, как потенциальных наследниц Престола, ибо согласно ст. 30 Главы 2 «О порядке наследия Престола» [2, с. 2]: «*Когда пресечется последнее мужеское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском*

поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем к Престолу...»

Гибель «алапаевских узников»

Среди «алапаевских узников» не было ближайших претендентов на Престол, они интересовали центр лишь, поскольку входили в «Дом Романовых», но судьба их была предрешена уже состоявшимся фактом убийства Императора Михаила II — уральская власть стала готовой выполнить волю центра, а алапаевские революционеры хотели проявить и показать себя в «деле защиты революции».

Развитие событий показывает, что в Алапаевске представители местной власти адекватно реагировали на указания вышестоящих органов, не искали в них скрытой подоплеки, просто выполняли порученное дело по охране и надзору за Романовыми. По прибытии, ссыльных разместили в «Напольной школе» на окраине города. Надзор за ними был возложен на Алапаевские Совет рабочих и крестьянских депутатов и Чрезвычайную следственную комиссию. Первое время пребывания режим был относительно свободным. Всем высланным выдали удостоверения личности с правом передвижения «только по Алапаевску», для выхода из здания было достаточно уведомить разводящего караула. Было разрешено: вести переписку, посещать церковь, гулять по городу и в поле возле школы. Елизавета Федоровна много молилась, рисовала и вышивала. Рядом со зданием узниками был разбит небольшой огород, где они иногда пили чай на свежем воздухе.

До 18 июня вместе с Князем Иоанном Константиновичем в Алапаевске проживала и его жена Княгиня Елена Петровна (Принцесса Сербская), затем выехавшая в Петроград к детям. Однако для получения документов на проезд она задержалась в Екатеринбурге, где была арестована 7 июля 1918 г. под предлогом незаконных попыток установить связь с «Царской семьей». После чего ее вместе со своим секретарем С. Н. Смирновым и членами Сербской военной миссии доставили в Пермскую Губернскую тюрьму.

Между тем в Алапаевске высланные продолжали оставаться под контролем Уралсовета. А. Г. Белобородов, прекрасно зная об истинных обстоятельствах «бегства Михаила Романова» в Перми, с 21 июня дает команду об ужесточении режима содержания «алапаевских узников». Вопрос этот, вероятно, бы согласован с «центром», т.к. 22-го в Москву уходит телеграмма следующего содержания (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 35): «*3 адреса: Москва, Чрезвычайная Комиссия, Дзержинский*

жинскому. Совнарком, Бонч-Бруевичу. Председателю ЦИК Свердлову.

Екатеринбурга Елизавета Федоровна переведена Алапаевск. После побега Михаила Романова Алапаевске нашим распоряжением отношению всех содержащихся лиц Романовского дома введен тюремный режим.

Предоблсовета Белобородов».

В ответ на ужесточение режима Великий князь Сергей Михайлович посылает телеграмму на имя председателя Областного Совета с ходатайством о снятии ареста. Ответ гласил (ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 2. Д. 7. Л. 49): «Алапаевск. Совдеп.

Прислугу ваше усмотрение. Выезд никому без разрешения. Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Облсовета. Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега виду исчезновения Михаила Перми. Белобородов».

Учитывая то, что в эти же дни в Екатеринбурге в Доме особого назначения ввели послабления, и к «Царской семье» стали поступать провокационные «письма офицера», с высокой долей достоверности можно утверждать, что решение об уничтожении Романовых на высшем уровне уже состоялось, но до Алапаевска еще «не дошли руки» ...

После приезда Ф. И. Голощекина из Москвы, если опираться на слова П. М. Быкова о том, что «12 июля было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся» [3, с. 114], то можно утверждать, что тогда же должно было быть принято решение и о судьбе Великих князей и Князей Императорской крови, находившихся в Алапаевске.

Учитывая, что дорога между Екатеринбургом и Алапаевском (150 км) «на перекладных» занимала 1–1,5 дня, то представители Алапаевского Совдепа могли вернуться домой не ранее 15-го числа.

Задание о подготовке места сокрытия трупов председатель Верхне-Синячихинского Совдепа Е. Л. Середкин получил 16 июля: «В июле месяце, когда чехо-славаки стали давить, с ними покончили, чтобы не поднимать шума, а в Алапаевске публика набожная, многие старушки подарки приносили, решили мы делать втихомолку.

Вызвали меня вечерком и говорят:

— Тебе задание, приготовь шахту, раскрой, а завтра приезжай с кем-нибудь, двух лошадей надо от тебя, повезем князей.

Ребята собрались: Черепанов, Гришкин, Элькин, пошли раскрывать эту шахту. Получилось так, что

гам бугорок небольшой, но копали, копали, а там настолько отступлено, и там сделаны палаты на полтора аршина наверх земли.

Я звоню в Алапаевск.

— Я не выполнил боевое задание.

— Давай, ничего не знаем, сегодня приезжают, чтобы шахта была приготовлена привести князей.

Мы раскрыли известную часть, я сказал, где поставить охрану. Приехали туда в 11 часов, там все в сборе, мне посадили князя Сергея Михайловича...» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 14–15).

Утром 17 июля красноармейский караул в «Напольной школе» заменяют «партийным». По распоряжению председателя Совдепа Г. П. Абрамова у князей отбирают оставшиеся личные вещи и деньги. Ближе к вечеру по телефону звонит председатель Делового совета А. А. Смольников и объявляет арестованным, что их переводят из Алапаевска в Верхне-Синячихинский завод и они должны немедленно собираться в дорогу. К зданию прибывают конные повозки и сопровождение ...

После казни, вернувшись в город, убийцы в 3 часа ночи 18 июля устраивают инсценировку «побега князей»: возле «Напольной школы» началась стрельба, раздались взрывы гранат, был поднят по тревоге красноармейский отряд. Его выдвинули к месту происшествия, где рассыпали в цепь. В цепи красноармейцы пролежали полчаса, стрельбы не производили, никакого врага не видели. Вместо белогвардейцев их встретили на крыльце школы комиссар А. А. Смольников и судья В. П. Постников, который с большой книгой в руках «наводил следствие» о побеге.

Председатель Совдепа Г. П. Абрамов в это время уже отправлял телеграмму в Екатеринбург (ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3. Л. 68): «Военная Екатеринбург. Уралуправление 18 июля утром 2 часа банда неизвестных вооруженных людей напала напольную школу где помещались Великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые Князьям с прислужгой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось Розыски продолжаются.

Алапаевский Исполком. Абрамов Перминов Останин».

Днем объявления о «похищении князей» были расклеены по всему городу.

В 2019 г. на русском языке переводчиком С. Ю. Нечаевым были напечатаны избранные главы из прижизненного французского издания книги Н. А. Соколова «Расследование убийства

Российской Императорской семьи», вышедшей в 1924 г. в Париже. Среди прочего про «алапаевский эпизод» там было написано [8]: «Из всех людей, подозреваемых в участии в убийстве, удалось поймать Петра Константиновича Старцева, Ефима Андреевича Соловьева и Ивана Павловича Абрамова. Первых двух допрашивал Сергеев 28 декабря 1918 года в Алапаевске, а последнего — я, 18 апреля 1919 года в Екатеринбурге. Они показали, что в ночь с 17 на 18 июля жертв отвезли в телегах в направлении на Синячиху и столкнули живыми в шахту рудника, за исключением Сергея Михайловича, которого предварительно застрелили из револьвера. По словам Старцева, преступление было совершено по приказу Уральского облсовета (выд. — А.М.). Для его организации из Екатеринбурга прибыл Сафаров.

Алексею Смольникову прислуживала крестьянка Александра Алексеевна Коптелова. Она показала Мальшикову, что 17 июля Ефим Андреевич Соловьев находился у Смольникова. 18-го состоялся ужин, на котором вместе с Постниковым, Говыриным и другими алапаевскими большевиками присутствовали два неизвестных, прибывших из Екатеринбурга (выд. — А.М.). По описанию, один из них похож на Сафарова. Из вышеизложенного неопровержимо следует, что алапаевцы совершили убийство по приказу из Екатеринбурга, который, в свою очередь, лишь исполнял план Москвы».

Действительно, в материалах дела, находящегося в Государственном архиве Российской Федерации написано (ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3. Л. 140—147): «1918 года, Декабря 11 дня, старший милиционер Алапаевской милиции Мальшиков, совместно с таковым же Суетиным и вследствие личного поручения, Члена Екатеринбургского Окружного Суда, Сергеева производил дознание, по делу Великих Князей, казненных в ночь с 17 на 18 июля с/г., советскими властями и будучи извлеченными из каменноугольной шахты 8, 9, 10 и 11 октября сего же года спрашивали следующих лиц, которые показали:

... (...) Гр-ка Коптеловской волости и села Александра Алексеевна Коптелова 17 л. —, проживающая в месте приписки, что она когда были увезены В. Князя, находилась в услужении у Алексея Александрова Смольникова и 17 июля около обеда к Смольникову приезжал Ефим Соловьев, который был в простой деревенской сермяге и говорил Смольникову, что я сегодня от дежурил, а Вам заступать на дежурство, но куда и где дежурить ей не было известно. Смольников действительно после обеда со своей племянницей Раисией Постниковой без кучера ездили на запреженной в коробок лошади и вернулись уже начало темнеть, Смольников не зашел в квартиру, куда-то уехал, а Раисия Постникова

придя в квартиру и говорила, что ездили к Красному мосту. Смольников же вернулся домой на второй день 18 июля часов в 8 утра, вытил один стакан молока, сильно волновался и вышел из дому и до обеда домой не приходил, а к обеду кроме Смольникова пришли: брат его Сергей Смольников, Николай Семенов Ермаков, Василий Петров Постников, Николай Павлов Говырин и еще двое знакомые ей личности, про которых говорили, что они из Екатеринбурга высокого роста черноватые, с одними усами без бород (выд. — А.М.), она, Коптелова, никакого разговора по делу Князей ни от кого не слыхала, кроме того что будто бы в ту ночь Великих Князей украли и вскоре после этого Смольников перевез ночью свое имущество к Сергею Николаеву Четвергову, а она после этого получила расчет и ушла от Смольникова и более по делу ничего показать не может».

Председатель Алапаевского Делового Совета А.А. Смольников и комиссар юстиции Алапаевского Совета Рабочих и Солдатских депутатов Е.А. Соловьев являлись известными в губернии большевиками и в 1917 г. проходили по единому списку 27 большевиков от Пермской губернии как кандидаты в Учредительное собрание вместе с А.Г. Белобородовым, Ф.И. Голощекиным, Н.Г. Толмачевым, Г.И. Сафаровым, А.Л. Борчаниновым, В.И. Решетниковым, П.В. Войковым и др. Председатель Алапаевской Чрезвычайной Следственной комиссии Г.П. Говырин в 1917-м работал в Лысьве и по партийной линии являлся прямой связью А.Г. Белобородова, В.А. Иванченко и др.

Примечательно, что политкомиссар Северо-Урало-Сибирского фронта Н.Г. Толмачев — участник февральского переворота, член Петербургского комитета большевиков, один из руководителей захвата Петропавловской крепости, в мае 1917 г. — товарищ председателя Пермского Окружного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, работает вместе с Ф.И. Голощекиным, В.И. Решетниковым, А.Л. Борчаниновым и А.П. Спундэ, организует газету «Пролетарское знамя», в 1917-м в Алапаевске формировал красногвардейский отряд, с которым выехал на Дутовский фронт, а 9 мая 1918 года был назначен комендантом Дома особого назначения (выд. — А.М.), в котором содержалась семья Романовых (до назначения политкомиссаром фронта).

В своих воспоминаниях в 1933 г. алапаевские ветераны партии вспомнили, что в июле для организации «партизанской» деятельности в тылу Сибирской армии и формирования пополнения фронта действительно приезжали Н.Г. Толмачев и Г.И. Сафаров. Об этом сообщали:

— председатель Верхне-Синячихинского Совдепа Е. Л. Середкин: *«В июле м-це приехал к нам Толмачев и С... Тут провели революционную мобилизацию, после того было много скандалов, товарищи приехали, поговорили на митинге и уехали»* (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 16);

— зам. председателя Алапаевского Исполкома, член Учредительного собрания от Пермской губернии Ф. Г. Кабаков: *«И вот к такому моменту, когда Свердловск уже пал, когда в Алапаевск приехал товарищ Толмачев и Сафаров, было такое положение, что с заводом нужно было кончать, потому что фронт приближался»* (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 26. Л. 70–71).

Следовательно, прибытие в Алапаевск к А. А. Смольникову 18-го июля и. о. председателя Уральской парторганизации Г. И. Сафарова и политкомиссара Северо-Урало-Сибирского фронта с несколькими задачами, одной из которых мог быть контроль за исполнением решения партии в отношении членов Дома Романовых — весьма вероятно. Поэтому постановка задачи и должна была пройти именно по «партийной линии». В автобиографии председателя Верхне-Синячихинского Совдепа Е. Л. Середкина написано (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 178. Л. 89): *«В первых числах июля Алапаевским Президиумом К. Партии и ответственными работниками было постановление ликвидировать находившихся там князей»* (выд. — А. М.). *Тем же вечером вызвали меня и поручили раскрыть каменноугольную шахту, находящуюся в трех верстах от нашего завода, поручив взять только вполне надежных ребят».*

При этом решение «списали» на орган власти — Алапаевский Совет рабочих и крестьянских депутатов, который «принимал его самостоятельно» ...

Выводы

Таким образом в результате произведенного криминологического исследования можно говорить о существовании непротиворечивого объективного мотива руководителей молодого Советского государства, заключающегося в защите «достижения революции» и своей личной власти, а также умысле на устранение легитимных претендентов на государственную власть, юридическое право которых распространялось на управление «в пределах всего Государства Российского» в силу действия Основных Государственных Законов Свода Законов Российской Империи и международного права.

При этом действительными практическими целями умысла на преступление являлось физическое уничтожение лиц, реально обладающих этим правом: законного Императора Михаила II

(Михаила Александровича Романова), его правопреемника — Цесаревича Алексея, с 13 июня 1918 г. «Императора Алексея II» (Алексея Николаевича Романова II); потенциально ближайших наследников Престола — Великих княжон Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марию Николаевну и Анастасию Николаевну Романовых.

Именно поэтому первым был убит Михаил Александрович Романов, а затем вся семья бывшего императора Николая II.

Вторичными, маскирующими истинные цели преступления, был умысел на физическое устранение «непопулярных в народе» бывшего императора Николая II (Николая Александровича Романова) и его жены Александры Федоровны, а также иных представителей Дома Романовых и лиц из их окружения, основанный на политических, идеологических мотивах и мотивах социальной ненависти и вражды к бывшему правящему классу, сформировавшихся в российском обществе в ходе «февральской» революции 1917-го и последующих за «октябрьским переворотом» событий 1917–1918 гг.

Выдвижение на первый план вторичных мотивов, маскирующих истинные цели указанных преступлений, является закономерным, так как: во-первых, именно ими в основном руководствовались «технические» исполнители преступлений; во-вторых, руководящая роль центра была скрыта за счет вынужденных действий в принятии объявленных официальных решений местного уровня власти.

Не представляется возможным найти объективное криминологическое и историко-архивное подтверждение формирования умысла руководителей Советской республики в убийстве членов Дома Романовых по «ритуальным», «религиозным», «немецким», «сионистским» и иным прочим причинам, описываемым разными исследователями.

Автор не претендует на абсолютную правоту выводов, но полагает, что подобный подход может быть исследован в рамках действующего предварительного следствия по убийству членов Дома Романовых в 1918 г. на Урале и в Петрограде.

При этом следует отметить, что за 70 лет действия партийной «архивной цензуры» (с момента возникновения Истпарта) весьма трудно найти прямую документальную доказательную базу, тем более, что взаимодействие высших руководителей со своими доверенными лицами с мест могло производиться при личном общении и без оформления каких-либо документов, что определялось их значительным опытом предыдущей подпольной

деятельности и объективной неразвитостью существовавшей бюрократической процедуры. Между тем для установления исторической правды и верного юридического толкования событий тех лет, руководствуясь настоящими выводами, возможно проведение целенаправленного архивного поиска по косвенным свидетельствам и материалам фиксации телефонно-телеграфных переговоров.

Литература

1. Мясников Г. И. *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова* / публ. Б. И. Беленкина и В. К. Виноградова // *Минувшее: исторический альманах*. [Вып.] 18. М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1995.
2. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1–3. — С.-П.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/181>.
3. Быков П. М. *Последние дни Романовых*. Свердловск: Уралкнига, 1926.
4. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / [отв. ред. И. А. Басавин; сост. А. В. Белоруссов и др.]. М.: Л.: Юрид. изд-во, 1949. В 6 т. Т. 1: 1917–1927 гг.
5. Лыкова Л. А., Мощанский А. Б. К полемике по «Записке Юровского» // *Русская народная линия*. 20.10.2022. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/20/k_polemike_po_zapiske_yurovskogo.
6. Ленин: революционер, мыслитель, человек. Биохроника Ленина. Т. V (октябрь 1917 — июль 1918). URL: <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/104-tom-54/3826-iyul-1918-vtoraya-dekada.html>.
7. Соколов Н. А. *Убийство царской семьи*. М.: Сирин, 1990.
8. Соколов Н. А. *Расследование убийства российской императорской семьи. Избранные главы* / пер. с фр. С. Ю. Нечаев; под ред. М. И. Вебер. Екатеринбург: Державное наследие, 2019. Гл. XXV. § 1: Чтобы полностью понять смысл убийства в Екатеринбурге, нужно знать и об убийствах, совершенных в Алапаевске и Перми // Биб-ка электронной лит-ры. URL: <https://litresp.ru>.

References

1. *Myasnikov G. I. Filosofiya ubiistva, ili Pochemu i kak ya ubil Mikhaila Romanova* [The philosophy of murder, or Why and how I killed Mikhail Romanov] / publ. B. I. Belenkin and V. K. Vinogradov // “The Past: A historical almanac”. — [Issue] 18. — Moscow: Atheneum; St. Petersburg: Phoenix, 1995 (In Russian)
2. *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Kniga 1. Tomy 1–3.* [The Code Of Laws Of the Russian Empire. Book 1. Volumes 1–3.] — S.-P.: Russian book Association “Doer”, 1912 // <https://civil.consultant.ru/reprint/books/181/> (In Russian)
3. *Bykov P. M. Poslednie dni Romanovykh.* [The last days of the Romanovs]. — Sverdlovsk: Uralkniga, 1926 (In Russian)
4. *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR] / [ed. I. A. Basavin; comp. A. V. Belorussov, etc.]. — M.: L.: Legal Publishing House, 1949. in 6 vols. Vol. 1: 1917–1927–1949 (In Russian)
5. *Lykova L. A., Moshansky A. B. K polemike po «Zapiske Yurovskogo»* [On the polemic on the “Yurovsky Note”] / *Russian People's Line*. 20.10. 2022 // https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/20/k_polemike_po_zapiske_yurovskogo (In Russian)
6. *Lenin: revolyutsioner, myslitel', chelovek. Biokhronika Lenina. Tom V (oktyabr' 1917g. — iyul' 1918g.)* [Lenin: revolutionary, thinker, man. Biochronics of Lenin. Volume V (October 1917 — July 1918.)] // <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/104-tom-4/3826-iyul-1918-vtoraya-dekada.html> (In Russian)
7. *Sokolov N. A. Ubiistvo tsarskoi sem'i.* [The murder of the royal family]. — M.: Sirin, 1990 (In Russian)
8. *Sokolov N. A. Rassledovanie ubiistva Rossiiskoi Imperatorskoi sem'i. Izbrannye glavy* [Investigation of the murder of the Russian Imperial family. Selected chapters]. / Translated from the French by S. Yu. Nechaev. Ed. by M. I. Weber. — Yekaterinburg: State Heritage, 2019. Glava XXV. § 1. Chtoby polnost'yu ponyat' smysl ubiistva v Ekaterinburge, nuzhno znat' i ob ubiistvakh, sovershennykh v Alapaevske i Permi. [Chapter XXV. § 1. To fully understand the meaning of the murder in Yekaterinburg, you need to know about the murders committed in Alapaevsk and Perm]. // Electronic literature Library. <https://litresp.ru/> (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ПО СТ. 178 УК РФ

Троянов Ярослав Олегович,
Белов Владислав Иванович

Цель: изучить личность преступника, чьи действия направлены на ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), его особенности, отличающие его от субъектов иных преступлений.

Методология: анализ, аналогия, индукция, синтез, описание, сравнение.

Выводы. Участники картеля обладают специфическими особенностями, что формирует их самостоятельную криминологическую характеристику (портрет).

Научная и практическая значимость. Конкуренция является одним из важнейших факторов развития государств с рыночной экономикой. В связи с этим важное значение имеет ее защита от недобросовестных посягательств, которые причиняют вред государству и иным хозяйствующим субъектам. В соответствии со ст. 178 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за ограничение конкуренции. При этом практика привлечения к уголовной ответственности участников картеля достаточно мала (13 обвинительных приговоров за 2022–2023 гг. при 116 заявлениях антимонопольной службы), несмотря на то что антимонопольными органами выявляется большое количество картелей, обладающих признаками рассматриваемого преступления. Изучение личности преступника является одним из важнейших вопросов в системе предупреждения преступности, дает ответ, почему и как совершаются указанные преступления. Это позволяет сформулировать комплекс, систему мер предупредительного воздействия на проявление антиконкурентных преступлений.

Ключевые слова: картель, сговор, антиконкурентное соглашение, криминалистическая характеристика, портрет преступника, конкуренция, субъект преступления, индивидуальные особенности, экономические преступления, расследование преступлений.

Конкурентная среда и принципы конкуренции, в соответствии с которыми на рынке остаются наиболее гибкие и клиентоориентированные хозяйствующие субъекты, не могут не порождать желания у ряда субъектов отказа от конкуренции с целью получения недобросовестной выгоды в нарушение общих правил.

Одной из форм ограничения конкуренции является заключение и участие в антиконкурентных соглашениях (картелях). Под картелем понимается соглашение между хозяйствующими субъектами — конкурентами, направленное на:

1) установление или поддержание цен, наценок и иных условий реализации продукции (услуги);

2) повышение, снижение или поддержание цен на торгах;

3) раздел товарного рынка;

4) сокращение или прекращение производства товаров;

5) отказ от заключения договоров с определенными контрагентами.

Вопрос о необходимости запрета картелей обсуждается давно и не имеет однозначного ответа. Некоторые ученые считают, что такие соглашения могут приносить пользу и приводить к увеличению прибыли компании, что, в свою очередь, позволит компаниям активнее развиваться, выплачивать дивиденды и увеличивать

заработную плату своим сотрудникам, а также соблюсти баланс на рынке. Указанную позицию можно подтвердить наличием «законных» картелей, например, межправительственная организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), которая фактически является картелем, целью которого является установление и контроль квот на добычу нефти ее участниками.

Иные ученые считают, что антиконкурентные соглашения — наиболее опасный вид нарушения конкуренции. По мнению сторонников данного подхода, ущерб от картелей только в сфере государственных и муниципальных закупок достигает 2% ВВП в год (Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в 2022 году) (*Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы РФ // [Электронный ресурс]: URL: <https://fas.gov.ru/documents/689041> (дата обращения 26.05.2024)*). Указанный подход превалирует в отечественной доктрине, о чем свидетельствует и тот факт, что единственным видом ограничения конкуренции, за которое предусмотрена уголовная ответственность, являются картели (ст. 178 УК РФ).

При этом количество раскрываемых антимонопольной службой картелей значительно. Так в 2022 г. было выявлено 120 картелей, о 68 из которых антимонопольным ведомством были направлены заявления в правоохранительные органы о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. В 2023 г. было выявлено 86 картелей, из которых 48 картелей содержали признаки рассматриваемого преступления. При этом правоохранительными органами России за 2022–2023 гг. было возбуждено только 25 дел по ст. 178 УК РФ.

Картелизации экономики представляет угрозу рыночной экономике и бюджету нашей страны (в случае картелей, заключаемых с целью установления, поддержания, повышения или понижения цен на торгах, проводимых в рамках распределения бюджетных средств и государственного или муниципального имущества).

Указанное свидетельствует о наличии пробелов в системе предупреждения данного вида преступлений, что указывает на актуальность данной проблематики и необходимость ее изучения с различных сторон (в том числе со стороны вопросов, изучаемых в криминологии).

Малоизученные характеристики личности преступника (ее особенностей, структуры, типов) являются одной из важных причин, негативно влияющих на количество предупрежденных, расследованных и раскрытых преступлений, в том числе предусмотренных ст. 178 УК РФ.

Под личностью преступника (в широком смысле) понимается совокупность свойств, обусловивших совершение им преступления [1, с. 27]. Иные авторы (например, В. А. Ананич) считают, что к личности преступника относятся только негативные свойства человека. При этом указанные толкования данного термина не являются исключительными, каждый автор вкладывает в него что-то свое, исходя из собственного подхода и методологии исследования личности и преступности.

При изучении личности преступника криминологи, как правило, ставят цель раскрытия закономерностей преступного поведения, в связи с чем возникает важная задача для криминологии — исследовать факторы, которые на индивидуальном уровне формируют установки на противоправное поведение либо способствуют их реализации [2, с. 55].

Личность преступника, совершающего экономические преступления (в число которых входят и преступления по ст. 178 УК РФ), ее особенности, методология исследования являются объектом научных изысканий многих ученых, например Ю. М. Антоняна, И. Я. Козаченко, А. Б. Мардановой и многих других [3, с. 94]. В целом все работы сводятся к тому, что криминологический портрет экономического преступника отличается от иных видов преступников, что в первую очередь связано с необходимостью особого статуса (например, наличие организационно-распорядительных функций в хозяйствующем субъекте) и особых знаний (например, правил таможенного оформления).

В ходе подготовки данной работы в целях составления и изучения криминологического портрета преступника изучена нормативно-правовая информация: решения по уголовным делам по ст. 178 УК РФ, решения антимонопольной службы по антимонопольным делам о нарушении ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (к которой отсылает ст. 178 УК РФ), постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 14.32 КоАП РФ (за заключение картелей, размер дохода или ущерба по которым не достигает размеров, указанных в примечании к ст. 178 УК РФ), решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов по обжалованию решений и постановлений антимонопольной службы, а также опыт работы автора статьи (Я. О. Троянова) в качестве начальника отдела по борьбе с картелями в Управлении Федеральной антимонопольной службы по г. Санкт-Петербургу (далее — СПб УФАС).

В ходе проведенного анализа мы выделили некоторые признаки личности преступника, за-

ключающего и участвующего в картельных соглашениях (более подробное рассмотрение личности преступника нам не позволяют осуществить требования, предъявляемые к оформлению научных статей).

1. Возраст. Согласно данным нашего исследования, доля лиц в возрасте от 32 до 50 лет, которые совершают экономические преступления, превышает 56%. Большая доля принадлежит *и лицам возраста старше 50 лет — в средних показателях 17%*. Рассматриваемое преступление не отличается от общего правила, наиболее активной криминальной частью населения в России являются лица в возрасте от 30 до 50 лет. В процентном соотношении показатель заключения картельных соглашений лицами указанного возраста составляет 90%.

По мнению авторов, данное обстоятельство связано с тем, что по общему правилу в данном возрасте люди занимают руководящие должности в хозяйствующих субъектах, то есть наделяются полномочиями по принятию соответствующих решений, определяющих деятельности компании (в число которых входит в том числе участие в картельном соглашении). При этом на практике антимонопольной службы встречались и молодые руководители — участники картеля (20–30 лет), однако по большей части в данном случае лица числились лишь формальными руководителями, реальные управленческие функции осуществляли иные лица.

2. Пол. 85% мужчин и 15% женщин. Указанные нами показатели распределения преступников по гендерному признаку в целом соответствуют сложившимся показателям преступности в России — соотношению мужчин (83,5%) и женщин (16,5%) в общей доле преступности (в соответствии с официальной информацией с портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ).

3. Образование. Рассматриваемые преступления являются частью экономической преступности. Осуществление данных видов преступлений подразумевает наличие у преступников определенных познаний в области экономики, юриспруденции, высокого интеллектуального уровня, образования. Нельзя игнорировать наличие у преступника особых признаков — признаков специального субъекта (в рассматриваемом случае в виде наличия руководящих полномочий в хозяйствующем субъекте).

Особенностью рассматриваемого вида преступления является тот факт, что все приговоры по ст. 178 УК РФ вынесены за заключение картелей на торгах в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения госу-

дарственных и муниципальных нужд» и Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Вышесказанное означает необходимость наличия знаний процесса проведения торгов, их условий и требований. Указанные знания являются узконаправленными, сложными и «бюрократизированными», не доступными (по большей части) неспециалисту в данной области.

Перейдем к рассмотрению уровня образования участников картеля: подавляющее большинство (90% из имеющихся в открытом доступе решений и информации Верховного Суда РФ) имеют высшее образование. Если обратиться к практике антимонопольной службы (непреступные картели) число лиц, обладающих высшим образованием, можно оценить в средних показателях в 95%. Отметим, что в большинстве решений и постановлений судов и антимонопольных органов указанная информация отсутствует. Указанные показатели получены на основании материалов антимонопольных и административных дел, с которыми ознакомлены авторы, а также на основании проведенного нами исследования.

4. Мотивация (цель). Мотивацией совершения экономических преступлений на основании изученных материалов является получение необоснованной (недобросовестной) выгоды от осуществления хозяйственной деятельности. Преступник в сфере экономики стремится к обогащению запрещенными способами, сознательно или неосознанно игнорируя законные требования и принципы.

Рассматриваемое преступление не является исключением. При этом целью участия картеля не всегда является извлечение необоснованных преимуществ (в том числе прибыли). Известны случаи, когда целью участия в картеле было признание процедуры торгов состоявшимся для избежания согласования закупки с контролирующим органом и дополнительной экспертизы при приемке (*Решение СПб УФАС от 24.03.2020 по делу № 078/01/11-400/2019*).

Теоретически возможно представить и картель, направленный на исключение (уменьшение доли) лица (неважно какого — конкурента или потребителя) с рынка без корыстного умысла, а с целью удовлетворения личных пожеланий (зависть, обида или желание самоутверждения). Указанные действия несмотря на то, что они противоречат общей идее картелей (извлечение необоснованных преимуществ), также будут квалифицированы в качестве преступления (в том числе преступления при наличии соответствующего ущерба).

5. Семейное положение. Исходя из опубликованных в общем доступе решений и проведенного нами анализа следует, что подавляющее большинство участников картелей являются женатыми/замужними и имеют на иждивении несовершеннолетних детей.

6. Рецидив. В настоящее время отсутствуют рецидивисты по рассматриваемому составу преступления по ст. 178 УК РФ. Рецидивисты не обнаружены и по уголовно не наказуемым картелям. Указанное, по мнению авторов, связано с высокой латентностью данного вида преступления, а также с тем, что при выявлении сговора в рамках одного приговора вменяются совокупностью все эпизоды (например, все торги, на которых поддерживалась цена), особо не разбираются в том, совершались ли данные действия в рамках одного или нескольких картельных соглашений.

Необходимо отметить, что участникам картеля свойственно отсутствие судимости. 100% изученных субъектов были ранее не судимы и не привлекались к уголовной ответственности.

7. Социальное положение (статус) и личностные свойства. Для рассматриваемой группы преступников (потенциальных преступников) характерна активная жизненная позиция, дисциплинированность, сговорчивость, интеллигентность. Такие лица имеют высокую степень социальной адаптации, положительную репутацию в обществе и легко идут на контакт.

Рассматриваемую личность преступников тяжело отличить в группе людей или в ходе общения, так как своим видом и поведением они не отличаются от законопослушных лиц. Так, по мнению О. В. Дмитриева (*Дмитриев О. В. Понятие экономической преступности в современной криминологии* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=368> (дата обращения: 08.07.2024)) внешне экономический преступник, как правило, производит впечатление добропорядочного и благоразумного, воспитанного гражданина, умеющего быстро избирать правильную линию поведения, отличающегося высокой предприимчивостью.

Проведенный нами криминологический анализ некоторых свойств личности преступника свидетельствует о том, что преступник, чьи действия направлены на ограничение конкуренции, обладает особенными свойствами (чертами). При этом указанные свойства по большей части являются позитивными, а негативные свойства являются внутренними, формирующими преступное поведение, что значительно осложняет оценку и выявление данного типа преступников.

Указанное свидетельствует о важной (по мнению авторов — первостепенной) роли изучения личности с целью формирования предупредительного воздействия на субъектов данного вида преступлений, направленных на предотвращения совершения его совершения и неотвратимости наказания.

Литература

1. *Лейкина Н. С.* Криминология о преступнике: в помощь лектору. М.: Знание, 1978. 30 с.
2. *Абрамовская О. Р., Майоров А. В.* Криминологические особенности личности коррупционно-го преступника // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2012. № 37 (291). С. 54–57.
3. *Казакевич С. М.* Криминологический портрет лица, совершающего экономические преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 93–97.
4. *Ананич В. А.* Состояние и перспективные направления развития научно-методологических основ изучения личности преступника // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 22 апреля 2010 г.) / отв. ред. А. В. Шарков. Минск, 2010. С. 35–40.
5. *Даниловская А. В.* Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 2 (171). С. 93–107.
6. *Шишкин М. В.* Антимонопольное регулирование: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020. 143 с.
7. *Егорова М. А., Кожевина О. В., Кинев А. Ю.* Правовая защита конкуренции в условиях формирующихся цифровых рынков // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 2 (171). С. 40–49.
8. *Коряков О. О.* Сговор участников торгов как наиболее опасный вид картельного соглашения // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции: в 2 т. (Симферополь, 31 марта 2023 г.) / сост. И. В. Хмиль; под ред. С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. Т. 1. Симферополь, 2023. С. 789–796.

9. Андросов С. В. Основная причина, препятствующая предупреждению преступных картельных соглашений (ст. 178 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. Материалы XIX Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 января 2022 г.). М., 2022. С. 536–540.

References

1. Leikina N. S. Kriminologiya o prestupnike: v pomoshch' lektoru [Criminology about the criminal: to help the lecturer]. Moscow, Znanie Publ., 1978. 30 p. (In Russian)
2. Abramovskaya O. R., Maiorov A. V. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti korruptsionnogo prestupnika [Criminological features of the personality of a corruption offender]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law], 2012, no. 37 (291), pp. 54–57. (In Russian)
3. Kazakevich S. M. Kriminologicheskii portret litsa, sovershayushchego ekonomicheskie prestupleniya [Criminological portrait of a person committing economic crimes]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2017, no. 2 (40), pp. 93–97. (In Russian, abstract in English)
4. Ananich V. A. Sostoyanie i perspektivnye napravleniya razvitiya nauchno-metodologicheskikh osnov izucheniya lichnosti prestupnika // *Ispolnenie ugovolnykh nakazanii i inykh mer ugovolnoi otvetstvennosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 22 apr. 2010 g.* / otv. red. A. V. Sharkov. Minsk, 2010. S. 35–40.
5. Danilovskaya A. V. Ekonomicheskoe obosnovanie ugovolno-pravovoi politiki v sfere okhrany konkurentsii // *Lex Russica*. 2021. T. 74. № 2 (171). S. 93–107.
6. Shishkin M. V. Antimonopol'noe regulirovanie: uchebnik i praktikum. M.: Yurait, 2020. — 143 s.
7. Egorova M. A., Kozhevina O. V., Kinev A. Yu. Pravovaya zashchita konkurentsii v usloviyakh formiruyushchikhsya tsifrovyykh rynkov // *Lex Russica*. 2021. T. 74. № 2 (171). S. 40–49.
8. Koryakov O. O. Sgovor uchastnikov trgov kak naibolee opasnyi vid kartel'nogo soglasheniya // *Voprosy sudebnoi deyatel'nosti i pravoprimeneniya v sovremennykh usloviyakh. Sbornik statei po rezul'tatam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh. Simferopol', 31 marta 2023 goda* / sost. I. V. Khmil', pod redaktsiei S. A. Trofimova, E. V. Evsikovoi. Tom 1. Simferopol', 2023. S. 789–796.
9. Androsov S. V. Osnovnaya prichina, prepyatstvuyushchaya preduprezhdeniyu prestupnykh kartel'nykh soglashenii (st. 178 UK RF) // *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20–21 yanvarya 2022 g.* М., 2022. S. 536–540.

КРИМИНАЛИСТИКА

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАСКРЫВАЕМОСТИ «ВИКТОРИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Ворожцова Татьяна Петровна,
Белов Владислав Иванович

Цель: дать оценку целесообразности использования в практической деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ интеллектуальной модели прогнозирования раскрываемости «Виктория» (далее — ИМП «Виктория», ИМП), разработанной ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» (далее — ФКУ «ГИАЦ МВД России»).

Методология: анализ, аналогия, индукция, синтез, описание, сравнение.

Выводы. Применение ИМП «Виктория» возможно в организации планирования следователями и дознавателями своей деятельности по расследованию конкретных уголовных дел по преступлениям в сфере НОН; использование ИМП в практической деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ малоэффективно и нецелесообразно в силу объективных причин.

Научная и практическая значимость. Искусственный интеллект все больше проникает в различные сферы жизни и деятельности человека. МВД России совершенствует методы противодействия преступности, в том числе с использованием и применением различных баз данных, информационных ресурсов, анализа и обработки больших данных, возможностей искусственного интеллекта. На основе математических моделей осуществляется прогнозирование уровня преступности на территории регионов России, что позволяет распределять силы и средства органов внутренних дел на конкретных направлениях и применять их с наибольшей эффективностью. Использование ИМП «Виктория» позволило бы периодически проводить ревизию нераскрытых преступлений, в том числе нераскрытых преступлений прошлых лет, имеющих сильную перспективу на раскрытие, уделять больше внимания конкретной категории преступлений. Однако с практической точки зрения использование ИМП «Виктория» в оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, по нашему мнению, нецелесообразно.

Ключевые слова: раскрываемость преступлений, преступления прошлых лет, выявленное преступление, незаконный оборот наркотиков, вероятность раскрытия, интеллектуальная модель, машинное обучение, статистические карточки, неустановленный сбытчик, анонимизация, доказательства.

Как отмечал еще в начале 80-х гг. прошлого века Блувштейн Ю. Д. в своей книге «Криминология и математика», оценка преступности количественными характеристиками открывают широкое поле деятельности перед применением математических методов [1, с. 6].

Разработано большое количество методик моделирования и прогнозирования уровня преступности в Российской Федерации. Одна из таких методик представлена группой сотрудников кафедры информационного права, информатики и математики Российского государственного

университета правосудия Российской Федерации, г. Москва Богдановой М. В., Паршинцевой Л. С., Квачко В. Ю. [2, с. 50–62].

В большинстве своем подобные методики касаются прогнозирования уровня преступности, криминологических характеристик, процента раскрываемости.

Раскрываемость преступлений является одним из важных показателей деятельности органов внутренних дел, и, несмотря на совершенствование методов противодействия преступности, в Российской Федерации остается нераскрытым большое количество преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ (далее — НОН).

На протяжении последних 10 лет в России ежегодно остаются нераскрытыми от 860 тыс. до 1047 тыс. преступлений (нераскрыто преступлений: в 2014 г. — 977 041, в 2015 г. — 1 047 099, в 2016 г. — 983 355, в 2017 г. — 886 786, в 2018 г. — 860 408, в 2019 г. — 915 204, в 2020 г. — 963 752, в 2021 г. — 933 308, в 2022 г. — 904 509, в 2023 г. — 911 365) (*Портал правовой статистики // [Электронный ресурс]: URL: <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 30.03.2024)*).

В данной статье используются следующие понятия:

— раскрытые преступления — преступления, раскрытые в процессуальном смысле [1, с. 176–177], что соответствует этому понятию с точки зрения единого учета преступлений — преступления, по которым лица, их совершившие, установлены и уголовные дела о данных преступлениях направлены в суд с обвинительным заключением/актом или прекращены по нереабилитирующим основаниям (*Приказ о едином учете преступлений // Российская газета. 2006. 25 января*);

— нераскрытые преступления — преступления, независимо от времени совершения и регистрации, следствие по которым в отчетном периоде впервые приостановлено за розыском подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); либо в случае, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) (*Приказ о едином учете преступлений // Российская газета. 2006. 25 января*).

Понятие «раскрытие преступления» имеет отношение не только к оперативной работе, но и к следственной и определяется как процес-

суальная деятельность следователя и органов, осуществляющих ОРД, состоящая в положительном результате обнаружения, изъятия и фиксации доказательств, достаточных для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности [3, с. 176–177].

Нераскрытые по итогам отчетного года преступления, то есть преступления, производство по которым в отчетном периоде впервые приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, ставятся на отдельный учет и составляют отдельную категорию преступлений — преступления прошлых лет.

Вероятность того, что нераскрытое преступление прошлых лет будет в дальнейшем раскрыто, невелика. Так, согласно официальной статистике МВД России, если из вновь зарегистрированных преступлений раскрывается примерно каждое второе преступление, то из числа преступлений прошлых лет в последующем раскрывается лишь каждое двадцатое преступление.

ФКУ «ГИАЦ МВД России» разработан метод построения математической модели — цифрового двойника зарегистрированного преступления. В качестве исходных данных для построения модели использован массив сведений — документов первичного учета — в отношении 341 000 преступлений, совершенных на территории Приморского края за 11 лет (с 2010 по 2020 г.). Модель основана на использовании алгоритмов машинного обучения «градиентный бустинг над решающими деревьями» [4, с. 1016–1022], реализованных в открытой библиотеке искусственного интеллекта CatBoost от компании «Яндекс». Как отметил в своей статье «Использование методов машинного обучения для прогнозирования раскрываемости преступлений на основе документов первичного учета» Д. Ю. Булгаков, точность модели была подтверждена совпадением и проверкой раскрываемости в январе — июне 2021 г. 16 408 преступлений, совершенных на территории Приморского края, нераскрытых в 2020 г. [5, с. 8].

На основе данного метода ФКУ «ГИАЦ МВД России» реализована интеллектуальная модель прогнозирования «Виктория» (далее — ИМП «Виктория», ИМП), предназначенная для прогнозирования вероятности раскрытия преступлений на территории регионов Российской Федерации. Кроме того, использование ИМП «Виктория» позволило бы периодически проводить ревизию нераскрытых преступлений, в том числе нераскрытых преступлений прошлых лет, имеющих сильную перспективу на раскрытие, что даст возможность уделить больше внимания конкретной категории преступлений.

Перечень сведений, характеризующих различные этапы расследования преступлений и используемых для формирования статистической отчетности о преступности и результатах борьбы с ней, регламентирован совместным приказом «О едином учете преступлений» (*Приказ о едином учете преступлений // Российская газета. 2006. 25 января*). В соответствии с данным приказом следователи и дознаватели на различных этапах расследования уголовного дела заполняют формализованные документы первичного учета — статистические карточки. В качестве исходных данных для построения модели взяты сведения, содержащиеся в статистических карточках формы № 1 на выявленное преступление.

В апреле 2023 г. модель введена в опытную эксплуатацию в четырех регионах Российской Федерации. По ее результатам были сделаны неоднозначные выводы о применении модели в оперативно-служебной деятельности территориальных органов внутренних дел «пилотных» регионов, в связи с чем область опытной эксплуатации ИМП «Виктория» была расширена. С декабря 2023 г. Управление МВД России по Псковской области (далее — УМВД) вошло в число «пилотных» регионов. В настоящее время опытная эксплуатация ИМП «Виктория» осуществляется в подразделениях УМВД, в том числе в Управлении по контролю за оборотом наркотиков УМВД (далее — УКОН УМВД).

По итогам работы за 4 месяца 2024 г. дана оценка достоверности результатов, полученных с использованием ИМП «Виктория» в части, касающейся определения реальной перспективы раскрытия преступлений, совершенных на территории Псковской области, связанных с НОН.

С помощью ИМП «Виктория» по срезам УМВД за 2023 г. произведена выборка уголовных дел по статистическим массивам, которые по состоянию на 31.12.2023 числились приостановленными по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (2512 преступлений). Проведен анализ процессуальных решений, принятых по данным уголовным делам в 2024 г.

По преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала раскрытие с вероятностью менее 50% (1948 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 0,05% преступлений раскрыто (1 преступление);
- 0,26% преступлений повторно приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (5 преступлений);
- 1,69% преступлений прекращены по сроку давности (33 преступления).

По 97,95% преступлений не принималось новых процессуальных решений.

Таким образом, можно утверждать, что по данной категории преступлений ИМП «Виктория» дает достаточно достоверный результат вероятности раскрытия.

По преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью более 50% (564 преступления), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 0,35% преступлений снято с учета (уголовное дело на 2 эпизода направлено в суд с применением мер медицинского характера (п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ));
- 1,24% преступлений прекращены по сроку давности (7 преступлений);
- 0,18% преступлений повторно приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (1 преступление).

Не раскрыто ни одного преступления. По 98,23% преступлений не принималось новых процессуальных решений.

В данном случае достоверность прогнозирования раскрываемости преступлений не подтвердилась.

Стоит отметить, что в статистических массивах ИЦ в числе снятых с учета преступлений из ранее приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ оказались 2 преступления, являющиеся эпизодами одного уголовного дела с кардинально противоположной вероятностью их раскрытия. Вероятность раскрытия основного преступления, квалифицированного по ст. 2281 УК РФ, составляла 29,22%, дополнительного эпизода, квалифицированного по ч. 2 ст. 228 УК РФ, — 84,64%. Указанное уголовное дело направлено в суд с применением к совершившему преступлению лицу мер медицинского характера (в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ).

Проведен анализ сопоставления вероятности раскрытия, полученной с использованием ИМП «Виктория», с реальными решениями, принятыми в текущем году по уголовным делам, по которым по состоянию на 31.12.2023 не принято окончательных процессуальных решений.

По преступлениям указанной категории, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью менее 50% (29 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 17,24% преступлений раскрыто (5 преступлений);
- 75,86% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (22 преступления);

– 6,9% преступлений остались без решений (2 преступления), фабулы указанных преступлений содержат информацию (ФИО) о конкретных лицах, причастных к их совершению, статистические карточки формы № 1.2 по данным преступлениям не выставлялись в связи с тем, что уголовные дела расследуются следователями ФСБ.

Таким образом, достоверность вероятности раскрытия преступлений данной категории вызывает сомнение. Значительное количество преступлений с низкой вероятностью раскрытия реально раскрыто или имеет высокую перспективу раскрытия (24,14%).

По преступлениям, по которым по состоянию на 31.12.2023 не принято окончательного процессуального решения и по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью более 50% (354 преступления), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 87,57% преступлений раскрыто (310 преступлений);
- 1,13% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (4 преступления);
- 1,69% преступлений сняты с учета (6 преступлений);
- 9,04% преступлений остались без решений (32 преступления).

В данном случае ИМП «Виктория» дает достаточно достоверный результат, так как удельный вес раскрытых преступлений значительно превышает удельный вес преступлений, по которым приняты иные решения.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что ИМП «Виктория» достаточно точно прогнозирует высокую вероятность раскрытия преступления, по которым не принималось решений о приостановлении по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. По преступлениям, по которым было принято решение о приостановлении по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и которые отнесены к категории нераскрытых преступлений прошлых лет, результат, полученный с использованием ИМП, вызывает сомнения. Это подтверждает отсутствие раскрытых преступлений из ранее приостановленных, по которым вероятность раскрытия составила 50% и более, в то же время в текущем году имеется пример раскрытия преступления, уголовное дело по которому ранее было приостановлено и по которому вероятность раскрытия, полученная с использованием ИМП, составляла всего 35,22%.

Дополнительно проанализированы выгрузки преступлений в сфере НОН, по которым не при-

нято окончательных решений, принято решение о приостановлении по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ или принято решение о снятии с учета, полученные с применением ИМП «Виктория» по срезам текущих массивов ИЦ за 2 и 3 месяца 2024 г. на предмет достоверности определения ИМП реальной перспективы их раскрытия.

По срезу текущего массива за 2 месяца 2024 г. по преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью менее 50% (45 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 6,67% преступлений раскрыто (3 преступления);
- 84,44% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (38 преступлений);
- 4,44% преступлений снято с учета (2 преступления);
- 2,22% преступлений возобновлены производством из ранее приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (1 преступление);
- 2,22% преступлений остались без решений (1 преступление).

В данном случае ИМП «Виктория» дает достаточно достоверный результат, так как удельный вес нераскрытых преступлений значительно превышает удельный вес раскрытых (88,88%).

По срезу текущего массива за 2 месяца 2024 г. по преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью более 50% (305 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 57,38% преступлений раскрыто (175 преступлений);
- 3,61% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (11 преступлений);
- 1,97% преступлений снято с учета (6 преступлений);
- 36,72% преступлений остались без решений (112 преступлений).

В данном случае ИМП «Виктория» дает достаточно достоверный результат. Кроме того, по 105 из 112 преступлений, оставшихся по состоянию на 30.04.2024 без решений, лица, их совершившие, установлены (выставлена форма № 1.2) или они являются эпизодами многоэпизодных уголовных дел в отношении установленных фигурантов.

По срезу текущего массива за 3 месяца 2024 г. по преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью менее 50% (45 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 1,85% преступлений раскрыто (1 преступление);
- 75,93% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (41 преступление);
- 4,44% преступлений снято с учета (2 преступления);
- 1,85% преступлений возобновлены производством из ранее приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (1 преступление);
- 20,37% преступлений остались без решений (11 преступлений).

В данном случае ИМП «Виктория» дает достаточно достоверный результат, так как удельный вес нераскрытых преступлений значительно превышает удельный вес раскрытых (75,93%).

По срезу текущего массива за 3 месяца 2024 г. по преступлениям, по которым ИМП «Виктория» прогнозировала их раскрытие с вероятностью более 50% (305 преступлений), в январе — апреле 2024 г. приняты следующие решения:

- 9,09% преступлений раскрыто (15 преступлений);
- 5,45% преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (9 преступлений);
- 4,85% преступлений снято с учета (8 преступлений);
- 80,0% преступлений остались без решений (132 преступлений).

Таким образом, достоверность вероятности раскрытия преступлений данной категории вызывает сомнение. Удельный вес нераскрытых преступлений превышает удельный вес преступлений, которые по состоянию на 30.04.2024 раскрыты (10,3% и 9,09% соответственно).

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, являются специфическим видом преступлений. В большинстве случаев уголовное дело, связанное со сбытом наркотических средств, возбуждается по результатам осуществления оперативно-разыскных мероприятий в отношении конкретного фигуранта (фигурантов). На стадии расследования уголовного дела выясняется: где и у кого установленным фигурантом были приобретены наркотические средства.

Практика расследования преступлений, связанных с НОН, в соответствии с УПК РФ, на протяжении последних лет практически во всех регионах России складывалась таким образом, что возбуждение каждого уголовного дела по факту незаконного приобретения, хранения, перевозки или сбыта наркотиков влечет за собой выделение

из него в отдельное производство еще одного уголовного дела — в отношении неустановленного лица, которое сбыло подозреваемому (обвиняемому) обнаруженный наркотик.

Преступления данной категории, возбужденные в отношении неустановленного сбытчика, в большинстве случаев остаются нераскрытыми в связи с анонимизацией сбытчиков, невозможностью сбора достаточной доказательной базы. Удельный вес таких «бесперспективных» преступлений составляют 91,15% от общего массива нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков, на территории Псковской области.

Стоит также отметить, что вероятность раскрытия преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в большей степени зависит от наличия и достаточности доказательств.

В статистической карточке по форме № 1 «На выявленное преступление» отсутствуют реквизиты для отражения сведений о наличии доказательств, необходимых для раскрытия наркопреступлений (*например: проведение генетической экспертизы, признательных показаний лица, показания свидетелей и т.п.*).

В связи с тем, что ИМП «Виктория» берет за основу реквизиты статистической карточки формы № 1 «На выявленное преступление» и именно с их использованием построена модель прогнозирования и реализован алгоритм машинного обучения «градиентный бустинг над решающими деревьями», можно утверждать, что отсутствие реквизитов, содержащих сведения о наличии доказательств по уголовному делу, отрицательно влияет на достоверность вероятности раскрываемости преступлений, получаемую с использованием системы.

Результаты использования ИМП «Виктория» по определению реальной перспективы раскрытия преступлений прошлых лет, совершенных на территории Псковской области, следствие по которым не обязательно, проанализированы подразделениями дознания территориальных органов МВД России на районном уровне. По всем преступлениям, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ дознавателями и по которым ИМП «Виктория» прогнозирует их раскрытие с вероятностью более 50%, сделаны выводы о недостаточности доказательств для их раскрытия, в связи с чем в ходе расследования не установлены лица, причастные к совершению преступлений.

Исходя из приведенного в статье статистического анализа, несмотря на полученные отдельные положительные результаты использования ИМП «Виктория», в целом авторы делают вывод о том, что для построения модели прогнозирования раскрываемости конкретно наркопреступления недостаточно данных, содержащихся в реквизитах статистической карточки № 1 «На выявленное преступление».

Негативное влияние на достоверность результатов ИМП «Виктория» окажут и изменения, внесенные с 23 марта 2024 г. в ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми установлены правила приостановления и прекращения расследования уголовного дела из-за призыва, прохождения военной службы или заключения контракта о ее прохождении (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и до., вступ. в силу с 15.05.2024) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.06.2024)*).

Расследование уголовного дела приостанавливают по ходатайству командования воинской части в таких случаях:

– подозреваемого (обвиняемого) призвали на военную службу в период мобилизации или в военное время;

– он заключил контракт о прохождении военной службы или уже проходит ее в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Для прекращения уголовного преследования следователь (дознатель) должен получить согласие:

– руководителя следственного органа (прокурора);

– подозреваемого или обвиняемого.

В настоящее время на территории Псковской области несколько фигурантов, совершивших преступления в сфере НОН, по которым ИМП прогнозировала раскрываемость с вероятностью близкой к 100%, заключили контракт о прохождении военной службы. Уголовные дела в отношении указанных лиц приостановлены или будут приостановлены в соответствии с п. 31 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

На основании проведенного анализа и в силу объективных причин можно сделать вывод о том, что применение ИМП «Виктория» возможно в организации планирования следователями и дознавателями своей деятельности по расследованию конкретных уголовных дел по преступлениям в сфере НОН. Использование ИМП в практической деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ мало эффективно.

Литература

1. *Блувштейн Ю. Д.* Криминология и математика. М.: Юридическая литература, 1974. 176 с.
2. *Богданова М. В., Паршинцева Л. С., Квачко В. Ю.* Методика моделирования и прогнозирования преступности в Российской Федерации // Правовая информатика. 2019. № 4. С. 50–62.
3. *Низамов В. Ю.* К вопросу о понятии «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 170–179.
4. *Салахутдинова К. И., Лебедев И. С., Кривцова И. Е.* Алгоритм градиентного бустинга деревьев решений в задаче идентификации программного обеспечения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2018. Т. 18. № 6. С. 1016–1022.
5. *Булгаков Д. Ю.* Использование методов машинного обучения в прогнозировании раскрываемости преступлений на основе документов первичного учета // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2021. № 9 (2). С. 1–13.

References

1. *Bluvshstein Yu. D.* Kriminologiya i matematika [Criminology and mathematics]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 176 p. (In Russian)
2. *Bogdanova M. V., Parshintseva L. S., Kvachko V. Yu.* Metodika modelirovaniya i prognozirovaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [Methodology of crime modeling and forecasting in Russian Federation]. *Pravovaya informatika [Legal informatics]*, 2019, no. 4, pp. 50–62. (In Russian)
3. *Nizamov V. Yu.* K voprosu o ponyatii «raskrytie prestupleniya» v kriminalistike i ugovolnom protsesse [Regarding the concept of “crime solving” in criminalistics and criminal procedure]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal [Leningrad legal journal]*, 2016, no. 1(43), pp. 170–179. (In Russian)

4. *Salakhutdinova K. I., Lebedev I. S., Krivtsova I. E.* Algoritm gradientnogo bustinga derev'ev reshenii v zadache identifikatsii programmnoho obespecheniya [An algorithm of decision tree gradient boosting in a software identification problem]. *Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2018, vol. 18, no. 6, pp. 1016–1022. (In Russian)

5. *Bulgakov D. Yu.* Ispol'zovanie metodov mashinnogo obucheniya v prognozirovanii raskryvaemosti prestuplenii na osnove dokumentov pervichnogo ucheta [Using machine learning in predicting crime solving rates on the basis of primary records]. *Modelirovanie, optimizatsiya i informatsionnye tekhnologii* [Modeling, optimization and information technology], 2021, no. 9 (2), pp. 1–13. (In Russian)

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИПФЕЙК-ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Бодров Николай Филиппович,
Лебедева Антонина Константиновна

Цель: с учетом природы дипфейка как цифрового продукта, разновидностей генеративного контента, созданного при помощи технологий искусственного интеллекта, — предложить некоторые научно-методические и практические рекомендации для судебно-экспертного исследования таких материалов.

Методология: методы анализа и синтеза, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований, методы лингвистической экспертизы (например, метод аудитивно-лингвистического и инструментального анализа).

Выводы. В результате исследования установлено, что недостаточная правовая регламентация и отсутствие унифицированных методов судебно-экспертного исследования дипфейков ставят под угрозу информационную безопасность общества. В современной судебно-экспертной теории и практике отсутствуют разработанные научно-методические подходы к судебно-экспертному исследованию дипфейков. Предложены некоторые рекомендации в рамках судебной фоноскопической экспертизы, на которые стоит обращать внимание при исследовании файлов, предоставляемых эксперту в цифровой форме.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования, изложенные в статье, способствуют развитию методических подходов к судебно-экспертному исследованию дипфейков, углублению теоретических знаний о проблематике дипфейков в контексте права, а практическая значимость — в разработке рекомендаций, способствующих созданию эффективной системы правового противодействия дезинформации.

Ключевые слова: дипфейк, генеративный контент, судебная экспертиза, специальные знания, судебная фоноскопическая экспертиза, маркировка контента.

Указанная публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИ-ОКТР: 124012000079-6

Введение

Проблема введения в заблуждение с использованием поддельных документов и аудиовизуальных материалов далеко не нова. Любому участнику судебного спора известны случаи предоставления в качестве доказательств фотографий, содержание которых изменено с исполь-

зованием графического редактора (например, Adobe Photoshop или аналогичного), смонтированных аудиофайлов или видеофонограмм. Однако до недавнего времени существовала определенная система судебно-экспертного противодействия такого рода преступной деятельности. То есть следователем или судом могла быть назначена судебная экспертиза или несколько судебных экспертиз разных родов для проверки версии о фальсификации. Аналогичный инструмент был доступен и за пределами процессуальной регламентации для ситуаций досудебного установления обстоятельств.

Наличие методик судебно-экспертного исследования, иных результатов научных исследований, методик проверки разного рода материалов

на предмет их аутентичности (аутентичный — подлинный, исходящий из первоисточника) [19] выступали в качестве сдерживающего фактора введения в заблуждение.

В недавнем времени технологический скачок развития алгоритмов нейросетевого синтеза различных видов контента существенно изменил ситуацию как для обычных пользователей, так и для лиц, обладающих специальными знаниями. Сейчас уже можно с уверенностью говорить о явно недостаточной обеспеченности судебной экспертизы для научно-обоснованного выявления дипфейков, а соответственно, и о незащищенности самой процедуры судебного доказывания.

Понятие дипфейка

В ранее опубликованных работах нами было предложено доктринальное понятие дипфейка и предпринята попытка обоснования необходимости включения данной дефиниции в основные понятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Дипфейк — цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом [1, с. 38]. Сам термин «дипфейк» встречается в научных работах примерно с 2017 г. (*Korshunov P., Marcel S. DeepFakes: a New Threat to Face Recognition? Assessment and Detection // [Электронный ресурс]: URL: <https://arxiv.org/pdf/1812.08685.pdf> (дата обращения: 28.09.2024)*), после того как один из пользователей сайта Reddit с одноименным никнеймом стал распространять порнографические видеоролики, в которых использовалась технология подмены лиц с открытым исходным кодом, хотя подходы для создания генеративного контента существовали и ранее. Уже тогда дипфейк рассматривался не только как визуальный контент, но и аудиоконтент, как некий аудиовизуальный цифровой продукт. В работах отечественных исследователей данный термин упоминается с 2019 г. [2, 3].

Однако не так давно в рамках заседания секции Совета «Искусственный интеллект» в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации, которое состоялось 4 апреля, и.о. заместителя директора департамента стратегического развития и инноваций Минэкономразвития РФ Н. С. Якунов предложил вместо термина «дипфейк» использовать определение «искусственная

аудио- и видеозапись» (*Ерофеева К. В СФ хотят дать русский аналог термину «дипфейк» // [Электронный ресурс]: URL: https://senatinform.ru/news/v_sf_khotyat_dat_russkiy_analog_terminu_dipfeyk/ (дата обращения: 18.09.2024)*). Мы не можем согласиться с данной формулировкой по нескольким причинам.

Во-первых, как мы ранее указывали, дипфейк — это не только аудио- и видеозаписи, он может быть реализован в виде текста, звука, графики или их сочетания в самых разных формах.

Во-вторых, термин «дипфейк» содержит в своем названии отсылку к методам его создания путем глубинного обучения (с англ. deep learning).

В-третьих, в термине должен быть отражен фейковый характер данного цифрового продукта, то есть должны содержаться сведения о цели его использования и/или распространения. Ранее мы также уже писали о разнице в понятиях генеративный контент и дипфейк [4, с. 42–55]. Генеративный контент не становится дипфейком непосредственно в момент генерации. Свойства дипфейка он приобретает в момент распространения и использования с противоправной целью.

Дипфейк в современном информационном обществе выступает неким аналогом «средства повышенной опасности», так как акт распространения генеративного контента, подходящего под определение дипфейка, сам по себе обладает свойствами, отличающими его от других видов контента:

- реалистичность — то есть потенциально высокая способность введения потребителей контента в заблуждение;
- простота в изготовлении (технологическая доступность), так как создание дипфейка требует существенно меньших ресурсов, чем запись и последующий монтаж аудиовизуальных и иных видов контента. То есть злоумышленники получают более эффективное орудие совершения преступления, способное к созданию большего объема контента с меньшими затратами;
- меньшая защищенность индивида от синтеза контента от его имени. Если раньше существовало состояние защищенности личности, которая осознавала, что монтаж мог быть осуществлен из фрагментов ранее опубликованных фото- и видеоматериалов, то теперь синтез контента возможен без ограничений, связанных с формой или содержанием ранее опубликованного контента. Так, например, злоумышленник, обладая фотоизображениями какого-либо лица, имеет возможность синтеза видео с признаками внешности сфотографированного.

В-четвертых, использование термина «искусственная аудио- и видеозапись» вместо понятия «дипфейк» не является корректным с точки зрения русского языка и крайне расширяет объем данного понятия.

Обратимся к академическим толковым словарям русского языка.

ИСКУССТВЕННЫЙ 1. только полн. ф. Сделанный наподобие настоящего, природного. 2. Притворный, деланный, неискренний. (*Малый академический словарь // [Электронный ресурс]: URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 18.09.2024)*).

ИСКУССТВЕННЫЙ I прил. 1. Сделанный, созданный руками человека (в отличие от естественного). 2. Подобный природному, заменяющий что-либо естественное. II прил. 1. Надуманный, ненастоящий. 2. Лишенный простоты, естественности; притворный, неискренний (*Современный толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс]: URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 18.09.2024)*).

Прилагательное «искусственный» обозначает любые объекты, созданные руками человека. Исходя из словарного значения прилагательного «искусственный» термин «искусственная аудио- и видеозапись» будет относиться к любым сигналаграммам (ГОСТ Р 58332-2018 Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения. Сигналаграмма: сигналы, записанные на носителе) — записанным на звукозаписывающие устройства, на сгенерированные при помощи технологий ИИ как цифровые, так и аналоговые, что в корне противоречит сути дипфейка.

Следовательно, предлагаемый термин «искусственная аудио- и видеозапись» не является адекватной заменой англоязычному термину «дипфейк». При этом за рубежом сформулированы удачные определения «дипфейка», отражающие специфику определяемого явления, например: созданные ИИ или видоизмененные изображения, аудио- или видеоматериалы, которые напоминают существующих людей, предметы, места или другие сущности или события и могут ложно показаться человеку подлинными или правдивыми (*[Электронный ресурс]: URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html (дата обращения: 18.09.2024)*).

В недавнем постановлении Верховного суда приведен перечень нарушений при создании агитационных материалов, при наличии которых заказчики и лица, выполнившие подобные работы, привлекаются к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.12 КоАП РФ. В тексте

постановления содержится пункт: «С использованием вводящих в заблуждение и выдаваемых за достоверные недостоверных изображений, аудио- и аудиовизуальной информации, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий (п. 11 ст. 56 Закона об основных гарантиях избирательных прав)» (*постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 17 от 25 июня 2024 г. Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов*). В СМИ сообщают, что данное определение является определением дипфейка, о чем сообщил, представляя указанное постановление перед голосованием, председатель судебного состава Судебной коллегии по административным делам Верховного суда России С. Кузьмичев (*Верховный суд назвал использование дипфейков на выборах нарушением правил агитации // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/politika/21193603> (дата обращения: 18.09.2024)*).

Осознавая потенциальные угрозы, связанные с дипфейками, некоторые специалисты предлагают ввести полный запрет на генерацию подобного контента. Однако такой подход кажется нам нереалистичным и неэффективным в условиях повсеместного использования данной технологии в коммерческих целях (в рекламе, киноиндустрии и проч.).

Дипфейки могут использоваться для создания фейковых новостей, шантажа, манипулирования общественным мнением, создания высокореалистичных поддельных доказательств.

Судебно-экспертное противодействие

Современным решением подобных проблем могли бы стать разработка и усовершенствование экспертных методик, аппаратно-программных комплексов, изменение подходов к подготовке судебно-экспертных кадров.

Оценивая современные результаты усовершенствования методического обеспечения судебной экспертизы, стоит отметить, что отдельные производители криминалистического оборудования и программного обеспечения анализируют риски, связанные с дипфейк-технологиями.

Компания Regula, занимающаяся оснащением автоматизированных рабочих мест судебных экспертов, в своем отчете о мошенничествах с дипфейками сообщает о значительном росте числа компаний, которые сталкивались с дипфейками, в том числе с аудиодипфейками, при идентификации личности пользователей по сравнению

с 2022 г. (*Patishman H. The Impact of Deepfake Fraud: Risks, Solutions, and Global Trends // [Электронный ресурс]: URL: <https://regulaforensics.com/blog/impact-of-deepfakes-on-idv-regula-survey/> (дата обращения: 16.03.2024)*).

Отдельные научные работы, посвященные детекции дипфейков в судебной экспертизе стали появляться в зарубежной литературе практически сразу с появлением первых дипфейков (*Rössler A., Cozzolino D., Verdoliva L., Riess C., Thies J., Nießner M. Faceforensics: A large-scale video dataset for forgery detection in human faces // [Электронный ресурс]: URL: <http://arxiv.org/abs/1803.09179> (дата обращения: 07.10.2024)*). Данными исследователями также активно разрабатываются системы автоматической детекции дипфейков.

Например, Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA) (*Deepfake Defense Tech Ready for Commercialization, Transition // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.darpa.mil/news-events/2024-03-14> (дата обращения: 07.10.2024)*) располагает программой для экспертизы цифрового контента СМИ, а также сервисами обнаружения дипфейков (*DARPA Launches New Programs to Detect Falsified Media // [Электронный ресурс]: URL: <https://govciomedia.com/darpa-launches-new-programs-to-detect-falsified-media/> (дата обращения: 07.10.2024)*).

Современные способы создания дипфейков значительно затрудняют их детекцию, вследствие чего результаты квалифицированного синтеза лишь в редких случаях можно обнаружить методами судебной экспертизы. Поэтому в данной статье мы остановимся именно на траекториях совершенствования судебно-экспертных методик.

Общественные опасения по поводу использования дипфейков уже очевидны для профессионального юридического сообщества. Так, например, на широкое распространение нейросетевых технологий для клонирования речи уже отреагировали представители адвокатуры. Вице-президент Федеральной палаты адвокатов (ФПА) РФ Е. Г. Авакян заявила, что «малейшие сомнения в подлинности аудиозаписи должны трактоваться в пользу обвиняемого, а сама запись исключаться из числа доказательств» (*Эксперт призвала ужесточить требования к аудиодоказательствам в контексте развития ИИ // [Электронный ресурс]: URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20230822/309146037.html (дата обращения: 16.09.2024)*).

Распространение и использование дипфейков зачастую осуществляется анонимно, что существенно затрудняет идентификацию потен-

циального злоумышленника, синтезировавшего контент в противоправных целях.

В такой ситуации, особенно на начальном этапе судебно-экспертного выявления дипфейков, основой правовой регламентации распространения генеративного контента должны стать правовые нормы, регулирующие вопросы допустимости доказательств, представляемых в цифровой форме.

Первыми разработками в судебно-экспертной практике стали алгоритмы анализа фонограмм в фоноскопической экспертизе, так как большинство фонограмм представляются именно в цифровой форме.

Новые нейросетевые технологии для синтеза речи и клонирования голоса позволяют создавать так называемые «голосовые дипфейки» (*Lim S.-Y., Chae D.-K., Lee S.-C. Detecting Deepfake Voice Using Explainable Deep Learning Techniques // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mdpi.com/2076-3417/12/8/3926>; Zang Y., Zhang Y., Heydari M., Duan Z. SingFake: Singing Voice Deepfake Detection // [Электронный ресурс]: URL: <https://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/10448184> (дата обращения: 28.09.2024)*). Исходя из природы дипфейка, учитывая, что он представляет собой некий звуковой след, данный вид дипфейка становится объектом судебно-фоноскопической экспертизы.

В первую очередь важно указать на различия понятий «синтезированная звучащая речь» и «клонирование голоса». Синтез звучащей речи представляет собой определенную технологию, позволяющую преобразовать текст в речь, при этом создается некий несуществующий диктор с заданными и смоделированными голосовыми параметрами.

Большое количество сервисов позволяет сейчас озвучить текстовый контент голосами заранее созданных дикторов (*[Электронный ресурс]: URL: <https://elevenlabs.io/>, <https://www.resemble.ai/> (дата обращения: 06.11.2024)*), уровень и качество синтеза различается в зависимости от нейросетевых технологий, которые используются для этого. Найти приложение для озвучки с естественным голосом диктора в настоящее время достаточно просто. Однако большую опасность в рамках фоноскопической экспертизы несут клонирования голоса, которые представляют собой уже не создание какого-либо абстрактного диктора, а генерацию голоса конкретного человека. В таком случае пользователь обучает нейросеть на фонограммах с образцами голоса и речи индивидуально-определенного диктора. Подобную разновидность синтеза звучащей речи называют «клонирование»

(Pecora A. E. *Data driven: AI Voice Cloning* // [Электронный ресурс]: URL: <https://webthesis.biblio.polito.it/27738/1/tesi.pdf> (дата обращения: 28.09.2024)), таким образом, искусственно с использованием технологий ИИ генерируется звучащая речь реально существующего человека.

Дипфейк создается посредством генерации цифрового продукта на основе обучения нейросети на каком-либо датасете. Это может быть и огромные массивы данных Интернета, а также и, например, фонограммы с записью звучащей речи конкретного лица.

Для выработки подходов к судебно-экспертному фоноскопическому исследованию голосовых дипфейков нам представляется необходимым создание определенного датасета — базы данных фонограмм клонированных голосов и фонограмм, на которых нейросеть была обучена. В терминологии Национальной стратегии развития искусственного интеллекта имеется понятие, отражающее содержание понятия «датасет» — набор данных, которое было трансформировано в новой редакции Указа Президента РФ: «Набор данных — состав данных, которые структурированы или сгруппированы по определенным признакам, соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации и необходимы для разработки программ для электронных вычислительных машин на основе искусственного интеллекта (Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 06.11.2024)).

Данный набор данных в криминалистическом смысле представляет собой определенный вид фонотеки. Отсутствие в современных судебно-экспертных учреждениях и образовательных организациях подобного рода фонотек — фактор, который еще долгое время будет тормозить процессы разработки судебно-экспертных методик фоноскопической экспертизы синтезированной звучащей речи, подготовки и повышения квалификации экспертов-фоноскопистов и др.

Для судебно-экспертного фоноскопического исследования, по нашему мнению, наиболее актуальными являются две задачи:

— проверка диагностических методик исследования: возможно ли установить, что голос, зафиксированный на фонограмме, является результатом

клонирования с использованием нейросетевых технологий;

— проверка идентификационных методик исследования: возможна ли «ложная» идентификация диктора, чьи образцы представлены для сравнительного исследования, при сравнении с фонограммой, синтезированной на основе других фонограмм с голосом и речью данного диктора?

В настоящий момент в русскоязычной научной литературе можно встретить лишь отдельные научные работы, посвященные исследованию голосовых дипфейков в судебно-фоноскопической экспертизе [5; 6], в которых не раскрывается суть научно-методических подходов к решению подобных задач, а лишь сообщается о наличии подобной проблемы. Статей же, в которых представлены конкретные предложения к совершенствованию методики судебно-фоноскопической экспертизы, крайне мало [7; 8].

В зарубежных научных исследованиях последних нескольких лет активно демонстрируются научные разработки по установлению факта клонирования голоса при создании фонограмм [9; 10; 11]. Вопросами детекции генеративного контента занимаются не только судебные эксперты, но и технологические компании, разрабатывающие эти технологии. Однако существующие программы для выявления дипфейков, как правило, ориентированы лишь на контент, созданный нейросетями конкретной компании. Кроме того, даже для фонограмм, созданных с использованием собственных моделей, данные сервисы не обеспечивают стабильного распознавания клонированного голоса.

Например, компания ElevenLabs, разрабатывающая технологии для синтеза звучащей речи и клонирования голоса, создала свой детектор дипфейков — ИИ-классификатор, позволяющий распознавать фонограммы, сгенерированные с помощью их нейросети (AI Speech Classifier). Тем не менее установить, что проверяемая аудиозапись является сгенерированной, возможно только в случае ее создания с использованием сервиса ElevenLabs. Если пользователь применял иную нейросеть или у следствия нет информации о примененной для генерации нейросети, факт синтеза не будет установлен.

В одном из экспериментов, проведенных в лаборатории фоноскопических экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), мы использовали созданные фонограммы с клонированными голосами и оригинальные записи и предъявили их сервису AI Speech от Classifier ElevenLabs: «Из

6 экспериментальных фонограмм 4 фонограммы представляют запись клонированного голоса, а 2 фонограммы — собственная звучащая речь дикторов, записанная с помощью диктофона» [12, с. 45].

Осуществив детекцию всех шести фонограмм, как синтезированных, так и аутентичных, сервис выдал один и тот же ответ: «Very Unlikely. Probability: 2.0%. It's very unlikely this audio file was generated with ElevenLabs, or the audio was manipulated» (Крайне маловероятно, вероятность: 2%. Крайне маловероятно, что данная аудиозапись была сгенерирована с помощью ElevenLabs или с данной аудиозаписью были произведены какие-либо манипуляции).

Таким образом, в настоящий момент возможности современных сервисов для детекции синтезированных фонограмм крайне ограничены, создаются в первую очередь для распознавания фонограмм, созданных с использованием нейросетевых технологий своего же сервиса. Более того, и для сигналограмм, созданных с помощью их нейросети, данные сервисы не дают стабильного результата детекции.

Так, возможным вспомогательным элементом проверки фонограмм могут выступать алгоритмы маркировки генеративного контента.

Как нам представляется, механизм маркирования генеративного контента должен учитывать следующие элементы.

Во-первых, необходимо определить субъектов, которые должны эти действия осуществлять.

Первый субъект в цепочке маркирования — это сам создатель генеративного или аутентичного контента, на которого при создании генеративного контента должна быть возложена правовая обязанность осуществить маркировку синтезированного контента.

Технологические возможности для создания подобной маркировки должны быть либо предоставлены самими платформами для создания различных видов генеративного контента, либо на государственном уровне должен быть создан сервис, предоставляющий возможность нанести маркировку на созданный или используемый цифровой продукт — результат применения технологий ИИ. Второй вариант необходим, поскольку существует огромное количество нелегальных сервисов, которые предлагают своим пользователям создавать генеративный контент высокого качества на их платформах. Так, в мессенжере Телеграм большой популярностью пользуются каналы, предлагающие готовые сборки для персональных компьютеров (аналог обычной программы для

ПК), для генерации как графического, так и аудиоконтента. Одной из форм заработка в таких Телеграм-каналах является разработка и предоставление пользователям ботов для генерации подобного контента.

Следует положительно характеризовать инициативы профильных министерств (*Минцифры планирует создать систему для выявления дипфейков // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/03/21/1026954-mintsifri-planiruet-sozdat-sistemu-dlya-viyavleniya-dipfeikov> (дата обращения: 06.06.2024)*) в разработке инициатив по детекции: «Минцифры займется созданием платформы для выявления дипфейков, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта (ИИ)... Инструмент, который планирует разрабатывать Минцифры, мог бы поставляться в виде плагина в браузере, который будет автоматически сканировать сайты на предмет ИИ-контента». Однако пока подобная платформа находится еще только на стадии проектирования, а преступления с использованием дипфейк-технологий уже совершаются и регистрируются (*приказ Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/405934823/> (дата обращения: 06.11.2024)*). Подобного рода инициативы уже реализованы за рубежом, например в Южной Корее (*Poireault K. South Korean Police Develops Deepfake Detection Tool Ahead of April Elections // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/south-korea-police-deepfake/> (дата обращения: 06.06.2024)*).

Сам факт маркирования синтезированного контента при его создании должен быть основанием, исключаящим ответственность пользователя, осуществившего акт первичной генерации.

Но если пользователь, синтезировавший контент, не осуществил маркировку, то он (действуя от юридического лица или будучи физическим лицом) должен быть привлечен к административной ответственности по аналогии, например, со статьей о распространении информации иноагентами (ч. 4 ст. 19.34 КоАП РФ, ч. 2.1 ст. 13.15 КоАП РФ) [4, с. 49].

В ситуации, когда пользователь, синтезировавший контент, не произвел маркировку, могут иметь место последствия в виде добросовестного использования другими пользователями такого контента в своих публикациях по причине того,

что реалистичные аудиовизуальные материалы могут быть оценены обывателями как аутентичные. Очевидно, что в такой ситуации пользователи, добросовестно (например, в целях информирования или с целью предотвращения массовых беспорядков и проч.) распространившие немаркированный реалистичный синтезированный контент, не должны привлекаться к какой-либо ответственности.

Установление уголовной ответственности за распространение дипфейк-контента целесообразно за те деяния, которые повлекли общественно опасные последствия, то есть целью преступления являлось введение в заблуждение или преодоление пользователем систем контроля и управления доступом. Подобный подход обусловлен тем, что «характер общественной опасности служит основанием установления уголовной ответственности, а индивидуальная степень общественной опасности содеянного — основанием индивидуализации ответственности» [13, с. 45]. В случае с дипфейками он выступает, как мы уже указывали, аналогом «средства повышенной опасности», соответственно, если доказан умысел на «введение в заблуждение или преодоление пользователем систем контроля и управления доступом», то необходимо привлечение именно к уголовной ответственности.

Создавая правовые нормы, регулирующие распространение и использование генеративного контента без маркировки, правоприменитель должен соблюсти определенный баланс между свободой слова, творческого самовыражения и общественной опасностью, которую представляют дипфейки.

Вторая группа субъектов — «иные субъекты», то есть любые лица, которые использовали и/или распространили чужой генеративный контент. Первоначально в случае добросовестного использования и/или распространения данный субъект должен проверить наличие/отсутствие маркировки. В том случае если есть маркировка, но данный субъект ее решил удалить и использовал и/или распространил данный генеративный контент, то субъект должен быть привлечен к ответственности.

В случае, если маркировка отсутствует и «иной субъект» не осознавал, что контент является генеративным, действия пользователя будут являться добросовестным использованием/распространением.

В случае если «иной субъект» при отсутствии маркировки был осведомлен или должен был быть осведомлен (по аналогии с Федеральным списком

экстремистских материалов) о том, что это контент является генеративным, то он (пользователь) подлежит ответственности, форма которой должна быть определена в зависимости от цели распространения и/или использования такого контента.

Задачей государства при таком подходе является необходимость обеспечить возможность проверки маркировки генеративного контента как без специальных знаний, так и путем судебного-экспертного исследования неавторизованного контента (как в процессуальной, так и не в процессуальной форме).

В настоящее время отсутствие разработанных научно-методических подходов к судебному-экспертному исследованию дипфейков в рамках фоноскопической, автороведческой, портретной, видеотехнической, фототехнической экспертиз препятствует судебному-экспертному установлению факта использования нейросетевых технологий для создания спорного цифрового продукта. В результате современные попытки использования специальных знаний для исследования результатов квалифицированной генерации контента зачастую приходят к выводу в форме НПВ (не представляется возможным ответить на поставленный судом или следователем вопрос).

Таким образом, «сгенерированный контент не отвечает критериям дипфейка, если пользователь в установленном порядке уведомляет о факте генерации (маркирует контент), а результат генерации по своему содержанию не нарушает действующее законодательство» [4, с. 45].

Если же обнаруженный сгенерированный контент будет все же подпадать под критерии дипфейка, то необходимо говорить о блокировке подобной информации по аналогии с ограничениями на распространение иной запрещенной информации (ст. 153 «Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/34547c9b6ddb60cebd0a67593943fd9ef64ebdd0/ (дата обращения: 06.11.2024)).

В качестве отдельной группы субъектов следует рассматривать различные сервисы и платформы по распространению контента (новостные агрегаторы, видеохостинговые сервисы и т.д.), платформы для генерации контента. Кроме того, это рекламодатели, регуляторы и надзорные органы, правоохранительные органы и, конечно, сами эксперты.

В мае 2024 г. описанные нами ранее, а также рассматриваемые в настоящей статье механизмы были упомянуты в СМИ при обсуждении «закона о маркировке контента, созданного нейросетями»: «По мнению депутата, в силу того что пока не ясно, какая экспертиза позволит распознавать степень участия машины и человека в одном и том же тексте, российские ИИ-сервисы должны автоматически маркировать любые сгенерированные тексты. В первую очередь задуматься над подобными технологиями цифровой маркировки изображений нужно российским компаниям, развивающим компетенции в области генеративных нейросетей — прежде всего «Сберу» и «Яндексу», — предложил Немкин» (*В Госдуме разрабатывают закон о маркировке контента, созданного нейросетями* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20240514/markirovka-1945757794.html> (дата обращения: 06.06.2024)).

Однако уже сейчас следует учесть, что огромные массивы генеративного контента, распространяемого в российском интернет-пространстве, созданы нероссийскими компаниями. Так, например, в главе 5 части 4 Акта о регулировании ИИ, разработанного и одобренного Европейским парламентом (*Artificial Intelligence Act* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html (дата обращения: 06.06.2024)), говорится о необходимости раскрытия информации о происхождении контента разработчиками систем генеративного ИИ при решении вопроса об ответственности распространителя.

Таким образом, технологический потенциал систем маркирования дипфейк-контента может быть использован и для целей судопроизводства, как например, алгоритм маркирования, используемый в диктофонах для звукозаписи при производстве оперативно-разыскных мероприятий.

Так, группа компаний «Телесистемы», существующая на российском рынке более 20 лет, разрабатывает и производит диктофоны EDIC-mini (*EDIC-mini — диктофоны для вашей безопасности* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.telesys.ru/Products/EM> (дата обращения: 16.09.2024)). Файлы с фонограммами, записанными на диктофоны данной марки, снабжаются определенными цифровыми маркерами подлинности записи (с дополнительными метаданными), что позволяет защитить запись от несанкционированного использования и осуществить проверку целостности файлов. Данная функция является крайне востребованной в судебно-следственной и экспертной практике.

Как уже было сказано ранее, в настоящее время отсутствует научно-методическое обеспечение для производства фоноскопических экспертиз в отношении синтезированных фонограмм. Тем не менее некоторые отечественные компании уже разрабатывают специализированные аппаратно-программные комплексы для производства фоноскопических экспертиз, имеющие в своем распоряжении определенные инструменты для распознавания синтезированной речи.

Лаборатория фоноскопических исследований Университета имени О. Е. Кутафина располагает аппаратно-программным комплексом «ИКАР-Лаб», разработанным Центром речевых технологий. Данный комплекс имеет в своем распоряжении модуль для диагностики спуфинга в автоматическом режиме. Спуфинг-атаки — попытки взлома голосовых биометрических систем, основанные на активных попытках фальсификации голосовых характеристик. Создание синтезированных фонограмм (наряду с имперсонализацией, повторным воспроизведением и преобразованием речи) является также одним из видов спуфинг-атак (*Инструкция к специальному программному обеспечению для идентификации говорящего на русском языке «SIS» v3.2.1.528. Группа компаний ЦРТ*).

Алгоритмы распознавания спуфинг-атак основаны на нейросетевых технологиях и обучаются на определенных примерах, в том числе на фонограммах, синтезированных с использованием каких-либо конкретных систем синтеза. Однако те темпы, с которыми совершенствуются нейросетевые технологии, не позволяют разработчикам современных аппаратно-программных комплексов так быстро осуществлять их обновление. Вследствие этого результаты автоматической детекции спуфинга для диагностики синтезированной речи пока мало результативны.

В настоящее время можно говорить лишь об отдельных технологиях для детекции синтезированной речи и признаках, которые могут свидетельствовать об использовании нейросетевого синтеза для создания фонограмм. Однако научно-методический подход к производству фоноскопической экспертизы в отношении синтезированной звучащей речи не выработан. Нам представляется, что только системный подход в анализе подобной проблемы, а также согласованные исследования экспертов-фоноскопистов и разработчиков систем для синтеза речи могут стать эффективным инструментом в борьбе с дипфейками.

Распространение дипфейков требует разработки новых научно-методических подходов к судеб-

но-экспертному исследованию и за пределами судебной фоноскопической экспертизы. В связи с этим в зависимости от вида контента, генерируемого нейросетями, необходимо определить совокупность таких судебных экспертиз.

Вместе с фоноскопической экспертизой следует проанализировать методические подходы к производству судебной автороведческой и судебной видеотехнической экспертиз.

Большие текстовые модели за последние пару лет стали крайне действенным инструментом для генерации текста различного стиля и содержания, вследствие чего способны ввести в заблуждение пользователей относительно авторства того или иного речевого произведения.

Исследования на основе специальных знаний в области автороведческой экспертизы уже не могут гарантировать возможность дифференциации сгенерированных текстов и текстов, созданных в результате речемыслительной деятельности человека.

Как и для голосового сгенерированного контента, для текстового существуют определенные сервисы для проверки контента (например, сервис GPTZero). Следует отметить, что такие сервисы проверки пока не дают стабильных результатов, в особенности если пользователь использует для генерации наиболее современные языковые модели.

Более того, уже существуют нейросети, позволяющие собственное сообщение пользователя или сгенерированный текст преобразовать в текст, не поддающийся детекции (например, BypassGPT). Отечественный сервис «Антиплагиат» формирует результат анализа в форме суждения о подозрении в генерации текста.

Так, например, исполнительный директор АО «Антиплагиат» констатировал, что «проверяющему стоит насторожиться, если он видит частые повторы одного и того же смысла в тексте или противоречащие друг другу выводы» («ИИ оказал существенное влияние на ситуацию с заимствованиями в научных работах» // [Электронный ресурс]: URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/2/22/ii-okazal-sushestvennoe-vliyanie-na-situaciyu-s-zaimstvovaniyami-v-nauchnyh-rabotah/> (дата обращения: 16.09.2024)). Результат подобного рода по понятным причинам на данный момент не применим в системе судебного доказывания.

В экспериментальных научных исследованиях, посвященных сгенерированной письменной речи, также не дается обнадеживающих результатов (Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S. et al. *Testing of detection tools for AI-generated text* //

[Электронный ресурс]: URL: <https://arxiv.org/pdf/2306.15666> (дата обращения: 28.09.2024)).

Даже разработчики систем синтеза текста пока не достигли существенных успехов в диагностике синтеза письменной речи. Разработчики такого технологического гиганта, как OpenAI, заявляют, что их классификаторы для диагностики сгенерированных при помощи ИИ текстов уже недостаточно надежны: «В наших оценках «набора вызовов» английских текстов классификатор правильно идентифицирует 26% текста, написанного искусственным интеллектом (истинные положительные результаты), как «вероятно, написанный искусственным интеллектом», при этом неправильно помечая текст, написанный человеком, как написанный искусственным интеллектом в 9% случаев (ложные положительные результаты)» (Kirchner J. H., Ahmad L., Aaronson S., Leike J. *New AI classifier for indicating AI-written text* // [Электронный ресурс]: URL: <https://openai.com/index/new-ai-classifier-for-indicating-ai-written-text> (дата обращения: 16.09.2024)).

Некоторые академические издательства, понимая невозможность абсолютного запрета использования нейросетей в научных работах, уже разрешают своим студентам и научным работникам использовать генеративный ИИ для подготовки рукописей, хоть и с некоторыми ограничениями (Perkins M., Roe J., Vu B. H., Postma D., Hickerson D., McGaughran J., Khuat H. Q. *GenAI Detection Tools, Adversarial Techniques and Implications for Inclusivity in Higher Education* // [Электронный ресурс]: URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2403/2403.19148.pdf> (дата обращения: 28.09.2024)), а также разрабатывают определенные рекомендации по этичному использованию ИИ (Foltynek T., Bjelobaba S., Glendinning I., Khan Z. R., Santos R., Pavletic P., Kravjar J. *ENAI Recommendations on the ethical use of Artificial Intelligence in Education* // [Электронный ресурс]: URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s40979-023-00133-4?trk=public_post_comment-text (дата обращения: 28.09.2024)).

Однако имеются работы, которые утверждают, что если текст на английском языке написан не носителем данного языка, который является для него не родным, это может приводить к ложным выводам об использовании генеративного ИИ для создания текста, вследствие, например, невысокой связности в тексте, простых синтаксических конструкций и т.п. (Liang W., Yuksekgonul M., Mao Y., Wu E., Zou J. *GPT detectors are biased against non-native English writers* // [Электронный ресурс]: URL: [https://www.cell.com/patterns/pdf/S2666-3899\(23\)00130-7.pdf](https://www.cell.com/patterns/pdf/S2666-3899(23)00130-7.pdf) (дата обращения: 28.09.2024)).

Имеют место случаи, когда различным ученым отказывают в публикации научной работы вследствие того, что система «Антиплагиат» высказала подозрение о наличии генеративного контента. Распространение информации об отказе в публикации вследствие использования нейросетей в такой формулировке может существенно затронуть деловую репутацию ученого. Более того, может быть и обратная ситуация, кроме верификаторов текстов, сгенерированных с помощью ИИ, имеются нейросети, которые «очеловечивают» текст, что существенно снижает вероятность установления факта его генерации. Тем не менее вопрос надежности результатов использования различных верификаторов генеративных текстов остается открытым.

Разработчики системы «Антиплагиат» исходят из тезиса о том, что факт генерации текста не может быть достоверно установлен: «Невозможно сказать с вероятностью 100%, что текст писал не человек» (*Памятка по работе с искусственно сгенерированными текстами // [Электронный ресурс]: URL: https://antiplagiat.ru/wp-content/uploads/2023/06/ai_memo_2023.pdf (дата обращения: 16.09.2024)*).

По нашему мнению, разработка методик автороведческой экспертизы в дальнейшем будет основываться на комплексировании компетенций судебного автороведения и судебной компьютерно-технической экспертизы для проверки версии о генерации на основе интерпретации данных методами прикладной, компьютерной и математической лингвистики.

Нейросетевая генерация графических как фото-, так и видеоматериалов технологически организована в пяти магистральных направлениях:

1) генерация фото или видео по запросу (промпту);

2) внутрикадровое редактирование фото или видео на основе автоматизированных алгоритмов (например, Adobe Generative Fill) (*Next-level Generative Fill. Now in Photoshop // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.adobe.com/products/photoshop/generative-fill.html> (дата обращения: 16.09.2024)*), (AI-функции в Adobe Premiere Pro);

3) продолжение видеопотока (продление видеоряда на основе видеофайла-образца);

4) создание видеоряда на основе промпта с графикой (преобразование фото в видеоряд);

5) изменение технических характеристик графики, как правило, масштабирование изображения с целью увеличения разрешения («апскейлинг», от англ. upscaling).

При этом внутрикадровое редактирование включает в себя различные виды изменения признаков внешности запечатленного человека (как в режиме постобработки, так и в режиме обработки видеопотока в режиме онлайн).

По этой причине, по нашим оценкам, развитие методического обеспечения судебных фототехнической, видеотехнической и судебной портретной экспертиз с практической точки зрения представляет собой одно единое направление. Так, например, в современных реалиях крайне сложно представить себе достоверный вывод судебной портретной экспертизы без первичной проверки фото- или видеоизображения на предмет частичной или полной нейросетевой генерации признаков внешности запечатленного на нем лица.

При этом уже на этапе подготовки экспертных кадров возникает очевидная проблема. Напомним, что судебная портретная экспертиза относится к классу так называемых традиционных криминалистических экспертиз, подготовка по которым хоть и распространена в ряде образовательных учреждений, но не сопряжена с достаточным уровнем подготовки по компьютерно-технической экспертизе, которая к этим традиционным криминалистическим не относится.

Например, при исследовании графических дипфейков необходимо осуществлять как визуальный анализ внешнего облика человека с целью установления различных артефактов (с помощью специальных знаний в области портретной экспертизы), так и технический, например, «нейросетевые (BOW; CFFN и CNN; использование матриц различий между соседними кадрами для обнаружения фейков с помощью RNN и LSTM; анализ пространственно-временных особенностей видеопотока с помощью CNN и LSTM)» [14].

Ситуацию подобного рода мы уже встречали ранее с почерковедческой экспертизой на этапе ее развития, сопровождавшемся появлением «роботизированного» воспроизведения почерка и подписей с использованием графопостроителей [15; 16]. Тогда произошло объединение компетенций почерковедческой и технико-криминалистической экспертиз. Очевидно, что сейчас аналогичный процесс происходит с фототехнической, видеотехнической и судебной портретной экспертизами.

Первые результаты проведенных нами пилотных экспериментов (на основе выборки более 50 респондентов) показывают, что обыватели, не обладающие специальными знаниями, практически не различают аутентичные и синтезированные фотоматериалы с портретными изображениями.

Отдельные исследователи справедливо подчеркивают, что при изучении дипфейковых видео «выявить их с помощью только знаний и опыта специалиста в области портретных исследований невозможно» [17, с. 15].

Некоторые исследователи в своих работах указывают на опыт исследования дипфейковых видео в рамках портретной и видеотехнической экспертизы: «В Республике Беларусь имеются факты проведения комплексных исследований по изображениям, созданным искусственным интеллектом» [18]. Однако конкретные примеры и алгоритмы решения экспертной задачи пока в литературе не описаны.

На фоне недостаточной разработанности методологии экспертиз, изучающих цифровые графические и видеофайлы, нами отмечается неуклонный рост (поскольку для проведения научных исследований в данной сфере мы на протяжении последних лет отслеживаем их динамику распространения в сети Интернет) количества генерации контента в противоправных целях. Данная тенденция сказывается на характеристике личности типичного правонарушителя. Так, из-за доступности и простоты использования сервисов (когда пользователю предоставляется доступ к уже настроенному интерфейсу с графическим или текстовым интерфейсом без необходимости программирования и настройки параметров нейросети) генеративного синтеза к числу типичных правонарушителей относится все больше неквалифицированных пользователей (не обладающих компьютерно-техническими компетенциями), а также молодых людей (часто получающих доступ к сервисам даже с помощью мобильных устройств — без ограничений, связанных с приобретением компьютерного оборудования).

Так, например, ресурс OnlyFake (*Cox J. Inside the Underground Site Where 'Neural Networks' Churn Out Fake IDs // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.404media.co/inside-the-underground-site-where-ai-neural-networks-churns-out-fake-ids-onlyfake/>* (дата обращения: 28.09.2024)) предоставляет возможность неограниченному кругу лиц создавать фотографии поддельных документов, будь то российский паспорт или водительские права. По мнению экспертов, подобные цифровые фейки станут опасным инструментом, позволяющим злоумышленникам совершать хищения, осуществлять мошеннические действия, легализовать доходы, полученные преступным путем.

Логично предположить, что в правоприменительной практике уже существует запрос на автоматизированные сервисы детекции дипфейков.

Однако для удовлетворения потребностей правоприменительной практики требуется существенное материально-техническое оснащение, которое имеется только у крупных технологических компаний. Так, например, компания Intel сообщила о разработке собственного детектора, сочетающего биометрические и компьютерно-технические компоненты: «Большинство детекторов, основанных на глубоком обучении, изучают необработанные данные, чтобы попытаться найти признаки неаутентичности и определить, что не так с видео. Напротив, FakeCatcher ищет подлинные подсказки в реальных видео, оценивая, что делает нас людьми — тонкий кровоток в пикселях видео <...>. Когда наши сердца перекачивают кровь, наши вены меняют цвет. Эти сигналы кровотока собираются со всего лица, и алгоритмы преобразуют эти сигналы в пространственно-временные карты. Затем, используя глубокое обучение, мы можем мгновенно определить, является ли видео реальным или поддельным» (*Cifici U. A., Demir I., Yin L. FakeCatcher: Detection of Synthetic Portrait Videos using Biological Signals, in IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence // [Электронный ресурс]: URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32750816/>* (дата обращения: 16.03.2024)).

С точки зрения судебно-следственной и экспертной практики вопрос о доступности подобных технологий для целей судопроизводства, открытости и проверяемости их алгоритмов остается пока открытым.

Выводы

Судебно-экспертное противодействие дипфейк-дезинформации является неотъемлемой частью правовых и технологических инструментов, направленных на защиту общества от угроз, связанных с манипуляцией информацией. Тем не менее судебно-экспертное противодействие не всегда может быть эффективным при диагностике дипфейков. Современные способы создания дипфейков значительно затрудняют их детекцию, вследствие чего их подчас невозможно обнаружить имеющимися пока методами судебной экспертизы.

Необходимость создания международных норм и стандартов в области противодействия дипфейкам становится все более актуальной задачей в условиях глобализации информационных потоков и технологий. Важнейшим шагом в этом направлении является подготовка специалистов, обладающих дополнительными компетенциями в области цифровых технологий, что позволит выработать эффективные механизмы судебно-экспертного противодействия, наладить подготовку

экспертных кадров, обладающих достаточным для современных исследований объемом и характером специальных знаний.

Литература

1. *Бодров Н. Ф., Лебедева А. К.* Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 26–41.
2. *Chudinov A. P., Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B.* Linguistic Interpretation of Russian Political Agenda Through Fake, Deepfake, Post-Truth // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 10. Pp. 1840–1853.
3. *Ефимов Е. А., Плотникова Е. В.* Анализ потенциальных рисков потребителей услуг финтех-компаний // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли (Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 г.): в 3 ч. Ч. 2. СПб., 2019. С. 354–356.
4. *Бодров Н. Ф., Лебедева А. К.* Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 28. № 4. С. 42–55.
5. *Громова А. В., Ошукков С. С.* Перспективы криминалистического исследования объектов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта для синтеза устной речи и генерации печатных текстов // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (Москва, 23 октября 2020 г.) / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. М., 2020. С. 236–242.
6. *Кубанов В. В., Дериглазова О. А.* Об использовании фоноскопической экспертизы в раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 3 (59). С. 123–127.
7. *Галышина Е. И.* Нейросети — смерть или новая жизнь судебной экспертизы? // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г.). Н. Новгород, 2024. С. 83–89.
8. *Зубов Г. Н., Зубова П. И.* Фальсификация звуковой информации с использованием технологий искусственного интеллекта. Особенности технического исследования // Вестник криминалистики. 2023. № 3. С. 5–26.
9. *Kheria I., Karani R.* CloneAI: A Deep Learning-Based Approach for Cloned Voice Detection // International Conference on Data Science and Applications. Singapore: Springer Nature Singapore, 2023. С. 267–282.
10. *Fayyad-Kazan H. et al.* Verifying the Audio Evidence to Assist Forensic Investigation // Computer and Information Science. 2021. Т. 14. № 3. С. 1–25.
11. *Borzi S. et al.* Is synthetic voice detection research going into the right direction? // Proceedings of the IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. 2022. С. 71–80.
12. *Бодров Н. Ф., Лебедева А. К.* Дипфейк как объект судебной экспертизы // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г.). Н. Новгород, 2024. С. 42–50.
13. *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. 296 с.
14. *Батоев В. Б.* Исследование возможных способов выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 3. С. 17–23.
15. *Бодров Н. Ф.* Современные возможности распознавания технического воспроизведения подписи // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 368–379.
16. *Бодров Н. Ф., Подволоцкий И. Н.* К вопросу о традиционных и современных способах технической подделки подписей и рукописных записей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 84–89.
17. *Газизов В. А., Подволоцкий И. Н.* Портретная экспертиза XXI века // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 2. С. 13–17.

18. Лужинская Е. Л., Чванкин В. А. Особенности исследования изображений внешнего облика человека, измененного при помощи программных средств // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2 (52). С. 116–121.

19. Большой юридический словарь / ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2003. 703 с.

References

1. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Ponyatie dipfeika v rossiiskom prave, klassifikatsiya dipfeikov i voprosy ikh pravovogo regulirovaniya [The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfakes and issues of their legal regulation]. *Yuridicheskie issledovaniya [Legal studies]*, 2023, no. 11, pp. 26–41. (In Russian, abstract in English)

2. Chudinov A. P., Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B. Linguistic Interpretation of Russian Political Agenda Through Fake, Deepfake, Post-Truth. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 10, pp. 1840–1853. (In English)

3. Efimov E. A., Plotnikova E. V. Analiz potentsial'nykh riskov potrebitelei uslug fintekh-kompanii [Analysis of potential risks of consumers of fintech companies' services]. In *Nedelya nauki SPbPU. Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Institut promyshlennogo menedzhmenta, ekonomiki i trgovli. Sankt-Peterburg, 18–23 noyabrya 2019 g. V 3-kh chastyakh, chast' 2 [Science Week of SPbPU. Proceedings of a scientific conference with international participation. Institute of Industrial Management, Economics and Trade. Saint Petersburg, November 18–23, 2019. In 3 parts, part 2]*. St. Petersburg, 2019, pp. 354–356. (In Russian)

4. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Uголовно-pravovye i kriminalisticheskie aspekty protivodeistviya rasprostraneniyu i ispol'zovaniyu dipfeikov v Rossiiskoi Federatsii [Criminal-legal and forensic aspects of countering the spread and use of deepfakes in the Russian Federation]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra [Forensic science: yesterday, today, tomorrow]*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 42–55. (In Russian, abstract in English)

5. Gromova A. V., Oshkukov S. S. Perspektivy kriminalisticheskogo issledovaniya ob'ektov, sozdannykh s primeneniem tekhnologii iskusstvennogo intellekta dlya sinteza ustnoi rechi i generatsii pechatnykh tekstov [Prospects for forensic examination of objects created using artificial intelligence technologies for the synthesis of oral speech and generation of printed texts]. In *Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostoyanie, tendentsii, perspektivy. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 23 oktyabrya 2020 g. [Strategic development of the Russian Ministry of Internal Affairs system: status, trends, prospects. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 23, 2020]*. Eds. I. G. Chistoborodov, A. L. Sitkovskii, V. O. Lapin. Moscow, 2020, pp. 236–242. (In Russian)

6. Kubanov V. V., Deriglazova O. A. Ob ispol'zovanii fonoskopicheskoi ekspertizy v raskrytii i rassledovanii penitentsiarnykh prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sredstv mobil'noi svyazi [On the use of phonoscopic examination in the detection and investigation of penitentiary crimes committed using mobile communications]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2024, no. 3 (59), pp. 123–127. (In Russian, abstract in English)

7. Galyashina E. I. Neuroseti — smert' ili novaya zhizn' sudebnoi ekspertizy? [Neural networks — death or new life of forensic science?]. In *Natsional'nye i mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy. Sbornik dokladov Nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Nizhnii Novgorod, 22–23 maya 2024 g. [National and international trends and prospects for the development of forensic science. Collection of reports of the Scientific and Practical Conference with international participation. Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024]*. Nizhnii Novgorod, 2024, pp. 83–89. (In Russian)

8. Zubov G. N., Zubova P. I. Fal'sifikatsiya zvukovoi informatsii s ispol'zovaniem tekhnologii iskusstvennogo intellekta. Osobennosti tekhnicheskogo issledovaniya [Falsification of audio information using artificial intelligence technologies. Features of technical research]. *Vestnik kriminalistiki [Bulletin of criminalistics]*, 2023, no. 3, pp. 5–26. (In Russian, abstract in English)

9. Kheria I., Karani R. CloneAI: A Deep Learning-Based Approach for Cloned Voice Detection. *International Conference on Data Science and Applications*. Singapore, Springer Nature Singapore, 2023, pp. 267–282. (In English)

10. Fayyad-Kazan H. et al. Verifying the Audio Evidence to Assist Forensic Investigation. *Computer and Information Science*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 1–25. (In English)

11. Borzi S. et al. Is synthetic voice detection research going into the right direction? [Is synthetic voice detection research going in the right direction?]. In *Proceedings of the IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition*, 2022, pp. 71–80. (In English)
12. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Dipefik kak ob"ekt sudebnoi ekspertizy [Deepfake as an object of forensic examination]. In *Natsional'nye i mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy. Sbornik dokladov Nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Nizhnii Novgorod, 22–23 maya 2024 g.* [National and international trends and prospects for the development of forensic examination. Collection of reports of the Scientific and Practical Conference with international participation, Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024]. Nizhnii Novgorod, 2024, pp. 42–50. (In Russian)
13. Lesnievski-Kostareva T. A. Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti: teoriya i zakonodatel'naya praktika [Differentiation of criminal liability: theory and legislative practice]. Moscow, Norma Publ., 1998. 296 p. (In Russian)
14. Batoev V. B. Issledovanie vozmozhnykh sposobov vyyavleniya priznakov vnutrikadrovogo montazha videoizobrazhenii, vypolnennogo s pomoshch'yu neuronnykh setei [Study of possible methods for identifying signs of intra-frame video editing performed using neural networks]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Forensic science: yesterday, today, tomorrow], 2023, no. 3, pp. 17–23. (In Russian, abstract in English)
15. Bodrov N. F. Sovremennye vozmozhnosti raspoznavaniya tekhnicheskogo vosproizvedeniya podpisi [Modern Possibilities of Recognizing Technical Reproduction of Signatures]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2011, no. 2, pp. 368–379. (In Russian)
16. Bodrov N. F., Podvolotskii I. N. K voprosu o traditsionnykh i sovremennykh sposobakh tekhnicheskoi poddelki podpisei i rukopisnykh zapisei [On the Issue of Traditional and Modern Methods of Technical Forgery of Signatures and Handwritten Notes]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2011, no. 12, pp. 84–89. (In Russian)
17. Gazizov V. A., Podvolotskii I. N. Portretnaya ekspertiza XXI veka [Portrait Expertise of the 21st Century]. *Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya* [Forensic Expertise and Research], 2022, no. 2, pp. 13–17. (In Russian, abstract in English)
18. Luzhinskaya E. L., Chvankin V. A. Osobennosti issledovaniya izobrazhenii vneshnego oblika cheloveka, izmenennogo pri pomoshchi programmnykh sredstv [Features of the study of images of a person's appearance changed using software]. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy* [Issues of criminology, criminalistics and forensic examination], 2022, no. 2 (52), pp. 116–121. (In Russian, abstract in English)
19. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [The Great Law Dictionary]. Eds. A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh, A. Ya. Sukhareva. Moscow, Infra-M Publ., 2003. 703 p. (In Russian)

НАЗНАЧЕНИЕ И ОЦЕНКА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОСЕТЕЙ

Чернышев Кирилл Александрович

***Цель:** статья посвящена вопросам автоматизации процессов назначения судебных экспертиз и оценки заключений экспертов с помощью искусственных нейронных сетей. Для целей оказания содействия судам и правоохранительным органам в принятии решений при назначении экспертиз нами разработан включающий семь этапов алгоритм, состоящий из продукционных правил, связанных между собой причинно-следственной связью. По результатам выводные данные из каждого слота переносятся в процессуальный документ о назначении экспертизы, что позволяет говорить об автоматизации их назначения.*

***Методология:** научную основу предложенного алгоритма составляют положения научных теорий нейронных сетей, судебной экспертологии и действующее законодательство. В рамках исследования проведен научный эксперимент по применению искусственных нейронных сетей в деятельности по назначению судебных экспертиз.*

***Выводы.** Автор приходит к выводу о возможности автоматизации процессов назначения и оценки судебных экспертиз с использованием нейросетей. Для решения первой задачи предложен пошаговый алгоритм действий. Предлагается автоматизировать первый этап оценки судебных экспертиз, связанный с проверкой соблюдения требований закона при ее назначении и производстве, так как такая проверка в большей мере основана на процессуальных закономерностях и материалах уголовного дела.*

***Научная и практическая значимость.** Автором отмечается возможность применения единых нейросетевых архитектур и обучающих данных для решения задач назначения и оценки экспертиз, что позволяет говорить о возможности создания комплекса автоматизированного назначения и оценки экспертиз (КАНОЭ), который может быть интегрирован с другим аппаратно-программным оборудованием для организационного обеспечения судебно-следственной деятельности.*

***Ключевые слова:** нейронные сети, заключение эксперта, назначение экспертизы, оценка заключения, искусственный интеллект, автоматизация, судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, доказывание, эксперт.*

Нейросети прочно внедряются во все сферы жизнедеятельности. Исключением не является и судебная экспертиза. В настоящее время написано достаточно публикаций о применении нейросетей в судопроизводстве в качестве помощника судьи, в криминалистике для расследования преступлений, в судебно-экспертных исследованиях в виде вспомогательного инструментария. Но, как известно, производство судебной экспертизы — сложное процессуальное действие, состоящее из трех этапов: назначения экспертизы, ее производства и оценки заключения эксперта. Не ума-

ляя важности применения новых нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз, мы полагаем, что остальные этапы — назначение и оценка — необоснованно остаются в стороне. Между тем нейросети могут стать неплохим подспорьем для правоприменителей, испытывающих трудности при назначении судебных экспертиз и их последующей оценке. Рассмотрим данные процессы более подробно.

Назначение экспертизы. В качестве одного из направлений применения математических методов и ЭВМ в судебной экспертизе является раз-

работка программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач, включающих автоматизацию не только трудоемких расчетов, но и подготовки самого экспертного заключения. Еще в 1990 г. Е. Р. Россинской был разработан программный модуль «АТЭКС», который был способен автоматизировать процесс производства некоторых инженерно-технических экспертиз вплоть до автоматизированного составления экспертного заключения [1, с. 39]. Взяв за основу данную идею, мы предлагаем автоматизировать процесс назначения судебных экспертиз, но вместо программного модуля будут использоваться искусственные нейронные сети. Под нейросетями в судебной экспертологии мы понимаем основанные на технологии искусственного интеллекта математические модели, обученные принимать автономные решения на основе соответствующих данных и применяемые при назначении, производстве и оценке судебных экспертиз.

Разбив процесс назначения судебной экспертизы на этапы, искусственная нейронная сеть будет пошагово представлять ответы на вопросы, возникающие у следователей и судов при ее назначении, что завершается автоматизированным полностью или в части составлением процессуального документа о назначении судебной экспертизы. Такая автоматизация данного процесса решает сразу несколько задач: сокращение временных затрат на реализацию данного следственного действия, совершенствование и единообразие судебной и следственной практики, когда некие судебно-физические и судебно-химические экспертизы перестанут назначаться, и, самое главное, минимизация и искоренение некоторых субъективных ошибок, допускаемых на стадии назначения экспертизы и влияющих на судебно-экспертную деятельность. На этот счет верно пишет Н. С. Неретина, что «рассматривая процесс назначения судебных экспертиз и процесс ее производства, можем заметить следующее: экспертные ошибки нельзя рассматривать в отрыве от следственных и судебных, поскольку они часто взаимосвязаны между собой: следственные влекут за собой экспертные, и наоборот» [2, с. 148]. О. Г. Дьяконова справедливо отмечает, что «неверное наименование экспертизы влечет за собой другие ошибки или преднамеренное поведение вопреки закону. В первую очередь экспертиза может быть назначена в судебно-экспертное учреждение, не имеющее право на ее производство. Кроме того, неверное определение вида (рода) экспертизы в совокупности с недостаточным опытом и уровнем специальных знаний у эксперта приводит к ошибочному

выбору методов или методики экспертного исследования, игнорированию утвержденной (например, ведомственной) методики» [3, с. 56].

В основе предлагаемого нами нейросетевого алгоритма лежат научные положения из теории нейросетей и кибернетики. «При конструировании баз знаний экспертных систем наиболее часто используются системы продукционных правил. Продукционными называют правила «условие-действие». В простейшем случае продукционное правило имеет вид: Если А, то В, где А — посылка правила (антецедент), а В — заключение правила (консеквент). Антецедент представляет собой образец, предназначенный для распознавания ситуации, при которой правило срабатывает. Консеквент состоит из действия, которое должно в этом случае выполняться» [4, с. 25].

Мы полагаем, что процесс назначения судебной экспертизы может быть выражен в форме таких продукционных правил. Однако вместо экспертных систем, которые предлагает использовать М. В. Бураков, мы поручим эту задачу искусственным нейронным сетям.

Для данных целей предлагается два способа представления знаний — с помощью фреймов или семантических сетей. Фрейм (от англ. *frame* — рамка, скелет) — это структура, описывающая некоторое понятие или ситуацию и состоящая из характеристик этой ситуации — слотов (от англ. *slot* — прорезь, щель), заполненных конкретными значениями или процедурами, с помощью которых эти значения могут быть получены. Системы фреймов дают возможность наследовать определенные атрибуты иерархической системы объектов. Например, фрейм «автомобиль» может иметь слоты «цвет», «марка», «скорость», «номер» и т.д., а фрейм «транспортные средства» может включать в качестве слота «автомобиль». Семантические сети призваны отражать совокупность объектов предметной области и связей между ними. Графически объекты и их свойства можно представить узлами сети, а отношения между ними — направленными дугами. Например, узел сети «автомобиль» может быть связан с узлом «транспортное средство» дугой «являться», а с узлом «красный цвет» — дугой «имеет» [4, с. 26].

Из двух предложенных способов представления знаний полагаем целесообразным остановиться на фреймах. Фрейм «назначение судебной экспертизы» имеет следующие слоты: «решение о необходимости производства экспертизы», «форма процессуального документа о назначении экспертизы», «характер экспертизы», «род (рода) экспертизы», «государственная экспертная орга-

низация, которой будет поручено производство экспертизы», «перечень вопросов, выносимых на разрешение эксперта», «перечень объектов, направляемых эксперту». Каждый из этих слотов может быть разбит на подслоты. Например, слот «решение о необходимости производства экспертизы» включает себя слоты «есть необходимость в производстве судебной экспертизы» или «нет необходимости в производстве судебной экспертизы». Слот «род экспертизы» состоит из подслота, наименование которого соответствует роду экспертизы: «судебная бухгалтерская экспертиза», «судебная почерковедческая экспертиза» и т.д.

При этом при использовании такой схемы нужно реализовывать механизм вывода заключения на основании цепочки правил, когда заключение одного правила становится посылкой другого правила [4, с. 44]. В предлагаемом нами алгоритме данное требование соблюдается, мы увидим, что каждое заключение становится посылкой для последующего правила.

Для разработки автоматизированной процедуры назначения судебных экспертиз по уголовным делам нельзя не опираться на действующее правовое регулирование в данной сфере: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — УПК РФ). В процессуальном законодательстве данному действию посвящена ст. 195 УПК РФ. Следует обратить особое внимание на ч. 1 и 2 названной статьи, поскольку в них наиболее полно отражен логико-мыслительный процесс правоприменителя при назначении судебной экспертизы. Однако перед определением перечня сведений, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 195 УПК, необходимо принять решение о том, есть ли необходимость в назначении и последующем производстве судебной экспертизы.

Для целей обучения нейросетей оказывать содействие в назначении судебных экспертиз и корректного установления условия А1 нам представляется целесообразным выделить 3 группы обстоятельств, при наличии которых назначается судебная экспертиза:

1) Обязательное назначение судебной экспертизы. В данную группу входит перечень судебно-следственных ситуаций, когда судебная экспертиза назначается при обстоятельствах, предусмотренных ст. 196 УПК РФ. То есть судебная экспертиза должна быть назначена в силу прямого указания закона, независимо от воли правоприменителя и иных участников уголовного процесса.

2) Условно-обязательное назначение судебной экспертизы. Данным пунктом охвачены все слу-

чай, когда назначение экспертизы прямо не предусмотрено законом, но является обязательным. Указание на обязанность провести по уголовному делу судебную экспертизу может быть продиктовано тремя факторами: 2.1) специальным составом преступления, для расследования которого очевидно требуется помощь сведущих лиц (например, по преступлению, предусмотренному ст. 254 УК РФ «Порча земли», требуется заключение судебной почвоведческой экспертизы), 2.2) судебной практикой (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 11.10.2024) в необходимых случаях предписывает назначать лингвистическую экспертизу; обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (п. 1 Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (дата обращения: 11.10.2024)), предписывает судам получать заключение эксперта либо специалиста, 2.3) криминалистической методикой расследования конкретных преступлений (по делам о расследовании изнасилований (ст. 131 УК РФ) необходима судебно-медицинская экспертиза потерпевшей).

3) Правораспорядительное назначение судебной экспертизы. По остаточному принципу здесь сгруппированы все остальные случаи, когда следователь, суд, мировой судья принимают решение (распоряжаются своим правом) о производстве судебной экспертизы, в том числе дополнительной или повторной. Предупреждая критику нашей классификации тезисом о том, что основания для назначения повторных и дополнительных экспертиз также строго регламентированы законом (ст. 207 УПК РФ), в связи с чем по нашей классификации их следует отнести к обязательным, мы отметим, что наличие недостаточной ясности или противоречий в выводах эксперта определяет само лицо, назначившее первичную (основную) экспертизу, из чего следует, что в корне принятия решения о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы все-таки лежит его усмотрение, а не продиктованная законом обязанность.

Таблица 1

Алгоритм назначения судебной экспертизы

Этап	Значение переменных группы А	Значение переменных группы В	Схематичная формула принятия промежуточного решения
1	А1 — определенная следственно-криминалистическая ситуация по уголовному делу с учетом фактических данных, подлежащих установлению, задач и потенциальных объектов судебной экспертизы	В1 — решение о необходимости производства экспертизы и ее назначения правоприменителем X	Если А1, то В1
2	А2 = В1 с учетом X	В2 — форма процессуального документа о назначении экспертизы	Если А2(X), то В2
3	А3 = В2	В3 — характер экспертизы	Если А3, то В3
4	А4 = В3	В4 — род (рода) экспертизы	Если А4, то В4
5	А5 = В4	В5 — государственное экспертное учреждение, которому будет поручено производство экспертизы	Если А5, то В5
6	А5 = В4	В6 — перечень вопросов, выносимых на разрешение эксперта	Если А5 то В6
7	А7 = В6	В7 — перечень объектов, направляемых эксперту	Если А7 то В7

В табл. 1 приведен алгоритм назначения судебной экспертизы, состоящий из 7 этапов. В столбцах 2 и 3 приведены значения переменных А и В для соответствующего этапа, в последнем столбце схематично изображена его формула.

Дадим некоторые пояснения по предложенному алгоритму в общем и отдельным его пунктам в частности.

Процесс взаимодействия между правоприменителем (пользователем) и машиной представляет собой диалоговую форму общения, где пользователь на каждом этапе вводит соответствующие данные (формирует запрос) и получает ответы от нейросети, которые заносятся в соответствующий каждому этапу слот. Весь процесс назначения экспертизы разделен нами на 7 этапов, на каждом из которых переменная А связана с соответствующей переменной В причинно-следственной связью. При этом каждое принятое промежуточное решение является предпосылкой и обоснованием для принятия следующего промежуточного решения (В1 для А2, В2 для А3, В6 для А7 и так далее). Единственным исключением является второй этап, где вводные данные для правильного принятия решения о форме процессуального документа (В2) должны быть введены еще на первом этапе А1, для чего нами принято решение ввести переменную X, где под X понимается следователь (дознатель) или суд (судья), принимающие решение о назначении судебной экспертизы.

Этап 1. На первом этапе правоприменителю надлежит принять ключевое промежуточное решение о том, есть ли необходимость в назначении и производстве судебной экспертизы. Как правило, следователь или суд располагает вещественными доказательствами, которые потенциально могут стать объектами судебной экспертизы, испытывает трудности в определении некоторых фактических данных, имеющих значение для расследования уголовного дела, при этом осознавая задачи, которые необходимо решить при исследовании этих объектов. Эти сведения, в совокупности со сложившейся по уголовному делу следственно-криминалистической ситуацией, о видах которой мы писали чуть выше, представляются нейросети как вводные данные для принятия решения о назначении либо неназначении судебной экспертизы и образуют сведения, именуемые нами переменной А1. Если описанная пользователем ситуация подпадает под обязательное или условно-обязательное назначение экспертизы, нейросеть рекомендует назначить экспертизу. В третьем, правораспорядительном случае ответ нейросети может быть как положительный, так и отрицательный. При принятии положительного решения алгоритм переходит к следующему этапу, при отрицательном решении взаимодействие с правоприменителем прекращается. В качестве оснований для назначения судебной экспертизы (п. 1 ч. 1 ст. 195 УПК РФ) нейросеть указывает сведения, содержащиеся в постановлении следо-

вателя о возбуждении уголовного дела, так как это один из самых первых процессуальных документов, составленный еще до возникновения потенциального обвинительного уклона, что не позволит оказать давление на эксперта при прочтении постановления о назначении экспертизы. Так как назначение судебных экспертиз возможно и до возбуждения уголовных дел, все вышесказанное актуально и для последственных проверок.

Этап 2. Поскольку уголовный процесс — единственный из шести видов судопроизводства, включая производство по делам об административных правонарушениях, где для назначения судебной экспертизы предусмотрено сразу две формы процессуального документа — постановление и определение, то во избежание негативно-правовых последствий установление правильной формы данного процессуального акта приобретает существенное значение. В этой связи во вводных данных (A1) необходимо указывать должность правоприменителя, обратившегося за помощью к нейросетям. Если таковым выступает следователь либо дознаватель, то нейросеть рекомендует вынести постановление, если же к ней обратился представитель судебной власти — определение. Выделение названного этапа обусловлено тем, что в основе названной публикации заложена идея о создании единого межведомственного Комплекса по Автоматизированному Назначению и Оценке Экспертиз (КАНОЭ), доступ к которому будут иметь сотрудники разных ведомств. Если же предложенные идеи будут реализованы только для судей или только для следственных органов, то в установлении процессуальной формы документа исходя из должности правоприменителя нет необходимости.

Этап 3. Приняв решение о необходимости производства экспертизы и форме процессуального документа, правоприменитель, учитывая имеющиеся у него потенциальные объекты для исследования, задачи, которые необходимо решить и фактические обстоятельства, подлежащие установлению, при помощи нейросетей определяет характер будущей судебной экспертизы. Особого внимания здесь заслуживают комплексные экспертизы, поскольку ее комплексный характер означает применение специальных знаний из нескольких областей, что отражается на ее родовом (видовом) наименовании, которое вносится в «шапку» процессуального документа о назначении экспертизы. Оговоримся, что назначение повторных, дополнительных и комиссионных экспертиз вызывает дополнительные трудности на практике, поэтому мы, делая первый шаг в автоматизации процесса назначения экспертиз, рас-

считываем на применение нашего алгоритма лишь к основным единоличным экспертизам, которые назначаются впервые, а также к комплексным.

Этап 4. Как было продемонстрировано в пояснениях к первому этапу, следователю изначально известны будущие предмет, объект, задачи судебной экспертизы. Исходя из этого нейросеть определяет ее род, то есть в основу алгоритма заложена классификация судебных экспертиз по классам, родам, видам, предложенная еще А. Р. Шляховым, в основе которой лежит их деление на основе предмета, объектов, задач. В целом данный этап не нуждается в пояснениях, отметим лишь то, что он направлен на унификацию судебно-следственной практики и искоренение ошибок, выраженных в неправильном определении рода, таких как назначение «физико-химической экспертизы».

Этап 5. На данном этапе нейросеть рекомендует государственные судебно-экспертные организации, которым исходя из их специализации может быть поручено производство экспертизы (п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ). Для этого искусственный интеллект должен быть соединен с базой данных, содержащей все ведомственные приказы государственных органов России, в которых нормативно закреплен перечень проводимых экспертиз в организациях конкретного ведомства (*например, приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27.09.2023) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 11.10.2024)*). Нами осознано сделан выбор лишь государственных судебно-экспертных организаций, поскольку какой-либо единой базы данных частных судебно-экспертных организаций, а тем более частных экспертов не имеется, поэтому нейросети неоткуда брать достоверную информацию об их деятельности. Немаловажную роль играет вопрос проверки компетенции частной организации или частного эксперта, которые должны учитываться при выборе исполнителя экспертизы, в то время как у государственных экспертов предполагается наличие допуска к производству экспертизы, проводимой в государственном учреждении, в котором он работает.

Этап 6. На предпоследнем этапе решается задача постановки эксперту вопросов (п. 3 ч. 1 ст. 195 УПК РФ). Рекомендации по данному аспекту содержатся как в научной литературе (типичные вопросы для конкретных родов экспертиз), так и в судебной практике (запрет на постановку правовых вопро-

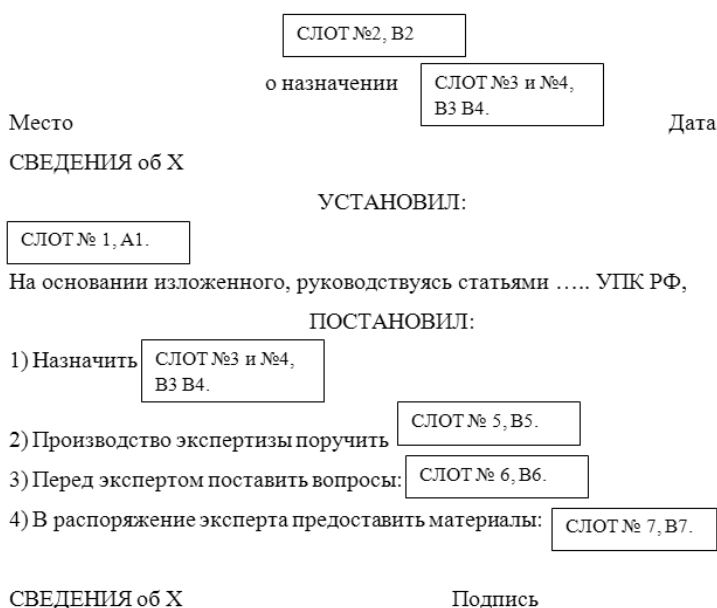
сов в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации). Для оказания помощи на данном этапе нейросеть с учетом данных, полученных на предыдущих этапах, и предмета, объектов, задач назначаемой экспертизы рекомендует вопросы, которые следует поставить перед экспертом в рамках конкретного исследования.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что переменная B6 так же, как и на прошлом этапе, выводится из сведений о роде назначенной экспертизы (A5), что является исключением из правила, когда ответ на запрос зависит от данных на предыдущем этапе, поэтому коэффициент A6 в алгоритме не используется.

Этап 7. Завершается взаимодействие нейросети и человека указанием перечня объектов (в широком смысле этого слова), которые необходимо предоставить эксперту для производства экспертизы (п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ). Мы полагаем, что нейросеть независимо от обстоятельств уголовного дела и назначаемой экспертизы в любом случае должна рекомендовать предоставить в распоряжение эксперта как минимум два объекта: 1) постановление о назначении судебной экспертизы; 2) объекты (вещественные доказательства), указанные правоприменителем в качестве объектов экспертизы при обращении к нейросети (сведения A1). Предоставление иных объектов, имеющих значение для производства полного и всестороннего экспертного исследования, варьируется в зависимости от особенностей уголовного дела и назначаемой судебной экспертизы. На наш взгляд, эксперту необходимы те материалы дела, которые

содержат любые сведения об исследуемых объектах, в том числе об их условиях приобретения, хранения, использования. К ним относятся: протоколы осмотра места происшествия, протоколы обыска и выемки, показания свидетелей, предшествующие экспертизе заключения специалиста и т.п. Поскольку в качестве обучения нейронных сетей для решения задачи назначения судебных экспертиз нами предполагается использовать в качестве обучающих данных материалы оцифрованных уголовных дел, то для оказания содействия на данном этапе нейросеть путем анализа данных уголовного дела будет выявлять все процессуальные документы, содержащие сведения об объектах назначаемой судебной экспертизы, и рекомендовать предоставить их в распоряжение эксперта, что позволит правоприменителю сэкономить время на поиске документов, имеющих отношение к судебной экспертизе.

После завершения седьмого этапа выводные данные (B1–B7), содержащиеся в соответствующих слотах, применяются нейросетью для автоматизированного составления процессуального документа о назначении судебной экспертизы. Для этой цели, мы полагаем, нейросеть должна быть интегрирована в соответствующее аппаратно-программное оборудование, выполняющее функцию составления и печати документов. Данные из слотов B1–B7 автоматически переносятся в соответствующие места шаблона процессуального документа, после чего пользователь может собственноручно внести в него коррективы или отправить на печать (рис. 1).

СЛОТ №2, B2

о назначении

СЛОТ №3 и №4, B3 B4.

Место

Дата

СВЕДЕНИЯ об X

УСТАНОВИЛ:

СЛОТ № 1, A1.

На основании изложенного, руководствуясь статьями УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1) Назначить СЛОТ №3 и №4, B3 B4.

2) Производство экспертизы поручить СЛОТ № 5, B5.

3) Перед экспертом поставить вопросы: СЛОТ № 6, B6.

4) В распоряжение эксперта предоставить материалы: СЛОТ № 7, B7.

СВЕДЕНИЯ об X

Подпись

Рис. 1. Шаблон процессуального документа о назначении судебной экспертизы со слотами для автоматизированного заполнения

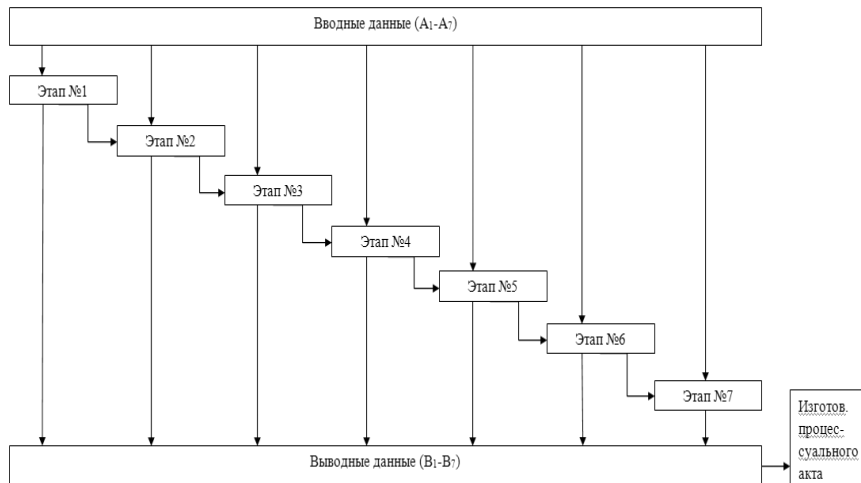

Рис. 2. Общий вид механизма работы нейросетевого алгоритма по автоматизированному назначению судебной экспертизы

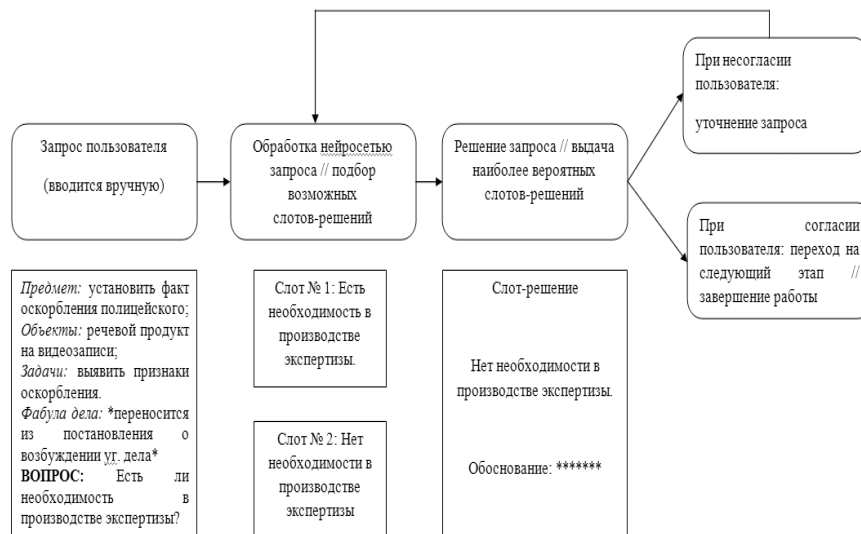

Рис. 3.1. Примерный интерфейс и механизм работы нейросетей на отдельных этапах (решение промежуточной задачи на этапе № 1)

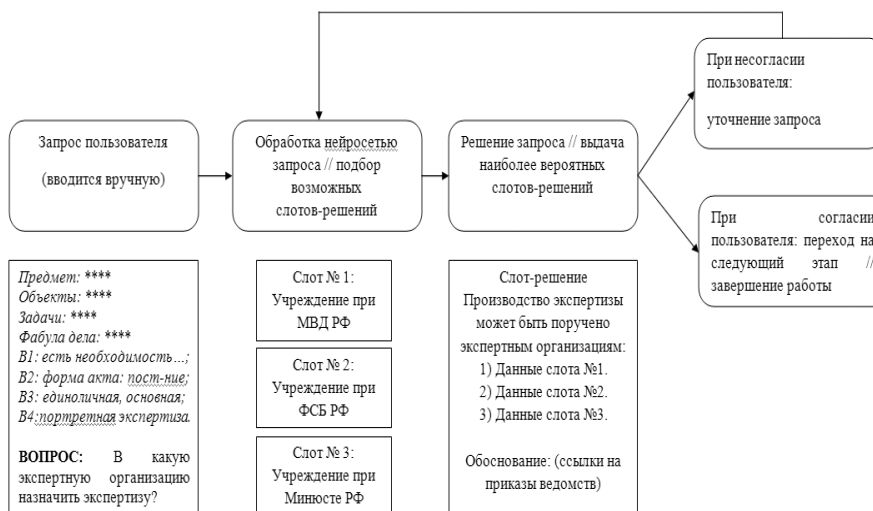

Рис. 3.2. Примерный интерфейс и механизм работы нейросетей на отдельных этапах (решение промежуточной задачи на этапе № 5 – выбор организации)

Следует обратить внимание, что с помощью нейросети можно пройти весь путь назначения судебной экспертизы либо же каждый этап можно решить автономно. Например, следователю нужна помощь только в выборе судебно-экспертной организации, которой может быть поручено производство экспертизы (этап № 5). Для этого он вручную вводит запрос, указывая в качестве вводных данных сведения А1–В4, нейросеть решает поставленную задачу (выводные данные В5), после чего пользователь может перейти к следующим этапам либо завершить работу (см. рис. 2, 3.1, 3.2)). Как видно, нейросеть, по сути, выступает в качестве специалиста, оказывающего помощь при

назначении судебной экспертизы, что не мешает правоприменителю к нему обращаться при возникновении трудностей или неудовлетворении работой искусственного интеллекта.

Для проверки пригодности нейросетей оказывать поддержку в принятии решений при назначении судебных экспертиз нами был проведен научный эксперимент (см. табл. 2), суть которого заключалась в том, что мы задали 5 вопросов двум различным нейросетям касательно обозначенных нами 7 этапов назначения судебной экспертизы. Отметим, что эти нейросети являются бесплатными и общедоступными, никакого предварительного обучения для решения этих задач не проводилось.

Таблица 2

Результаты эксперимента по применению искусственных нейронных сетей для назначения судебных экспертиз

Запрос пользователя	Ответы нейросети YandexGPT 3 ya.ru>ai/gpt-3 (дата обращения: 24.09.2024)	Ответы нейросети «ChatGPT на русском» https://trychatgpt.ru/ (дата обращения: 24.09.2024)
1. Нужно ли следователю назначать судебную экспертизу при расследовании убийства?	<p>При расследовании убийства следователь может назначить судебную экспертизу, если это необходимо для установления обстоятельств произошедшего. Решение о назначении судебной экспертизы принимается следователем самостоятельно исходя из конкретной ситуации и материалов дела.</p> <p>Судебная экспертиза может помочь установить причины смерти, характер повреждений на теле жертвы, орудие преступления и другие важные обстоятельства. Однако решение о необходимости назначения судебной экспертизы принимает следователь, основываясь на материалах дела и своих профессиональных знаниях.</p> <p>Если у вас есть дополнительные вопросы по этой теме, вы можете обратиться к юристу или специалисту в области уголовного права</p>	<p>Да, следователю часто требуется назначить судебную экспертизу при расследовании убийства. Судебная экспертиза может предоставить важные доказательства, такие как анализ улик, определение причины смерти, исследование оружия, а также проведение ДНК-тестов и других лабораторных исследований. Эти данные могут существенно помочь в установлении обстоятельств преступления, идентификации подозреваемых и сборе доказательственной базы для суда.</p> <p>Решение о назначении экспертизы зависит от конкретных обстоятельств дела и имеющихся улик</p>
2. Какие материалы уголовного дела следует передать в распоряжение эксперта для установления обстоятельств ДТП?	<p>Для установления обстоятельств ДТП в распоряжение эксперта следует передать следующие материалы уголовного дела:</p> <ul style="list-style-type: none"> * постановление о назначении судебной экспертизы по делу; * протоколы осмотра места происшествия, транспортного средства и предметов, которые имеют отношение к происшествию; * схемы и планы места ДТП; * протокол следственного эксперимента (если он проводился); * показания участников и очевидцев ДТП, а также потерпевших; * заключения судебно-медицинской экспертизы в случае причинения вреда здоровью участникам ДТП. 	<p>При проведении судебной экспертизы в рамках уголовного дела по ДТП следователю следует передать эксперту ряд материалов, которые помогут установить обстоятельства произошедшего. К таким материалам могут относиться:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Протокол осмотра места происшествия — описывает обстановку на месте ДТП, расположение транспортных средств, следы и улики. 2. Схемы ДТП — могут содержать графическую информацию о том, как произошло происшествие. 3. Заключения свидетелей — показания людей, находившихся на месте аварии, которые могут дать важную информацию о произошедшем.

Продолжение табл. 2

Запрос пользователя	Ответы нейросети YandexGPT 3 ya.ru/ai/gpt-3 (дата обращения: 24.09.2024)	Ответы нейросети «ChatGPT на русском» https://trychatgpt.ru/ (дата обращения: 24.09.2024)
	<p>Также эксперту могут понадобиться и другие материалы дела, например, результаты автотехнической экспертизы или фотографии с места аварии. Точный перечень материалов определяет следователь, который ведет дело</p>	<p>4. Технические характеристики транспортных средств — данные о транспортных средствах участников ДТП, включая их состояние, тормозные системы и другие технические параметры.</p> <p>5. Фотографии с места происшествия — визуальный материал, который может помочь эксперту в анализе ситуации.</p> <p>6. Записи с видеорекамер — если такие есть, записи могут показать момент ДТП или предшествующие ему обстоятельства.</p> <p>7. Медицинские заключения — если есть пострадавшие, важно знать их состояние и характер травм.</p> <p>8. Заключения экспертов по техническим навыкам (например, автотехнические экспертизы) — для анализа механизмов и причин столкновения.</p> <p>9. Данные о дорожных условиях — информация о состоянии дороги, погодных условиях и знаках дорожного движения в момент ДТП.</p> <p>10. Другие документы и материалы, относящиеся к делу — в зависимости от конкретных обстоятельств могут понадобиться дополнительные материалы (например, данные о предыдущих авариях или правонарушениях со стороны водителей).</p> <p>Передача всех этих материалов позволит эксперту более точно установить обстоятельства ДТП, определить причины и возможные виновные стороны</p>
<p>3. Как задать вопрос эксперту-почерковеду, чтобы понять, написано ли завещание гражданкой Ивановой К. М.?</p>	<p>Для того чтобы определить, написано ли завещание гражданкой Ивановой К. М., можно задать эксперту-почерковеду следующие вопросы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Принадлежит ли почерк, которым написано завещание, гражданке Ивановой К. М.? 2. В каких условиях было написано завещание (обычная обстановка или необычные условия)? 3. Не было ли у гражданки Ивановой К. М. в момент написания завещания каких-либо физических или психических заболеваний, которые могли повлиять на ее почерк? 4. Нет ли в завещании признаков подделки почерка или его имитации? 5. Есть ли основания полагать, что завещание было написано под давлением или угрозой насилия? <p>Вопросы могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств дела. Важно предоставить эксперту все необходимые материалы для проведения исследования</p>	<p>Чтобы задать вопрос эксперту-почерковеду и получить четкий и обоснованный ответ о том, было ли завещание написано гражданкой Ивановой К. М., следует сформулировать вопрос так, чтобы он был максимально конкретным и ясным. Вот примерный вариант такого вопроса:</p> <p>Уважаемый эксперт, на основании предоставленных вами материалов и образцов почерка, может ли Ваше заключение подтвердить или опровергнуть, что завещание (дата, номер дела или другая идентификация завещания) было написано гражданкой Ивановой К. М.? Пожалуйста, укажите свои выводы, основанные на анализе характерных признаков почерка, таких как наклон, размер, стиль написания и любые другие особенности, которые могут свидетельствовать о принадлежности текста указанной гражданке.</p> <p>Дополнительно можно добавить:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Пожалуйста, укажите, каким образом вы проводили анализ и какие конкретные критерии использовали для сравнения. — Существует ли вероятность, что почерк мог измениться со временем или в результате воздействия внешних факторов? <p>Такой подход позволит эксперту понять, на какой именно аспект анализа нужно обратить внимание, и обеспечит более полное и обоснованное заключение</p>

Продолжение табл. 2

Запрос пользователя	Ответы нейросети YandexGPT 3 ya.ru/ai/gpt-3 (дата обращения: 24.09.2024)	Ответы нейросети «ChatGPT на русском» https://trychatgpt.ru/ (дата обращения: 24.09.2024)
4. Какую экспертизу следует назначить, чтобы одновременно определить давность изготовления документа и подлинность подписи?	<p>Для одновременного определения давности изготовления документа и подлинности подписи можно назначить комплексную экспертизу, которая будет включать в себя технико-криминалистическую экспертизу документов и почерковедческую экспертизу.</p> <p>Технико-криминалистическая экспертиза документов позволит установить способ изготовления документа (рукописный, полиграфический, машинописный), а также определить изменения, внесенные в документ после его первоначального составления (подчистки, дописки, травление). Кроме того, эта экспертиза поможет установить давность изготовления документа.</p>	<p>Для одновременного определения давности изготовления документа и подлинности подписи следует назначить комплексную судебно-графическую и судебно-техническую экспертизу. Эта экспертиза позволит исследовать как сам документ (его материалы, технологии изготовления и возможные признаки подделки), так и подпись (ее подлинность и индивидуальные особенности почерка).</p> <p>В ходе такой экспертизы исследуются следующие аспекты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Технические характеристики документа — могут быть исследованы тип бумаги, вид чернил, используемые при написании и принтере, а также способы печати. Это позволит определить, в какой период мог быть изготовлен документ.
	<p>Почерковедческая экспертиза позволит определить, кем выполнена подпись на документе — конкретным лицом или другим человеком. Также она может помочь установить условия выполнения подписи (обычная обстановка или необычные условия) и состояние исполнителя (болезнь, алкогольное или наркотическое опьянение)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 2. Подпись — эксперт проанализирует подпись на предмет соответствия образцам почерка лица, которое, по вашему мнению, подписало документ. Эксперт может исследовать наклон, давление, размер и другие индивидуальные признаки. 3. Давность документов — для определения времени создания документа можно использовать физико-химические методы анализа, например, определение уровня старения бумаги или компонентов чернил (если они были использованы). <p>Таким образом, назначив комплексную экспертизу, вы получите исчерпывающую информацию об особенностях документа и подписи, а также о времени их изготовления</p>
5. Какие судебно-экспертные организации в России могут провести судебную баллистическую экспертизу?	<p>В России существует множество судебно-экспертных организаций, которые могут провести судебную баллистическую экспертизу. Вот некоторые из них:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Экспертно-криминалистический центр МВД России и его региональные подразделения. 2. Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. 3. Судебно-экспертные учреждения Министерства обороны Российской Федерации (например, 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз). 4. Частные экспертные организации, имеющие лицензию на проведение судебных экспертиз. <p>Для проведения судебной баллистической экспертизы можно обратиться в любую из этих организаций или выбрать эксперта, имеющего соответствующую квалификацию и опыт работы</p>	<p>В России судебную баллистическую экспертизу могут проводить различные судебно-экспертные организации, как государственные, так и частные. Вот несколько наиболее известных из них:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Главный судебно-экспертный центр Министерства юстиции Российской Федерации — это одна из основных государственных организаций, которая занимается проведением различных видов судебных экспертиз, включая баллистическую. 2. Судебно-экспертные подразделения МВД России — в структуре МВД существуют специализированные учреждения, например, криминалистические экспертизы, которые также проводят баллистическую экспертизу. 3. Экспертные подразделения Следственного комитета России — эти организации участвуют в расследовании уголовных дел и имеют свои собственные экспертов, которые также могут проводить баллистические экспертизы. 4. Научно-исследовательские институты и университеты — некоторые учебные заведения и научные учреждения, такие как НИИ криминалистики и судебной экспертизы, могут проводить судебные экспертизы, включая баллистические.

Окончание табл. 2

Запрос пользователя	Ответы нейросети YandexGPT 3 ya.ru/ai/gpt-3 (дата обращения: 24.09.2024)	Ответы нейросети «ChatGPT на русском» https://trychatgpt.ru/ (дата обращения: 24.09.2024)
		<p>5. Частные судебно-экспертные организации — такие компании могут также оказывать услуги по проведению судебных экспертиз, включая баллистические. Например, это могут быть независимые эксперты, имеющие лицензии на проведение судебных экспертиз.</p> <p>При выборе организации для проведения экспертизы важно убедиться в ее квалификации и наличии аккредитации</p>

Оценив результаты эксперимента, мы можем констатировать, что на текущий момент даже специально не обученные нейросети могут решать поставленные в области назначения экспертиз задачи. Относительно неплохо обе нейросети ответили на вопрос 2, указав обширный перечень материалов, которые следует предоставить в распоряжение эксперта, однако никакой из них нельзя признать достаточным. YandexGPT 3 дал верный ответ на вопрос 3, где требовалась сформулировать вопрос эксперту. Кроме того, ответ нейросети содержал ряд дополнительных вопросов, способствующих решению поставленной задачи. Безошибочно нейросеть YandexGPT 3 справилась с определением характера экспертизы. Указано не только на ее комплексность, но и верно определены ее рода!

Нельзя не отметить неточности и грубых ошибок искусственного интеллекта при ответе на наши вопросы. Так, ответ на вопрос 1 двух нейросетей представляется нам довольно расплывчатым, содержащим общие рассуждения. Хотя вторая нейросеть «ChatGPT на русском» дала формально положительный ответ о необходимости назначить судебную экспертизу, не ясно, чем он был мотивирован. Ответы на вопросы 3 и 4 от «ChatGPT на русском» можно считать неудовлетворительными. Обе нейросети допустили ошибку, посчитав, что судебную баллистическую экспертизу допустимо назначить частно-экспертной организации. Из этого явно следует, что при ответах нейросети не учитывают положения российского законодательства.

По итогам эксперимента следует констатировать, что искусственные нейросети имеют большой потенциал в оказании содействия при назначении экспертиз, если даже специально не обученные этому нейросети способны правильно решать некоторые поставленные задачи.

Оценка экспертизы. Нельзя не согласиться с Е. Р. Россинской в том, что «для повышения доказательственного значения, надежности, наглядности экспертных заключений, сокращение

сроков производства экспертиз при высоком качестве исследований, объективизация оценки экспертных заключений следователем и судом возможны только при условии новых подходов к обработке информации, широкого применения вычислительной техники» [1, с. 39]. Сегодня новым подходом является применение искусственных нейронных сетей.

Говоря об оценке заключения эксперта и нейросетевых технологиях, следует отметить их двойственную природу: с одной стороны, правоприменителю необходимо оценить правомерность применения нейросетевых технологий при производстве конкретной судебной экспертизы, то есть нейросети выступают как объект оценки, с другой стороны, сами нейросети можно использовать при оценке экспертных заключений, что позволяет отнести их к средствам оценивания.

В рамках данной статьи рассмотрим искусственные нейронные сети как средство оценивания заключений экспертов.

В научной литературе вопрос оценки экспертных заключений следователями и судьями, не обладающими специальными знаниями, стоит довольно остро. Предлагаются разные варианты решения проблемы: от повышения уровня знаний по вопросам судебной экспертизы у правоприменителей до обращения к специалисту.

Учитывая, что процесс оценки заключения эксперта в полной мере требует от участника уголовного процесса логико-аналитической деятельности, существенных умственных затрат, мы возлагаем на нейросети задачу оценки только формальных критериев, что позволит участникам уголовного процесса сконцентрироваться на более сложных этапах.

В науке судебной экспертологии предлагается 7 стадий оценки заключения эксперта. Первым из них является проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы, который, в свою очередь, состоит из 5 пунктов:

1) проверка компетенции эксперта, не вышел ли он за пределы своей компетенции;

2) не проведена ли экспертиза лицом, подлежащим отводу по основаниям, перечисленным в процессуальном законе;

3) соблюдены ли права участников процесса при назначении и производстве экспертизы;

4) не нарушался ли процессуальный порядок при получении образцов для сравнительного исследования и фиксация в соответствующем протоколе;

5) соблюдена ли процессуальная форма заключения эксперта, имеются ли все требуемые реквизиты [5, с. 162–163].

Проверка названных требований по большей мере носит технический характер, поскольку их соблюдение основано на закономерностях, вытекающих из сведений, содержащихся в иных процессуальных документах.

Так, выход эксперта за пределы своей компетенции характеризуется тем, что он отвечает на правовые вопросы либо на вопросы, требующие специальных знаний из другой области, которыми эксперт не обладает. Перечень правовых наиболее типичных вопросов, которые запрещено ставить перед экспертом, можно встретить в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации (*например, п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения 11.10.2024)*). Что же касается второй группы вопросов, то в научной литературе для основных родов и видов экспертиз определен перечень типовых вопросов, которые ставятся при соответствующих исследованиях [5, с. 238–440]. Предполагается, что нейросеть будет «проводить анализ» таких вопросов, выделяя наиболее сомнительные, требующие внимания правоприменителя. К ним относятся вопросы, касающиеся состава преступления, его субъективной стороны — формы вины, или объективной — было убийство или самоубийство, были ли призывы к экстремизму и т.д. Вопросы, требующие специальных знаний из другой области, будут маркироваться, если они не относятся к типовым вопросам назначенного рода (вида) экспертизы и при этом относятся к типовым вопросам другого вида экспертизы.

Проверка соблюдения требований законодательства на предмет отводов характеризуется тем,

что нейронная сеть проверяет в материалах уголовного дела, имеются ли заявленные эксперту отводы от других участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 62 УПК РФ), либо экспертом заявлен самоотвод (ч. 1 ст. 62 УПК РФ) по основаниям, предусмотренным ст. 70 УПК РФ. В случае, если материалы уголовного дела содержат отводы или самоотводы, нейронная сеть проверяет наличие принятых процессуальных решений по каждому из них.

Для проверки соблюдения прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы также необходим анализ иных процессуальных документов. Речь идет о двух протоколах: 1) протокол ознакомления участников уголовного процесса с постановлением о назначении экспертизы, выносимый в соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ и подтверждающий сам факт ознакомления лиц с постановлением, а также факт разъяснения им прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ; 2) протокол ознакомления участников уголовного процесса с заключением эксперта, предусмотренный ст. 206 УПК РФ, наличие которого также удостоверяет факт ознакомления лиц с экспертным заключением и разъяснение прав, предусмотренных ст. 206 УПК РФ.

Получение образцов для сравнительного исследования является факультативным этапом, поскольку сравнительные образцы для некоторых исследований вовсе не требуются. Если же такая необходимость имеется, то согласно ст. 202 УПК РФ следователь выносит постановление, в котором отражаются сведения, предусмотренные ст. 166, 167, 201 УПК РФ. Проверить такие процессуальные документы на предмет их наличия и соответствия требованиям закона может искусственный интеллект без вмешательства человека, поскольку для этих действий не требуется существенной интеллектуальной деятельности.

Вопросам формы и содержания заключения эксперта посвящена ч. 1 ст. 204 УПК РФ. Проверить формальное наличие указанных элементов заключения эксперта, а также иных обязательных реквизитов (например, подписи эксперта) вполне может искусственная нейронная сеть. В случае явного несоответствия заключения эксперта требованиям закона, нейросеть указывает на спорные моменты правоприменителю.

Как видно, проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы в своей основе носит преимущественно формальный характер и сопряжена с сопоставлением сведений из других процессуальных документов, что позволяет

говорить о наличии закономерностей между соблюдением прав участников уголовного процесса при назначении экспертизы и материалами уголовного дела.

Следует сказать, что подобные идеи, когда нейросети применялись для исследования уголовных дел и выявления закономерностей, уже имели место в рамках криминалистических исследований. Так, А. А. Бессонов в своем исследовании на основе анализа уголовных дел о серийных преступлениях, применяя методы машинного и глубокого обучения, смог выявить новые закономерности между серийными преступниками и характеристиками преступлений (возраст потерпевшего, наличие рецидива, факт знакомства с преступником и т.д.) [6, с. 46–48]. Из материалов уголовных дел также прослеживаются закономерности, имеющие значение для правильного назначения и оценки судебных экспертиз. Только если А. А. Бессонов акцентировал внимание на фактических обстоятельствах дела, а теоретическую основу у него составляли криминалистические теории, то при назначении и оценке судебных экспертиз нам больше важны процессуальные закономерности (наличие и содержание процессуальных документов), а теоретическую основу составляет теория судебной экспертологии и ее частные теории.

Важно подчеркнуть, что для двух названных задач: назначение и процессуальная оценка заключения эксперта — мы полагаем возможным использовать единые архитектуры нейронных сетей, методы обучения и обучающие данные. На наш взгляд, здесь следует применять рекуррентные нейронные сети, обученные методом глубокого обучения, поскольку такие архитектуры способны принимать решение, основываясь на данных, состоящих из последовательности взаимосвязанных символов (текстов, изображений), что соответствует материалам уголовных дел, содержащих преимущественно текстовую и графическую информацию. Более того, наш алгоритм назначения судебных экспертиз построен таким образом, что полученные данные на предшествующем этапе ложатся в основу для следующего запроса и одновременно сохраняются и переносятся в слот шаблона процессуального документа о назначении экспертизы. Применение методов глубокого обучения обусловлено, во-первых, сложностью решаемой задачи, во-вторых, большим количеством данных, необходимых для ее решения.

Принимая на себя рутинные экспертные задачи по проверке соблюдения процессуальных требований, нейросети сохраняют время и энер-

гию участников уголовного процесса, позволяя им сконцентрировать внимание на интеллектуальных аспектах оценки судебной экспертизы. Если же участники уголовного процесса настаивают на наличии процессуальных нарушений при назначении и производстве судебной экспертизы, то оценку их доводов осуществляет человек-правоприменитель без учета показаний искусственного интеллекта.

Заключение. Предложенный механизм применения глубоких нейронных сетей представляет собой систему поддержки принятия следователем или судом решений о назначении судебной экспертизы при частичной оценке заключения эксперта.

Само по себе внедрение искусственных нейронных сетей в процесс назначения и частичной оценки заключений экспертов стало возможным потому, что данные процедуры хорошо формализованы. Несмотря на то что нейросети работают по принципу черного ящика, затрудняя процесс контроля над вычислениями между скрытыми слоями нейронов, отвержение их возможностей в данной сфере совсем неоправданно: «Коль скоро мы полагаемся на расчеты, выполненные экспертом вручную, без помощи ЭВМ, мы должны доверять расчетам, выполненной машиной» [1, с. 47–48]. Предложенный нами алгоритм назначения и оценки судебных экспертиз научно обоснован. Фундаментом для его разработки является новое знание, выведенное из синтеза юридических и компьютерно-технических наук.

При назначении и оценке судебных экспертиз нейронные сети ни в коей мере не подменяют собой следователя или судью, совершающего эти юридические действия. Нейросети выступают лишь в качестве справочно-вспомогательного технического средства, применение которого не может служить основанием перекладывания ответственности с должностных лиц на искусственный интеллект. Внедряя нейросети в процесс назначения и оценки судебных экспертиз, мы одновременно решаем следующие задачи: 1) автоматизацию процессов назначения и оценки судебных экспертиз; 2) объективизацию деятельности правоохранительных органов, так как внедрение искусственного интеллекта снижает количество субъективных ошибок при совершении названных процессуальных действий и, соответственно, влечет совершенствование следственной и судебной практики; 3) снижение умственных и временных затрат на назначение, производство и оценку судебной экспертизы.

Литература

1. *Россинская Е. Р.* Оптимизация формы и содержания заключения эксперта на основе базового программного модуля «АТЭКС»: методические рекомендации. М.: Норма, 2019. 680 с.
2. *Неретина Н. С.* Ошибки экспертов, судей и следователей: взаимосвязь и взаимозависимость // Экспертные ошибки: современные проблемы возникновения, выявления и профилактики: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2024. 272 с.
3. *Дьяконова О. Г.* Теоретические и практические аспекты определения вида судебной экспертизы // Экспертные ошибки: современные проблемы возникновения, выявления и профилактики: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2024. 272 с.
4. *Бураков М. В.* Системы искусственного интеллекта: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 440 с.
5. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи. Судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации: монография / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2024. 448 с.
6. *Бессонов А. А.* Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.

References

1. *Rossinskaya E. R.* Optimizatsiya formy i sodержaniya zaklyucheniya eksperta na osnove bazovogo programmnogo modulya «ATEKS»: metodicheskie rekomendatsii [Optimization of the form and content of the expert opinion based on the basic software module «ATEKS»: methodological recommendations]. Moscow, Norma Publ., 2019. 680 p. (In Russian)
2. *Neretina N. S.* Oshibki ekspertov, sudei i sledovatelei: vzaimosvyaz' i vzaimozavisimost' [Mistakes of experts, judges and investigators: interrelation and interdependence]. In *Ekspertnye oshibki: sovremennye problemy vozniknoveniya, vyyavleniya i profilaktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Expert errors: modern problems of occurrence, detection and prevention: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2024. 272 p. (In Russian)
3. *D'yakonova O. G.* Teoreticheskie i prakticheskie aspekty opredeleniya vida sudebnoi ekspertizy [Theoretical and practical aspects of determining the type of forensic examination]. In *Ekspertnye oshibki: sovremennye problemy vozniknoveniya, vyyavleniya i profilaktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Expert errors: modern problems of occurrence, detection and prevention: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2024. 272 p. (In Russian)
4. *Burakov M. V.* Sistemy iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie [Artificial intelligence systems: a textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 440 p. (In Russian)
5. *Rossinskaya E. R., Galyashina E. I.* Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya ekspertiza: teoriya i praktika, tipichnye voprosy i nestandartnye situatsii. Monografiya [Judge's handbook. Forensic examination: theory and practice, typical issues and non-standard situations. Monograph]. Ed. E. R. Rossinskaya. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 448 p. (In Russian)
6. *Bessonov A. A.* Ispol'zovanie algoritmov iskusstvennogo intellekta v kriminalisticheskom izuchenii prestupnoi deyatel'nosti (na primere seriinykh prestuplenii) [The use of artificial intelligence algorithms in the criminalistic study of criminal activity (on the example of serial crimes)]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)], 2021, no. 2, pp. 45–53. (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ПРАКТИКУ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ

Чистилина Анастасия Сергеевна

Цель: оценить перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, спрогнозировать ключевые сложности, связанные с этим процессом, сформулировать конкретный перечень проблем, вне решения которых внедрение таких технологий в судебную экспертизу не представляется возможным.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Среди подмножеств искусственного интеллекта наибольшее внимание с точки зрения применимости в судебно-экспертной деятельности должно быть уделено машинному обучению и его разновидностям. Теория и практика идет по пути особой роли такой разновидности машинного обучения, как нейронные сети. В работе отмечено, что проблема широкого внедрения технологий машинного обучения в экспертную практику не будет разрешена ранее, чем назревшие проблемы в области стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Научная и практическая значимость. В статье рассмотрены основные понятийные категории технологий искусственного интеллекта, обозначены актуальные дискуссионные вопросы интеграции таких технологий в экспертную практику, раскрыты отдельные научные позиции. Предложены конкретные варианты решения обозначенных вопросов. В работе указано, что искусственный интеллект в судебно-экспертной деятельности обладает специфическим дуализмом — такого рода технологии могут выступать и перспективным инструментом для исследования, и источником потенциальных новых объектов — цифровых следов. Сформулирован итоговый перечень проблем, с которыми прогнозируемо столкнется судебно-экспертная деятельность на пути внедрения машинного обучения, а также их истоки.

Ключевые слова: судебная экспертиза, прогнозирование, прогноз, цифровизация, искусственный интеллект, машинное обучение, стандартизация.

Стремительный прогресс информационных технологий, внедрение инноваций во все сферы общественной жизни не обходят стороной и преступную деятельность. Как можно более полное понимание возможного будущего состояния общественных отношений и траекторий их движения в условиях цифровизации может значительно обогатить и правоохранительную практику. Не исключение и судебно-экспертная деятельность — это наукоемкая сфера, исключительно чуткая к развитию и внедрению новых технологий. На наш взгляд, наибольшее количество вопросов правового, технического и орга-

низационного толка здесь, как и во многих иных областях, вызывают технологии искусственного интеллекта, и именно они становятся предметом наиболее острых дискуссий, сомнений и одновременно надежд.

Приступая к этой теме, обозначим ряд ключевых понятий, различение которых нередко упускается из виду. Искусственный интеллект (далее — ИИ) — наиболее широкое и абстрактное понятие, объединяющее разнообразные технологические решения, позволяющие (или стремящиеся) имитировать когнитивные функции человека. Машинное обучение (от англ. machine learning, ML)

является одним из направлений (подмножеств) искусственного интеллекта, в котором используются подходы (методы), позволяющие создавать алгоритмы, которые автоматически улучшаются, совершенствуются с помощью опыта (так называемое «обучение»). В свою очередь, под искусственными нейронными сетями (от англ. deep learning, DL) принято понимать подмножество машинного обучения, функционирующее по принципу устройства биологических нейронных сетей. Структура искусственных нейронных сетей состоит из нескольких входных, выходных и скрытых слоев, каждый из которых содержит единицы, преобразующие входные данные в сведения, используемые другими слоями. С помощью множества связанных между собой процессоров и вычислительных путей происходит обработка сложных данных.

Полагаем, что интерес к системам искусственного интеллекта главным образом отражает потребность правоохранительной практики в работе с огромными массивами информации, приспособлении к новым технологиям, используемым в преступных целях. В случае с применением специальных знаний специфический дуализм заключается в том, что для судебной экспертизы такого рода технологии могут выступать и перспективным инструментом для исследования, и источником потенциальных новых объектов — цифровых следов.

С одной стороны, многие продукты работы ИИ (главным образом нейронных сетей, их генеративных разновидностей) по мере своего развития уже давно перешли от реализации преимущественно в сфере досуга и развлечений к использованию в преступных целях. Сама история так называемых дипфейк-технологий (от англ. deepfake: deep learning — глубинное обучение, fake — подделка) — ярчайшее тому подтверждение. Так, изначально технологии получения аудиовизуального контента с использованием наложения заданных изображений и голосов создавались для специфических нужд киноиндустрии (возможности ИИ использовались в фильме «Аватар» в 2009 г., образ актрисы Одри Хепберн «оживили» для рекламы шоколада Dove от 2014 г. и т.д.). Но уже в 2017 г. технология была впервые использована одним из пользователей форума (социальной сети) Reddit для создания компрометирующих материалов порнографического характера с участием публичных лиц, и именно по никнейму данного пользователя явление «дипфейк» (deepfake) и получило свое название.

С другой стороны, условно назовем ее методической, в научном и профессиональном сообществе не только активно обсуждаются возможности

отдельных технологий ИИ в целом, но и наблюдаются попытки создания и апробации отдельных технологических решений для использования в судебно-экспертной деятельности. При этом, на наш взгляд, на данном этапе наиболее развитым и актуальным с позиций использования в судебной экспертизе выступает использование именно нейронных сетей, что в целом подтверждается и анализом тематической литературы.

Как отмечается Д. В. Бахтевым, «с ростом вычислительных возможностей, распространение получили системы искусственного интеллекта, способные обрабатывать значительные массивы данных, используя подходы, аналогичные мыслительным операциям, производимым человеком. Для обработки такого рода данных и облегчения деятельности сотрудников правоохранительных органов программные комплексы должны обладать не только алгоритмической, но и эвристической, гибкой природой. Таким требованиям соответствуют программные комплексы систем искусственного интеллекта, разработанные на основе искусственных нейронных сетей» [1, с. 105]. На тот факт, что наиболее эффективным способом организации искусственного интеллекта являются искусственные нейронные сети обращается внимание в совместной работе А. Ф. Купина и А. С. Коваленко, посвященной возможностям применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов: «Для судебной экспертизы, в частности при исследовании документов, наибольший интерес представляют сверточные нейронные сети, так как именно этот класс архитектур используется при решении задач, связанных с обработкой изображений» [2, с. 31]. Преимущества нейронной сети в криминалистическом изучении преступлений описаны и А. А. Бессоновым: «Во-первых, она позволяет обнаруживать нелинейные отношения между зависимыми и независимыми переменными; во-вторых, имеется возможность эффективно обучать большие наборы данных; в-третьих, это непараметрическая модель, позволяющая исключить ошибки в оценке параметров; в-четвертых, их можно сделать нечувствительными к шуму на входе» [3, с. 725].

Действительно, технологические особенности построения и функционирования нейросетей во многом соответствуют потребностям сложной, зачастую творческой по своей природе судебно-экспертной деятельности. В частности, наличие в структуре элементарных вычислительных единиц («нейронов»), которые обрабатывают входную информацию на различных уровнях («слоях»), взаимодействуют друг с другом и позволяют

решать задачи, требующие анализа большого массива факторов и признаков; способность к адаптации и самообучению по мере накопления данных и решения различных задач и т.д.

Не случайно именно нейросетевые технологии наиболее активно начинают апробироваться для решения задач правоохранительной практики. Так, например, нейросетевые технологии активно применяются в системах распознавания лиц (метрополитен, система камер городского видеонаблюдения в г. Москве и т.д.). С использованием нейросетевых технологий организован, в частности, один из модулей (модуль SIS) аппаратно-программного комплекса криминалистического исследования фонограмм речи «ИКАР Лаб 3», разработанного Центром речевых технологий (Группа ЦРТ) для анализа фонограмм на предмет следов применения спуфинг-атак (повторное воспроизведение, синтез речи, преобразование голоса). Указанное оборудование значительно расширяет возможности проведения фоноскопических исследований, что весьма актуально с учетом того, что именно этот род экспертиз одним из первых принял на себя удар в части появления новых объектов — цифровых следов, продуктов работы нейросети.

Эти примеры, на наш взгляд, дают основание прогнозировать дальнейшее развитие инструментов, которые будут использовать нейросетевые технологии для обнаружения, выявления признаков продуктов деятельности этих же технологий. Наиболее ярко это может быть проиллюстрировано на примере уже упомянутого рода судебных фоноскопических экспертиз. Как указывают Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева, «оценка современных возможностей синтеза звучащей речи и степени методической обеспеченности судебно-экспертных технологий выявления синтезированной речи позволяет уже сейчас высказать некоторые опасения относительно надвигающейся волны преступности, связанной с противоправным использованием синтеза речи» [4, с. 12]. Ответом на достижения ИИ в части синтеза речи становятся предпринимаемые как в России, так и зарубежом попытки разработать инструменты выявления продуктов работы нейросетей, базирующиеся на нейросетевых же технологиях. Помимо уже упомянутого модуля аппаратно-программного комплекса криминалистического исследования фонограмм речи «ИКАР Лаб 3» использование нейросетей для обнаружения признаков синтезированной речи на китайском и английском языках подробно описано командой исследователей из Китая на примере разработки DeepSonar [5, с. 1207–1216].

Тем не менее пока мы наблюдаем лишь начальный этап апробации потенциальных способностей нейронных сетей для судебно-экспертных нужд — получение утвердительного ответа на вопрос о том, способны ли алгоритмы машинного обучения приблизить компьютер к решению интересующей человека задачи, еще не равно возможности полноценно интегрировать те или иные технические решения в экспертную практику, для этого необходимы значительная организационная работа и оценка связанных с таким делегированием рисков.

Одним из наиболее очевидных аргументов противников внедрения ИИ в судебно-следственную практику, в частности в судебно-экспертную деятельность, выступает потенциальная непроверяемость проводимых машиной манипуляций с входными данными и непрозрачность получаемых выводов. Как отмечается в литературе, «представляется, что не все методы машинного обучения могут применяться в судебной экспертизе. Согласно популярной классификации, выделяют методы “черного ящика” и методы “белого ящика”. Методы “черного ящика” — группа методов, внутренние механизмы функционирования которых наблюдателю неизвестны либо интерпретировать которые он не в состоянии. К методам “черного ящика” в машинном обучении традиционно относят: нейронные сети, леса решений, методы группы машин опорных векторов и ряд других» [6, с. 194]. В работе авторами сделан вывод о том, что в судебно-экспертную практику как при разработке новых технических и (или) программных средств и методик для целей судебной экспертизы, так и для проверки пригодности уже имеющихся целесообразно внедрять методы машинного обучения именно из числа методов «белого ящика», к которым относят: метод k-ближайших соседей, группа методов с применением деревьев решений, байесовские классификаторы, классификаторы, основанные на определении максимальной энтропии (с применением логистической регрессии) и т.д.

Справедливость данного замечания, как представляется, не означает невозможности использования этого вида технологий машинного обучения в принципе. Во-первых, как было показано ранее, нейронные сети, относимые к так называемым технологиям «черного ящика», уже применяются в сферах распознавания лиц, детектирования признаков видеомонтажа и синтеза речи, в построении экспериментальных моделей для правоохранительных нужд. Во-вторых, опасения подмены человека машиной, по сути, строятся на пресуппозиции — «системы искусственного интеллекта

допущены к непосредственному, автономному проведению экспертного исследования и формулированию его выводов». Даже техническая реализация подобной установки в рамках хотя бы одного рода (вида) судебной экспертизы, не говоря о процессуальных препятствиях, представляется на данный момент не осуществимой на практике.

С точки зрения процессуальных норм, посвященных судебно-экспертной деятельности, в первую очередь гл. 27 УПК РФ (*Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921*), Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» (*СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291*), как и всего массива нормативных правовых актов, регламентирующих выполнение (производство) судебных экспертиз, очевидно, что ИИ на данном этапе не способен играть ключевую роль в исследовании. Во-первых, согласно ст. 57 УПК РФ, эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Из ч. 5 и 6 ст. 57 УПК РФ следует, что эксперт, и только он, как специальный субъект, физическое лицо несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ) и разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Таким образом, субъектность ИИ как замены эксперту в уголовном процессе в целом не оставляет пространства для интерпретаций. Во-вторых, в том, что касается технологий ИИ как одного из инструментов исследования, нынешний фактически экспериментальный и поисковый этап развития таких технологий в судебно-экспертных целях не соответствует требованию единого научно-методического подхода к экспертной практике, не может отвечать процессуальным требованиям к заключению эксперта в части четкого описания содержания и результатов исследований с указанием примененных методик (ст. 204 УПК РФ). Таким образом, на нынешнем этапе еще только должны сформироваться более реалистичные условия и предпосылки для полноценного вовлечения технологий ИИ в судебную экспертизу — сперва научно-методические и технические, а затем юридические границы.

Важный аспект рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, лежит в плоскости концептуального отличия решений на базе искусственного интеллекта от уже привычных экспертной практике автоматизированных программных комплексов. Последние представляют собой технические раз-

работки для помощи в решении конкретных экспертных задач за счет заранее известных алгоритмов, заданных при программировании. Их целью в отличие от ИИ является не имитация когнитивных способностей человека в целом, поиск ранее неизвестных связей и обучение, а автоматизация и упрощение отдельных практических задач.

Как пишет по этому поводу А. В. Кокин: «Современные автоматизированные идентификационные комплексы, применяемые в дактилоскопии и баллистике, лишь прототипы будущих экспертных систем. Возможности действующих комплексов ограничены, поскольку по факту они только автоматизируют действия человека и не способны принимать окончательные решения о тождестве, а также выполнять иную свойственную человеческому интеллекту работу. Для перехода на полностью автоматические экспертные системы, функционирующие без участия человека и способные принять самостоятельное решение, необходимы надежные алгоритмы машинного обучения» [7, с. 59].

Например, используемая в деятельности МВД России автоматизированная информационно-поисковая система «Оружие МВД» позволяет автоматизировать ввод, локальную обработку, передачу между подразделениями необходимых документов с информацией об оружии и выполнение запросов на извлечение необходимых документов из распределенной базы данных. Не менее известна и автоматизированная дактилоскопическая/мультибиометрическая информационно-поисковая система (АДИС) «Папилон», с помощью которой была автоматизирована система дактилоскопических учетов на всех уровнях органов внутренних дел России, постановка на учет, исполнение запросов на установление/подтверждение личности, проверка следов рук для раскрытия и расследования преступлений и т. д. (*Автоматизация дактилоскопических учетов МВД Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.papillon.ru/about/blog/avtomatizacija-daktiloskopicheskikh-uchetov-mvd-rossijskoj-federacii/#results> (дата обращения: 27.08.2024)*). Приемлемость такого рода технологий для экспертной практики в части ответственности эксперта обусловлена тем, что получаемый при их использовании результат в целом считается прозрачным для интерпретации, он предсказуем и полностью охватывается пониманием работы алгоритма, чего нельзя сказать о системах, ядром которых будет выступать ИИ. Было бы упущением не отметить, что свойственный цифровизации повышенный интерес к искусственному интеллекту, в частности нейронным сетям, провоцирует первые попытки их внедрения и в автоматизирован-

ные программные комплексы. Так, в МВД по Республике Крым начали эксплуатировать первый в России комплекс АДИС (AFIS) «Папилон-9» с использованием технологий искусственного интеллекта. Нейросеть, внедренная в 2023 г. в девятую версию АДИС (AFIS), помогла автоматизировать этап работы, традиционно считавшиеся ручным — просмотр экспертом рекомендательных списков, сформированных в результате автоматических поисков АДИС (AFIS) (*В девятую версию АДИС (AFIS) Папилон внедрена нейросеть // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.papillon.ru/about/blog/v-9-iju-versiju-adis-afis-papillon-vnedrena-nejroset/> (дата обращения: 27.08.2024)*). Однако и здесь речь пока идет об ограниченной форме ассистирования эксперту, не сопряженной с обучением принципиально новым вариантам решений. Таким образом, и практика внедрения ИИ в уже имеющиеся судебно-экспертные системы идет по пути их строго вспомогательной роли.

Полагаем, в этом вопросе следует придерживаться позиции, согласно которой глубокое понимание экспертом принципов работы ИИ, его функциональных возможностей вкупе с ограниченным и строго вспомогательным характером использования таких технологий — достаточное условие для их возможного применения в процессе проведения исследований. Иная позиция при возведении ее в абсолют ставила бы под сомнение применение в судебной экспертизе любых более-менее сложных программных комплексов и приборов в принципе.

На наш взгляд, одной из причин алармизма по отношению к перспективам интеграции систем машинного обучения в экспертную практику в целом выступает недостаточно четкое понимание роли человека при разработке, эксплуатации и использовании систем с использованием технологий искусственного интеллекта, их назначение и пределы возможностей. Заметим и то, что присущий современной государственной политике технооптимизм еще не свидетельствует о насущной необходимости внедрения ИИ в тех сферах, которые в силу самой своей природы могут быть не вполне для этого пригодны и плохо к этому подготовлены.

Сложный как технически, так и по своей организационной составляющей процесс создания алгоритмов с использованием ИИ предполагает наличие достаточно четких целевых и функциональных установок. В частности, одна из проблем заключается в правильном выборе самой модели машинного обучения. В самом общем виде обучение представляет собой решение поставленных задач по заданным алгоритмам на основе подготов-

ленных данных, таким образом, в любом случае имеют место: формирование набора необходимых входных данных, их отбор; построение алгоритма решения задачи; получение выходных данных, оценка принятого системой решения. Традиционное деление видов машинного обучения включает в себя: обучение учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением.

Обучение с учителем (англ. supervised learning) — наиболее распространено на практике. В рамках данного вида обучения специалист (учитель) сообщает информационной системе некий набор данных, организованный как коллекция заранее размеченных образцов. Затем, исходя из избранных, присвоенных при обучении характеристик образцов (признаков) и настроек алгоритма, система самостоятельно принимает решения, получая на входе набор признаков. Такого вида обучение, в частности, используется для задач классификации или при необходимости распознавания конкретных объектов из больших массивов данных, например, анализе изображений. При обучении без учителя (англ. unsupervised learning) специалист (учитель) отсутствует. Набор данных представлен коллекцией неразмеченных образцов, а цель алгоритма обучения — создать систему, которая сама (в соответствии с алгоритмом) ищет зависимости между исследуемыми объектами. Такой подход используется, как правило, в тех случаях, когда невозможно заранее выделить конкретные признаки, по которым должно приниматься решение. Типичной задачей обучения без учителя, например, является кластеризация — группировка данных по определенным критериям в так называемые кластеры (объединение отдельных объектов исходя из определенных связей). При этом порядок формирования связей в системе наблюдателю неизвестен. Обучение с подкреплением (англ. reinforcement learning), как следует из названия, предполагает наличие некоторых наград, которые побуждают систему к принятию оптимальных решений. Система выполняет действия в запрограммированной среде (сценарии действий), воспринимает состояние этой среды как вектор характеристик, получает положительную награду за правильное действие и отрицательную за неправильное. Цель этого вида обучения — методом проб и ошибок выучить желаемую линию поведения. Подобные алгоритмы используются, как правило, для достижения долгосрочных целей и создания относительно автономных алгоритмов поведения, например, в робототехнике, беспилотном транспорте и т.п.

Не углубляясь в специфические технические особенности всех методов МО (далее — машин-

ного обучения), используемых в рамках указанных разновидностей обучения, заметим, что теоретически каждая разновидность может быть эффективной для создания алгоритмов, используемых для помощи в решении экспертных задач. Центральным вопросом здесь вновь является конечная цель: необходимо смоделировать механизм обучения, отобрать и подготовить необходимые данные, заранее представляя, каким является желаемый результат. При этом, на наш взгляд, следует помнить о стадийности экспертного исследования и начинать моделирование с обозначения небольших задач в рамках отдельных стадий.

Как отмечается Е. Р. Россинской, для разработки технологии экспертного исследования с применением нейросети среди прочего необходимо определить задачу, которую надо решить; модель, которая может решить эту задачу; данные, на которых можно обучиться (провести эксперименты) [8, с. 29]. Указанное представляется одинаково справедливым для любого рода (вида) судебной экспертизы, в рамках которой может планироваться внедрение решений на базе ИИ.

Вместе с тем с точки зрения транспарентности работы, представляется, что на данном этапе для судебно-экспертных целей наиболее приемлемо создание экспериментальных алгоритмов именно в рамках обучения с учителем. Связано это в первую очередь с тем, что судебная экспертиза по своей природе исследование прикладное, получаемое в результате знание носит выводной характер, и связь между условной входной информацией (объекты, материалы дела, относимые к предмету экспертизы, ее научно-методическое обеспечение и т.д.), выявленными признаками и получаемыми выводами должна быть очевидна не только специалисту, но и лицам и органам, назначающим экспертизу и в итоге оценивающим заключение. Для постановки конечных целей, которые необходимо решить, используя механизмы ИИ, а также отбора релевантных этим целям входных данных необходимо привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в интересующей области. С их же участием должны быть определены параметры функции, которая будет описывать связь между объектами и соответствующими им метками. Очевидно, что и оценка получаемых на выходе решений машины также не может обойтись без участия сведущих лиц. На наш взгляд, исходя из сущности судебной экспертизы как процессуального действия, можно прогнозировать, что наиболее успешные примеры интеграции систем машинного обучения в экспертную практику будут демонстрироваться именно в рамках такого под-

хода к обучению. Указанное, безусловно, требует как взаимных усилий уже на этапе технического задания со стороны представителей IT-отрасли, от которых потребуются понимание не только формально-технических, но и содержательных аспектов запрашиваемой технологии, так и расширения компетенций со стороны экспертного сообщества в части понимания концептуальных основ, способов реализации и возможностей ИИ.

Здесь необходимо отметить, что обучение с учителем имеет и свои минусы, в частности требует большого объема размеченных данных, где каждому входному примеру соответствует правильная метка на выходе, плюс обученная модель должна будет в будущем при самостоятельном решении получать такого же типа данные, что и были заданы обучающим набором. Таким образом, это требует: а) значительного количества информации, пригодной для типизации, достаточно достоверно и полно отражающей желаемые параметры; б) постановки простых задач с предсказуемым решением. Полагаем, преодоление этих трудностей на данном этапе может быть доступно только давно сформировавшимся и наиболее развитым в теоретическом и методическом плане родам (видам) экспертиз, объекты которых относительно типичны, однородны и позволяют тем или иным образом формализовать присущие им признаки. Таковы, например, судебная почерковедческая экспертиза, судебная портретная экспертиза, судебная баллистическая экспертиза и т.п. Однако этого нельзя сказать, к примеру, о судебной лингвистической экспертизе, поскольку русский язык, на наш взгляд, не поддается настолько эффективной формализации, с тем чтобы допускать ИИ к решению серьезных экспертных задач.

Потенциально проблематичен и тот факт, что далеко не все объекты экспертного исследования, информацию о которых можно было бы использовать в качестве тренировочной, позволяют отобразить все присущие им признаки в цифровой форме. Это касается прежде всего кинестетически воспринимаемых характеристик объектов, которые не могут быть заданы для обучения алгоритмов, например, фактура материала, из которого изготовлено изделие, представленное на судебную товароведческую экспертизу и т.п. Это значимый вопрос, который прогнозируемо возникнет при определении тех признаков объектов, которые эксперты потенциально могут передать для обучения и последующей работы нейросетей, и тех признаков, что в любом случае должны быть подвергнуты проверке и исследованию исключительно человеком.

Одной из проблем, связанных с подготовкой данных в рамках рассматриваемого подхода к МО, выступает не только качество, но и количество признаков объектов, необходимых для обучения. Объективность искусственного интеллекта, порой противопоставляемая в литературе субъективизму судебного эксперта и человеческому фактору [9, с. 75], на наш взгляд, в любом случае потребует выделения для обучения еще большего количества параметров, присущих объектам исследований, в сравнении со стандартно применяемыми в экспертной практике в рамках сложившихся методических рекомендаций. Ведь, превосходя специалиста в вычислительных мощностях, машина не обладает сравнимыми фоновыми знаниями, гибкостью мышления, предшествующим опытом решения разнообразных задач, не может комплексовать знания из смежных областей, что зачастую присуще экспертной практике. Приведем в качестве примера описанный коллективом авторов из г. Пенза эксперимент по обучению нейронной сети среды моделирования «БиоНейроАвтограф» анализу биометрических данных, полученных из отсканированных фрагментов рукописного текста. Опущая вопросы к методической приемлемости ряда проводимых при построении модели манипуляций и используемой терминологии, отметим то, что в рамках эксперимента для определения подлинника или подделки при обучении нейросети по изображениям заданных подписей исследователями использовалось 480 параметров в форме коэффициентов двумерного преобразования Фурье или его части [10]. Обратим внимание, что речь идет о значительно упрощенных условиях, далеких от полноценного экспертного исследования. Тогда как в методической литературе по судебной почерковедческой экспертизе, посвященной решению идентификационных задач такого рода, число рекомендуемых параметров для анализа экспертом в десятки раз меньше [11].

Проблемы, связанные с отбором и подготовкой данных для машинного обучения, если такое будет более широко внедряться в правоохранительную и экспертную практику, на наш взгляд, наиболее сложны для разрешения. Речь идет о так называемых датасетах (от англ. data set — набор данных) — необходимых массивах данных, обработанных и структурированных для целей дальнейшего машинного обучения. Их формирование для использования в обучении алгоритмов, которые будут задействованы в таком сложном и процессуально строгом мероприятии, как производство судебной экспертизы, представляется, должно по аналогии с требованиями, предъяв-

ляемыми к используемым экспертами методам, отвечать хотя бы минимальным стандартам надежности. Например, предусматривать отбор обучающего материала из официальных криминалистических и справочно-вспомогательных учетов органов внутренних дел под контролем специалистов судебно-экспертных подразделений данного ведомства. Возможно ли это в условиях относительной замкнутости, конфиденциальности научно-методического и материально-технического ресурсов внутри крупнейших экспертных учреждений, подведомственных отдельным органам исполнительной власти? Полагаем, сложно дать положительный ответ.

Информация о типичных объектах, научно-методическое сопровождение их исследования во многих родах (видах) судебных экспертиз характеризуется на данном этапе значительной разобщенностью и отсутствием межведомственного консенсуса, осложняемых спецификой организации и работы государственных экспертных учреждений и негосударственных организаций. Разделены не только научно-методические материалы и подходы, сама стандартизация в области судебной экспертизы на данном этапе сильно отстает от того массива разновидностей исследований, который реально проводится на практике. Примером может служить в том числе соотношение имеющихся технических стандартов по отдельным родам (видам) экспертиз и числа экспертиз, проводимых (выполняемых) в соответствии с ведомственными перечнями (примеры); не устранены и не раз отмечаемые в литературе разногласия в наименованиях экспертиз [12, 13].

Указанное не препятствует созданию нейронных сетей в виде экспериментальных разработок в рамках работы отдельных исследовательских коллективов. Однако можно говорить о том, что проблема широкого внедрения технологий машинного обучения в экспертную практику не будет разрешена ранее, чем назревшие проблемы в области стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Рассмотренное позволяет обобщить некоторые проблемы, с которыми прогнозируемо столкнется судебно-экспертная деятельность на пути внедрения МО:

— сложность выбора вида машинного обучения и моделирования конкретного алгоритма, подходящего для решения отдельных задач в рамках проведения исследования. Это сопряжено с неоднородностью и многообразием родов (видов) судебных экспертиз, сложным, часто эвристическим характером экспертного исследования, со-

стоящего из нескольких этапов и решения некоторого множества отличных друг от друга задач;

– недостаточная полнота, качество и объем учающих данных, их низкая репрезентативность. Это связано как с объективной сложностью и неоднородностью объектов экспертных исследований, формализовать признаки которых в доступную машине цифровую форму не всегда возможно, так и с отсутствием полного единства в научно-методических подходах к исследованиям;

– повышение требований к специалистам и экспертам в части осведомленности о возможностях технологий искусственного интеллекта, особенностях их создания и функционирования. При этом, на наш взгляд, такое расширение компетенций не совсем однородно. Так, те роды (виды) судебных экспертиз, в числе новых объектов которых наиболее часто будут встречаться продукты работы нейросетей (фоноскопическая, лингвистическая, автороведческая, портретная и др.), наиболее тяготеют к расширению компетенций в части понимания генеративных способностей ИИ, специфики создания контента с использованием подобных технологий, наиболее современных достижений в данной области, в частности, общедоступного характера. С другой стороны, ряд родов (видов)

экспертиз в принципе несколько дистанцирован от проблем, связанных с распространением цифровых следов, в силу объективных причин, например, судебные молекулярно-генетические, биологические экспертизы, экспертизы материалов, веществ и изделий и др. Для них знания в области ИИ будут носить скорее характер фоновых.

Указанные сложности, истоки которых рассмотрены в настоящей работе, в конечном итоге коренятся в самой природе судебной экспертизы как процессуального действия, багаже ранее накопленной экспертной теорией и практикой разногласий и пробелов, решение которых не имеет ничего общего с искусственным интеллектом. Однако, мы полагаем, рассмотренное оставляет и значительное пространство для оптимизма — судебно-экспертная деятельность всегда находилась на острие научно-технического прогресса и уже прошла значительный путь автоматизации и компьютеризации. Предпринимаются значительные усилия по стандартизации судебно-экспертной деятельности. И, возможно, дискуссионные вопросы, диктуемые неизбежной цифровизацией этой сферы и подымаемые в рамках внедрения искусственного интеллекта, — повод для новых усилий по решению старых проблем.

Литература

1. Бахтеев Д. В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 104–107.
2. Купин А. Ф., Коваленко А. С. К вопросу о возможностях применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 4. С. 28–35.
3. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. 816 с.
4. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 9–13.
5. Wang Run, Juefei-Xu Felix, Huang Yihao, Guo Qing, Xie Xiaofei, Ma Lei, Liu Yang. DeepSonar: Towards Effective and Robust Detection of AI-Synthesized Fake Voices // MM '20: Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia, 2020, pp. 1207–1216.
6. Боброва Н. Л., Чащин С. В. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1 (43). С. 191–200.
7. Кокин А. В. Машинное обучение в судебной экспертизе // Судебная экспертиза. 2024. № 1 (77). С. 58–72.
8. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 21–33.
9. Попов В. Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 65–75.
10. Иванов А. И. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249–257.

11. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов. М.: ЭКОМ, 2011. 538 с.
12. Россинская Е. Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.
13. Моисеева Т. Ф. Классификации судебных экспертиз: необходимость унификации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 68–72.

References

1. Bakhteev D. V. Bol'shie dannye i iskusstvennyi intellekt v sledstvennoi i ekspertnoi deyatel'nosti [Big data and artificial intelligence in investigative and expert activities]. In *Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Current issues in criminalistics and forensic examination: materials of the international scientific and practical conference]*. Irkutsk, 2019, pp. 104–107. (In Russian)
2. Kupin A. F., Kovalenko A. S. K voprosu o vozmozhnostyakh primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta pri kriminalisticheskom issledovanii dokumentov i ikh rekvizitov [On the Question of the Applicability of Artificial Intelligence Systems to Forensic Examination of Documents and Their Requisites]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Science]*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 28–35. (In Russian, abstract in English)
3. Bessonov A. A. Iskusstvennyi intellekt i matematicheskaya statistika v kriminalisticheskom izuchenii prestuplenii. Monografiya [Artificial intelligence and mathematical statistics in the criminalistic study of crimes]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 816 p. (In Russian)
4. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Perspektivy sudebno-ekspertnogo issledovaniya sintezirovannoi zvuchashchei rechi [Prospects for forensic research of synthesized sounding speech]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2021, no. 3, pp. 9–13. (In Russian)
5. Wang Run, Juefei-Xu Felix, Huang Yihao, Guo Qing, Xie Xiaofei, Ma Lei, Liu Yang. DeepSonar: Towards Effective and Robust Detection of AI-Synthesized Fake Voices. In *MM '20: Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia*, 2020, pp. 1207–1216. (In English)
6. Bobrova N. L., Chashchin S. V. Primenenie metodov mashinnogo obucheniya v sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti dlya tselei klassifikatsii i identifikatsii: obzor podkhodov i ikh adaptatsiya [Application of machine learning methods in forensic science or the purposes of identification and classification: review and adaptation of approaches]. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy [Issues of criminology, forensics and forensic examination]*, 2018, no. 1 (43), pp. 191–200. (In Russian)
7. Kokin A. V. Mashinnoe obuchenie v sudebnoi ekspertize [Machine learning in forensic science]. *Sudebnaya ekspertiza [Forensic Examination]*, 2024, no. 1 (77), pp. 58–72. (In Russian, abstract in English)
8. Rossinskaya E. R. Neuroseti v sudebnoi ekspertologii i ekspertnoi praktike: problemy i perspektivy [Neural Networks in Forensic Expertology and Expert Practice: Problems and Prospects]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Mgyua)]*, 2024, no. 3 (115), pp. 21–33. (In Russian, abstract in English)
9. Popov V. L. Problemy i perspektivy ispol'zovaniya neurosetevykh tekhnologii pri proizvodstve sudebnykh ekspertiz v transportnoi sfere [Problems and prospects of using neural network technologies in the forensic trials on transport]. *Transportnoe pravo i bezopasnost' [Transport law and safety]*, 2020, no. 3 (35), pp. 65–75. (In Russian)
10. Ivanov A. I. Avtomatizatsiya pocherkovedcheskoj ekspertizy, postroennaya na obuchenii bol'shikh iskusstvennykh neironnykh setei [Automation of handwriting expertise based on the training of large artificial neural networks]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve [Models, systems, networks in economics, technology, nature and society]*, 2016, no. 1 (17), pp. 249–257. (In Russian)
11. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов. Москва, ЭКОМ Publ., 2011. 538 с. (In Russian)
12. Россинская Е. Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз [Theoretical and Organizational Technological Issues of New Kinds (Types) of Forensic Examinations]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2018, no. 3 (88), pp. 146–154. (In Russian, abstract in English)
13. Moiseeva T. F. Klassifikatsii sudebnykh ekspertiz: neobkhodimost' unifikatsii [Classifications of forensic examinations: the need for unification]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti [Bulletin of economic security]*, 2016, no. 4, pp. 68–72. (In Russian)

КОНФЕРЕНЦИИ

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ»

Долгополов Кирилл Андреевич,
Кузьминов Денис Александрович

Цель: освещение итогов круглого стола, посвященного проблемам укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью, проходившего 27 сентября 2024 г. в Юридическом институте Северо-Кавказского федерального университета в рамках II Международного юридического форума «Правовые реформы и современные технологии: новые вызовы и новые возможности для государств Кавказского региона».

Методология: в статье используется метод анализа и синтеза информации, представленной в выступлениях участников круглого стола. Обсуждены проблемные вопросы укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью, с которыми сталкивается отечественная правоприменительная практика.

Выводы. Круглый стол подчеркнул необходимость международного сотрудничества и обмена мнениями в сфере наиболее эффективных средств и методов укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью, совершенствования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслей законодательства.

Научная и практическая значимость. Научная значимость статьи заключается в предоставлении комплексного анализа современных проблем укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью и предложений по их решению. Практическая значимость заключается в выработке рекомендаций для совершенствования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: борьба с преступностью, укрепление законности и правопорядка, правоприменительная практика, предложения по законодательному совершенствованию российского права.

27 сентября 2024 г. в рамках II Международного юридического форума «Правовые реформы и современные технологии: новые вызовы и новые возможности для государств Кавказского региона» кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета был проведен круглый стол «Укрепление законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью: вопросы теории и практики». Модератором круглого стола выступил Кирилл Андреевич Долгополов, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент. Круглый стол был посвящен наиболее актуальным проблемам уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, криминологическо-

го, криминологического противодействия преступности.

На заседании круглого стола, организованном в смешанном формате (очном и дистанционном), были озвучены и обсуждены доклады как профессорско-преподавательского состава Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, так и других вузов страны, практических работников.

В работе круглого стола приняло участие 106 участников, из которых 24 — доктора наук. В работе круглого стола приняли участие представители Югорского университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербеко-

ва, МГУТУ им. Г. К. Разумовского, Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Российского государственного университета правосудия, Нижегородской академии МВД России, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, Челябинского государственного университета, Ставропольского государственного аграрного университета, Ростовского филиала Российской таможенной академии, Академии управления МВД России, Тюменского государственного университета, Южного федерального университета, Ростовского юридического института МВД России, Волгоградского государственного университета, Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Волгоградской академии МВД России и других образовательных организаций.

В работе круглого стола приняли участие представители судейского сообщества, следственного комитета, прокуратуры Ставропольского края, Главного управления МВД России по Ставропольскому краю, главного управления Министерства юстиции на Ставрополье, Главного управления Федеральной службы судебных приставов, адвокатской палаты края, регионального управления Судебного департамента при Верховном Суде, краевого управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Модератор круглого стола, Долгополов Кирилл Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического института СКФУ выступил с докладом на тему: «Назначение наказания несовершеннолетним».

В своем докладе Кирилл Андреевич отметил, что достижение установленного УК РФ возраста — одно из общих обязательных условий уголовной ответственности лица (ст. 19 УК РФ). Возрастной критерий ответственности в любой правовой системе неразрывно связан со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими, то есть с его вменяемостью. Привлечение малолетнего к ответственности за действия, опасность которых он не сознает, исключает вменяемость и не соответствует целям наказания.

Юридически возраст субъекта преступления определяется не в день его рождения, а по его истечении, то есть с нуля часов следующих суток. При отсутствии документов возраст лица

может быть определен на основе заключения судебно-медицинского эксперта, и днем рождения считается последний день года, указанного в заключении. При невозможности определения года рождения и установления возраста в пределах минимального и максимального числа лет возраст определяется исходя из их минимального числа, то есть сомнения толкуются в пользу лица.

Кирилл Андреевич также отметил, что выделение преступлений с более низким возрастом уголовной ответственности осуществляется по определенным критериям. При этом высокая степень общественной опасности является не единственным и не основным из них. При дифференциации возраста ответственности учитывается возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты. Поэтому в число преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, включены лишь такие деяния, общественная опасность которых доступна пониманию в этом возрасте. Как видно из перечня, речь идет о посягательствах на жизнь, здоровье, половую свободу, отношения собственности и общественную безопасность, то есть преимущественно об однообъектных преступлениях, выражающихся в активных действиях, повлекших материальные последствия по объективной стороне, общественная опасность которых носит очевидный характер.

В докладе Чапурко Татьяны Михайловны, доктора политических наук, профессора кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД РФ на тему: «Политико-правовой взгляд на современные технологии в системе обеспечения безопасности Российской молодежи», отмечается, что современные технологии стали неотъемлемой частью жизни не только отдельно взятого человека, но и всего общества в целом. Сегодня довольно трудно представить молодых людей, которые бы не использовали достижения современного технологического прогресса в своей учебной, профессиональной и бытовой жизни.

Чапурко Т. М. отмечает, что однако не все так благополучно относительно современных технологий и обеспечения безопасности их в использовании представителями российской молодежи, которая в современных условиях социологами определяется как особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками, своим статусом в обществе и всегда по-своему воспринимающая ценности культуры, что порождает в разные времена молодежный сленг и эпатазирующие формы субкультуры.

Так, на 2014 г. согласно Основам государственной молодежной политики на период до 2025 г. численность молодых граждан (в то время подразумевались лица возраста от 14 до 30 лет) составляла 33,22 миллиона человек. В соответствии с постановлением «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» 11 ноября 2020 г. Государственная Дума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет, а с 30 декабря 2020 г. молодежью признаются российские граждане от 14 до 35 лет, таким образом увеличив численность молодежной части общества и государства, но вместе с этим же и определив проблемы социальных групп внутри российской молодежи, а именно, учащихся, работающих и не определившейся молодежи. Молодые люди ощущают на себе возрастающее давление, заставляющее их вступать в конкурентную борьбу в условиях современных технологий в системе обеспечения безопасности как личностного характера, так и в целом демографического состояния общества и государства.

В докладе Подройкиной И. А., доктора юридических наук, доцента, заведующей кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии на тему: «Административная преюдиция в уголовном праве: сравнительно-правовой аспект», отмечается, что в современном УК РФ содержится около 30 статей, в которых уголовная ответственность наступает при условии предшествующего привлечения к административной ответственности. Несмотря на то, что первые статьи с составами с административной преюдицией были включены в УК более 10 лет назад, тем не менее по-прежнему не снят вопрос об обоснованности их существования.

В теории так и не сформировалось единства точек зрения на данный факт. Опыт стран, входящих в состав Евразийского экономического союза, к числу которых относятся Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан, показывает, что большинство из них (кроме Белоруссии) во вновь принятых уголовных законах отказалось от подобных составов. Более того, аналогично поступили и страны, входившие ранее в состав СССР. Там же, где институт административной преюдиции сохранен, законодательство выстроено, в отличие от УК РФ, более системно.

Собственный исторический опыт показывает, что до 1917 г. подобные составы уголовному законодательству России не были известны. И только в советский период они появились, причем в первых кодексах были единичные упоминания о возможности привлечения к административной

ответственности за впервые совершенное преступление. Постепенно число подобных статей увеличивалось, и к 31 декабря 1996 г., например, в УК РСФСР 1960 г. их число достигло уже 28.

В этой ситуации, полагаем, правы те авторы, которые продолжают отстаивать позицию о недопустимости наличия в уголовном законе административной преюдиции. Проводимая уголовная политика должна быть взвешенной, с анализом отдаленных последствий. И если сегодня мы продолжим криминализировать административные правонарушения, то завтра число преступлений, а соответственно, и лиц, имеющих или имевших судимость, значительно увеличится, что никак не приведет к улучшению криминогенной обстановки.

Как собственный исторический опыт, так и опыт ряда зарубежных стран демонстрирует доминирование в праве тенденции отказа от составов с административной преюдицией, на что, полагаем, следует обратить внимание отечественному законодателю.

Бодров Николай Филиппович — президент международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) выступил докладом на конференции, подчеркнул ее высокий уровень, представительность состава участников и практическую значимость.

В докладе Н. Ф. Бодрова «Риски, связанные с распространением контента, синтезированного нейросетями, как фактор доказывания» были рассмотрены вопросы определения содержания термина «дипфейк» для целей доказывания и правоприменительной деятельности, проанализирована правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, нашедшая отражение в постановлении № 24 от 27 июня 2023 г.

Отдельное внимание в докладе было уделено судебно-экспертной практике по делам, в которых фотографические и видеофайлы выступают в качестве основных (часто единственных) доказательств. На практических примерах рассмотрены основные стратегии злоумышленников, производящих фальсификацию цифровых доказательств с использованием нейросетевых алгоритмов.

В докладе нашли отражение примеры нейросетевого клонирования голоса и речи, внешности человека и обстоятельств, фиксируемых камерами наружного наблюдения.

Завершая свой доклад Н. Ф. Бодров акцентировал внимание участников конференции на осо-

бенностях доказывания обстоятельств нейросетевого синтеза в ходе рассмотрения судом уголовных дел и при решении вопросов о приобщении цифровых файлов в качестве доказательств.

Докладчик подчеркнул важность повышения квалификации судебно-следственных и экспертных кадров, а также междисциплинарного научного исследования цифровых моделей биометрических данных для целей судопроизводства.

В докладе Небытова Константина Валерьевича, директора НП «Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда» (г. Ставрополь, Российская Федерация), отмечается, что в настоящее время рост активности религиозных объединений в современном обществе констатируется множеством исследований. Взаимодействие с религиозными институтами требует от современного общества решения множества проблем, одной из которых является проблема религиозного фанатизма.

Высокая степень вовлеченности в деятельность нового религиозного движения и/или глубокая и быстрая конверсия способны привести к развитию патологической формы привязанности. Ряд исследований, в частности А. Дейкмана (*West L. J., Langone M. D., 1986*), позволяют утверждать, что степень социально-психологической тяжести культового обряда может напрямую влиять на качество психической деятельности в целом, а не только в момент самого ритуального действия.

Кроме того, Небытов К. В. отметил, что относительно сильных противоречий между религиозным догматом и социальными нормами, возникающими в дальнейшем, разрешение диссонанса происходит согласно закону Фрейда-Фестингера: человек стремится к внутренней гармонии и согласованности своих убеждений. Когда в сознании возникает противоречие, то есть две идеи, которые не могут быть одновременно истинными, человек испытывает дискомфорт и стремится разрешить это противоречие.

Писковатский Данил Александрович, ассистент кафедры уголовного права и процесса Юридического института СКФУ, выступил с докладом на тему: «Уголовно-правовая охрана нормального психического и физического развития несовершеннолетних путем установления ответственности за вовлечения несовершеннолетнего в совершении антиобщественных действий».

Данил Александрович отметил, что вовлечение молодежи в распитие спиртных напитков, употребление одурманивающих веществ, в совершение иных антиобщественных действий признается преступлением. Однако факты привлечения к ответ-

ственности за эти деяния очень немногочисленные, в то время как антисоциальная деятельность несовершеннолетних в последние годы — довольно распространенное явление. Обратимся к статистике. Преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, совершено 136, что составляет 0,0024% от общего количества преступлений за 2023 г. Согласно судебной статистике за 2023 г. всего по всем составам преступлений совершено 556 779 преступлений. Такое малое количество преступлений, предусмотренное данной статьей, обуславливается не отсутствием преступлений, а недоработанностью статьи.

В результате проведенного анализа уголовно-правовых норм можно сделать вывод, что во многих случаях законодатель подходит к дифференциации уголовной ответственности в соответствии с возрастом несовершеннолетнего. Однако в ст. 151 УК РФ возраст несовершеннолетнего правонарушителя на квалификацию не влияет. При этом анализ проведенных по теме криминологических исследований показал, что вред, который наносится еще совсем не сформировавшейся личности малолетнего при вовлечении его в совершение антиобщественных действий, намного больше, чем при совершении тех же действий в отношении лица, которому уже исполнилось четырнадцать лет. Наименьшая общественная опасность от вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий будет при вовлечении в такие действия лиц в возрасте от 16 до 18 лет.

Данил Александрович обосновал вышесказанным необходимость внесения в ст. 151 УК РФ изменений путем добавления отягчающих уголовную ответственность обстоятельств, а именно следует предусмотреть:

— квалифицирующий признак вовлечение в антиобщественную деятельность — совершение этого деяния в отношении лица в возрасте до шестнадцати лет.

— особо квалифицирующий признак — вовлечение в совершение антиобщественных действий лиц в возрасте до четырнадцати лет.

В конце доклада Данил Александрович отметил, что в рамках ст. 151 УК РФ не устанавливается уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение таких антиобщественных действий, как проституция. Соответствующий запрет установлен в ст. 240 УК РФ, в которой вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего признается в ч. 3 этой статьи тяжким преступлением.

Представляется, что вовлечь в занятие проституцией можно только лицо, достигшее шест-

надцатилетнего возраста. В более раннем возрасте ребенок обладает половой неприкосновенностью и просто не может совершать описанные в диспозиции ст. 240 УК РФ действия.

При определении возраста несовершеннолетнего лица, которое может оказывать сексуальные услуги, следует исходить из того, что оно не может быть менее 16 лет.

Например, уголовный закон в ст. 240¹ УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» подчеркивает, что проституцией несовершеннолетний может начать заниматься только с шестнадцати лет. Любые сексуальные действия с лицами моложе 16 лет должны рассматриваться как преступления против половой неприкосновенности и влечь более строгую ответственность по ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ.

Гарбатович Д. А., заместитель директора по научной работе Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, выступил с докладом на тему: «Время совершения преступления сквозь призму доктрины и практики». Он отметил, что время совершения преступления имеет важное практическое значение для правильной квалификации преступления, исчисления сроков давности уголовного преследования.

В судебной практике в отношении отдельных преступлений существуют особенности исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, в частности, в отношении преступлений с так называемым «альтернативным составом» («альтернативными действиями»). Диспозиция указанных преступлений сконструирована законодателем посредством описания различных действий, как правило, разделенных пунктуационным знаком «запятая». Преступления с «альтернативным составом» относятся к единичным сложным преступлениям, поэтому совершение двух, трех и более действий, предусмотренных одной диспозицией, не образует совокупность преступлений, а квалифицируется как одно единое преступление. Если деяние, состоящее из совершения ряда различных действий, является единым, то логично предположить, что у него имеется один момент окончания, и, соответственно, срок давности нужно исчислять с момента совершения последнего действия. Представленный подход иногда используется в практике судов первой инстанции. Но в дальнейшем их решения отменяются судами высших инстанций, которые сроки давности исчисляют по иному правилу, в частности, срок давности в отношении преступления с «альтернативным составом» исчисляется отдельно в отношении каждого совершенного дей-

ствия, как будто указанные преступления в итоге имеют не один, а несколько моментов окончания. Например, если лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК РФ, а именно, незаконно приобрело огнестрельное оружие и хранило его, то сроки давности будут исчисляться отдельно в отношении действия в виде приобретения и отдельно в отношении хранения. Если лицо создало устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации и руководило такой бандой, то есть совершило одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 209 УК РФ, то сроки давности будут исчисляться отдельно в отношении действия в виде организации банды, отдельно в отношении руководства бандой.

Малыгин Гаврил Александрович, заместитель начальника отдела организационно-контрольной работы Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Ставропольскому краю, выступил с докладом на тему: «Обеспечение системы межведомственного электронного документооборота правоохранительных органов». Современные информационные технологии, как Левиафан, одну за другой поглощают сферы человеческой деятельности, модернизируя и видоизменяя их, борьба с преступностью не станет исключением и со временем также будет частично цифровизирована.

Борьба с преступностью в широком ее понимании является системой, включающей в себя как организацию мер превентивного характера, предупреждающих совершение преступлений, так и исполнение приговоров судов, меры административного надзора.

Для предварительного расследования и уголовного судопроизводства характерен значительный объем документооборота, который в настоящее время осуществляется в том числе посредством почтовых отправок с использованием бумажных носителей.

Нововведения цифровизации могут брать свое начало с организации автоматизированного сбора сведений, направления запросов с целью сбора необходимой для следствия информации с использованием систем электронного документооборота.

Как отмечает Малыгин Г. А., ФССП России использует электронный документооборот с кредитными организациями, банковскими учреждениями и рядом органов государственной власти, что, в свою очередь, привело к сокращению почтовых расходов, сокращению времени поступления и регистрации судебных актов в подразделениях судебных приставов, экономии расходов на бумажные

носители, высвобождению площадей архивного хранения и исключению самой возможности случаев подделки исполнительных документов. Количественные показатели направленных документов в электронном виде выражаются в миллионах единиц, вместе с тем, если это количество оценивать в процентном соотношении, то возможно уверенно утверждать: нам есть куда стремиться.

За 2024 г. по самым скромным оценкам корреспондентами службы в Ставропольском крае сэкономлено порядка 658 миллионов рублей, в свою очередь, в бюджете службы благодаря системе электронного документооборота только за счет экономии на услугах почтовых отправок сохранено практически 3 миллиона рублей.

В настоящее время Главное управление ФССП России по Ставропольскому краю участвует в пилотном проекте организации системы межведомственного электронного документооборота, проводимого Министерством цифрового развития. Осуществляется отладка обмена контрольными пакетами файлов с учетом проверки необходимой совместимости программного обеспечения различных ведомств, что позволит увеличить объем электронного документооборота по всей стране.

Возвращаясь к вопросу электронного документооборота, в рамках следствия возможно наблюдать неразрешенную задачу — получение унифицированных сведений, необходимых для следствия, не по запросу, а напрямую, имея доступ к единой базе информации, которая могла бы обеспечить исключение случаев промедления при расследовании уголовных дел.

Подводя итог, Малыгин Г. А. отмечает, что для создания подобного рода базы возможно органам следствия и дознания рассмотреть вопрос использования автоматизированных информационных систем, которые обеспечивали бы учет и ведение уголовных дел, а также автоматическое формирование запросов в органы государственной власти в отношении подозреваемых, а в случае получения ответов — автоматическое внесение в базу данных сведений, содержащихся в полученных ответах.

Кисляков Антон Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, выступил с докладом «Отражение принципа законности в механизме реализации уголовной ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения».

Психические расстройства и расстройства поведения являются социально значимыми заболеваниями. На это указывает постановление

Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

Психические расстройства и расстройства поведения (далее — психические и поведенческие расстройства) характеризуются высоким уровнем первичной инвалидности, смертности, а также снижением продолжительности жизни.

Согласно ряду фундаментальных документов, в том числе ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, ст. 41 Конституции РФ, ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», каждый человек независимо от каких-либо ограничений, предусмотренных отдельными федеральными законами (ст. 55 Конституции РФ), имеет право на охрану своего здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи.

В механизме реализации уголовной ответственности лиц, страдающих психическими и поведенческими расстройствами, не исключающих вменяемости, роль охраны психического здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи переоценить невозможно. Этапы, которые последовательно раскрывают механизм реализации уголовной ответственности, состоят из: расследования уголовного дела и судебного разбирательства (этап 1), исполнения наказания (этап 2) и постпенитенциарного периода (этап № 3). Каждый этап должен учитывать особенности болезненного состояния психического здоровья, формировать у правоохранительных и правоприменительных органов объективную картину сознательно-волевой сферы рассматриваемой категории лиц, необходимость особого контроля со стороны учреждений и органов, уполномоченных проводить мероприятия в контексте реализации уголовной ответственности. Этап, связанный с исполнением наказания, главным образом с лишением свободы на определенный срок, требует от персонала исправительного учреждения при исправительном воздействии учитывать в том числе и состояние психического здоровья осужденного. Однако в настоящий момент эта функция сотрудников и работников ИУ практически сведена на нет. Одной из причин является отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве и ведомственных нормативных правовых актах норм, которые могли позволить персоналу УИС эффективнее применять к осужденным с психическими и поведенческими расстройствами основные средства исправления.

С учетом провозглашенного ст. 3 УК РФ, ст. 8 УИК РФ и ст. 3 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» принципа законности, требующего в своей основе строить процесс исправления осужденных в строгом соответствии с законом, реализация уголовной ответственности в отношении рассматриваемой категории лиц формально нигде в системном виде не представлена. Между тем масштаб распространенности психопатологии, не исключаяющей вменяемости, среди осужденных к лишению свободы (доля психически нездоровых достигает по некоторым оценкам 80% от общей массы лиц, содержащихся в ИУ), опасный характер личности таких лиц и другие факторы свидетельствуют о необходимости создания правовых и организационных регуляторов, ориентированных на цели наказания.

Кисляков А. В. считает, что требуется уточнить содержание ряда нормативных правовых актов, указав на место психических и поведенческих расстройств в механизме реализации уголовной ответственности. Прежде всего следует скорректировать положения распоряжения Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года», Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и приказа Минюста России от 29 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы».

Никишин Владислав Владиславович, начальник отделения исполнительной и постпенитенциарной пробации УФСИН России по Ставропольскому краю, выступил с докладом на тему: «О реализации положений Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» на территории Ставропольского края в части исполнительной и постпенитенциарной пробации», отметил, что Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», принятый 6 февраля 2023 г., регулирует общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования пробации в Российской Федерации, в том числе определяет цели, задачи и принципы пробации, правовое положение лиц, в отношении которых применяется пробация, направления деятельности и полномочия субъектов пробации в Российской Федерации.

Правовую основу регулирования общественных отношений в сфере пробации составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере реализации прав осужденных и лиц, отбывших уголовные наказания.

Целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений, отметил Никишин В. В.

Задачами пробации являются создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

В своем выступлении Артамонова Елена Александровна, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики, выступила с докладом на тему: «Федеральные основы и региональные особенности представительства несовершеннолетних потерпевших при производстве по уголовным делам», раскрыла федеральные основы и региональные (ставропольские) особенности представительства интересов несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве. Особое внимание было уделено тому, что на федеральном уровне до сих пор не решен вопрос о предоставлении каждому несовершеннолетнему потерпевшему квалифицированной юридической помощи. Предусмотрена такая возможность только для потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности младше 16 лет (ч. 21 ст. 45 УПК РФ).

На территории Ставропольского края принят и реально действует Закон от 11 ноября 2010 г. № 94-кз «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потер-

певшими в рамках уголовного судопроизводства» (далее — Закон), согласно которому (ст. 2) несовершеннолетним потерпевшим на территории Ставрополья предоставляются дополнительные меры юридической помощи, а именно, независимо от того, какое преступление совершено в отношении ребенка, сам несовершеннолетний потерпевший или его законный представитель вправе обратиться в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН) с просьбой о содействии в получении квалифицированной юридической помощи (назначении адвоката-представителя). На основании такого заявления КДН обращается в адвокатскую палату Ставропольского края (ст. 3 Закона), по назначению (поручению) которой адвокат и участвует в производстве по уголовному делу в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего. Юридическую помощь такой потерпевший получает бесплатно, услуги адвоката-представителя оплачиваются из бюджета Ставропольского края (ст. 4 Закона).

Как отмечает Артамонова Е. А., обязательное участие законного представителя, а также представителя-родственника или представителя — иного лица для защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего видится недостаточным. Надлежащая реализация права каждого на получение квалифицированной юридической помощи требует обеспечения участия в интересах несовершеннолетнего потерпевшего представителя-адвоката в каждом случае совершения преступления против детей и подростков. Для достижения этой цели в первую очередь необходимо непосредственно в УПК РФ закрепить в качестве случая обязательного участия в уголовном процессе адвоката как представителя несовершеннолетнего потерпевшего при поступлении от самого несовершеннолетнего или его законного представителя такого ходатайства.

Дикусар Яна Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, выступила на конференции с докладом «Вопросы разграничения административной и уголовной ответственности самокатчиков».

В России использование электросамокатов регулируется постановлением Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 541, которое вносит изменения в ПДД, уточняя, что электросамокаты, гироскутеры и аналогичные устройства относятся к средствам индивидуальной мобильности. Согласно новым правилам пользователи таких средств должны соблюдать скоростной режим,

уступать дорогу пешеходам и не выезжать на проезжую часть.

В докладе давалось разграничение СИМ (средств индивидуальной мобильности), электросамокатов и самокатов. Под средством индивидуальной мобильности понимается транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства) (п. 1.2 ПДД). Самокат представляет собой спортивное оборудование на роликах (колесах), имеющее, в частности, рулевую колонку, которое перемещается мышечной силой пользователя (разд. 1, 4 ГОСТ Р 58680—2019, утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 30 октября 2019 г. № 1229-ст).

Следовательно, самокат не является средством индивидуальной мобильности.

Лицо, использующее для передвижения самокат, приравнивается к пешеходу. И, соответственно, к нему применяются правила для пешеходов (п. 1.2 ПДД).

В докладе было озвучено разграничение ответственности в зависимости от возраста виновного и от наличия страховки и ее вида.

Далее проведено кардинальное разграничение уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности самокатчиков при ДТП.

Дикусар Я. С. отмечает, за какие деяния наступает уголовная ответственность:

1) за причинение тяжкого вреда здоровью самокатчику грозит уголовная ответственность по ст. 268 УК РФ (максимальное наказание до 2 лет лишения свободы). Если самокатчик причинил смерть по неосторожности, ему грозит уголовная ответственность по ч. 2, 3 ст. 268 УК РФ (максимальное наказание до 7 лет лишения свободы);

2) если самокат развивает скорость выше 25 км/ч или весит тяжелее установленного в законе веса (больше 35 кг), то на водителя распространяются ПДД к транспортным средствам (например, как к мопедам). В таком случае пользователь несет ответственность, как и водитель транспортного средства;

3) в случае ДТП между автомобилистом и самокатчиком последнего считают пешеходом. Такая позиция давно устоялась в судебной практике. Верховный суд закрепил обязанность водителей соблюдать боковой интервал от самокатов;

4) кикшеринговая компания может быть также привлечена к уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасно-

сти (ст. 238 УК РФ). Это возможно в случае, когда наезд был вызван обстоятельствами, за которые отвечает сам оператор: неисправность самоката, ошибки в системе, например, отсутствие ограничителя скорости. Такие обстоятельства должны устанавливаться в рамках технической экспертизы.

Круглый стол, посвященный проблемам укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью, организованный кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета в рамках II Международного юридического форума «Правовые реформы и современные технологии: новые вызовы и новые возможности для государств Кавказского региона», продемонстрировал высокую актуальность и значимость обсуждаемых вопросов. В ходе заседания круглого стола ведущие представители юридической науки и правоприменительной практики обсудили проблемы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, криминологического, криминалистического противодействия преступности, а также наиболее

эффективные направления совершенствования соответствующих сфер российского законодательства.

На заседании круглого стола состоялась оживленная дискуссия по большинству из вышеназванных вопросов, в результате которой по некоторым из них были выработаны единые позиции заседания, сформулированы предложения по решению существующих проблем укрепления законности и правопорядка в сфере борьбы с преступностью, рекомендации по совершенствованию обсуждаемой участниками сферы законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Итоги заседания круглого стола позволяют сделать вывод: выработка наиболее эффективных средств и методов борьбы с преступностью возможна на основе укрепления научных связей для решения имеющихся проблем правоприменительной деятельности и совершенствования законодательства посредством межгосударственного и международного сотрудничества в этой сфере, а также внедрения инновационных подходов в правоприменительную практику.

ОБЗОР ЗАСЕДАНИЯ КРУГЛОГО СТОЛА «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КИБЕРПРАВОНАРУШЕНИЙ»

Лебедева Екатерина Алексеевна

***Цель:** освещение итогов круглого стола, посвященного вопросам предупреждения киберправонарушений, проходившего 15 октября 2024 г. в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина (МГЮА).*

***Методология:** в статье используется метод анализа и синтеза информации, представленной в выступлениях участников круглого стола. Приведены основные идеи, высказанные в ходе обсуждения вопросов профилактики киберправонарушений. Особое внимание было уделено сравнительно-правовому анализу соответствующих видов правонарушений.*

***Выводы.** Конференция подчеркнула необходимость сотрудничества и обмена мнениями по поводу методов борьбы с киберправонарушениями, тщательного изучения способов совершения таких правонарушений с целью дальнейшего противодействия им.*

***Научная и практическая значимость.** Научная значимость статьи заключается в предоставлении комплексного анализа современных проблем профилактики киберправонарушений и в предложениях по их решению. Практическая значимость заключается в выработке рекомендаций для совершенствования административного, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и улучшения сотрудничества в сфере профилактики киберправонарушений.*

***Ключевые слова:** круглый стол, киберправонарушения, профилактика, цифровые технологии, преступления.*

15 октября 2024 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) состоялось VII ежегодное заседание круглого стола на тему «Актуальные вопросы предупреждения киберправонарушений».

Организаторами круглого стола выступили:

- кафедра административного права и процесса Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
- кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
- кафедра криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России;
- кафедра уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
- Союз криминалистов и криминологов;

– Национальная ассоциация административистов.

В работе конференции в смешанном режиме (очно и в дистанционном формате) приняли участие практические работники и ученые различных вузов и научных учреждений Российской Федерации.

Со словами приветствия к присутствующим обратился Игорь Михайлович Мацкевич, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.

Проведение междисциплинарного круглого стола по проблемам профилактики правонарушений в различных сферах стало многолетней традицией взаимодействия ряда ведущих высших учебных заведений страны.

В работе круглого стола были заслушаны научные доклады и сообщения следующих участников:

Мацкевич Игорь Михайлович, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), почетный президент Союза криминалистов и криминологов, доктор юридических наук, профессор;

Красинский Владислав Вячеславович, советник директора Федеральной службы по финансовому мониторингу, главный научный сотрудник Института информационной и медиабезопасности Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук;

Воронов Алексей Михайлович, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, член Национальной ассоциации административистов, доктор юридических наук, профессор;

Скиба Андрей Петрович, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Сенатова Екатерина Васильевна, начальник кафедры административного и финансового права юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Бодров Николай Филиппович, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, президент Союза криминалистов и криминологов;

Звонов Андрей Викторович, начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мочалкина Ирина Сергеевна, преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Шамрин Максим Юрьевич, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, член Национальной ассоциации административистов;

Лебедева Екатерина Алексеевна, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь Национальной ассоциации административистов;

Поляков Максим Михайлович, доцент кафедры административного права и процесса Универ-

ситета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), докторант Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), член Национальной ассоциации административистов, кандидат юридических наук, доцент.

Игорь Михайлович Мацкевич выступил с сообщением «Проект закона о профилактике правонарушений в Казахстане: что нового по сравнению с российским законом». Докладчик отметил, что это второй закон о профилактике правонарушений на территории стран СНГ (после России). В проекте очень много статей (79 против 34 в российской законе «О профилактике правонарушений»). Из-за этого проект явно перегружен и чересчур детализирован. Например, в ст. 1 проекта избыточное количество определений при том, что наверняка эти определения есть в других нормативных правовых актах Казахстана. В частности, определение «бомж» слишком расплывчатое, под него могут попасть вполне добропорядочные люди, а это чревато злоупотреблениями. В ст. 3 одновременно говорится о гласности и конфиденциальности. Как это одновременно сочетается? В ст. 40 говорится об интеграции достижений науки и техники, название — красивое, содержание — декларативное, статья — не рабочая. С другой стороны, в ст. 43 сделан правильный акцент на необходимости поощрения лиц, участвующих в профилактике правонарушений, им предлагается: объявлять благодарность; награждать грамотой; выплачивать денежную премию и др. С третьей стороны, в ст. 65 отсутствуют санкции, если не выполняются требования соблюдения административного надзора (таких статей в проекте закона без санкций против нарушителей несколько).

В конце выступления И. М. Мацкевич пришел к следующим выводам: 1) закон очень нужный и своевременный; 2) требуется проверить проект закона на предмет повторов определений и понятий в других законах Казахстана; 3) есть резервы для улучшения: а) некоторые статьи излишне подробно прописаны; б) другие наоборот очень лаконичные; в) есть декларации; г) есть трудновыполнимые требования; 4) в современном виде проект зарегламентирован. Тем лучше будет исполняться закон, чем он будет более коротким и понятным. Увы, в России, как и в Казахстане, законы пишут длинные и малопонятные для обычных граждан, при этом стараются впихнуть в них все возможные случаи жизни, а это невозможно. Поэтому, с одной стороны, многие законы не работают из-за несоблюдения юридической техники при их подготовке, а с другой стороны, граждане теряются, не зная, что именно из непонятно написанного в законе им выполнять.

Владислав Вячеславович Красинский выступил по теме: «Использование данных соцсетей для противодействия террористическим и экстремистским преступлениям».

Докладчик подчеркнул, что развитие новых информационных технологий, трансформация традиционных финансовых инструментов и механизмов финансовых операций требуют обновленных подходов к обработке и дистрибуции данных в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансирования терроризма.

В. В. Красинский отметил, что ценным источником цифровых следов фигурантов финансовых расследований выступают социальные сети и интернет-мессенджеры. Помимо агитации, вербовочной обработки и рекрутирования пособников и исполнителей преступлений, данные ресурсы используются для сбора и перевода средств в противоправных целях, легализации преступных доходов.

Важным является изучение особенностей финансирования, мониторинг финансовых следов и связей фигурантов.

На примерах нескольких кейсов В. В. Красинский продемонстрировал, как для мониторинга криптовалютных транзакций в Росфинмониторинге используется программа «Прозрачный блокчейн».

Алексей Михайлович Воронов выступил на заседании круглого стола с сообщением на тему «Деятельность органов внутренних дел по противодействию киберпреступности в отношении пенсионеров», в котором обратил внимание аудитории на результаты анализа практики деятельности правоохранительных органов, констатировал, что самыми распространенными правонарушениями в отношении пожилых лиц являются преступления против собственности, преступления против жизни и здоровья, а также с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Ежедневно злоумышленники по всей стране совершают около 8 млн попыток мошенничества, в большинстве своем телефонного.

При этом автор отметил, что данная проблематика является архиактуальной, так как пожилые люди, родившиеся еще в прошлом веке и воспитанные в духе патриотизма, очень доверчивы и, таким образом, подвержены негативному влиянию извне, особенно с использованием цифровых технологий.

Одним из характерных способов получения доступа к учетным данным, в том числе через портал «Госуслуги», является тот, при котором мошенники предлагают пролонгировать договор

с мобильным оператором для продления действия сим-карты мобильного телефона.

Также в своем выступлении А. М. Воронов обратил внимание на аспект деятельности органов внутренних дел по противодействию таким угрозам в отношении безопасности пожилых людей.

Выступающий также подчеркнул важное значение взаимодействия кредитных организаций и правоохранительных органов. В настоящее время в структуре Банка России действует специальное подразделение — Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности (FinCERT), на базе которого создана система информационного обмена между участниками финансового рынка, правоохранительными органами, провайдерами и операторами связи, системными интеграторами, разработчиками антивирусного программного обеспечения и другими компаниями, работающими в сфере информационной безопасности.

В заключение А. М. Воронов отметил, что помимо вышеизложенного необходимо дальнейшее развитие профилактической деятельности в информационном пространстве, прежде всего, направленной на пропаганду формирования у молодого поколения негативного отношения к противоправным действиям в отношении лиц старшего поколения. Вопросы снижения виктимного поведения пожилых граждан и формирования у молодого поколения негативного отношения к противоправным действиям в отношении лиц старшего поколения неразрывно связаны с осуществлением пропаганды и правового информирования, проводимых как субъектами профилактики правонарушений, так и лицами, участвующими в ней. В свою очередь, такую форму профилактического воздействия, как правовое информирование, можно рассматривать как контрпропаганду, составляющую основу информационно-психологического противоборства.

Андрей Петрович Скиба в процессе выступления с сообщением «Совершение преступлений с использованием сети «Интернет» как обстоятельство, характеризующее личность осужденного: проблемы учета при исполнении наказаний и досрочном освобождении от их отбывания» указывал на то, что в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве при осуществлении исправительно-профилактического воздействия ненадлежаще учитывается большинство индивидуальных признаков осужденных, кроме их пола, возраста, наличия/отсутствия инвалидности и т.п. Более того, на многие причины и условия совершения лицом преступления, в том

числе на наличие у него специальных познаний, позволивших использовать сеть «Интернет», также не обращается должного внимания при назначении, исполнении и досрочном освобождении от наказания, что является следствием наличия недостатков, прежде всего, в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, при назначении наказания в обязательном порядке не предусматривается применение мер, которые направлены на недопущение совершения осужденным нового преступления с использованием сети «Интернет». Неким условным способом профилактики здесь может выступать назначение наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, но в этом случае отсутствует действенный механизм контроля за соответствующими действиями осужденного.

В результате возникает ситуация, когда при исполнении лишения свободы, существенно ограничивающего возможность доступа осужденного к сети «Интернет», с одной стороны, практически полностью предупреждается возможность совершения им нового преступления рассматриваемым способом, но с другой — резко сокращается потенциал использования соответствующих специальных познаний и навыков в контексте его трудоустройства, например, организуемого крупным хозяйствующим субъектом на территории исправительного учреждения в виде оказания какого-либо конкретного легального вида услуг, требующего использования сети «Интернет» (с официальной заработной платой осужденным, уплатой налогов и т.п.). При исполнении же наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в настоящее время вообще отсутствуют эффективные механизмы контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций за соответствующими действиями осужденных, в том числе за правонарушениями в сети «Интернет», что вообще не позволяет говорить о сколь-нибудь эффективном предупреждении соответствующих преступлений указанных лиц.

При принятии решения об условно-досрочном или ином досрочном освобождении от отбывания наказания совершение преступлений с использованием сети «Интернет» как обстоятельство, характеризующее личность осужденного, вообще не учитывается судом ввиду отсутствия соответствующих положений в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Безусловно, аналогичная ситуация здесь наблюдается и в постпенитенциарный период.

Таким образом, очевидна необходимость разработки новых подходов к учету при исполнении наказаний и досрочном освобождении от их отбывания такого обстоятельства, характеризующего личность осужденного, как совершение преступления с использованием сети «Интернет», в контексте предупреждения совершения им повторного преступления.

В своем выступлении Екатерина Васильевна Сенатова уделила внимание профилактике дисциплинарных проступков сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершаемых с использованием сети «Интернет». При этом она не преминула отметить, что, хотя дисциплинарная ответственность не такая тяжелая, как уголовная или административная, она существенно влияет на административно-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) и негативно сказывается на присвоении специального и квалификационного званий, применении мер стимулирования и т.п. Помимо этого она подрывает репутацию и авторитет сотрудника УИС как представителя власти, снижает доверие к работе учреждений и органов УИС.

Сотрудникам уголовно-исполнительной системы во избежание дисциплинарной ответственности, отметила Е. В. Сенатова, не рекомендуется размещать в сети «Интернет», социальных сетях и мессенджерах фото- и видеоматериалы в форменной одежде, с предметами роскоши и изделиями из драгоценных металлов, конфликтных ситуаций со своим участием, с выражениями нецензурной брани и иные материалы, способные нанести ущерб собственной репутации либо авторитету учреждения или органа УИС.

Профилактика такого поведения сотрудника УИС видится Е. В. Сенатовой не только в воспитательной и индивидуально-воспитательной работе руководящего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по поддержанию высокоморального облика сотрудника. Для преодоления сложившейся ситуации необходим комплексный подход со стороны государства, направленный на принятие мер по устранению кадрового некомплекта, повышению уровня социальных гарантий сотрудников и их реальной реализации, поднятию общей и профессиональной культуры отдельных сотрудников. Тем самым возрастет престиж службы в УИС.

С докладом «Противодействие противоправному использованию биометрической информации в эпоху развития нейросетевых технологий» выступил Николай Филиппович Бодров.

Докладчик представил результаты анализа законопроект об изменении российского законодательства в связи с распространением генеративного контента на основе биометрической информации и отдельной его разновидности — дипфейков.

Выступающий привел примеры из зарубежной судебной практики, проиллюстрировал свой доклад наглядными примерами применения технологий нейросетевого синтеза фото- и видеоматериалов, которые используются злоумышленниками для совершения киберправонарушений.

В заключение докладчик сделал вывод о необходимости скорейшего внесения изменений в законодательство для создания механизмов правового регулирования маркировки генеративного контента по аналогии с тем, который используется для маркировки иноагентов, экстремистских организаций, а также для маркировки информационной продукции в соответствии с законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Андрей Викторович Звонков при выступлении с сообщением «Сеть «Интернет» в механизме взаимодействия международного общественного движения «А.У.Е.»: реалии в свете классических воровских традиций» (деятельность международного общественного движения «А.У.Е.» (имеет и другие названия) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) пояснил, что экстремистское движение «А.У.Е.» насчитывает длительную историю развития. Оно развивалось, видоизменялось и совершенствовалось вместе с обществом и государством в свете воздействия различных факторов. Не стало исключением воздействие современных технологий, в том числе интернет-телекоммуникационных.

Члены и сторонники движения «А.У.Е.» адаптируются к новым технологиям путем их широкого внедрения в свою деятельность. Так, если ранее применению подлежали «малявы» как рукописные записки, то в настоящее время все шире применяются социальные сети и мессенджеры как для общения и передачи информации, так и для хранения информации. Также указанные программы используются для организации «сходок» и «сходняков» в режиме видеоконференц-связи, что позволяет не проводить собрания в очном режиме.

Учитывая, что, как правило, используются программы и площадки зарубежных производителей, фиксация и изъятие результатов применения указанных программ затрудняет фиксацию противоправной деятельности.

В своем выступлении «Современные цифровые технологии профилактики коррупционных правонарушений» (доклад подготовлен в рамках исследования за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764) М. М. Поляков отметил, что в настоящее время наметилась четкая тенденция использования категории «цифровые технологии» для противодействия коррупции, что подчеркивает их особый электронный формат и нацеленность на их практическое применение органами государственной власти или местного самоуправления при помощи технических устройств (компьютеров, планшетов, смартфонов), а также программного обеспечения.

По мнению М. М. Полякова, модернизация государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации была обусловлена необходимостью противодействия коррупции в публичном управлении. Реформы, проводимые в России, преследовали примерно одинаковые цели и во многом имели антикоррупционный характер.

М. М. Поляков подчеркнул, что для целей противодействия коррупции в публичном управлении используются и другие перспективные цифровые технологии. Например, краудсорсинговые платформы, блокчейн, искусственный интеллект и т.д.

Екатерина Алексеевна Лебедева выступила с сообщением на тему «Проблемы совершения правонарушений в сфере миграции с использованием цифровых технологий». Екатерина Алексеевна отметила, что в настоящее время использование средств телекоммуникационной связи для совершения правонарушений в миграционных процессах приобретает все более масштабный характер. В частности, осуществление миграционного учета иностранных граждан с использованием портала «Госуслуги» позволяет использовать поддельные сканированные копии документов, в том числе для фиктивной регистрации. Также использование ресурсов социальных сетей в целях осуществления незаконной миграции является глобальной проблемой и угрозой миграционной безопасности государства.

С другой стороны, вводимые в Российской Федерации меры цифровизации, в том числе электронная дактилоскопическая регистрация, фотографирование всех иностранных граждан, находящихся на территории нашей страны, системы видеонаблюдения «Безопасный город» показывают свою эффективность в борьбе с нелегальной миграцией.

Екатерина Алексеевна также отметила необходимость изучения и использования позитивного зарубежного опыта борьбы с правонарушениями

в сфере миграции, в том числе осуществляемыми с использованием цифровых технологий.

С докладом на тему «Роль технологии блокчейн в предотвращении кибератак: международный опыт и перспективы» выступил Максим Юрьевич Шамрин. В выступлении говорилось о востребованности блокчейна в различных сферах публичного управления в настоящее время, а также раскрывалась его сущность и особенности.

Особое внимание было уделено его применению в предотвращении кибератак, поскольку они являются наиболее быстро распространяющимся преступлением во всех странах, постоянно увеличиваясь в размерах, сложности и стоимости наносимого ущерба. В качестве примера был проанализирован взлом Центрального банка Бангладеша.

Докладчиком был сделан вывод о важной роли блокчейна в обеспечении финансовой безопасности государства и необходимости его использования в процессе реализации Росфинмониторингом и МВД РФ их административно-правового статуса.

Ирина Сергеевна Мочалкина в своем выступлении «Новые цифровые объекты как предмет преступлений против собственности» отметила, что в настоящее время одной из актуальных проблем при признании цифровой валюты (криптовалюты) предметом хищения является определение ее стоимости. Она отметила, что, исходя из анализа имеющейся судебной практики, можно выделить следующие подходы к решению данного вопроса:

1. Для определения стоимости криптовалюты суд обращался к котировкам криптобиржи, опубликованным на информационных ресурсах, принадлежащих ряду действующих на территории РФ финансовых организаций, зарегистрированных в РФ и имеющих лицензии Банка России на осу-

ществление различных видов деятельности на финансовых рынках.

2. Стоимость криптовалюты определялась судом исходя из суммы, за которую потерпевший хотел продать криптовалюту преступнику.

3. При определении суммы причиненного ущерба суд опирался на заключение эксперта.

Представляется, что проведение экспертизы для определения стоимости криптовалюты является наиболее предпочтительным вариантом из всех вышеперечисленных. Однако на сегодняшний день у многих судебно-экспертных учреждений и организаций не выработана методика для проведения такой экспертизы, что ставит перед государством и обществом новые цели и задачи.

Подводя итоги работы круглого стола, Игорь Михайлович Мацкевич отметил значимость проводимого ежегодно мероприятия для профилактики правонарушений.

Круглый стол на тему «Актуальные вопросы предупреждения киберправонарушений» показал высокую актуальность и значимость обсуждаемых вопросов. В ходе работы круглого стола ведущие представители правовой науки и практики обсудили наиболее остро стоящие перед государством вопросы борьбы с киберправонарушениями.

Многочисленные дискуссии, состоявшиеся в работе круглого стола, позволили выработать предложения по решению существующих проблем. Также были сформулированы рекомендации по совершенствованию профилактики киберправонарушений.

Итоги круглого стола позволяют сделать вывод о том, что укрепление научных связей для решения имеющихся проблем, обмен опытом способствуют повышению уровня противодействия киберправонарушениям в административном, уголовном и уголовно-исполнительном праве.

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

«ПУБЛИКЕ СПИНА МАНЬЯКА ИНТЕРЕСНЕЕ ЛИЦА ОПЕРАТИВНИКА». ПОСЛЕСЛОВИЕ ЕЛЕНА ТОПИЛЬСКОЙ

Топильская Елена Валентиновна

Я преподаю криминологию в юридическом вузе, и когда мы со студентами приступаем к изучению серийных преступлений, выясняется, что про Чикатило знают все, и многие даже узнают его на фотографии. Я всегда задаю студентам вопрос: можете назвать имена оперативников, раскрывших эти преступления, и имена следователей, которые направили дело Чикатило в суд? Молчание мне в ответ.

В 1993 г. я, работая «важняком» (следователем по особо важным делам) в следственной части прокуратуры города, вела расследование дела о жестоком нападении на мальчика: насильник после удовлетворения половой страсти вырвал ребенку кишечник; сотрудник милиции, наткнувшийся на кишки при осмотре парадной, где произошло нападение, потом долго приходил в себя. Мальчик после нападения (уникальный случай) смог дойти до дома со словами, что у него «пуля в животе». Он бы не выжил, но его родители сумели срочно организовать его транспортировку в Америку; с диагнозом «травма, несовместимая с жизнью» под капельницей его погрузили в самолет и доставили в детский госпиталь в Питтсбурге. После операции он прожил пять лет. Хотя какая это была жизнь...

Вскоре после этого меня попросили выступить перед сотрудниками ФБР, приехавшими к нам с учебной программой для следователей и экспертов, и рассказать о необычных расследованиях. Я рассказала им с иллюстрациями о том, как судебно-медицинским экспертам был направлен для исследования найденный на месте преступления кишечник, и они по характеру повреждений высказались о наличии похожих случаев.

Фэбээровцы хмыкнули: ну и что такого? У нас, мол, тоже эксперты исследуют отдельные органы человеческого тела, если находят части расчлененных трупов. Пришлось сказать, что это — единственный известный мне случай, когда эксперты исследовали полностью отделенный от тела орган живого человека.

Так вот, в ходе следствия мы нашли в разных районах Санкт-Петербурга больше десятка дел об аналогичных преступлениях, и стало понятно, что действует маньяк. Дело было громким, средства массовой информации во всеуслышание задавали следственным органам вопрос, когда же наконец будет найден виновный, а мне лично этот вопрос каждый день задавал начальник следственного управления. Когда мы задержали преступника (Игоря Иртышева), ко мне в кабинет выстроилась очередь из журналистов. Три дня я в перерывах между допросами и опознаниями раздавала интервью, но все хотели еще и пообщаться с маньяком. Пришел корреспондент «Ассошиэйтед Пресс» и стал настаивать на фото задержанного. Я не могла этого позволить, так как предстояли опознания, и, если бы фотографию опубликовали, предъявлять Иртышева потерпевшим и свидетелям было бы уже бессмысленно. Корреспондент молил: ну хотя бы издали, один разочек, со спины... Я удивилась: «Зачем вам спина маньяка?» — и предложила вместо этого снять оперативников, поймавших злодея (они не возражали и своих лиц не скрывали бы), но сотрудник «Ассошиэйтед Пресс» с гневом отверг это предложение, срезав меня сакраментальной фразой: *«Публике спина маньяка интереснее лица оперативника».*

Так что спасибо Михаилу Кривичу и Ольгерту Ольгину за то, что из книги мы узнаем не только кровавые детали жестоких преступлений и подробности жизни маньяка, но еще и видим людей, благодаря которым Чикатило все-таки был остановлен: оперативников, следователей, судей.

И еще: книга интересна не только тем, что, как в триллере, разворачивает перед нами жуткое полотно операции «Лесополоса», но и тем, что представляет читателям, уже успевшим забыть, а то и вовсе не знавшим, многие реалии 90-х, срез жизни тех времен, то, что сегодняшнему россиянину трудно понять. Например, существование целой армии снабженцев (коим был и Чикатило), колесивших по стране, правдами и неправдами добывавших запчасти и материалы для социальных предприятий; вокзалы как рассадник пьянства, бродяжничества и преступности, с «тяжелой, неизбывной вонью», кучами барахла в проходах, перебранкой из-за мест и пр. А главное, авторы без прикрас описали повседневную жизнь милиции, следствия и судов. Да, с тех пор много воды утекло...

А ведь я работала следователем как раз в те годы, когда адвокат допускался в процесс только с момента окончания следствия. Задержание, арест, предъявление обвинения — все это права на участие защитника не давало, исключение делалось только для несовершеннолетних и инвалидов, физические и психические недостатки которых лишали их возможности самостоятельно осуществлять свою защиту (иными словами, если инвалид без рук, без ног или парализован, но голова работает, эти физические недостатки еще не повод для приглашения защитника), и не с момента задержания, а только через три дня. Разумеется, подозреваемый становился заложником добросовестности следователя. И человечности оперов.

Да и в судах не все было гладко. *«Суд в советские годы обеднел и обветшал: и суд как действие, и суд как здание... По всей стране, на окраинах и в столице, судебные процессы, как при Горбачеве, Брежнев, Хрущеве и Сталине, идут в тесноте и неуют»*. Мне в те годы тоже доводилось бывать в судах, где двум посетителям не разойтись было в узком коридоре, судье на голову прямо во время заседания мог упасть кусок штукатурки с прохудившегося потолка, а роль совещательной комнаты играл закуток за шкафами, отгороженный ситцевой занавеской. Сейчас-то по всей России суды обрели наконец достойные помещения, но, к сожалению, на наличие маньяков это не влияет. Они были, есть и будут.

«Средних лет угрюмый человек в очках»

«Газеты печатали его фотографии. На одной, снятой сразу после ареста, — средних лет угрюмый человек в очках, с помятым лицом и недобрыми маленькими глазками. Смахивает на технаря средней руки из заштатного конструкторского бюро. Другой снимок: подсудимый в клетке в первый день процесса. Бритая головка микроцефала, диковатый и бессмысленный взгляд, непомерно длинные — и сильные — руки орангутана, пестрая рубаха с расстегнутым воротом. Вот на этом фото он похож на убийцу».

Конечно, если смотреть на фотографии Чикатило, сделанные в суде, становится странно, как этому отталкивающему персонажу удавалось заманивать своих жертв, почему они добровольно шли за злобным уродом в лесополосу... Но надо понимать, что в суде народ увидел Чикатило после длительного следствия, после полутора лет в предварительном заключении, а это не красит человека и здоровье не укрепляет. В книге приводятся слова сотрудника милиции Александра Германова: «Полтора года одиночки кому хочешь роста убавят». А на свободе он был совсем другим — обаятельным, легким, харизматичным. Маньяк того типа, к которому принадлежал Чикатило, должен легко нравиться, ему нужно войти в доверие к жертве, очаровать, чтобы без помех увести туда, где он с ней расправится. Посмотрите на его фотографии лет юности и молодости, их полно в Интернете: да он просто красавец!

Иногда мои студенты интересуются: а можно как-то узнать в толпе маньяка? Вряд ли. Вот и в книге авторы замечают: «Он был обыкновенным человеком. Как все. Советским человеком. Сыном своей невразумительной эпохи. Учителем, снабженцем. Читателем газет, слушателем радио, телезрителем. Мужем, отцом, дедом». Вам даже в голову не придет, что это маньяк, если вы столкнетесь с ним на улице — да что там на улице, работая бок о бок, живя по соседству, никто не думал такое про Чикатило. Я видела в своей профессиональной жизни маньяков, допрашивала их, и могу признаться, что в них не было ничего демонического. Одному из них оперативник в тюрьму носил шоколадные конфеты — надо же было контакт как-то устанавливать, и тот их с благодарностью брал. Другой, как ребенок, настоящими слезами плакал у опера на груди, рассказывая о своей несчастной жизни, а опер его утешал — по той же самой причине: от задержанного надо получить показания, узнать то, что можно узнать только от преступника. (Может быть, кому-то это покажется кощунственным, а по мне — честь и хвала

тем сотрудникам уголовного розыска, что добиваются признания таким путем, кормя шоколадом и утешая, а не с помощью паяльника и дыбы. Хотя доводилось слышать от оперов — да что с ними церемониться, они с потерпевшими не церемонились... Но мы же не они, правда?)

Возможно, хорошо подготовленный и очень опытный специалист как-то выделит в толпе серийного преступника, но это на уровне подсознания, практически звериным чутьем, которое вырабатывается у талантливых оперативников. Как-то мы с нашим известным питерским профайлером Дмитрием Кирюхиным, вычислившим множество маньяков, обсуждали дело Максима Петрова, «Доктора Смерть». Петров под видом фельдшера скорой помощи убивал доверчивых старичков, впуская его в квартиры, и грабил их. Про это дело был снят документальный фильм, в котором реконструированы сцены допросов и признаний Петрова. Когда я его смотрела, мне в голову не приходило, что это реконструкция, что роль Петрова исполняет актер. А Кирюхин сразу понял, что в фильме нам показывают не самого убийцу. «Почему? Как понял?» — приставала я к Кирюхину. «Не знаю», — пожал он плечами. — «Глаза у него не маньяка».

«Не было еще, пожалуй, таких преступлений и таких преступников»

Да, дело Чикатило — пожалуй, первое дело в истории советской криминалистики, получившее широкую огласку. Конечно, и до него в Советском Союзе были серийные убийцы. В 1935 г. за совершение 15 убийств был расстрелян Александр Лабуткин; в 1963–1964 гг. ходил по квартирам Ионесян «Мосгаз»; в 1969–1970 гг. в Ростове-на-Дону и Ворошиловграде убивал женщин сексуальный маньяк Алмазян «Стальные пальцы». Но подробности об этих преступниках знали только криминалисты, а в народе лишь из уст в уста передавали страшные слухи. Рассказывать об этом в прессе, а уж тем более муссировать кошмарные детали преступлений, как сейчас, было невозможно по идеологическим причинам: мы должны были показывать всему миру, что «социализм не порождает преступности», как выразился назначенный в 1935 г. Генеральным прокурором Советского Союза Андрей Январевич Вышинский. Преступность, как учили тогда коммунисты, порождена исключительно двумя обстоятельствами: тяжелым наследием прошлого (царского самодержавия) и враждебным капиталистическим окружением. Не дай бог было заикнуться о том, что причины преступности могут ко-

рениваться не только в социальных факторах, а еще и в самом человеке, его психофизиологических качествах, наследственности. Криминологи знают, как в 1974 г. началась травля уважаемого саратовского профессора И. С. Ноя — за невиннейшее упоминание в монографии о том, что не только социальные детерминанты обуславливают преступность, но некоторые причины преступности носят биологический характер. Всего один робкий абзац про то, что да, преступность — это результат действия социальных факторов, но все же не надо сбрасывать со счетов достижения великих ученых, с которых начиналась криминология (итальянцев Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, отечественных Д. А. Дриля, И. Я. Фойницкого и др.), и профессора И. С. Ноя выкинули с работы, изъяли его книгу из библиотек и категорически запретили на нее ссылаться.

Страна семимильными шагами двигалась к светлому коммунистическому будущему, туда, где, по словам В. И. Ленина, преступность сама собой исчезнет, останутся лишь отдельные эксцессы отдельных личностей, для борьбы с которыми не будет нужды в содержании милиции и судов. И это будущее, как предсказывал Никита Сергеевич Хрущев, не за горами: «Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», который обещали построить к 1980 г. Но, как известно, история рассудила Вышинского и Ломброзо: прямо по анекдоту, в программе произошли изменения, и вместо ранее обещанного коммунизма состоялись Олимпийские игры. А мы сейчас понимаем, что преступность будет всегда, и в ее корнях перемешано социальное и биологическое.

Забавно видеть, как отдельные столпы советской криминологии, в своих учебниках 70-х гг. XX в. истово доказывавшие, что нету никаких биологических причин преступности, а только пресловутое наследие царизма да буржуазные соблазны, теперь так же истово убеждают, что люди совершают преступления из-за того, что «Господь вложил в человеческую душу и хорошее, и плохое» (клянусь! своими глазами читала!).

А ведь именно Ломброзо первым обратил внимание на некоторые антропологические признаки, указывающие на возможность отклоняющегося поведения, на черты, характерные для определенных типов преступников, то есть фактически именно он стоял у истоков психологического профилирования — составления психологического портрета, профиля преступника исходя из характера преступления. Этот портрет формируется на основе информации об обстановке места об-

наружения трупа; о повреждениях, причиненных жертве, их количестве, расположении, силе нанесения; о внешнем облике самой жертвы и особенностях ее поведения и т.п. Все эти сведения дают возможность выдвинуть версии о чертах личности преступника, о его внешности, привычках, о его месте в социуме. Но до относительно недавнего времени наши криминалисты не слыхали о профилировании, это была американская экзотика. В 1991 г. вышел блистательный голливудский фильм «Молчание ягнят» с Джоди Фостер и Энтони Хопкинсом, основанный на книге Томаса Харриса. Наши особо продвинутые следователи упивались этим сюжетом, разбирали его по косточкам, понимая, что фактически это учебное пособие по поиску серийных убийц. По этому произведению действительно можно изучать основы профилирования, поскольку консультантом писателя, а затем и режиссера, а также соавтором сценария и прообразом одного из главных действующих лиц был легендарный спецгент ФБР, человек, вошедший в историю криминалистики как один из основателей и разработчиков концепции психологического профилирования, Джон Дуглас. Его фигура и сейчас продолжает привлекать создателей произведений криминального жанра: им, к примеру, навеяны образы спецгентов ФБР, главных героев популярного сериала «Мыслить как преступник» («Криминальные умы»).

«Ничего нового в мой опыт это расследование не добавило»

Так нужно ли было это самое профилирование? Или надежнее было действовать по старинке? Ведь как-то справлялись и в 30-е гг., и в 50-е... Самое обидное, что поначалу в советской России активно изучали общественно опасное поведение, связанное с психическими отклонениями, учитывали роль особенностей личности и антропологических признаков в преступном поведении. В 1922 г. был создан Кабинет криминальной антропологии; в 1925 г. на базе клиник, собиравших статистику преступлений и клинические данные преступников в разных городах РСФСР, начал работу Государственный институт по изучению преступности и преступника. В этих учреждениях уже в 20-е гг. XX в. наши специалисты в области психиатрии и криминалистики сформировали психологические портреты отдельных криминальных типов — сексуальных преступников, пироманьяков, детоубийц. Если бы эти исследования продолжались, мы бы давно были впереди всей планеты, и в частности Америки с их отделом поведенческих наук и криминалистическим профилированием.

Но в 30-е гг. XX в. эти научные направления прикрыли, а учреждения расформировали по причине того, что уж у нас-то никаких маньяков быть не может. А если совершаются однотипные жестокие преступления, то это просто рецидивисты, а значит, виновных надо искать старыми проверенными способами: поквартирный обход, выявление лиц, склонных к антиобщественному поведению, проверка ранее судимых и т.п. (Маленькое лирическое отступление: когда в августе 1997 г. в Санкт-Петербурге застрелили вице-губернатора Михаила Маневича, к нам сразу приехал для оказания методической помощи в раскрытии один из руководителей Главного управления уголовного розыска, сыщик старой советской закалки и приказал срочно проверить на причастность к убийству «лиц, ранее судимых за аналогичные преступления», — есть такая стандартная формулировка в планах расследования. Один из наших оперов ему резонно возразил: а нет у нас лиц, осужденных за аналогичные преступления, так как вице-губернаторов у нас еще не убивали). Но к серийным преступникам эти стандартные методы неприменимы. Поскольку они сами никогда не остановятся, самый действенный способ их поимки — предсказать их дальнейшее поведение. Найти наиболее вероятную будущую жертву и не спускать с нее глаз; понять, где и когда может появиться преступник.

Следователь Исса Костоев в интервью, опубликованном в газете «Совершенно секретно» в сентябре 2017 г., признавался журналисту Игорю Королькову, что использовал «способы и методы организации поиска и следствия, которыми руководствовался прежде» («через сито проверок пропустить тысячи людей»), и убедился, что они были верны; «ничего нового в мой опыт это расследование не добавило». Но затем он говорит: «До меня Чикатило искали семь лет. Я его искал четыре года. Почему так долго?»

У Костоева свое объяснение, почему так долго: халатность оперов и следователей, ошибка, допущенная экспертом при определении группы крови преступника. Ну не без этого... Но у меня есть и другое объяснение: они смотрели назад, в прошлое, выявляли, кто *мог* быть на местах убийств и совершить такое. А надо было смотреть вперед, понять, кого они ищут, какие у него привычки, где и как он *будет* искать *новую* жертву. И вот если бы они воспользовались психологическим профилированием...

На чем основан метод психологического профилирования по делам о насильственных преступлениях? Сотрудники ФБР всесторонне изучали

материалы уголовных дел о серийных преступлениях, подробно опрашивали осужденных маньяков. Джон Дуглас, например, лично проинтервьюировал самых печально знаменитых монстров: Дэвида Берковица — «Сына Сэма», Теда Банди — обаяшку с университетской степенью по психологии, на счету которого более тридцати извращенных убийств, Чарльза Мэнсона — лидера секты «Семья», жестоко расправившейся с беременной женой режиссера Полански, актрисой Шерон Тейт; Эдмунда Кемпера, убившего, помимо шести девушек, своих бабушку и дедушку, мать и ее подругу. Изучение огромного массива уголовных дел и личностей преступников позволило выявить статистически значимые связи, жесткие корреляции между признаками лица, совершившего преступление, и признаками его криминального деяния.

Что касается дела Чикатило, Костоев жаловался: «55 убийств и ни одного свидетеля! Ни вещи, брошенной преступником, ни отпечатка пальца. Мы не представляли, как он выглядит: высокий, низкий, худой, лысый?» А вот профайлер рассказал бы, как выглядит тот, кого они искали.

Опытный профайлер может дать не только общую характеристику личности преступника. Он расскажет нам о мотивации поведения того, кого мы ищем; назовет его привычки, склонности, определит возраст, скажет, в каком районе тот проживает и где работает, какое у него образование, в какой семье он вырос, есть ли у него жена и дети, судим ли он в прошлом, и даже какую одежду носит. Один из первых опытов применения психологического портрета для поимки преступника был предпринят нью-йоркской полицией в 1956 г., когда там искали Безумного бомбиста (Жоржа Метески), закладывавшего взрывные устройства в общественных местах. Привлеченный полицией (от отчаяния) психиатр Джеймс Бруссель изучил письма, которые Безумный бомбист отправлял в газеты, и на основании психолингвистического анализа текста составил портрет предполагаемого преступника: хорошо сложенный, аккуратный, чисто выбритый, белый мужчина, выходец из восточной Европы, скорее всего — славянин, закоренелый холостяк в возрасте от 35 до 50 лет, живет с сестрой или теткой в собственном доме, страдает серьезным заболеванием. Бруссель по просьбе полицейских даже сказал, во что преступник одевается: «Вероятнее всего, это двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы». Да, когда преступника нашли, отсеяв лишних, не имеющих подобных примет, он открыл полицейским дверь, одетый в синий двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы.

Это кажется фантастикой, но сегодня наука обеспечила нам возможность, если речь идет о серии преступлений, по характеру и локализации ранений на трупе судить о... социальном статусе преступника и его семейном положении. Например, способ убийства — удушение вкупе с нанесением ножевых ранений, с повреждениями в области половых органов или молочных желез (то, что было характерно именно для Чикатило) — укажет нам на то, что у преступника высокий уровень образования — высшее или незаконченное высшее, он занят на квалифицированной работе и положительно характеризуется по месту работы; скорее всего, служил в армии, поддерживает обширные контакты с женщинами, женат и имеет детей. Вот он вам, Андрей Романович, собственной персоной, как на ладони. Так что профайлер справился бы с поиском Чикатило гораздо быстрее, чем за 11 лет, поскольку материала для составления профиля в этом деле было более чем достаточно.

Правда, есть еще одна версия, почему Чикатило так долго не могли изобличить, несколько раз задерживали и отпускали, и откуда растут ноги у одинокой путаницы с группой крови преступника.

Этой версии авторы книги осторожно касаются, упоминая о том, что Чикатило, скорее всего, негласно сотрудничал с органами, и намекая при этом на КГБ. Документальных подтверждений этому нет. Но так часто бывает, особенно с лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности (а Чикатило был осужден за растрату). Их склоняют к сотрудничеству, и они становятся теми, кого по-обывательски называют стукачами. Действительно, розыск не может существовать без таких стукачей, они являются бесценным источником оперативной информации. Иногда их оформляют официально — разумеется, секретно, сведения о лицах, негласно сотрудничающих с органами, являются государственной тайной. Иногда сотрудничество происходит на неформальной основе, без каких-либо бумажек, и, как правило, именно те агенты являются самыми надежными и ценными, данные о которых опера хранят у себя в голове, а не в картотеке.

Вполне вероятно, что Чикатило был агентом КГБ, или, что больше похоже на правду, уголовного розыска. В таком негласном сотрудничестве есть одна фишка: если с агентом происходит что-то из ряда вон выходящее, например, его задерживают, то об этом в первую очередь сообщают куратору, тому сотруднику, чьим агентом он является. И тот может вмешаться и принять меры к тому, чтобы от агента отстали. Конечно, за ценного осведомителя куратор будет биться всеми правда-

ми и неправдами. Я когда-то расследовала дело о шести убийствах в одном из районов города; все убитые были из одной компании, и каждый раз на месте происшествия присутствовал один и тот же персонаж, часто — весь в кровище потерпевшего. И всякий раз он выступал в роли свидетеля, неся откровенный бред по поводу явившихся среди ночи убийцев, и его отпускали, а очередное убийство «глухарили». Ларчик просто открывался: многократно судимый, он был на крючке в местном розыске и регулярно поставлял туда информацию. Поэтому местный розыск предпочитал иметь в активе пусть и лишние «глухие» убийства, зато ценного агента на свободе.

Здесь уже непринципиально, был Чикатило агентом КГБ или милицейским. Я могу допустить, что когда его задерживали, то ставили в известность куратора, и тот находил способ объяснить коллегам, что задержанного надо освободить. А вот когда дело всерьез запахло жареным, когда речь пошла о проверке группы крови и спермы, что тут делать? Несколько оперов, с которыми я обсуждала ситуацию, говорили, что тут могли тупо подменить образцы выделений, взятые у Чикатило, чтобы уж наверняка его отмазать. Вот такая конспирологическая версия, и подтвердить ее, наверное, невозможно.

«Группа же спермы, которая была обнаружена на трупе одной из жертв, была четвертой. Позже это обстоятельство объяснят тем, что у Чикатило якобы было т.н. «парадоксальное выделительство»: кровь у него была второй группы, а выделения организма — четвертой, и это обеспечивало ему своеобразное алиби. После суда Чикатило станет фигурировать в СМИ как «парадоксальный выделитель» — человек с крайне редкой особенностью организма («один на несколько миллионов»). На самом же деле анализ обнаруженной спермы дал неправильный результат из-за микробной обсемененности материала».

Вот эта официальная версия — про микробную обсемененность материала — кажется мне наименее убедительной. Если бы материал был загублен, ничего вообще, никакой группы установить бы не удалось. Вряд ли эксперты стали рисковать, называя группу крови наобум. Кроме того, я лично знаю эксперта, проводившую анализ; она — специалист высочайшей квалификации, и это не только мое мнение. В экспертных кулуарах говорят, что Чикатило, скорее всего, относительно редкий образец так называемого слабого выделительства: в его крови антиген сильно выражен, а в других выделениях — слабо. В этих случаях анализы нужно повторять несколько раз,

в течение нескольких дней, так как сыворотка, вводимая в образец, может выдать ошибочный результат. Чикатило задерживали дважды, и могли оба раза сделать выводы по одной пробе. Но, учитывая, как уже сказано, высочайшую квалификацию эксперта, да еще сильный резонанс дела, мне это представляется маловероятным.

«Все эти убийства по сути своей до омерзения схожи, только жертвы разные»

Иногда думают, что серийный убийца развлекается, подбирая жертв, устраивая на них охоту и затем измываясь над ними. Сидит эдак у камина и думает: ночка-то какая лунная, а не пойти ли мне поискать какую-нибудь беззащитную девушку в черных колготках для удовлетворения низменных потребностей? Нет, сегодня «Тайны следствия» по телику — не пойду.

Конечно, это не так. На самом деле жизнь маньяка не менее мучительна, чем те испытания, которым он подвергает потерпевших. Питерский серийный преступник Лишонок, в 90-х гг. убивавший мальчиков после сексуальных надругательств, рассказывал психиатру В. И. Иванову, что в голове у него живет огромный удав, свернувшийся кольцами. Будучи голоден, он шевелится, расправляя кольца и причиняя тем самым невероятные страдания хозяину, а успокаивается только после того, как хозяин совершит убийство. Так что жизнь маньяка от убийства до убийства подобна жизни наркомана в ломке, когда плохо не только морально, но и физически, когда весь организм скручивает так, что жить невмоготу, и отпускает только после убийства. Ненадолго. А потом хочется повторить это облегчение.

Сейчас уже известно, что все серийные преступники в детстве сами были жертвами насилия, часто сексуального. Да, не все жертвы насилия становятся маньяками, но все маньяки в детстве через это прошли. И Андрей Чикатило — не исключение, его детские годы переполнены жестокостью, и, может быть, ужасы, совершавшиеся на его глазах, оказались для детской психики страшнее прямого насилия.

Авторы книги приводят его слова: «Мы жили на оккупированной территории в 1941–1943 г. После боев собирали трупы, по частям, в крови... И детей разорванных видел на улицах. Свист пуль, взрывы, пожары — хаты горели. Прятались в подвалы... В 1933 г., по рассказам отца и матери, моего старшего брата Степана в голодовку украли и съели». А по некоторым источникам, старшего брата Андрея Чикатило съели в голод сами родители. Можно также встретить предположение,

что он был свидетелем изнасилования его матери немецкими солдатами, после чего родилась его сестра. Наверное, даже этого достаточно, чтобы психика ребенка необратимо изменилась. И лучше не представлять, что чувствует ребенок, живущий в атмосфере насилия и жестокости. Он один во враждебном мире взрослых; часто его мучитель является его же родителем или опекуном, и ему некуда деться, никак не убежать от этой убийственной опеки.

Тяжелые, давящие матери, ломающие волю своего ребенка (вспомните «Мертвую зону» Стивена Кинга); отцы или отчимы, или даже случайные сожители матери, годами насилюющие детей обоего пола... В роли мучителей могут выступать и ровесники, объединившиеся против слабого и безвольного подростка. Или фашистские солдаты, расправляющиеся с мирными жителями — женщинами и детьми. Тот, кого мучают, не может дать отпор и постоянно, каждую минуту, каждую секунду пребывает в тяжелейшем психологическом состоянии. Наверное, каждый переживал, хоть и недолго, такую отчаянную ситуацию, когда ничего не исправить, остается только биться головой о стену в буквальном смысле. Но у большинства это проходит. А если из этого ада нет выхода?

Правда, добрая природа предусмотрела возможность облегчения такого положения: адекватным ответом на агрессию является агрессия; состояние человека, которого ударили, а он утерся и пошел, несравнимо с состоянием того, кого ударили, а он дал сдачи. А если нет возможности ответить агрессору агрессией же? Маленький ребенок не может ответить адекватной агрессией взрослому или группе мучителей-ровесников, ему остается только утираться. Или проявлять агрессию по отношению к тому, кто не сможет ответить ему, в свою очередь. Поэтому начинающие маньяки мучают животных. В 1963 г. Д. Макдональд описал так называемую «триаду маньяка»: все известные серийные убийцы в детстве обнаруживали три психические девиации одновременно: страсть к поджогам или взрывам, жестокость к животным и ночной энурез. У Чикатило, кстати, все эти отклонения присутствовали.

Так что, если нет возможности ответить насилием тому, кто является источником фрустрации, наше подсознание услужливо предложит нам вариант замещения. Воспитанный жестокой матерью Эд Кемпер будет убивать девушек, доверчиво садившихся к нему в машину, потому что мать все время внушала ему — кому ты нужен, ты урод, с тобой не пойдет ни одна нормальная девушка. А если они пошли, то это плохие девушки.

Правда, логичнее было бы убить мать; но его воля настолько подавлена именно матерью, что проявить насилие по отношению к ней он не может. Зато может обратить агрессию на тех, кого мать не одобряет. Только после того, как он совершит восемь убийств, натренируется, привыкнет, окрепнет, он наконец расправится с той, которая свергла его в пучину этого ужаса.

В теории криминалистики считается, что серийный убийца в своих фантазиях формирует некий образ, типаж, который влияет на выбор жертвы. «Переживания и проблемы, запечатлевшиеся в душе в период оформления характера будущего серийного киллера, переносятся на людей, чем-то похожих на тех, кто был некогда первопричиной этих переживаний», — пишут в книге «Криминалистическая психология» В. Образцов и С. Богомолова. Давящая мать — значит, маньяк будет искать женщин, похожих на мать, и убивать их, в своих фантазиях каждый раз ликвидируя источник своих проблем — мать. Иногда уже и матери на свете нет, а сын все убивает этот образ. Хичкок на этот счет все сказал уже давно. Отвергнувшая девушка — значит, жертвы будут похожи на нее...

А как же укладывается в эту теорию Чикатило? Среди его жертв — и маленькие девочки, и девушки, и женщины разных возрастов, и мужчины, и мальчики. Что за типаж он преследовал, кого убивал каждый раз? Разумеется, следует учитывать, что чаще всего первыми жертвами маньяков становятся дети, по одной простой причине: с детьми легко справиться. Юные девушки — из-за того же. Потом маньяк оттачивает *modus operandi*, способ действия, и осмеливается убивать взрослых. Но Чикатило и после совершения многих убийств продолжал нападать на детей, на мальчиков. Психиатр Александр Бухановский считал, что Чикатило был гетеросексуалом, а мальчики для него «выступали в качестве “символических объектов”, на которых он, возможно, вымещал обиды и унижения, перенесенные в детстве и подростковом возрасте». Но отчего именно мальчики играли роль этих «символических объектов»?

«В школе от голодных обмороков я падал под парту, — продолжают авторы книги интервью с маньяком. — Ходил в лохмотьях. Был предметом насмешек и не мог защититься. Был слишком стеснительным, робким, застенчивым. Если у меня в классе не было ручки или чернил, я просто сидел за партой и плакал». Его дразнили «скелетом» и били, преследовали. Значит, повзрослев, он искал подростков, похожих на тех, кто его дразнил и бил?

Осмелюсь предположить, что «символический объект» в данном случае для Чикатило — это он сам. Он сам в прошлом, в своем детстве. Это себе он мстил за то, что не сумел противостоять насмешкам и преследованиям, не давал отпор мучителям, а просто плакал тогда в школьные годы.

«Расстреляли по ошибке»

Казалось бы, дело Чикатило изучено, описано и разобрано по буквам вдоль и поперек, и в нем все ясно и понятно. Но нет. До сих пор не утихают споры о том, совершал ли он первое приписанное ему убийство 9-летней девочки Лены Закотновой в Шахтах. Авторы книги убеждены, что именно он убил Лену, и довольно аргументированно излагают эту версию. Но не все так однозначно.

Об этом убийстве рассказал следователю сам Чикатило. Следствие и не думало проверять его на причастность к убийству девочки в 1978 г. просто потому, что за это преступление уже был осужден и даже расстрелян другой человек — Александр Кравченко. Но Чикатило настаивает, что девочку убил именно он. Что-то в его рассказе подтверждается, что-то противоречит известным обстоятельствам происшествия. А в суде он отказывается от этого эпизода, утверждает, что себя оговорил, хотя, казалось бы, какая ему разница, 55 или 54 убийства; ведь даже если бы не пятьдесят, а двадцать, или даже пять, — это все равно «вышка», смертная казнь.

Следователь Исса Костоев был убежден, что Лену Закотнову убил Чикатило, и проявил невероятную активность по отмене приговора в отношении Кравченко, еще до приговора выступал в прессе, называя Чикатило подлинным убийцей Лены Закотновой. Значит, все-таки Чикатило?

А вот один из прокуроров, участвовавших в процессе, А. Куюмджи после оглашения обвинительного заключения отказался поддерживать обвинение по эпизоду с убийством Закотновой, потому что счел вину Чикатило в данном эпизоде недоказанной. Это очень серьезный довод: чтобы прокурор, не дожидаясь прений, в самом начале процесса усомнился в одном из эпизодов преступной деятельности, да еще по такому громкому делу — неслыханно! Значит, не Чикатило?

Ростовский суд осудил Чикатило за это убийство. Но затем кассационная инстанция, рассматривая дело Чикатило, признанного виновным в нескольких десятках убийств, исключает именно это преступление в отношении Закотновой из обвинения. Значит, не он?

Фактически этот эпизод Верховный Суд РФ исключил из его обвинения за недоказанностью.

Но осторожно формулируя: «При таких данных судебная коллегия находит вывод суда первой инстанции о виновности Чикатило в убийстве Закотновой и попытке ее изнасилования *не основанным на бесспорных доказательствах*». То есть все-таки доказательства худо-бедно есть. Но они не бесспорные. Тогда, может быть, он?..

На мой взгляд, в определении Верховного Суда РФ есть по меньшей мере одно *бесспорное* доказательство, только оно доказывает не вину, а наоборот, невиновность Чикатило. «Экспертами установлено, — пишет судебная коллегия, — что в выделениях Чикатило содержится антиген “В”, который не был выявлен при исследовании содержимого влагалища и прямой кишки потерпевшей. Такой вывод экспертов фактически исключает происхождение спермы, обнаруженной у потерпевшей, от Чикатило».

Авторы книги сами указывают, правда, в главе, не относящейся к убийству Лены Закотновой, что всякий раз при обнаружении трупов потерпевших, если был материал для исследования, «медицинская экспертиза давала заключение, что сперма относится к антигенной группе АВ, то есть содержит оба характерных для крови человека и его выделений антигена — А и В». То есть антиген В имелся во всех случаях, кроме первого?

Учитывая, что потерпевшая — все же не взрослая женщина, а ребенок, трудно предположить, что сперма в ее половых путях взялась не от убийцы, а от кого-то другого. Значит, не он?..

«Мы хотели прийти к финишу первыми»

Книга заканчивается благодарностями тем, кто помог в работе над ней: следователям, оперативникам, экспертам, издателям, журналистам... А мне хочется сказать спасибо авторам за вдумчивое, глубокое повествование, в котором им удалось избежать смакования кровавых подробностей, и очень взвешенно, но в то же время и эмоционально показать нам героев этой драмы. И антигероев тоже. Столько лет прошло, а читать книгу интересно. Говоря о том, что они хотели прийти к финишу первыми, авторы имели в виду чрезвычайно сжатые сроки, в которые она была написана: «В апреле 1992 г. мы впервые услышали о ростовском деле. В июле задумались — не написать ли об этом книгу. Мы сели за нее в конце июля, вчерне закончили к сентябрю, а в середине октября, едва был зачитан приговор, поставили точку». По-моему, им удалось прийти к финишу первыми и в другом смысле: в смысле создания хорошего публицистического произведения в относительно редком у нас жанре true crime story.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Владислав Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, kaforpp@rambler.ru

Бодров Николай Филиппович — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), bodrovnf@gmail.com

Ворожцова Татьяна Петровна — студентка Института права, экономики и управления, Псковский государственный университет, vorozcova_tanya@mail.ru

Горенская Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, crim@izak.ru

Гринченко Анастасия Николаевна — ассистент кафедры экономики финансов и финансового права Псковского государственного университета, Nastya04050@yandex.ru

Данилов Андрей Петрович — кандидат юридических наук, главный редактор журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра», заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, danilov-a1@mail.ru

Долгополов Кирилл Андреевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Юридического института, Северо-Кавказский федеральный университет, nadal06@mail.ru

Жилкин Максим Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, главный редактор журнала «Союз криминалистов и криминологов», zmax71@mail.ru

Кибальник Алексей Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, профессор Северо-Кавказского социального института, 13kln@mail.ru

Крайнова Надежда Александровна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Уголовное право и процесс» Севастопольского государственного университета, член Совета Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, kna1976@rambler.ru

Кузьминов Денис Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института, Северо-Кавказский федеральный университет, deniskuzminov@mail.ru

Куликова Светлана Геннадьевна — доктор исторических наук, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, svetlana-1977@mail.ru

Лебедева Антонина Константиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), tonya109@yandex.ru

Лебедева Екатерина Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), adv.lebedeva@gmail.com

Милоков Сергей Федорович — доктор юридических наук, профессор, соучредитель, почетный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, dikoe polesf@gmail.com

Мощанский Александр Борисович — полковник полиции в отставке, профайлер, публицист, Филиал Союза криминалистов и криминологов в г. Перми, moschanski@mail.ru

Нудель Станислав Львович — доктор юридических наук, доцент, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, crim@izak.ru

Овчинников Сергей Николаевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, mont80@mail.ru

Писарев Георгий Анатольевич — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Псковского государственного университета, gpisarev@mail.ru

Семькина Ольга Ивановна — кандидат юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, crim@izak.ru

Серова Ольга Александровна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета, olgaserova1974@mail.ru

Тангиев Бахаудин Батырович — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор, гранд-доктор юриспруденции в области экокriminalологии, полный профессор Оксфордского и Кембриджского университетов, эксперт ЮНЕСКО в области экокriminalологии и информационно-криминологических технологий, руководитель НТС по экокriminalологии и экобезопасности НП МАБИ, заслуженный работник науки и образования РАЕ, почетный эколог-академик МАНЭБ и Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия), действительный член Русского географического общества, Российской криминологической ассоциации и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, член Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, tangievb@yandex.ru

Топильская Елена Валентиновна — кандидат юридических наук, адвокат Санкт-Петербургской палаты адвокатов, Член Союза писателей Санкт-Петербурга, etopilskaya@yandex.ru

Троянов Ярослав Олегович — аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, jaroslawt96@mail.ru

Харабет Константин Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса, исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека им. проф. А.А. Тер-Акопова (Москва), harabet@mail.ru

Харламов Валентин Станиславович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, valentinx55@mail.ru

Чернышев Кирилл Александрович — аспирант кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), mr.kirillch2000@mail.ru

Чистилина Анастасия Сергеевна — аспирантка кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), anastasiacistilina7@gmail.com

Шестаков Дмитрий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель и президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, shestadi@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Belov Vladislav Ivanovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Institut für Strafverfolgung, Strafrecht und Strafverfahren der Staatlichen Universität Pskow, kafoppd@rambler.ru

Bodrov Nikolai Filipovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), bodrovnf@gmail.com

Chernyshev Kirill Alexandrovich — Aspirant der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL), mr.kirillch2000@mail.ru

Chistilina Anastasia Sergeevna — Aspirantin der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL), anastasiacistilina7@gmail.com

Danilov Andrey Petrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Chefredakteur der Zeitschrift „Kriminologie: Gestern, heute, morgen“, Stellvertretender Präsident des Internationalen Kriminologischen Clubs St. Petersburg, danilov-a1@mail.ru

Dolgoplov Kirill Andreevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Strafverfahren, Institut für Rechtswissenschaften, Nordkaukasische Föderale Universität, nadal06@mail.ru

Gorenskaya Elena Vladimirovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, crim@izak.ru

Grinchenko Anastasia Nikolaevna — Assistentin der Abteilung für Finanzwirtschaft und Finanzrecht, Staatliche Universität Pskow, Nastya04050@yandex.ru

Kharabet Konstantin Vasilievich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Oberst der Justizreserve, Exekutivdirektor der Prof. A.A. Ter-Akopov-Stiftung zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung auf dem Gebiet des Rechts der menschlichen Sicherheit (Moskau), harabet@mail.ru

Kharlamov Valentin Stanislavovich — Doctor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der St. Petersburger Universität des Innenministeriums Russlands, valentinx55@mail.ru

Kibalnik Alexey Grigorievich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Filiale in Stawropol der Krasnodar-Universität des Innenministeriums Russlands, Professor des Nordkaukasischen Sozialinstituts, 13kln@mail.ru

Krainova Nadezhda Alexandrovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Leiterin des Lehrstuhls für Strafrecht und Prozess an der Staatlichen Universität Sewastopol, Mitglied des Rates des Internationalen Kriminologischen Clubs St. Petersburg, kna1976@rambler.ru

Kulikova Svetlana Gennadijevna — Doktorin der Geschichtswissenschaften, Leiterin der Abteilung für Staats- und Zivilrecht an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer V.Ja. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, cvetlana-1977@mail.ru

Kuzminov Denis Aleksandrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent der Abteilung für Strafrecht und Strafverfahren, Institut für Rechtswissenschaften, Nordkaukasische Föderale Universität, deniskuzminov@mail.ru

Lebedeva Antonina Konstantinovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für forensische Gutachten der O.E. Kutafin Staatlichen Juristischen Universität Moskau (MSAL), tonya109@yandex.ru

Lebedeva Ekaterina Alekseevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, stellvertretende Leiterin des Lehrstuhls für Verwaltungsrecht und Verwaltungsverfahren der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL), adv.lebedeva@gmail.com

Milyukov Sergey Fyodorovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Mitbegründer, emeritierter Professor des St. Petersburger Internationalen Kriminologischen Klubs, dikoepolesf@gmail.com

Moschanski Alexander Borisovich — ein pensionierter Polizeioberst, ein Profiler, ein Publizist, Niederlassung des Verbandes der Forensiker und Kriminologen in Perm, moschanski@mail.ru

Nudel Stanislav Lvovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, crim@izak.ru

Ovchinnikov Sergei Nikolaevich — Kandidat der Soziologie, leitender Forscher am Zentrum für Straf- und Strafprozessrecht des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung der Regierung der Russischen Föderation, mont80@mail.ru

Pisarev Georgy Anatolyevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Leiter des Lehrstuhls für Zivilrecht und Prozessrecht der Staatlichen Universität Pskow, gpisarev@mail.ru

Semykina Olga Ivanovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, crim@izak.ru

Serova Olga Aleksandrovna — Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Erste Vizerektorin, Professorin des Lehrstuhls für Zivilrecht und Prozessrecht der Staatlichen Universität Pskow, olgaserova1974@mail.ru

Shestakov Dmitry Anatolyevich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Mitbegründer und Präsident des St. Petersburg International Criminological Club, Leiter des kriminologischen Labors der Russischen Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen-Universität, shestadi@mail.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Kandidat der technischen Wissenschaften, Professor, der Große Doktor der Rechtswissenschaften im Bereich Ökokriminologie, Professor der Universitäten Oxford und Cambridge, UNESCO-Experte im Bereich Ökokriminologie und kriminologische Informationstechnologien, Leiter des NTS in Ökokriminologie und Ökosicherheit des NP MABI, ehrenamtlicher Mitarbeiter für Wissenschaft und Bildung der RAE, Ehrenakademiker für Ökologie der MANEB und der Europäischen Akademie der Naturwissenschaften (Hannover, Deutschland), Vollmitglied der Russischen Geografischen Gesellschaft, der Russischen kriminologischen Vereinigung und des Internationalen kriminologischen Clubs St. Petersburg, Mitglied der Anwaltskammer St. Petersburg, tangievb@yandex.ru

Topilskaja Elena Valentinovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Rechtsanwältin der Rechtsanwaltskammer St. Petersburg, Elena Valentinina Topilskaya, Ph. Rechtsanwaltskammer, Mitglied des St. Petersburger Schriftstellerverbandes, etopilskaya@yandex.ru

Troyanov Yaroslav Olegovych — postgraduierter Student am Institut für Strafverfolgung, Strafrecht und Strafverfahren der Staatlichen Universität Pskow, jaroslawt96@mail.ru

Vorozhtsova Tatyana Petrovna — Student am Institut für Recht, Wirtschaft und Management der Staatlichen Universität Pskow, vorozcova_tanya@mail.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafrecht an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer V.Ja. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, Chefredakteur der Zeitschrift „Verband der Kriminalisten und Kriminologen“, zmax71@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Belov Vladislav Ivanovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, kafoppd@rambler.ru

Bodrov Nikolai Fillipovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Forensic Expertise's Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), bodrovnf@gmail.com

Chernyshev Kirill Alexandrovich — Postgraduate student Kutafin Moscow State Law University (MSAL), mr.kirillch2000@mail.ru

Chistilina Anastasia Sergeevna — Postgraduate student Kutafin Moscow State Law University (MSAL), anastasiacistilina7@gmail.com

Danilov Andrey Petrovich — Candidate of Legal Sciences, Editor-in-chief of the journal "Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow", Deputy President of the St. Petersburg International Criminological Club, danilov-a1@mail.ru

Dolgopolov Kirill Andreevich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the department of criminal law and procedure of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, nadal06@mail.ru

Gorenskaya Elena Vladimirovna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, crim@izak.ru

Grinchenko Anastasia Nikolaevna — assistant at the Department of Financial Economics and Financial Law, Pskov State University, Nastya04050@yandex.ru

Kharabet Konstantin Vasilievich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Colonel of Justice of the Reserve, Executive Director of the Prof. A.A. Ter-Akopov Foundation for Assistance to Scientific Research in the Field of Legal Ensuring of Human Security (Moscow), harabet@mail.ru

Kharlamov Valentin Stanislavovich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, valentinx55@mail.ru

Kibalnik Alexey Grigorievich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the North Caucasus Social Institute, 13kln@mail.ru

Krainova Nadezhda Alexandrovna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Sevastopol State University, Member of the Council of the St. Petersburg International Criminological Club, kna1976@rambler.ru

Kulikova Svetlana Gennadievna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines at the Moscow Regional Branch of V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cvetlana-1977@mail.ru

Kuzminov Denis Aleksandrovich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, deniskuzminov@mail.ru

Lebedeva Antonina Konstantinovna — Candidate of Legal Sciences, associate professor of Forensic Expertise's department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), tonya109@yandex.ru

Lebedeva Ekaterina Alekseevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy head of the Department of Administrative Law and Process of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), adv.lebedeva@gmail.com

Milyukov Sergey Fyodorovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Co-founder, Honorary Professor of the St. Petersburg International Criminology Club, dikoe polesf@gmail.com

Moshansky Alexander Borisovich — retired police colonel, profiler, publicist, Branch of the Union of Criminologists and Criminologists in Perm, moschanski@mail.ru

Nudel Stanislav Lvovich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, crim@izak.ru

Ovchinnikov Sergei Nikolaevich — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, mont80@mail.ru

Pisarev Georgy Anatolyevich — Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University, gpisarev@mail.ru

Semykina Olga Ivanovna — Candidate of Legal Sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, crim@izak.ru

Serova Olga Aleksandrovna — Doctor of Legal Sciences, Professor, First vice-rector, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University, olgaserova1974@mail.ru

Shestakov Dmitry Anatolyevich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Co-founder and President of the St. Petersburg International Criminological Club, Head of the Criminological Laboratory of the Russian State A.I. Herzen Pedagogical University, shestadi@mail.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich — Candidate of Law, Candidate of Technical Sciences, Professor, Grand Doctor of Jurisprudence in the field of ecocriminology, Full Professor of the Oxford and Cambridge Universities, UNESCO expert in ecocriminology and information-criminological technologies, Head of the NTS Ecocriminology and Ecosecurity NP MABI, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Honorary ecologist Academician of the MANEB and the European Academy of Natural Sciences (Hannover, Germany), full member of the Russian Geographical Society, the Russian Criminological Association and the St. Petersburg International Criminological Club, member of the St. Petersburg Chamber of Advocates, tangievb@yandex.ru

Topilskaya Elena Valentinovna — Candidate of Law, Attorney-at-Law of St. Petersburg, Lawyer of the St. Petersburg Chamber of Lawyers, Member of the St. Petersburg Writers' Union, etopilskaya@yandex.ru

Troyanov Yaroslav Olegovich — postgraduate student at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, jaroslawt96@mail.ru

Vorozhtsova Tatyana Petrovna — Student at the Institute of Law, Economics and Management, Pskov State University, voroztcova_tanya@mail.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at the Moscow Regional Branch of V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Editor-in-Chief of the Union of Criminalists and Criminologists journal, zmax71@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Terminologische und inhaltliche Aspekte von Konzepten zur Beschreibung des Einsatzes digitaler Technologien in strafrechtlichen Beziehungen

Zhilkin Maxim Gennadievich

Ziel: die Notwendigkeit einer Vereinheitlichung des terminologischen Apparats in den strafrechtlichen Beziehungen im Zusammenhang mit der Nutzung digitaler Technologien zu analysieren und zu begründen. Die Studie zielt darauf ab, die Mängel der derzeitigen Terminologie im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation zu ermitteln und Wege zur Verbesserung der Terminologie im Hinblick auf eine genauere Qualifikation von Straftaten und eine effektive Strafverfolgungspraxis vorzuschlagen.

Methodologie: die Untersuchungsmethode umfasst die Analyse von Rechtsakten zur Regelung digitaler Technologien und ihrer Anwendung im strafrechtlichen Bereich, vergleichende Rechtsprechung sowie einen systematischen Ansatz zur Bewertung der Terminologie. Der Beitrag stützt sich auch auf eine Inhaltsanalyse bestehender wissenschaftlicher Veröffentlichungen über Cyberkriminalität und digitale soziale Beziehungen.

Schlussfolgerungen. Der Beitrag kommt zu dem Schluss, dass die im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation verwendete Terminologie zur Beschreibung von Straftaten, die unter Einsatz digitaler Technologien begangen werden, uneinheitlich ist und einer Angleichung bedarf. Es wird vorgeschlagen, die fragmentarischen Begriffe durch einen umfassenderen Begriff der „Straftaten unter Einsatz digitaler Technologien“ zu ersetzen und dieses Merkmal in die Liste der erschwerenden Umstände aufzunehmen. Dies wird die Strafverfolgungspraxis verbessern und eine Anpassung der Rechtsvorschriften an die rasche Entwicklung der digitalen Technologien ermöglichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die wissenschaftliche Bedeutung der Studie liegt in der Entwicklung eines systematischen Ansatzes für die Terminologie der Cyberkriminalität, der rechtliche Unklarheiten beseitigen und die theoretische Grundlage für die Qualifikation von Straftaten im digitalen Bereich verbessern wird. Die praktische Bedeutung liegt in der Tatsache, dass die vorgeschlagenen Änderungen die Effizienz der Strafverfolgungsbehörden und Gerichte bei der Prüfung von Fällen im Zusammenhang mit digitalen Straftaten sowie den Schutz der Rechte von Bürgern und Organisationen unter den Bedingungen der Digitalisierung verbessern können.

Stichwörter: Cyberkriminalität, digitale Technologien, strafrechtliche Beziehungen, Terminologie, Informationsnetzwerke, Qualifikation von Straftaten, Strafverfolgung, Gesetzgebung, Angleichung der Begriffe, rechtliche Verantwortlichkeit, Digitalisierung, Strafgesetzbuch der Russischen Föderation.

Über den Internationalen Kriminologischen Club St. Petersburg

Danilov Andrey Petrovich

Ziel: den Lesern Informationen über die Entstehung und Aktivitäten des Internationalen Kriminologischen Clubs St. Petersburg und seinen Einfluss auf die Entwicklung der nationalen und weltweiten Kriminologie zu liefern.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Der Internationale Kriminologische Club St. Petersburg ist eine der führenden kriminologischen Organisationen in Russland, die für Wissenschaft und Praxis bedeutende Forschungsarbeiten und wissenschaftliche Veranstaltungen durchführt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Club befasst sich mit Fragen der allgemeinen kriminologischen Theorie: Kh.D. Alikperov (Aserbaidsschansische Republik), G.N. Gorshenkov, D.A. Shestakov und andere. Besonderes Augenmerk wird auf das „Sicherheitsrecht“ gelegt, dessen Konflikt mit dem Strafrecht besteht (U. Sieber, N.V. Shchedrin und andere). Clubmitglieder unterstützen die Entwicklung neuer Zweige der Kriminologie: Familie (V.S. Kharlamov, D.A. Shestakov), Politik (A.P. Danilov, P.A. Kabanov, D.A. Shestakov), Umwelt (B.B. Tangiev), Kriminologie des Rechts (D.A. Shestakov) usw.

Stichwörter: kriminologie, kriminologischer Club, Zweige der Kriminologie, St. Petersburg, Professor Shestakov.

Zur Kriminologie der Drogenrealität durch das Prisma der Theorie der antikriminellen Sozialisierung

Krainova Nadezhda Alexandrovna

Ziel: den Ansatz zur Bekämpfung der Drogenkriminalität (Aufbau einer Politik im Bereich der Bekämpfung der Drogenkriminalität und ihrer kriminologischen Erkenntnis) auf der Grundlage der Theorie der antikriminellen Sozialisierung (Resozialisierung) zu begründen. Das Problem der Reproduktion der Drogenkriminalität ist immer aktuell. Die Bekämpfung von Straftaten, die unter Verwendung von Drogen, psychotropen Stoffen und deren Ersatzstoffen begangen werden, erfolgt mit strafrechtlichen Mitteln, und es werden medizinische Rehabilitationsmaßnahmen für Drogenabhängige durchgeführt. In der Strafverfolgungspraxis ist jedoch kein signifikanter Rückgang der Drogendelikte zu verzeichnen, was darauf zurückzuführen ist, dass es keine zuverlässige Grundlage für den Aufbau eines allgemeinen Systems zur Bekämpfung der Drogenkriminalität gibt. In diesem Bereich gibt es noch Fragen, die untersucht und diskutiert werden müssen.

Methodologie: dialektische, formal-logische, strukturelle, statistische Methoden, Analyse, Synthese, Induktion.

Schlussfolgerungen. Die antikriminelle Resozialisierung von Drogenabhängigen und ehemaligen Drogenstraftätern sollte von der Gesellschaft mit der vollen Unterstützung des Staates durchgeführt werden. Nur in einem solchen Paradigma, so scheint es, kann die Bekämpfung der Drogenkriminalität wirksam sein.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Problem der Reproduktion der Drogenkriminalität ist seit Jahrzehnten ein aktuelles Thema und wird wohl auch in naher Zukunft nicht an Schärfe verlieren. Die Verbreitung digitaler Dienste und Instrumente sowie die Digitalisierung der sozialen Beziehungen haben nicht nur zu keiner Verringerung der Drogenkriminalität geführt, sondern die Situation in diesem Bereich noch verschärft. Die Suche nach wirksamen Ansätzen zur Bekämpfung der Drogenkriminalität unter modernen Bedingungen ist eine vordringliche Aufgabe, deren Lösung sowohl die Zahl der Drogendelikte als auch die Zahl der Drogenabhängigen minimieren wird.

Stichwörter: Drogenkriminalität, Drogenabhängigkeit, Drogenkriminologie, Drogentäter, Kriminalitätsbekämpfung, antikriminelle Sozialisierung, Resozialisierung, Kriminalität, Kriminologie, Strafe.

St. Petersburger Internationaler kriminologischer Klub: seine Befürworter, Gegner und Zögerer

Milyukov Sergey Fyodorovich

Ziel: ist es, die Aktivitäten und wichtigsten Errungenschaften des St. Petersburger Internationalen Kriminologischen Klubs vorzustellen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Abstraktion, rechtsvergleichende, historische und einige andere Methoden der Erkenntnis.

Schlussfolgerungen. Die aktive Tätigkeit des St. Petersburger Internationalen Kriminologischen Klubs, seine rechtzeitige und mutige Reaktion auf die aktuellen sozialen und politischen Erschütterungen im Lande und über seine Grenzen hinaus ermöglichte es ihm, eine gewichtige Autorität im in- und ausländischen kriminologischen Umfeld zu erlangen und ernsthafte wissenschaftliche Kräfte um sich zu scharen. Dies lässt sich an einer Vielzahl von Materialien ablesen, die auf der Website des Klubs eingestellt und in seiner Zeitschrift „Kriminologie: gestern, heute, morgen“ sowie in anderen führenden Zeitschriften des Landes und des nahen und fernen Auslands veröffentlicht wurden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In diesem Beitrag werden aktuelle Probleme aufgezeigt, deren Lösung der St. Petersburger Internationale Kriminologische Klub anstrebt. Der Autor begründet insbesondere den eigenständigen Charakter des neuen kriminologischen Zweigs — der Militärkriminologie — und unterstreicht die Notwendigkeit ihrer weiteren Entwicklung.

Stichwörter: kriminologie, St. Petersburger Internationaler Kriminologischer Klub, Kriminologie des Strafrechts, Kriminopädagogik, Militärkriminologie, Strafrechtspolitik.

Ökovictimologie (oikovictimologos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (besonderes ökokriminovictimologisches Pilotprojekt). Teil 1

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Ziel: 1) die konzeptionellen Grundlagen des ökozentrischen (biogenozentrischen) Paradigmas der Übergangszeit zu untermauern, was die Schaffung neuer wissenschaftlicher Richtungen erforderlich macht: Ökovictimologie, Ökovictimologie, und Ökovictimalistik, wissenschaftlicher und konzeptioneller Apparat und Rolle in der transdisziplinär-multimodalen ökokriminologisch-kriminologischen-kriminalistischen Architektur des Ökosicherheitssystems und ihre Bedeutung im einheitlichen, multifunktionalen staatlichen Ökomonitoring zur

Gewinnung überprüfbarer, repräsentativer Daten (Indikatoren, Parameter, Indikatoren) der öko-kriminogenen, öko-kriminellen Victimisierung der Gesellschaft, der öko-kriminologischen irreversiblen Prozesse und der Faktoren, die zur außergewöhnlichen Öko-Kriminalisierung der Gesellschaft unter den Bedingungen der Interaktion mit der Umwelt, die von einem unkontrollierbaren Wachstum der anthropogen-technogenen Gefahr überhäuft ist, beitragen; 2) die Wechselbeziehung und die Unterschiede zwischen Subjekt und Objekt der betrachteten Disziplinen im Rahmen der ökokriminologischen und victimologischen systemischen Analyse aufzuzeigen. Gleichzeitig werden die Typologie, die nur Ökovictimern innewohnt, und die Unterschiede zwischen dem irreversiblen Einfluss ökokriminologischer latenter Faktoren und dem von Ökokriminalität verursachten Einfluss auf Ökosysteme (Biota) sowie die ökokriminologische Korrelation bei der Entstehung von Ökovictimern und Öko-Opfern hervorgehoben; 3) Wissenschaftler des Jugendverbandes der Union der Kriminologen und Victimologen, andere Vereinigungen in den Orbit der vielversprechenden, durch ihren Erkenntnisgegenstand einzigartigen transdisziplinär-multimodalen Forschung in dem Bereich einzubeziehen, von dem in der Tat die weitere nachhaltige Existenz des „Homo sapiens“ als vernünftiges Wesen abhängt, das in der Lage ist, nicht zum Öko-Opfer zu werden und nicht nur das Recht eines jeden auf eine günstige Umwelt wirklich zu gewährleisten, sondern auch ein wissenschaftlich fundiertes (akzeptables) Gleichgewicht zwischen der Wirksamkeit des Ökosicherheitssystems und der exorbitanten Nachfrage zu finden.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode und die transdisziplinär-multimodale integrierte Methode der Ökokriminologie des Autors, die zum ersten Mal in Russland getestet wurde.

Schlussfolgerungen. Basierend auf den bisher erzielten Forschungsergebnissen, die der Autor bei der Entwicklung innovativer Technologien und Systeme zur Bekämpfung der transnationalen Öko-Kriminalität erzielt hat: bei der Schaffung von automatisierten Systemen zur ökokriminologischen Überwachung (ASECM); automatisierten Systemen zur umweltrechtlichen Überwachung (ASEPM); informationskriminalistischen und forensischen Technologien zur Erkennung, Verwaltung, Bewertung und Vorhersage von ökokriminogenen Situationen sowie kriminologischen (ökokriminologischen) Geoinformationssystemen und GIS-Technologien. Als Ergebnis wird das multimodale Konzept des Autors entwickelt und in Form eines Pilotprojekts (zur weiteren Erprobung) vorgeschlagen, das die Schaffung neuer miteinander verbundener, voneinander abhängiger modularer Disziplinen mit einer konsequenten Umwandlung in wissenschaftliche Bereiche begründet: Ökokriminovicimologie; Ökovictimologie; Ökovictimismus. Analysiert wird die Problematik der Korrelation von ökokriminellen und ökokriminogenen Komponenten in der Ökokritikalisierung der Gesellschaft, die ausnahmslos alle Bevölkerungsgruppen, soziale Institutionen und Ökosysteme betrifft. Die Systematisierung des Profilthesaurus, des wissenschaftlichen und begrifflichen Apparats, der Typologie und der Klassifizierung wird unter Berücksichtigung der Hauptunterschiede der Ökovictimisierung von allen bekannten Verbrechenarten und der victimologischen Lehren über diese Opfer konkretisiert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die erzielten Ergebnisse ermöglichen: 1) Personal auf Expertenniveau auszubilden, das den modernen ökorisikoorientierten Anforderungen der Strafverfolgungspraxis gerecht wird; 2) transdisziplinär-multimodale Forschung zu betreiben, die durch den Grad der ungelösten systemischen Probleme in diesem Bereich der wissenschaftlichen Forschung bestimmt wird; 3) die Ökovictimologie zwingt uns (die Gesellschaft), die voneinander abhängigen Muster der ökovictimologischen und ökosozialen Philosophie der zugrunde liegenden Prozesse von Ursachen und Bedingungen des deterministischen Phänomens der Entstehung von Ökovictimen (Ökovictimen) zu verstehen und die differenzierte Bedingtheit der durch die Ökovictimologie erzeugten ökokriminellen und ökokriminogenen Komponenten aufzudeckenden Faktoren, nachhaltige Prozesse der allgemeinen sozialen Ökovictimisierung und Degradierung; 4) die Relevanz objektiver ökokriminologischer Analysen (Verifizierung) zu gewährleisten, risikoorientierte ökokriminologische Prozesse zu steuern und die Einhaltung von Parametern (synchronisierte modulare Indikatoren und andere Indikatoren) des Ökosicherheitssystems bei der Lokalisierung (Minimierung) von ökokriminologischen Merkmalen und der Entwicklung akzeptabler Durchsetzungsmechanismen der ökokriminologischen Prävention und Prophylaxe unter Verwendung von informationskriminologischen und forensischen Technologien und Modulatoren zu prognostizieren. Auf diese Weise wird die Notwendigkeit der Gewinnung repräsentativer ökokriminologischer und ökokriminovicimologischer Analysedaten zusammen mit anderen ökokriminologisch-kriminologischen Indikatoren in der Struktur eines einheitlichen Ökomonitorings auf dem gesamten Territorium Russlands festgestellt.

Stichwörter: Ökovictimologie, Ökokriminovicimologie, Ökovictimalistik, ökovictimologisches Monitoring, ökokriminelle und ökokriminogene Victimisierung der Gesellschaft, Ökovictima, Ökovictim, Öko-Opfer, Öko-Victim, Öko-Deviantologie, Öko-Kriminologie, Umweltkriminalität, multifunktionales multimodales System zur Gewährleistung der ökologischen Sicherheit.

Zum Jubiläum von Professor D.A. Shestakov. Eine familienkriminologische Betrachtung seiner Bildungsaktivitäten

Kharlamov Valentin Stanislavovich

Ziel: die Bedeutung verschiedener Facetten der Bildungsaktivitäten von D.A. Shestakov für die Entwicklung der Kriminologie und Bildung aufzuzeigen; seine Rolle als Begründer der Familienkriminologie widerzuspiegeln; den Stand der modernen Kriminologie zu betrachten.

Methodologie: historische Methode, Systemstrukturanalyse, Generalisierungsmethode, Synthese, Vergleichsmethode.

Schlussfolgerungen. In seiner pädagogischen und wissenschaftlichen Tätigkeit zeigte D.A. Shestakov sein Talent als phänomenaler Organisator, begabter Lehrer und talentierter Wissenschaftler. Die moderne häusliche Familienkriminologie entwickelt sich aktiv auf der wissenschaftlichen Grundlage ihres Gründers — Ehrenpräsident des Internationalen Kriminologischen Clubs St. Petersburg, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor und verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation Dmitry Anatolyevich Shestakov — weiter.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es werden die doktrinären Innovationen von D.A. Shestakov vorgestellt, die zur Grundlage für die Entwicklung der neuesten kriminologischen Zweige geworden sind, wie zum Beispiel: Familienkriminologie, politische Kriminologie, theologische Kriminologie, Kriminologie der Massenkommunikation, Kriminologie des Rechts. Die Besonderheiten der kriminologischen Newa-Wolga-Schule werden reflektiert. Berücksichtigt werden die Besonderheiten der russischen Dissertationsforschung zu den Problemen von Konfliktbeziehungen im Familien- und Ehebereich.

Stichwörter: Familienkriminologie, kriminelles Verhalten, Prävention, viktimologische Situation, Konfliktbeziehungen, innerfamiliäre Gewalt.

Über den Post-Liberalismus und die philosophische Methode in der Kriminalwissenschaft

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Ziel: Vorstellung der Vision des Autors von der philosophischen Methode in der Kriminalitätsforschung unter den Bedingungen des Post-Liberalismus, d.h. der zunehmenden Aufmerksamkeit für oligarchische (nationale und globale) Kriminalität.

Methodologie: Dialektische, formal-logische, strukturelle, statistische Methoden, Analyse, Synthese, Induktion.

Schlussfolgerungen. Die Kriminalphilosophie als künftiger Teilbereich der Kriminalwissenschaft ergibt sich aus der Verallgemeinerung der wichtigsten Konzepte und Bestimmungen, die diese Wissenschaft in den letzten Jahrzehnten entwickelt hat. Die Kriminologie ist die Wissenschaft vom Bösen in seinen extremen Erscheinungsformen. Das Böse ist ein unverzichtbarer Bestandteil der sich reproduzierenden Weltordnung. Das Böse umfasst nicht nur Verbrechen, sondern auch die brutalen Extreme des Widerstands dagegen. Es ist an der Zeit, von einer planaren zu einer raum-zeitlichen Sicht des Verbrechens überzugehen. Unter den Bedingungen der kriminellen Feindseligkeit, die von der globalen oligarchischen Macht gegen Russland gerichtet wird, steigt der kriminologische Wert der aktiven russischen Spiritualität.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Notwendigkeit des Übergangs der Kriminalitätsforschung in die post-liberale Phase ergab sich aus der Tatsache, dass das gute Wort „Liberalismus“ (vom lateinischen liberalis — frei) kompromittiert worden ist. Der Autor dieses Artikels hat sich in seiner kriminalwissenschaftlichen Tätigkeit immer für die Freiheit der wissenschaftlichen Kreativität und eine humanistische Antwort des Staates auf die Kriminalität eingesetzt. Der Autor hat wiederholt auf die kriminologisch bedeutsame Rolle der internen Oligarchie hingewiesen, die sich — vermutlich mit kriminellen Mitteln — bereichert hat.

Stichwörter: Das Böse, Spiritualität, Weltordnung, Post-Liberalismus, Russischsein.

„Der Apostel des Anarchismus“: zur Rolle des Bakunismus bei der ideologischen Ausgestaltung der slawischen nationalen Befreiungsbewegung in den 40er Jahren des 19. Jahrhunderts

Kulikova Svetlana Gennadijevna

Ziel: eine historische und juristische Analyse der Ansichten von M.A. Bakunin über die ideologische Gestaltung der slawischen nationalen Befreiungsbewegung der 40er Jahre des 19. Jahrhunderts durchzuführen.

Methodologie: basiert auf der vergleichend-historischen Methode der wissenschaftlichen Erkenntnis.

Schlussfolgerungen. Es gehört zu den Paradoxien der Geschichte, dass jahrhundertlang Zentralismus und Staatlichkeit mit Anarchismus verbunden waren. Im System des autokratischen Russlands wurde unter den Bedingungen zunehmender

politischer und sozioökonomischer Instabilität das Interesse an der Anarchie unweigerlich geweckt. Einer der „Apostel“ des Anarchismus war Michel Bakunin. Bakunins Weltanschauung wurde von der deutschen klassischen Philosophie beeinflusst. In seinen Ansichten zeigt sich jedoch ein absoluter Glaube an den Instinkt des Volkes. Der Unglaube an die Macht der Verfassung, der Gesetze und anderer rechtlicher Institutionen des Staates trieb Bakunin zu der Idee des Föderalismus in Verbindung mit dem Glauben an eine internationale Revolution. Wie die meisten Revolutionäre seiner Zeit hielt Bakunin die slawischen Länder für die vielversprechendsten Länder, was ihr revolutionäres Potenzial anging.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die wissenschaftliche Bedeutung des Materials besteht in der Tatsache, dass der Autor den Mythos des Panlawismus von Bakunins Ansichten entlarvt. Bakunin glaubte an die besondere historische Mission der Slawen — das ist eine unbestreitbare Tatsache, aber er hat die slawische Bewegung nie von der revolutionären getrennt. In der Tat war die slawische Bewegung gegen die Autokratie und das österreichische Kaiserreich für ihn der erste Schritt zur Schaffung einer „freien“ Welt. Die praktische Bedeutung erklärt sich aus der Notwendigkeit, das historische Gedächtnis zu bewahren.

Stichwörter: M.A. Bakunin, 40. Jahre des 19. Jahrhunderts, gesellschaftspolitische Bewegung, Anarchismus, Bakunismus.

A.S. Puschkin. Familie. Kindheit. Eintritt ins Lyzeum

Kharabet Konstantin Vasilievich

Ziel: die Aktualisierung der wissenschaftlichen Erkenntnisse im interdisziplinären Bereich — an der Schnittstelle von Rechtswissenschaft und Literaturwissenschaft — im Sinne einer Vertiefung (Klärung) der Kenntnisse über die Ereignisse juristischer Natur in der Biographie von A.S. Puschkin (Kindheitsjahre) und seiner Familie bis zum Eintritt in das Lyzeum von Zarskoje Selo.

Methodologie. Die methodologische Grundlage der Forschung ist eine Reihe von Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis, unter denen der führende Platz von historischen und rechtlichen, deskriptiven, biographischen, kulturellen und historischen besetzt ist. Der Artikel verwendet auch allgemeine wissenschaftliche und besondere wissenschaftliche Methoden.

Schlussfolgerungen. Puschkins Kindheitsjahre und seine unmittelbare Umgebung waren ein fruchtbarer Boden für die Ausbildung des Interesses des jungen Dichters an der Kenntnis des Rechts. Die Aufgabe des Lyzeums von Zarskoje Selo und sein Lehrplan zielten darauf ab, eine vielseitige und doch eklektische Ausbildung in juristischen Disziplinen zu erhalten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor befürwortet die weitere Entwicklung der interdisziplinären Richtung — der juristischen Literaturwissenschaft — und ist der Meinung, dass die neue Behandlung (vom Standpunkt der biographischen Forschung aus, beginnend in der Kindheit) und die juristischen Ereignisse im Leben und Werk des Dichters sowie der Kontakt mit der großen russischen Kultur es ermöglichen, das Wissen auf dem Gebiet der Geschichte der russischen Kriminologie und Deviantologie, des russischen Rechts im Allgemeinen sowie der Geschichte der russischen Literatur zu erweitern.

Stichwörter: juristische Literaturwissenschaft, A.S. Puschkin, Lyzeum, juristische Welt, Recht und Gesetz.

Schwarzumsatz von Kulturgut: Bedrohung der wirtschaftlichen Sicherheit und Gegenmaßnahmen

Grinchenko Anastasia Nikolaevna

Ziel: die aktuellen Trends bei der Bekämpfung des Schwarzumsatzes von Kulturgut im Rahmen einer sich dynamisch entwickelnden Gesetzgebung zu untersuchen. Heutzutage bedroht der Schwarzumsatz nicht nur die Erhaltung des nationalen Kulturerbes, sondern kann auch erhebliche Auswirkungen auf die Wirtschaft des Landes haben, so dass die Bedeutung von Mechanismen zur Bekämpfung solcher Phänomene nicht hoch genug eingeschätzt werden kann. Die zuvor im wissenschaftlichen Umfeld betrachteten Ansätze sind recht vielfältig, aber die ständige Änderung der normativ-rechtlichen Akte lässt eine Reihe von Fragen offen, die weitere Untersuchungen und Diskussionen erfordern.

Methodologie: formale Rechtsmethode, rechtsvergleichende Methode, dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, systemische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Kulturgut ist eine besondere Kategorie von Gegenständen (und Gütern), die einen angemessenen Rechtsstatus haben, aufgrund dessen sie nicht nur innerhalb des gesetzlichen Rahmens genutzt werden, sondern auch Teil des Schwarzumsatzes sein können, der sich zweifellos auf die Wirtschaft des Landes auswirkt. Darüber hinaus ist der Schwarzumsatz von Kulturgütern stärker mit kriminogenen Phänomenen verbunden

(Diebstahl, illegale Verbringung (Schmuggel), nicht genehmigte Ausgrabungen, Betrug usw.). Um diesen Phänomenen sowohl auf nationaler als auch auf internationaler Ebene entgegenzuwirken, wurden geeignete Gegenmaßnahmen und Mechanismen zur Bekämpfung geschaffen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Umsatz von Kulturgütern aufgrund ihres besonderen rechtlichen Status wird in einen legalen (gesetzlichen) und einen illegalen (schwarzen) Bereich unterteilt, die jeweils eine Reihe von Besonderheiten aufweisen. Der Autor analysierte statistische Daten aus offenen Quellen und betrachtete auch einige Fragen der modernen rechtlichen Regulierung der Bewegung von Kulturgütern im Kontext der Integration von Staaten. Die Untersuchung dieser Prozesse im Zusammenhang mit den ständigen rechtlichen Veränderungen wirkt sich unmittelbar auf die Wirksamkeit der Bekämpfung des Schwarzumsatzes von Kulturgütern und den Schutz des kulturellen Erbes aus.

Stichwörter: Kulturgut, kulturelles Erbe, illegaler Transfer, Schwarzumsatz, wirtschaftliche Sicherheit, Gegenmaßnahmen, Ordnung des Transfers, Kriminalitätsphänomene, EAWU, Verantwortlichkeit, internationales Recht.

Ein neues Konzept der russischen Strafrechtspolitik im Bereich des Schutzes der sexuellen Beziehungen

Kibalnik Alexey Grigorievich

Ziel: das neue Konzept der Kriminalpolitik im Bereich der strafrechtlichen Bekämpfung von Sexualstraftaten zu analysieren.

Methodologie: Analyse der wissenschaftlichen Tätigkeit, Identifizierung eines bedeutenden Beitrags zur Entwicklung der nationalen Rechtswissenschaft.

Schlussfolgerungen. Die Dissertation von N.V. Tydykova enthält das Konzept der Kriminalisierung von Handlungen, die die sexuellen Beziehungen beeinträchtigen, die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung für die genannten Straftaten. Folgende Ergebnisse sind von wissenschaftlichem Interesse: Vorschläge zur Vereinheitlichung der Gesetzestexte, die zur Beschreibung verschiedener Handlungen sexueller Natur verwendet werden; Schlussfolgerung über die Notwendigkeit, die vorgeschlagenen Definitionen von Begriffen, die für die Qualifikation von Sexualstraftaten von Bedeutung sind, im Gesetzestext zu verankern; formulierte Vorschläge für die Interpretation der Zeichen von Sexualstraftaten und die Anwendung von Regeln für die Qualifikation dieser Handlungen; Ansatz der Autorin zu deren Bestrafung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Beitrags liegt in der Tatsache, dass die vorgestellten Errungenschaften von N.V. Tydykova einen ernsthaften theoretischen und gesetzgeberischen Wert haben.

Stichwörter: Sexualstraftaten, Strafrechtslehre, Kriminalpolitik, Perspektiven für die Entwicklung des Strafrechts.

Strafrechtlicher Schutz der Beziehungen im Energiesektor

Nudel Stanislav Lvovich, Gorenskaya Elena Vladimirovna, Semykina Olga Ivanovna

Ziel: den gegenwärtigen Stand und die Wirksamkeit des strafrechtlichen Schutzes des Energiesektors (im Folgenden — SRSES) zu untersuchen, wobei zu berücksichtigen ist, dass der Energiesektor einer der haushaltsbildenden Sektoren der Volkswirtschaft ist und die Energiesicherheit ein integraler Bestandteil der wichtigsten strategischen nationalen Prioritäten der Russischen Föderation ist.

Methodologie: dialektische Erkenntnismethode, allgemeine wissenschaftliche Methoden: Abstraktion, Analyse und Synthese, Deduktion, Konkretisierung usw.

Schlussfolgerungen. Der Beitrag definiert die wichtigsten Bestimmungen des strafrechtlichen Schutzes der Beziehungen im Energiebereich (der Begriff SRSES wird genannt, seine Richtungen werden definiert usw.), die konsequente Kriminalisierung von sozial gefährlichen Handlungen, die im Energiebereich begangen werden, einschließlich der institutionellen und situativen Instrumente der Einflussnahme, die Tendenzen der Entwicklung der SRSES werden aufgezeigt, und die Erfahrungen der Länder — Teilnehmer der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (im Folgenden — GUS) werden untersucht. Es wurden einige Maßnahmen zur Verbesserung der SRSES vorgeschlagen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung liegt darin, dass die aus der Studie gewonnenen **Schlussfolgerungen** in die weitere wissenschaftliche Diskussion über die Verbesserung der SRSES sowie in den Prozess der Entwicklung analytischer und methodischer Dokumente zur Überwachung der Wirksamkeit der SRSES einfließen können.

Stichwörter: Energiesektor, Brennstoff- und Energiekomplex, strafrechtlicher Rechtsschutz, Straftat, strafrechtliche Haftung, Gemeinschaft Unabhängiger Staaten.

Strafrechtliche Mittel zur Durchsetzung der Strafvollzugspolitik

Ovchinnikov Sergei Nikolaevich

Ziel: ist es, das System der strafrechtlichen Mittel und ihre Auswirkungen auf die Strafvollzugspolitik zu verstehen.

In diesem Zusammenhang erscheint es notwendig, die Entwicklung der strafrechtlichen Mittel von einem monistischen Ansatz, der der klassischen Schule des Strafrechts eigen ist, zu einem pluralistischen Ansatz aufzuzeigen, der die modernen strafrechtlichen Doktrinen über die Strafe durchdringt und die Tendenzen der Modernisierung der strafrechtlichen und strafvollziehenden Gesetzgebung widerspiegelt.

Methodologie: Analyse, Synthese, Abstraktion, rechtsvergleichende, historische und einige andere Erkenntnismethoden.

Schlussfolgerungen. Der Begriff der Strafvollzugspolitik hat sich in der nationalen Rechtswissenschaft im Laufe des letzten Jahrhunderts von einer engen Kategorie — der Strafvollzugspolitik, die sich auf Maßnahmen im Zusammenhang mit der Isolierung von Verurteilten von der Gesellschaft beschränkt — zu einer breiteren — der Strafvollzugspolitik — entwickelt, die eine breite Palette von strafrechtlichen Maßnahmen umfasst. Dieser Prozess spiegelte sich auch im System der strafrechtlichen Mittel wider, das nach der Überwindung des monistischen Rahmens zu einem pluralistischen Modell wurde.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die gewonnenen Ergebnisse können bei der Entwicklung der strafrechtlichen Lehre genutzt werden, die sich mit der Erkenntnis des Wesens der für die Rechtswissenschaft so wichtigen Kategorien wie strafrechtliche Mittel und Strafvollzugspolitik befasst. Daneben ist das theoretische Wissen über den Inhalt der Strafvollzugspolitik auf der praktischen Ebene relevant für die Entwicklung von konzeptionellen Bestimmungen, die die Prioritäten der Modernisierung des Systems der Vollstreckung von strafrechtlichen Strafen und anderer Maßnahmen der strafrechtlichen Einflussnahme bestimmen.

Stichwörter: Strafvollzugspolitik, strafrechtliche Mittel, Strafe, Maßnahmen strafrechtlicher Natur, Bewährungsinstitut.

Durchführung von Forschungs- und Entwicklungsarbeiten als Gegenstand der Bewertung durch Strafverfolgungs- und Kontrollbehörden

Serova Olga Aleksandrovna, Pisarev Georgy Anatolyevich

Ziel: die wichtigsten Faktoren der Organisation von Forschungs- und Entwicklungsarbeiten zu ermitteln, die zur Begehung von Straftaten in Wissenschafts- und Bildungseinrichtungen beitragen.

Methodologie: Analyse, Analogie, Induktion, Synthese, Beschreibung, Vergleich.

Schlussfolgerungen: Es ist notwendig, die Arbeit von Wissenschafts- und Bildungsorganisationen bei der Erstellung von technischen Spezifikationen für Verträge zu verstärken, ein internes Audit in der Organisation einzurichten, um die Wirksamkeit von Haushaltsmitteln und Zielausgaben zu bewerten, eine systematische Arbeit an der Akzeptanz der Ergebnisse von Forschungs- und Entwicklungsarbeit zu bilden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Zunahme des Umfangs staatlicher Aufträge und der Finanzierung von Forschung und Entwicklung erfordert eine erhöhte Aufmerksamkeit der Strafverfolgungsbehörden für die Aktivitäten der Empfänger von Haushaltsmitteln. Es wurde eine Analyse von Gerichtsentscheidungen im Zusammenhang mit der Untersuchung von Straftaten und Ordnungswidrigkeit bei der Erfüllung von Verpflichtungen zur Durchführung von Forschungs- und Entwicklungsarbeiten vorgenommen. Es wurden die wichtigsten Verstöße gegen die festgelegten Anforderungen und organisatorischen Elemente in der Arbeit von Hochschulen und wissenschaftlichen Organisationen ermittelt, die zu bewerten sind.

Stichwörter: wissenschaftliche Forschung, Entwicklungsarbeit, technische Spezifikationen, Effizienz der Verwendung von Haushaltsmitteln.

Politische Kriminologie über die aktive Phase des Krieges der globalen oligarchischen Macht gegen Russland (2022 — heute)

Danilov Andrey Petrovich

Ziel: den Zusammenhang zwischen dem gegen Russland geführten Krieg und den verbrecherischen Aktivitäten der globalen Oligarchen zu belegen und die Maßnahmen zu beschreiben, mit denen den Angriffen auf den Staat durch Information und Ideologie wirksam begegnet werden kann.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Russland befindet sich erneut in seiner Geschichte in einer äußerst schwierigen Lage, es wird tatsächlich ein Krieg gegen es geführt. Um zu verstehen, wie wir einem an Zahl und Stärke überlegenen Feind widerstehen und ihn besiegen können, ist es notwendig, die Organisatoren dieser Aggression zu identifizieren und eine wirksame Informations- und ideologische Gegenaktion gegen sie zu unternehmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wurden Vorschläge zur Verbesserung des internationalen Strafrechts, zur Kriminalisierung von Handlungen, die die Souveränität und Sicherheit Russlands bedrohen, sowie theoretische Bestimmungen über die Bildung eines neuen internationalen Rechtssystems, die Begründung des russischen Selbstverteidigungsrechts zur Verhinderung eines drohenden Angriffs und Maßnahmen zur Deviktimisierung der Bevölkerung der Russischen Föderation angesichts der Verfälschungen der historischen Vergangenheit ausgearbeitet.

Stichwörter: politische Kriminologie, Krieg, Ideologie, Informationsgegenmaßnahme, oligarchische Macht.

Der Grund für den Mord an Mitgliedern des Romanow-Hauses im Jahr 1918: versuch einer kriminologischen Untersuchung. Teil 3.

Moschanski Alexander Borisovich

Ziel: Eine kriminologische Untersuchung der Gründe für den Mord an Mitgliedern des Hauses der Romanows im Ural im Jahr 1918, da es viele Diskussionsfragen gibt, weitere Untersuchungen und Diskussionen erfordern.

Methodologie: allgemeinwissenschaftliche Methoden, Rechts- und formal-rechtliche Methode, systemische Methode, branchenübergreifende Forschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Der objektive Hauptgrund für den Mord an Mitgliedern des Romanow-Hauses ist ein politisches Motiv — die Beseitigung legitimer Anwärter auf die Staatsgewalt in dem damaligen russischen Staat. Dabei wird die Hauptabsicht durch sekundäre Motive getarnt, die auf politischen, ideologischen, sozialen Hass und Feindschaft gegenüber der ehemaligen herrschenden Klasse basieren, die sich in der russischen Gesellschaft während der «Februar-Revolution» von 1917 und späteren Ereignissen gebildet haben.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Identifizierung der wahren Motive und Vorsätze zeigt die Ursache dieses widerhallenden und verwirrenden Verbrechens. Aus praktischer Sicht kann die Version im Rahmen einer aktuellen Voruntersuchung zum Mord an Mitgliedern des Romanow-Hauses im Jahr 1918 im Ural und in Petrograd untersucht werden.

Stichwörter: Russischer Kaiser, Perm, Alapajewsk, Jekaterinburg, Mord, motiv, Absicht, Tatvorsatz, Legitimität, Grundlegende staatliche Gesetze, Februar-Revolution, Gründungsversammlung, Räte, Außerordentliche Kommission.

Einige Kennzahlen der kriminologischen Beurteilung der Persönlichkeit eines Straftäters im Bereich der Wettbewerbsbeschränkung gemäß Art. 178 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation

Troyanov Yaroslav Olegovich, Belov Vladislav Ivanovich

Ziel: die Persönlichkeit des Straftäters zu untersuchen, dessen Handlungen auf die Wettbewerbsbeschränkung abzielen (Art. 178 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation), sowie seine Merkmale, die ihn von den Subjekten anderer Straftaten unterscheiden.

Methodologie: Analyse, Analogie, Induktion, Synthese, Beschreibung, Vergleich.

Schlussfolgerungen. Kartellteilnehmer haben spezifische Merkmale, die ihr eigenständiges kriminologisches Charakteristikum (Porträt) bilden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Wettbewerb ist einer der wichtigsten Faktoren in der Entwicklung von Staaten mit einer Marktwirtschaft. In diesem Zusammenhang ist sein Schutz vor unlauteren Eingriffen, die dem Staat und anderen Wirtschaftssubjekten Schaden zufügen, von großer Bedeutung. Art. 178 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sieht die strafrechtliche Verantwortlichkeit für die Einschränkung des Wettbewerbs vor. Gleichzeitig ist die Praxis, Kartellteilnehmer strafrechtlich zur Verantwortung zu ziehen, eher gering (13 Verurteilungen in den Jahren 2022–2023 bei 116 Antimonopoldienstanträgen), obwohl die Antimonopolbehörden eine große Zahl von Kartellen mit den Merkmalen der betreffenden Straftat feststellen. Die Untersuchung der Persönlichkeit des Täters ist eine der wichtigsten Fragen im System der Kriminalprävention und gibt eine Antwort auf die Frage, warum und wie diese Straftaten begangen werden. Sie wird es ermöglichen, ein komplexes System von Maßnahmen zur präventiven Beeinflussung von wettbewerbswidrigen Straftaten zu formulieren.

Stichwörter: Kartell, Absprache, wettbewerbswidrige Vereinbarung, kriminalistische Merkmale, Porträt eines Kriminellen, Wettbewerb, Subjekt einer Straftat, individuelle Merkmale, Wirtschaftskriminalität, Kriminalitätsermittlung.

Die Verwendung des Miningmodells der Aufklärungsprognose „Victoria“ in Bezug auf Drogendelikte

Vorozhtsova Tatyana Petrovna, Belov Vladislav Ivanovich

Ziel: die Durchführbarkeit der Verwendung des vom Hauptinformations- und Analysezentrum des Ministeriums für innere Angelegenheiten Russlands (im Folgenden — das Analysezentrum des Innenministeriums RF) entwickelten Miningmodells der Aufklärungsprognose „Victoria“ (im Folgenden — MAP „Victoria“, MAP) in der praktischen Tätigkeit der Einheiten für innere Angelegenheiten zur Bekämpfung des illegalen Handels mit Betäubungsmitteln, psychotropen und potenten Substanzen zu bewerten.

Methodologie: Analyse, Analogie, Induktion, Synthese, Beschreibung, Vergleich.

Schlussfolgerungen. MAP „Victoria“ kann bei der Organisation der Planung von Ermittlern und Vernehmungsbeamten ihrer Aktivitäten zur Untersuchung spezifischer krimineller Fälle von Drogendelikten verwendet werden, die Verwendung von MAP in der praktischen Tätigkeit von Abteilungen der Organe für innere Angelegenheiten zur Bekämpfung des illegalen Handels mit Betäubungsmitteln, psychotropen und potenten Substanzen ist aus objektiven Gründen unwirksam und unzweckmäßig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Künstliche Intelligenz dringt zunehmend in verschiedene Bereiche des menschlichen Lebens und Handelns ein. Das Innenministerium Russlands verbessert die Methoden der Verbrechensbekämpfung, einschließlich der Nutzung und Anwendung verschiedener Datenbanken, Informationsressourcen, der Analyse und Verarbeitung von „Big Data“ und der Fähigkeiten der künstlichen Intelligenz. Auf der Grundlage mathematischer Modelle wird das Ausmaß der Kriminalität in den russischen Regionen vorhergesagt, was es ermöglicht, die Kräfte und Ressourcen der Organe für innere Angelegenheiten auf bestimmte Gebiete zu verteilen und sie mit der größten Effizienz einzusetzen. Der Einsatz von MAP „Victoria“ würde es ermöglichen, regelmäßige Überprüfungen von ungeklärten Straftaten, einschließlich der ungeklärten Straftaten der vergangenen Jahre, die eine große Aussicht auf Aufdeckung haben, durchzuführen und einer bestimmten Kategorie von Straftaten mehr Aufmerksamkeit zu widmen. Aus praktischer Sicht ist der Einsatz von MAP in den operativen und dienstlichen Aktivitäten der Abteilungen der Innenbehörden zur Bekämpfung des illegalen Handels mit Betäubungsmitteln, psychotropen und potenten Substanzen unserer Meinung nach jedoch ungeeignet.

Stichwörter: Aufdeckungsquote von Straftaten, in der Vergangenheit begangene Straftaten, aufgedeckte Straftaten, Drogenhandel, Aufdeckungswahrscheinlichkeit, intelligentes Modell, maschinelles Lernen, statistische Karten, nicht identifizierter Drogenhändler, Anonymisierung, Beweise.

Forensische Bekämpfung der Deepfake-Desinformation

Bodrov Nikolai Fillipovich, Lebedeva Antonina Konstantinovna

Ziel: unter Berücksichtigung des Charakters von Deepfakes als digitale Produkte, die mit Hilfe von Technologien der künstlichen Intelligenz erstellt wurden, einige wissenschaftliche, methodische und praktische Empfehlungen für die kriminaltechnische Untersuchung solcher Materialien zu geben.

Methodologie: Analyse- und Synthesemethoden, Systemmethode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung, Methoden der linguistischen Expertise (zum Beispiel Methoden der auditiv-linguistischen und instrumentellen Analyse).

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie wurde festgestellt, dass unzureichende gesetzliche Regelungen und das Fehlen einheitlicher Methoden der kriminaltechnischen Untersuchung von Deepfakes die Informationssicherheit der Gesellschaft gefährden. In der modernen kriminaltechnischen Theorie und Praxis gibt es keine entwickelten wissenschaftlichen und methodischen Ansätze für die kriminaltechnische Untersuchung von Deepfakes. Es werden einige Empfehlungen im Rahmen der forensischen phonoskopischen Untersuchung angeboten, die bei der Untersuchung von Dateien, die dem Sachverständigen in digitaler Form zur Verfügung gestellt werden, beachtet werden sollten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die im Beitrag dargelegten Untersuchungsergebnisse tragen zur Entwicklung von methodischen Ansätzen für die kriminaltechnische Untersuchung von Deepfakes, zur Vertiefung des theoretischen Wissens über die Problematik von Deepfakes im juristischen Kontext und zur praktischen Bedeutung bei — bei der Entwicklung von Empfehlungen, die zur Schaffung eines wirksamen Systems der juristischen Bekämpfung von Desinformation beitragen.

Stichwörter: Deepfakes, generative Inhalte, forensische Untersuchung, forensische Akustik, Deepfake, generativer Inhalt, kriminaltechnische Untersuchung, Spezialwissen, kriminaltechnische phonoskopische Untersuchung, Inhaltskennzeichnung.

Anordnung und Bewertung von forensischen Untersuchungen mit Hilfe neuronaler Netze

Chernyshev Kirill Alexandovich

Ziel: der Beitrag befasst sich mit der Frage, wie sich die Vergabe forensischer Gutachten und die Bewertung von Expertenaussagen mit Hilfe künstlicher neuronaler Netze automatisieren lassen. Zur Unterstützung von Gerichten und Strafverfolgungsbehörden bei der Entscheidungsfindung bei der Anordnung von Untersuchungen haben wir einen Algorithmus entwickelt, der 7 Stufen umfasst und aus Produktionsregeln besteht, die durch eine Ursache-Wirkungs-Beziehung miteinander verbunden sind. Je nach Ergebnis werden die Ausgabedaten aus jedem Slot in das Verfahrensdokument über die Anordnung von Untersuchungen übertragen, was es uns ermöglicht, von einer Automatisierung ihrer Anordnung zu sprechen.

Methodologie: die wissenschaftliche Grundlage des vorgeschlagenen Algorithmus bilden die Bestimmungen der wissenschaftlichen Theorien der neuronalen Netze, der forensischen Sachverständigenwissenschaft und der aktuellen Gesetzgebung. Im Rahmen der Studie wurde ein wissenschaftliches Experiment zur Anwendung künstlicher neuronaler Netze bei der Anordnung forensischer Untersuchungen durchgeführt.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass es möglich ist, die Prozesse der Anordnung und Auswertung forensischer Untersuchungen mit Hilfe neuronaler Netze zu automatisieren. Zur Lösung des ersten Problems wird ein schrittweiser Handlungsalgorithmus vorgeschlagen. Es wird vorgeschlagen, die erste Phase der Bewertung forensischer Gutachten zu automatisieren, die mit der Überprüfung der Einhaltung der gesetzlichen Vorschriften bei der Ernennung und Erstellung der Gutachten zusammenhängt, da diese Überprüfung weitgehend auf verfahrensrechtlichen Vorschriften und Materialien des Strafverfahrens beruht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor weist auf die Möglichkeit hin, einheitliche Architekturen neuronaler Netze und Trainingsdaten zu verwenden, um die Probleme der Anordnung und Bewertung von Gutachten zu lösen, was uns erlaubt, über die Möglichkeit zu sprechen, einen Komplex der automatisierten Anordnung und Bewertung von Untersuchungen (KAABU) zu schaffen, der mit anderen Hardware- und Softwareausrüstungen zur organisatorischen Unterstützung der forensischen Tätigkeit integriert werden kann.

Stichwörter: Neuronale Netze, Gutachten, Sachverständigengutachten, Anordnung von Untersuchungen, Bewertung des Untersuchungsergebnisses, künstliche Intelligenz, Automatisierung, forensische Tätigkeit, forensische Untersuchung, Beweismittel, Sachverständiger.

Zu den Perspektiven der Integration maschineller Lernsysteme in die forensische Praxis: Probleme und Prognosen

Chistilina Anastasia Sergeevna

Ziel: die Aussichten für die Einführung von Technologien der künstlichen Intelligenz in der forensischen Tätigkeit zu bewerten, die mit diesem Prozess verbundenen Hauptschwierigkeiten vorherzusagen und eine spezifische Liste von Problemen zu formulieren, ohne deren Lösung die Einführung solcher Technologien in der forensischen Untersuchung nicht möglich ist.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Unter den Untergruppen der künstlichen Intelligenz sollte dem maschinellen Lernen und seinen Varianten unter dem Gesichtspunkt der Anwendbarkeit in der Forensik die größte Aufmerksamkeit geschenkt werden. Die Theorie und Praxis gehen den Weg einer besonderen Rolle einer solchen Variante des maschinellen Lernens wie neuronale Netze. Das Papier stellt fest, dass das Problem der breiten Einführung von Technologien des maschinellen Lernens in die Sachverständigenpraxis nicht früher gelöst werden wird als die überfälligen Probleme im Bereich der Standardisierung der forensischen Tätigkeit.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag befasst sich mit den wichtigsten konzeptionellen Kategorien von Technologien der künstlichen Intelligenz, identifiziert die aktuellen Diskussionspunkte der Integration solcher Technologien in die Sachverständigenpraxis und zeigt einige wissenschaftliche Positionen auf. Es werden spezifische Optionen zur Lösung dieser Probleme vorgeschlagen. Der Beitrag zeigt, dass künstliche Intelligenz in der forensischen Tätigkeit einen spezifischen Dualismus aufweist — diese Art von Technologie kann sowohl ein

vielfersprechendes Werkzeug für die Forschung als auch eine Quelle potenzieller neuer Objekte — digitaler Spuren — sein. Abschließend wird eine Liste von Problemen formuliert, mit denen die forensische Tätigkeit bei der Einführung des maschinellen Lernens voraussichtlich konfrontiert sein wird, sowie deren Ursprünge.

Stichwörter: forensische Untersuchung, Prognose, Vorhersage, Digitalisierung, künstliche Intelligenz, maschinelles Lernen, Standardisierung.

Überblick zum Runden Tisch „Stärkung von Recht und Ordnung in der Kriminalitätsbekämpfung“

Dolgopolov Kirill Andreevich, Kuzminov Denis Aleksandrovich

Ziel: die Ergebnisse des Runden Tisches zur Problematik der Stärkung von Recht und Ordnung bei der Kriminalitätsbekämpfung vorzustellen, der am 27. September 2024 im Institut für Rechtswissenschaften der Nordkaukasischen Föderalen Universität im Rahmen des II. Internationalen Rechtsforums „Rechtsreformen und moderne Technologien: Neue Herausforderungen und neue Chancen für die Staaten der Kaukasusregion“ stattfand.

Methodologie: der Beitrag verwendet die Methode der Analyse und Synthese der Informationen, die in den Reden der Teilnehmer des Runden Tisches vorgestellt wurden. Es werden problematische Fragen der Stärkung von Recht und Ordnung im Bereich der Kriminalitätsbekämpfung erörtert, mit denen die nationale Strafverfolgungspraxis konfrontiert ist.

Schlussfolgerungen. Der Runde Tisch betonte die Notwendigkeit der internationalen Zusammenarbeit und des Meinungsaustauschs im Bereich der wirksamsten Mittel und Methoden zur Stärkung von Recht und Ordnung bei der Kriminalitätsbekämpfung, der Verbesserung des Strafrechts, des Strafverfahrens, der Strafverfolgung und anderer Bereiche der Gesetzgebung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die wissenschaftliche Bedeutung des Beitrags besteht in einer umfassenden Analyse der modernen Probleme der Stärkung von Recht und Ordnung im Bereich der Kriminalitätsbekämpfung und in Vorschlägen für deren Lösung. Die praktische Bedeutung besteht in der Entwicklung von Empfehlungen zur Verbesserung der strafrechtlichen, strafprozessualen und strafvollzugsrechtlichen Vorschriften und der Praxis ihrer Anwendung.

Stichwörter: Kriminalitätsbekämpfung, Stärkung von Recht und Ordnung, Strafverfolgungspraxis, Vorschläge zur Verbesserung des russischen Rechts.

Überblick über die Sitzung des Runden Tisches „Aktuelle Probleme bei der Prävention von Cyberkriminalität“

Lebedeva Ekaterina Alekseevna

Ziel: die Ergebnisse des Rundtischgesprächs über die Prävention von Cyberkriminalität, das am 15. Oktober 2024 an der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL) stattfand, zu erläutern.

Methodologie: der Beitrag verwendet die Methode der Analyse und Synthese von Informationen, die in den Reden der Teilnehmer des Runden Tisches präsentiert wurden. Es werden die wichtigsten Ideen vorgestellt, die während der Diskussion über Fragen der Prävention von Cyberkriminalität geäußert wurden. Besonderes Augenmerk wurde auf die rechtsvergleichende Analyse der relevanten Arten von Straftaten gelegt.

Schlussfolgerungen. Auf der Konferenz wurde die Notwendigkeit der Zusammenarbeit und des Meinungsaustauschs über die Methoden zur Bekämpfung von Cyberstraftaten sowie die sorgfältige Untersuchung der Begehungsweisen solcher Straftaten hervorgehoben, um sie weiter zu bekämpfen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die wissenschaftliche Bedeutung des Beitrags liegt in der umfassenden Analyse der modernen Probleme bei der Prävention von Cyberkriminalität und in den Vorschlägen zu deren Lösung. Die praktische Bedeutung liegt in der Erarbeitung von Empfehlungen zur Weiterentwicklung des Verwaltungs-, Straf- und Strafvollzugsrechts und zur Verbesserung der Zusammenarbeit bei der Prävention von Cyberdelikten.

Stichwörter: Runder Tisch, Cyber-Straftaten, Prävention, digitale Technologien, Verbrechen.

„Die Öffentlichkeit interessiert sich mehr für den Rücken eines Wahnsinnigen ist interessanter als das Gesicht eines Agenten“. Nachwort von Elena Topilskaya

Topilskaja Elena Valentinovna

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

The purpose of the article is to analyze and substantiate the need to unify the terminological apparatus in criminal-legal relations related to the use of digital technologies

Zhilkin Maxim Gennadievich

Mission: the study is aimed at identifying the shortcomings of the current terminology in the Criminal Code of the Russian Federation and proposing ways to improve it for more accurate qualification of crimes and effective law enforcement practice.

Methodology: the research methodology includes the analysis of normative-legal acts regulating digital technologies and their application in the criminal sphere, comparative jurisprudence, as well as a systematic approach to the evaluation of terminology. The article also uses content analysis of existing scientific publications on cybercrime and digital social relations.

Conclusions. The article concludes that the terminology used in the Criminal Code of the Russian Federation to describe crimes using digital technologies is fragmented and requires unification. It is proposed to replace fragmentary terms with a more comprehensive concept of “crimes committed with the use of digital technologies”, as well as to include this attribute in the list of punishment aggravating circumstances. This will improve law enforcement practice and allow to adapt the legislation to the rapid development of digital technologies.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the study lies in the development of a systematic approach to the terminology of cybercrime, which will eliminate legal ambiguities and improve the theoretical basis for the qualification of crimes in the digital sphere. Practical significance lies in the fact that the proposed changes can improve the efficiency of law enforcement agencies and courts when considering cases related to digital crimes, as well as ensure the protection of the rights of citizens and organizations in the conditions of digitalization.

Keywords: cybercrimes, digital technologies, criminal-legal relations, terminology, information networks, qualification of crimes, law enforcement, legislation, unification of terms, legal responsibility, digitalization, Criminal Code of RF.

About the St. Petersburg International Criminological Club

Danilov Andrey Petrovich

Mission: to provide readers with information about the origin and activities of the St. Petersburg International Criminological Club, its influence on the development of domestic and world criminology.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, system method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. The St. Petersburg International Criminological Club is one of the leading criminological organizations in Russia, conducts research and scientific events that are significant for science and practice.

Scientific and practical significance. The club covers issues of general criminological theory: Kh.D. Alikperov (Republic of Azerbaijan), G.N. Gorshenkov, D.A. Shestakov, etc. Attention is paid to the “law of security”, its conflict with criminal law (U. Sieber, N.V. Shchedrin, etc.). Club members support the development of new branches of criminology: family (V.S. Kharlamov, D.A. Shestakov), political (A.P. Danilov, P.A. Kabanov, D.A. Shestakov), ecological (B.B. Tangiev), criminology of law (D.A. Shestakov), etc.

Keywords: criminology, criminology club, branches of criminology, St. Petersburg, professor Shestakov.

On the criminology of drug reality through the prism of the theory of counter-criminal socialization

Krainova Nadezhda Alexandrovna

Mission: to substantiate an approach to countering drug crime (building a policy in the field of countering drug crime and its criminological cognition) based on the theory of counter-criminal socialization (re-socialization). The problem of reproduction of drug crime is always relevant. Counteraction to crimes committed with the use of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues is carried out by criminal legal means, and medical rehabilitation measures are applied to drug addicts. However, law enforcement practice does not demonstrate a significant decrease

in drug crimes, which is a consequence of the lack of a reliable foundation for building a common response system to drug crime. There are still issues in the area under consideration that require study and discussion.

Methodology: dialectical, formal-logical, structural, statistical methods; analysis, synthesis, induction.

Conclusions. The anti-criminal re-socialization of people with drug addiction, as well as former convicted drug offenders, should be implemented by society with the full support of the state. Only in such a paradigm, it seems, counteraction to drug crime can be effective.

Scientific and practical significance. The problem of reproduction of drug crime has been relevant for decades and is unlikely to lose its urgency in the near future. The spread of digital services and tools, the digitalization of public relations, not only did not contribute to minimizing drug crime, but further aggravated the situation in this area. The search for effective approaches to countering drug addiction in modern conditions is a primary task, the solution of which will minimize both the number of drug crimes and the number of drug addicts.

Keywords: drug crime, drug addiction, drug criminology, drug offender, crime prevention, anti-criminal socialization, re-socialization, crime, criminology, punishment.

St. Petersburg International Criminological Club: its supporters, opponents, hesitators

Milyukov Sergey Fyodorovich

Mission: is to highlight the activities and main achievements of the St. Petersburg International Criminological Club.

Methodology: analysis, synthesis, abstraction, comparative-legal, historical and some other methods of cognition.

Conclusions. Active activity of the St. Petersburg International Criminological Club, its timely and courageous reaction to the topical social and political upheavals in the country and beyond its borders allowed it to acquire a weighty authority in the domestic and foreign criminological environment, rallied around it serious scientific forces. This can be judged by a variety of materials posted on the Club's website, published in its journal "Criminology: yesterday, today, tomorrow" and other leading journals of the country, near and far abroad.

Scientific and practical significance. His article identifies topical problems, the solution to which the St. Petersburg International Criminological Club seeks to find. In particular, the author substantiates the independent character of the new criminological branch — military criminology, and also emphasizes the necessity of its further development.

Keywords: criminology, St. Petersburg International Criminology Club, criminology of criminal law, criminology pedagogy, military-field criminology, criminal law policy.

Ecovictimology (oikosvictimologos): an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-crimino-victimological pilot project). Part 1

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Mission: 1) to substantiate the conceptual foundations of the ecocentric (biogenocentric) paradigm of the transition period, necessitating the creation of new scientific directions: ecovictimology; ecocriminovictimology and ecovictimistics, scientific and conceptual apparatus, and role in transdisciplinary-multimodal ecocriminology-criminalistics architecture of the Ecosafety System and its importance in the unified, multifunctional state ecomonitoring for obtaining verifiable, representative data (indicators, parameters, indicators) of eco-criminogenic, eco-criminal victimization of the society, eco-criminal irreversible processes and factors contributing to the exceptional eco-criminization of the society in the conditions of interaction with the environment abundant with uncontrollable growth of anthropogenic-technogenic danger; 2) to reveal the interrelation and differences in the subject and object of the disciplines under consideration in the context of ecocriminology and ecocriticism systemic analysis. At the same time, emphasizing the typology inherent only in ecovictim and the differences of eco-criminogenic irreversible influence of eco-criminological latent factors from eco-criminal produced by eco-crime impact on ecosystems (biota), as well as eco-criminological correlation in the origin of eco-victims and eco-victims; 3) to involve scientists of the youth branch of the Union of criminologists and criminologists, other associations in the orbit of promising, by its object of knowledge unique transdisciplinary-multimodal research in the field on which, in fact, depends the further sustainable existence of homo sapiens, as a reasonable being, capable of not becoming an eco-victim and not only to really ensure the right of everyone to a favorable environment, but also to find a scientifically-based (acceptable) balance between the effectiveness of the System of eco-safety and exorbitant demand.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, system method, and the author's first tested in Russia transdisciplinary-multimodal integrated method of Ecocriminology.

Conclusions. On the basis of the previously achieved research results obtained by the author during the development of innovative technologies and systems to counter transnational eco-crime: in the creation of automated systems of eco-

criminological monitoring (ASECM); automated systems of environmental-legal monitoring (ASEPM); information criminological and forensic technologies of identification, management, assessment and forecasting of eco-criminogenic situation and geoinformation criminological (eco-criminological) systems and GIS-technologies. As a result, the author's multimodal concept is developed and proposed in the format of a pilot project (for further probation), which justifies the creation of new interrelated, mutually conditioned modular disciplines with a consistent transformation into scientific areas: ecocriminovictimology; ecovictimology; ecovictimalism. The statement of the problem of correlation of ecocriminal and ecocriminogenic components in the ecocriticism of society, affecting all segments of the population, social institutions and ecosystems without exception, is analyzed. The systematization of the profile thesaurus, scientific and conceptual apparatus, typologization and classification is substantiated, taking into account the main differences of ecovictim generation from all known types of crimes and victimological teachings about these victims.

Scientific and practical significance. *The obtained results allow: 1) to train personnel at the expert level, meeting modern ecorisk-oriented demands of law enforcement practice; 2) to conduct transdisciplinary-multimodal research determined by the degree of unresolved systemic problems in this area of scientific research; 3) ecovictimology forces us (society) to understand the interdependent patterns of ecovictimological and ecosocial philosophy of the deep processes of causes, conditions of the determined phenomenon of the origin of eco-victims (eco-victims) and to reveal the differentiated determinacy of eco-criminal and eco-criminogenic components, generated ecovictimological factors, sustainable processes of general social eco-victimization and degradation; 4) provide relevance carrying objective ecocriminologist analytics (verification), managing risk-oriented ecocriminologist processes and forecasting parameters (synchronized modular indicators and others) System eco-safety in localization (minimization) ecocriminologist and ecocriminologist signs Thus, the necessity of obtaining representative ecocriminological and ecocriminovictimologic analytical data along with other ecocriminological and forensic indicators in the structure of unified eco-monitoring on the entire territory of Russia is determined.*

Keywords: *ecovictimology, ecocriminovictimology, ecovictimalistics, ecovictimological monitoring, ecocriminal and ecocrimenogenic victimization of society, ecovictima, eco-victim, eco-victim, eco-victim, eco-deviantology, ecocriminology, environmental criminology, multifunctional multimodal system in ensuring eco-security.*

For the anniversary of Professor D.A. Shestakov. A criminophamilistic view of his educational activities

Kharlamov Valentin Stanislavovich

Mission: *to reveal the importance of various facets of educational activities D.A. Shestakov in the development of criminology and education; to reflect his role as the progenitor of family criminology; to consider the state of modern criminophamilistics.*

Methodology: *historical method, system-structural analysis, generalization method, synthesis, comparison method.*

Conclusions. *In pedagogical and scientific activities of D.A. Shestakov manifested (demonstrated) his talent as a phenomenal organizer, a gifted teacher and a talented scientist. Modern domestic family criminology is actively developing on the scientific foundation laid by its founder — honorary president of the St. Petersburg International Criminological Club, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Dmitry Anatolyevich Shestakov.*

Scientific and practical significance. *Doctrinal innovations of D.A. Shestakov are presented, which became the foundation for the development of the latest criminological branches, such as: family criminology, political criminology, theological criminology, criminology of mass communications, criminology of the law. The specifics of the Nawa-Volga criminological school are reflected. The features of Russian dissertation studies on the problems of conflict relations in the family-marriage sphere are considered.*

Keywords: *family criminology, criminal behavior, prevention, victimological situation, conflict relations, intrafamily violence.*

On post-liberalism and the philosophical method in crime studies

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Mission: *to present the author's vision of the philosophical method in crime studies in the conditions of post-liberalism, i.e. increasing attention to oligarchic (domestic and global) crime.*

Methodology: *dialectical, formal-logical, structural, statistical methods, analysis, synthesis, induction.*

Conclusions. *The philosophy of crime as a future section of crime studies follows from the generalization of the most significant concepts and provisions developed by this science over the past few decades. Crime studies is the science of evil in its extreme manifestations. Evil is an indispensable component of the reproducing world order. Evil includes not only crimes, but also cruel extremes of counteraction to it. It is time to move from a plane to a spatio-temporal vision of crime. In the conditions of criminal hostility against Russia directed by the global oligarchic power, the criminological significance of active Russian spirituality is growing.*

Scientific and practical significance. *The need for the transition of crime studies to the post-liberal stage arose due to the fact that the good word “liberalism” (from the Latin liberalis – free) has been compromised. In his crime research activities, the author of this article has always been in favor of the freedom of scientific creativity and the state’s humane response to crime. The author has repeatedly pointed out the criminologically significant role of the internal oligarchy that has enriched itself – presumably by criminal means.*

Keywords: *evil, spirituality, world order, post-liberalism, Russianness.*

“The Apostle of Anarchism”: on the role of Bakunism in the ideological design of the Slavic national liberation movement of the 40s of the nineteenth century

Kulikova Svetlana Gennadijevna

Mission: *to conduct a historical and legal analysis of M.A. Bakunin’s views on the ideological design of the Slavic national liberation movement of the 40s of the XIX century.*

Methodology: *based on the comparative historical method of scientific cognition.*

Conclusions. *One of the paradoxes of history is that for centuries centralism and statehood have been combined with anarchism. In the system of autocratic Russia, in the conditions of increasing political and socio-economic instability, there was inevitably a growing interest in anarchy. One of the “apostles” of anarchism was Michel Bakunin. Bakunin’s worldview was shaped by the influence of German classical philosophy. Meanwhile, in his views we see an absolute faith in the national instinct. Disbelief in the power of the constitution, laws and other legal institutions of the state pushed Bakunin to the idea of federalism, combined with faith in the international revolution. Bakunin, like most revolutionary figures of his time, considered the Slavic countries to be the most promising in terms of their revolutionary potential.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the material lies in the fact that the author debunks the myth of pan-Slavism of Bakunin’s views. Bakunin believed in the special historical mission of the Slavs — this is an indisputable fact, but he never separated the movement of the Slavs from the revolutionary one. In fact, the Slavic movement against autocracy and the Austrian Empire was for him the first step towards creating a “free” world. The practical significance is explained by the need to preserve historical memory.*

Keywords: *M.A. Bakunin, the 40s of the XIX century, socio-political movement, anarchism, Bakunism.*

A.S. Pushkin. Family. Childhood. Admission to the Lyceum

Kharabet Konstantin Vasilievich

Mission: *to update scientific knowledge in the interdisciplinary field — at the intersection of jurisprudence and literary criticism — in terms of deepening (refining) knowledge of legal events in the biography of A.S. Pushkin (childhood) and his family, up to entering the Tsarskoye Selo Lyceum.*

Methodology. *The methodological basis of the study was a set of methods of scientific knowledge, among which the leading place is occupied by historical and legal, descriptive, biographical, cultural and historical. The article also uses general scientific and specific scientific methods.*

Conclusions. *The childhood years of A.S. Pushkin and his immediate environment were fertile ground for the formation of the young poet’s interest in knowledge from the field of law. The mission of the Tsarskoye Selo Lyceum and its curriculum were aimed at obtaining a versatile and at the same time eclectic education in legal disciplines.*

Scientific and practical significance. *Advocating for the further development of the interdisciplinary direction — legal literary criticism, the author believes that the new approach (from the position of biographical research, starting from childhood) and “legal” events” in the life and work of the Poet, in addition to contact with the great Russian culture, will allow expanding their knowledge in the field of the history of Russian criminology and deviantology, Russian law in general, as well as the history of Russian literature.*

Keywords: *legal literary criticism, A.S. Pushkin, lyceum, legal world, law and right.*

Shadow circulation of cultural property: threats to economic security and mechanisms of struggle

Grinchenko Anastasia Nikolaevna

Mission: to explore modern trends in countering the shadow circulation of cultural property in the context of dynamically developing law. Today, shadow trafficking threatens not only the preservation of national cultural heritage, but can also have a significant impact on the country's economy, so it is impossible to overestimate the importance of mechanisms to combat such phenomena. The approaches previously considered in the scientific community are quite multifaceted, however, permanent changes in regulatory legal acts leave a number of issues that require further study and discussion.

Methodology: formal legal method, comparative law method, dialectical method, analysis, synthesis, deduction, systemic method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. Cultural property is a special category of objects (and goods) that have the appropriate legal status, due to which they are used not only within the legal framework, but can also form part of the shadow circulation, which undoubtedly has an impact on the country's economy. In addition, the shadow circulation of cultural property is to a greater extent interconnected with criminogenic phenomena (theft, illegal movement (smuggling), unauthorized excavations, fraud, etc.). In order to counter these phenomena, appropriate combat mechanisms have been established both at the domestic and international levels.

Scientific and practical significance. The circulation of cultural property, due to its special legal status, is divided into: legal (legal) and shadow (illegal), each of which has a number of features. The author analyzed statistical data from open sources, and also considered some issues of modern legal regulation of the movement of cultural property in the context of the integration of states. The study of these processes in the context of permanent legal reforms directly affects the effectiveness of the fight against the shadow circulation of cultural property and the protection of cultural heritage.

Keywords: cultural values, cultural heritage, illegal movement, shadow trafficking, economic security, mechanisms of struggle, procedure for movement, crime phenomena, EAEU, responsibility, international law.

New concept of Russian criminal law policy in the sphere of protection of sexual relations

Kibalnik Alexey Grigorievich

Mission: to analyze the new concept of criminal policy in the sphere of criminal-legal counteraction to crimes of a sexual nature.

Methodology: analysis of scientific activity, identification of a significant contribution to the development of domestic legal science.

Conclusions. The doctoral dissertation of N.V. Tydykova contains the concept of criminalization of acts infringing on sexual relations, differentiation of criminal liability for these crimes. Of scientific interest are proposals for the unification of legislative terminology used to describe various acts of a sexual nature; a conclusion on the need to enshrine in the text of the law the proposed definitions of concepts that have instrumental significance for the qualification of sexual crimes; formulated proposals for the interpretation of the signs of sexual crimes and the application of the rules for the qualification of these acts; the author's approach to their penalization.

The scientific and practical significance of the article lies in the fact that the presented achievements of N.V. Tydykova have serious theoretical and law enforcement significance.

Keywords: sexual crimes, doctrine of criminal law, criminal policy, prospects for the development of criminal law.

Criminal-legal protection of relations in the energy sector

Nudel Stanislav Lvovich, Gorenskaya Elena Vladimirovna, Semykina Olga Ivanovna

Mission: study of the current state and effectiveness of criminal-legal protection of the energy sector (hereinafter referred to as CLPES) taking into account the fact that energy is one of the budget-forming sectors of the national economy, and energy security is an integral element of the most important strategic national priorities of the Russian Federation.

Methodology: dialectical method of cognition, general scientific methods: abstraction, analysis and synthesis, deduction, specification, etc.

Conclusions. The article defines the main provisions of criminal-legal protection of relations in the energy sector (the concept of CLPES is given, its directions are determined, etc.), characterized the consistent criminalization of socially dangerous acts committed in the energy sector, including institutional and situational instruments of influence, identified trends in the development of CLPES, and studied the experience of the countries — participants

of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the CIS). Individual measures to improve CLPES are proposed.

Scientific and practical significance. The conclusions obtained as a result of the study can be used in further scientific discussions related to the improvement of the CLPES and in the process of developing analytical and methodological documents for monitoring the effectiveness of the CLPES.

Keywords: energy, fuel and energy complex, criminal law protection, crime, criminal liability, Commonwealth of Independent States.

Criminal legal means of ensuring criminal policy

Ovchinnikov Sergei Nikolaevich

Mission: is to understand the system of criminal legal means and their impact on penitentiary policy. In this regard, it seems necessary to show the development of criminal legal means from the monistic approach characteristic of the classical school of criminal law to the pluralistic one that permeates modern criminal legal teachings on punishment and reflecting trends in the modernization of criminal and penal legislation.

Methodology: analysis and synthesis, abstraction, comparative legal, historical and some other methods of cognition.

Conclusions. The concept of penitentiary policy in domestic legal science over the last century has evolved from a narrow category — prison policy, limited to measures related to the isolation of convicts from society, to a broader one — penitentiary policy, covering a wide range of measures of criminal legal influence. This process was also reflected in the system of criminal legal means, which, having overcome the monistic framework, formed a pluralistic model.

Scientific and practical significance. The results obtained can be used in the development of criminal law doctrine, aimed at understanding the essence of such categories that are significant for legal science as criminal law means and penitentiary policy. Along with this, on a practical level, theoretical knowledge about the content of penitentiary policy is relevant when developing conceptual provisions that determine the priorities for modernizing the system of execution of criminal penalties and other measures of criminal legal influence.

Keywords: penitentiary policy, criminal legal means, punishment, measures of a criminal legal nature, probation institution.

Carrying out research and development work as an object of assessment by law enforcement and regulatory authorities

Serova Olga Aleksandrovna, Pisarev Georgy Anatolyevich

Mission: determine the main factors in the organization of research and development work that contribute to the commission of offenses in scientific and educational organizations.

Methodology: analysis, analogy, induction, synthesis, description, comparison

Conclusions. Carrying out research and development work requires increased attention to all stages of the organization. It is necessary to strengthen the work of scientific and educational organizations in preparing technical specifications for contracts, create an internal audit in the organization to assess the efficiency of using budget funds and targeted spending, and formulate systematic work to accept the results of research and development work.

Scientific and practical significance. The increase in the volume of government orders and funding for scientific research and development requires increased attention from law enforcement agencies to the activities of recipients of budget funds. An analysis of court decisions related to the investigation of crimes and violation of the procedure for fulfilling obligations to carry out research and development work was carried out. The main violations of established requirements and organizational elements in the work of universities and scientific organizations subject to assessment are identified.

Keywords: scientific research, development work, technical specifications, efficiency of use of budget funds.

Political Criminology on the Active Phase of the War of the Global Oligarchic Power against Russia (2022 — present)

Danilov Andrey Petrovich

Mission: to substantiate the connection between the war actually unleashed against Russia and the criminal activities of the global oligarchic power; to outline measures to ensure effective information and ideological counteraction to attacks on the state.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal legal method, systemic method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. Russia once again in its history finds itself in the most difficult conditions; a war is actually being waged against it. In order to understand how we can withstand and defeat an enemy superior in numbers and strength, it is necessary to identify the organizers of this aggression and organize effective information and ideological counteraction to them.

Scientific and practical significance. Proposals have been formulated aimed at improving international criminal law, criminalizing acts that threaten the sovereignty and security of Russia, as well as theoretical provisions on the formation of a new international judicial system, substantiation of the Russian right of self-defense in order to prevent the threat of an impending attack, measures to de-victimize the population of the Russian Federation in the context of distortion of the historical past.

Keywords: political criminology, war, ideology, information counteraction, oligarchic power.

The reason for the murder of members of the Romanov House in 1918: an attempt at criminological research. Part 3

Moshansky Alexander Borisovich

Mission: criminological investigation of the causes of the murder of members of the Romanov House in the Urals in 1918, as there are many controversial issues that require further study and discussion.

Methodology: general scientific methods, legal and formal legal method, systematic method, method of interdisciplinary research.

Conclusions. The main objective reason for the murder of members of the House of Romanov is a political motive — the elimination of legitimate contenders for state power in the Russian state of that period. At the same time, the main intent is disguised by secondary motives based on motives: political, ideological, social hatred and hostility to the former ruling class, which were formed in Russian society during the “February” revolution of 1917 and subsequent events.

Scientific and practical significance. Revealing the true motives and intent reveals the cause of this resonant and confusing crime. From a practical point of view, the version can be investigated within the framework of the current preliminary investigation into the murder of members of the Romanov House in 1918 in the Urals and Petrograd.

Keywords: Russian Emperor, Perm, Alapaevsk, Yekaterinburg, murder, motive, intent, intent of the crime, legitimacy, Basic State Laws, February Revolution, Constituent Assembly, Soviets, Emergency Commission.

Some indicators of criminological characteristics of the personality of a criminal in the sphere of restriction of competition under Art. 178 of the Criminal Code of the Russian Federation

Troyanov Yaroslav Olegovich, Belov Vladislav Ivanovich

Mission: Study the portrait of a criminal whose actions are aimed at limiting competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation), his features that distinguish him from the subjects of other crimes.

Methodology: analysis, analogy, induction, synthesis, description, comparison.

Conclusions. Cartel participants have specific characteristics, which forms their independent criminological characteristics (portrait).

Scientific and practical significance. Competition is one of the most important factors in the development of states with market economies. In this regard, its protection from unfair attacks that cause harm to the state and other economic entities is important. In accordance with Art. 178 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for criminal liability for restricting competition. At the same time, the practice of bringing cartel participants to criminal liability is quite small (13 convictions for 2022–2023 with 116 statements from the antimonopoly service) despite the fact that the antimonopoly authorities identify a large number of cartels (with signs of the crime in question). Studying the identity of the criminal is one of the most important questions in the crime prevention system; it gives the answer, why and how are these crimes committed. It will allow us to formulate a complex, a system of preventive measures against the manifestation of anti-competitive crimes.

Keywords: cartel, conspiracy, anti-competitive agreement, forensic characteristics, portrait of a criminal, competition, subject of the crime, individual characteristics, economic crimes, crime investigation.

Application of the intelligent detection prediction model “Victoria” towards drug offenses

Vorozhtsova Tatyana Petrovna, Belov Vladislav Ivanovich

Mission: to assess the feasibility of use of the intellectual model of predicting the disclosure rate “Victoria”, developed by the “Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, in the practical activities of internal affairs departments to combat illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances.

Methodology: analysis, analogy, induction, synthesis, description, comparison.

Conclusions. IPM “Victoria” is useful organizing planning by investigators and interrogators of their activities to investigate specific criminal cases of crimes in the field of drug trafficking, however using IPM in the practical activities of departments of internal affairs to counter the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances is ineffective and inexpedient for objective reasons.

Scientific and practical significance. Artificial intelligence is increasingly permeating various aspects of human life and activity. The Ministry of Internal Affairs of Russia is improving the ways of countering crime by applying such methods as usage and application of various databases, information resources, analysis and processing of “big data”, the capabilities of artificial intelligence. Mathematical models are used to forecast the level of crime in the territory of Russian regions, which facilitates distributing forces and means of internal affairs bodies in specific areas and applying them most effectively. The use of the IPM “Victoria” would allow periodic revision of unsolved crimes, including unsolved crimes of past years with a strong prospect of detection, to pay more attention to a particular category of crime. However, from a practical point of view, the use of “Victoria” in the operational and service activities of internal affairs units to combat illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, in our opinion, is impractical.

Keywords: crime detection rate, past crimes, solved crime, drug trafficking, probability of detection, intelligent model, machine learning, statistical cards, unidentified trafficker, anonymization, evidence.

Forensic countering of deepfake disinformation

Bodrov Nikolai Fillipovich, Lebedeva Antonina Konstantinovna

Mission: taking into account the nature of deepfake as a digital product, varieties of generative content created with the help of artificial intelligence technologies to offer some scientific, methodological and practical recommendations for forensic examination of such materials.

Methodology: methods of analysis and synthesis, system method, method of interdisciplinary legal research, methods of linguistic expertise (e. g. auditory-linguistic and instrumental analysis methods)

Conclusions. The study found that insufficient legal regulation and the lack of unified methods of forensic investigation of deepfakes endanger the information security of society. In modern forensic theory and practice there are no developed scientific and methodological approaches to the forensic study of deepfakes. We propose some recommendations within the framework of forensic phonoscopic examination, which should be paid attention to when examining files provided to the expert in digital form.

Scientific and practical significance. The results of the research outlined in the article contribute to the development of methodological approaches to the forensic study of deepfakes, deepening of theoretical knowledge about the problems of deepfakes in the context of law, and practical significance — in the development of recommendations that contribute to the creation of an effective system of legal counteraction to disinformation.

Keywords: deepfakes, generative content, forensic examination, forensic acoustics, content labeling.

Appointment and evaluation of forensic examinations using neural networks

Chernyshev Kirill Alexandovich

Mission: the article is devoted to the issues of automation of the processes of appointing forensic examinations and evaluating expert opinions using artificial neural networks. In order to assist courts and law enforcement agencies in making decisions when appointing examinations, we have developed a 7-stage algorithm consisting of production rules interconnected by a cause-and-effect relationship. Based on the results, the output data from each slot are transferred to the procedural document on the appointment of an examination, which allows us to talk about the automation of their appointment.

Methodology: the scientific basis of the proposed algorithm is the provisions of scientific theories of neural networks, forensic expertology and current legislation. As part of the study, a scientific experiment was conducted on the use of artificial neural networks in the activities of appointing forensic examinations.

Conclusions. The author comes to the conclusion about the possibility of automating the processes of appointing and evaluating forensic examinations using neural networks. To solve the first problem, a step-by-step algorithm of actions is proposed. It is proposed to automate the first stage of the assessment of forensic examinations associated with checking compliance with the requirements of the law when appointing and producing it, since such a check is largely based on procedural laws and materials of the criminal case.

Scientific and practical significance. The author notes the possibility of using unified neural network architectures and training data to solve the problems of assigning and evaluating examinations, which allows us to talk about the possibility of creating a Complex of Automated Assignment and Evaluation of Expertise (CAAEE), which can be integrated with other hardware and software for organizational support of forensic investigative activities.

Keywords: neural networks, expert opinion, assignment of an examination, evaluation of the conclusion, artificial intelligence, automation, forensic activity, forensic examination, proof, expert.

On the prospects of integrating machine learning systems into forensic practice: problems and forecasts

Chistilina Anastasia Sergeevna

Mission: to assess the prospects for the implementation of artificial intelligence technologies in forensic practice, to predict the key difficulties associated with this process, to formulate a specific list of problems, without solving which the introduction of such technologies in forensic examination is not possible.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method.

Conclusions. Among the subsets of artificial intelligence, the greatest attention in terms of usability in forensic practice should be paid to machine learning and its varieties. Theory and practice follow the path of a special role for such a type of machine learning as neural networks. The paper notes that the problem of widespread introduction of machine learning technologies into forensic practice will not be resolved earlier than the urgent problems in the field of standardization of forensic expertise.

Scientific and practical significance. The article examines the main conceptual categories of artificial intelligence technologies, identifies current controversial issues of integrating such technologies into forensic practice, and reveals certain scientific positions. Specific solutions to the identified issues are proposed. The paper indicates that artificial intelligence in forensic activities has a specific dualism — such technologies can act as both a promising tool for research and a source of potential new objects — digital traces. The final list of problems that forensic practice is expected to face on the way to implementing machine learning, as well as their origins, is formulated.

Keywords: forensic examination, forecasting, forecast, digitalization, artificial intelligence, machine learning, standardization.

Review of the round table “Strengthening law and order in the field of fighting crime”

Dolgoplov Kirill Andreevich, Kuzminov Denis Aleksandrovich

Mission: to cover the results of the round table devoted to the problems of strengthening the rule of law and order in the fight against crime, which was held on September 27, 2024 at the Law Institute of the North Caucasus Federal University as part of the II International Legal Forum “Legal Reforms and Modern Technologies: New Challenges and New Opportunities for the States of the Caucasus Region”.

Methodology: the article uses the method of analysis and synthesis of information presented in the speeches of the round table participants. The problematic issues of strengthening the rule of law and order in the fight against crime, which are faced by domestic law enforcement practice, are discussed.

Conclusions. The round table emphasized the need for international cooperation and exchange of views on the most effective means and methods of strengthening the rule of law and order in the fight against crime, improving criminal, criminal procedure, penal and other branches of legislation.

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the article lies in providing a comprehensive analysis of modern problems of strengthening the rule of law and order in the sphere of combating crime and proposals for their solution. The practical significance lies in developing recommendations for improving criminal, criminal procedure, penal legislation and the practice of its application.*

Keywords: *combating crime, strengthening the rule of law and order, law enforcement practice, proposals for legislative improvement of Russian law.*

Overview of the round-table meeting “Topical issues of preventing cyber violations”

Lebedeva Ekaterina Alekseevna

Mission: *to cover the results of the round table on issues of preventing cyber crimes, which was held on October 15, 2024 at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).*

Methodology: *the article uses the method of analysis and synthesis of information presented in the speeches of the conference participants. The main ideas expressed during the discussion on the prevention of cyber violations are presented. Special attention was paid to the comparative legal analysis of the relevant types of offenses.*

Conclusions. *The Conference emphasized the need for cooperation and exchange of views on methods of combating cyber violations, and a thorough study of ways to commit such offenses in order to further counter them.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the article lies in providing a comprehensive analysis of modern problems of preventing cyber violations and suggestions for their solution. The practical significance lies in the development of recommendations for improving administrative, criminal and penal enforcement legislation and improving cooperation in the field of prevention of cyber violations.*

Keywords: *round table, cyber violations, prevention, digital technologies, crimes.*

“The public is more interested in the back of a maniac is more interesting than the face of an operative”. Afterword by Elena Topilskaya

Topilskaya Elena Valentinovna

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации — от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный; абзацный отступ — 1,25 см; поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи — не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов — на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы — даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya ответственnost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)